Залъ III
Шкафъ 4
Полка 1 № 1 (25)

1802 1902

БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

СТОЛѢТІЕ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА

ГЛАВНОЕ ВОЕННО-СУДНОЕ УПРАВЛЕНІЕ
и
ТЮРЕМНАЯ ЧАСТЬ.

Историческій очеркъ.

XII

Н. САМОКИШЪ.

52
572-12-1-1

СТОЛѢТІЕ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА

52
572-12-

1802-1902

Главное Военно-Судное Управленіе

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Книга I.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОРЪ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ **Д. А. Скалонъ.**

СОСТАВИЛЪ ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПРОФЕССОРЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ
ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ **І. А. Шендзиковскій.**

ПОМОЩНИКЪ СОСТАВИТЕЛЯ КАПИТАНЪ **Н. И. Фалѣевъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

ЭКЗЕМПЛЯРЪ
ДЛЯ ВѢЧНАГО ХРАНЕНІЯ

№.....

Образецъ бумаги, на которой напечатанъ настоящій экземпляръ, былъ изслѣдованъ въ Испытательной Станціи Техническаго Комитета Главнаго Интендантскаго Управленія и при этомъ получены слѣдующіе результаты:

	Доставленный при № 364 образецъ бумаги, на которой напечатанъ настоящій экземпляръ.	Нормальныя условія типографской бумаги для вѣчнаго храненія.	
		Для документовъ и изданій, подлежащихъ вѣчному храненію.	Для документовъ и изданій, подлежащихъ болѣе или менѣе долгому храненію.
Составъ бумаги.	чистое тряпье.	чистое тряпье.	тряпье съ примѣсью древесной целлюлозы, допускаемой безъ ограниченія количества, но не должно быть древесной массы.
Разрывная длина.	4666 метр.	3000 метр.	3000 метр.
Растяжимость.	3,49%	2,5%	2,5%
Количество золы.	0,44%	не болѣе 10%	не болѣе 15%
Сопротивленіе излому или гибкость (на машинѣ).	343 обор.	50 обор.	50 обор.
Проклейка бумаги.	хорошая.	—	—

Бумага, доставленная при № 364, по изслѣдованіи оказалась чисто-тряпичная, и всѣ ея качества (разрывъ, растяженіе, количество золы и пр.) даютъ право признать ее вполнѣ пригодною для вѣчнаго храненія.

Извлеченіе изъ отношенія Техническаго Комитета Главнаго Интендантскаго Управленія отъ 17 августа 1902 года, № 1823.

ПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА
ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 2000 ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ,
ИЗЪ КОИХЪ
200—ДЛЯ ВѢЧНАГО ХРАНЕНІЯ
ПЕЧАТЬ ТЕКСТА И КЛИШЕ ТИПОГРАФІИ
ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
СПБ. В. ПОДЪЯЧЕСКАЯ, 39.
1902.

Гос. Публичная Библиотека Ленинградс

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

До-Петровскій періодъ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ военно-судебная, или отправленіе военнаго правосудія касается съ одной стороны воинскихъ преступленій и воинскихъ наказаній, т. е. опредѣленія отвѣтственности военно-служащихъ за дѣйствія, запрещенныя закономъ подъ страхомъ наказанія; съ другой стороны она касается особыхъ военныхъ судовъ, т. е. опредѣленія ихъ состава, подвѣдомственности (подсудности) и порядка производства въ нихъ дѣлъ (процесса).

ПОНЯТІЕ ВОЕННО - СУДЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Въ отношеніи отправленія военнаго правосудія въ русскихъ войскахъ въ самыя первыя времена ихъ существованія, въ видѣ княжескихъ дружинъ и народныхъ ополченій (ряда полчнаго), можно сказать, что въ нихъ несомнѣнно должны были существовать какіе-либо порядки, обыкновенно соблюдаемые на практикѣ, въ качествѣ юридическихъ обычаевъ военно-уголовнаго характера, какъ, напримѣръ, относительно случаевъ военной измѣны, бѣгства съ поля сраженія и т. п.

Съ упроченіемъ государственнаго устройства и введеніемъ грамотности, послѣ принятія христіанства, многіе существовавшіе тогда юридическіе обычаи вошли въ составъ изданнаго по распоряженію князя Ярослава Мудраго сборника, извѣстнаго подъ названіемъ Русской Правды. Но въ Русской Правдѣ, какъ краткой, древнѣйшей, такъ и въ послѣдующихъ спискахъ ея, болѣе обширныхъ, дополняемыхъ отчасти и указною дѣятельностью князей, вовсе не встрѣчается постановленій военно-уголовнаго характера.

ВОЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ XVI СТ.

Послѣ объединенія Руси Московскими великими князьями, въ Судебникѣ Царя и Великаго Князя Іоанна IV 1550 г. (ст. 61) упоминается только о градскомъ сдавцѣ, т. е. начальникѣ, сдавшемъ непріятелю безъ уважительной причины городъ, въ смыслѣ крѣпости. Градскому сдавцу, наравнѣ съ важнѣйшими преступниками и вѣдомыми лихими людьми, полагается «живота не дати, казнити смертною казнію». Затѣмъ объ отвѣтственности военнослужащихъ за нѣкоторыя преступленія и о судебной власти воеводъ въ этихъ случаяхъ говорится въ носящихъ названіе Устава постановленіяхъ о сторожевой и станичной службѣ, составленныхъ извѣстнымъ воеводой княземъ Михаиломъ Воротынскимъ, изданныхъ, съ утвержденія Царя Іоанна Грознаго, 16 февраля 1571 года. Для охраны отъ набѣговъ татаръ открытыхъ границъ Московскаго Государства, чтобы, какъ сказано, „государству было бережнѣе и воинскіе люди на Государевы украйны безвѣстно не приходили,“ на такъ называемой польской украйнѣ, начиная съ половины XIV столѣтія, стали устраивать укрѣпленные городки и цѣлыя линіи ихъ и назначать для несенія сторожевой службы на мѣстѣ и станичной службы для постоянныхъ разъѣздовъ, первоначально такъ называемыхъ городовыхъ казаковъ, а затѣмъ служилыхъ татаръ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ. На основаніи постановленій упомянутаго Устава 1571 г. сторожа, которые сойдутъ съ мѣста, не дождавшись смѣны, въ то время, когда на границу произойдетъ нападеніе непріятеля, подвергаются отъ «Государя и Царя» смертной казни. За оказавшееся по осмотру посланныхъ воеводами дозорщиковъ со стороны сторожей и станичниковъ небрежности и „неусторожливости“, въ особенности, если станичники до означенныхъ имъ въ обѣ стороны урочищъ не доѣзжаютъ, то, хотя бы въ это время и не было опасности отъ непріятеля, виновнымъ опредѣляется наказаніе кнутомъ. Наконецъ, если „сторожи“ не явятся въ срокъ для исполненія своихъ обязанностей, вслѣдствіе чего товарищи ихъ лишніе дни не-

рестоятъ за нихъ на постахъ, то назначается денежное взысканіе съ первыхъ, очевидно въ пользу послѣднихъ. Въ 1577 году, при преемникѣ князя Воротынскаго по завѣдыванію сторожевой и станичной службой—боярину Никитѣ Романовѣ, было издано постановленіе о томъ, что дѣти боярскіе, предназначенные для защиты на случай нашествія непріятеля, если состоятъ на очереди, то не должны отлучаться отъ мѣста своего жительства, отъ домовъ и обязаны являться на службу немедленно по полученіи свѣдѣній о приближеніи непріятеля. За нарушеніе же этого дѣтямъ боярскимъ, неявившимся на службу тотчасъ, если произойдутъ военныя дѣйствія, то полагается отъ Царя и Великаго Князя—смертная казнь, а если военныхъ дѣйствій не будетъ, то имъ назначается за ослушаніе кнутъ и сбавка помѣстнаго и денежнаго оклада, по усмотрѣнію Государя.

Разсматривая исторію военно-судебной части въ Россіи въ Московскій періодъ до начала XVII столѣтія, мы видимъ, что во время господства дружинныхъ отношеній между князьями и служилыми людьми и существованія принадлежащаго послѣднимъ права отъѣзда, ясно выраженнаго въ договорныхъ грамотахъ между князьями („а боярамъ и слугамъ между нами вольнымъ воля"), для служилыхъ людей не должно было существовать преступнаго оставленія военной службы, за которое могли подлежать наказанію только лица, входившія во время войны въ составъ народныхъ ополченій (ряда полчнаго), назначаемыя для исполненія воинской обязанности, согласно постановленію вѣча по этому предмету. Съ усиленіемъ Москвы и по водвореніи византійскихъ порядковъ, право отъѣзда начинаетъ ограничиваться на практикѣ взятіемъ отъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ намѣреніи совершить его, клятвенныхъ записей, обезпеченныхъ поручительствомъ многихъ лицъ съ обязательствомъ уплатить обыкновенно немалую сумму денегъ въ качествѣ «заряда», т. е. неустойки; впослѣдствіи же право отъѣзда стало примѣняться все рѣже и, съ уничтоженіемъ удѣловъ на Руси и въ особенности при Іоаннѣ Грозномъ, отъѣздъ служилаго человѣка считался проявленіемъ измѣны. Совершеніе уклоненія отъ службы сдѣлалось возможнымъ послѣ установленія обязательной службы для большаго числа лицъ, надѣляемыхъ для этого помѣстьями, даваемыми изъ свободныхъ казенныхъ земель, и возложеніемъ обязанности военной службы на владѣльцевъ вотчинъ, а также учрежденіемъ войскъ постоянно-поселеннаго характера, какъ-то: городовыхъ казаковъ, стрѣльцовъ и пушкарей.

Дисциплина была весьма слаба въ ратяхъ удѣльно-вѣчеваго періода,

такъ какъ при патріархальныхъ отношеніяхъ между княземъ и дружиной ей принадлежало какъ-бы право совѣта, и были случаи, когда дружина отказывалась слѣдовать за княземъ въ его военномъ предпріятіи, на томъ основаніи, что онъ «замыслилъ» дѣло самъ безъ ея согласія, и подобные поступки не считались нарушеніемъ дружинныхъ обязанностей. Съ усиленіемъ власти московскихъ князей, дисциплина поддерживалась только присутствіемъ самихъ князей, т. к. по свидѣтельству лѣтописцевъ княжескихъ, воеводъ далеко «не всѣ слушаютъ».

Изъ времени царствованія Іоанна III извѣстенъ случай ослушанія дѣтей боярскихъ, которые, состоя въ Смоленскомъ походѣ въ войскахъ, находившихся подъ начальствомъ сына вел. кн. Дмитрія, ходили на добычу вопреки его запрещенію, за что великій князь, по окончаніи похода, подвергъ ихъ различнымъ наказаніямъ, а именно: кнутомъ и тюремному заключенію. Кромѣ того, поддержанію дисциплины въ войскахъ мѣшалъ установившійся издавна и развивавшійся съ ограниченіемъ права отъѣзда извѣстный обычай мѣстничества между начальствующими лицами, по которому назначеніе на должности зависѣло отъ значенія для службы не даннаго лица, а того рода, къ которому онъ принадлежалъ, и занимаемаго въ немъ этимъ лицомъ положенія, вслѣдствіе чего часто происходили столкновенія между военными начальниками, имѣвшія нерѣдко печальныя послѣдствія для военныхъ дѣйствій. Объявленіе въ Царскомъ указѣ о томъ, что въ данномъ походѣ «быть безъ мѣстъ», мало помогало дѣлу. За неправильныя домогательства, касающіяся мѣстничества, виновные подвергались царской опалѣ, состоявшей иногда въ лишеніи чести, имѣнія и наказаніи тѣлеснымъ, или же въ выдачѣ противнику головою.

Наконецъ характернымъ для разсматриваемой эпохи является отношеніе, существовавшее въ войскахъ къ личности и имуществу жителей театра войны. Образъ веденія войны, какъ у насъ, такъ и на западѣ отличался въ описываемое время опустошительнымъ характеромъ, который объясняется не только стремленіемъ нанести возможно бо̀льшій вредъ противнику, но и желаніемъ вознаградить войска за понесенные ими труды и лишенія, тѣмъ болѣе, что снабженіе войскъ въ то время не было правильно обезпечено, не говоря уже о дозволеніи грабежа и насилія въ случаѣ взятія городовъ приступомъ («на щитъ») послѣ продолжительной осады. Захватъ военной добычи до окончанія битвы и происходившія при этомъ ссоры изъ-за нея бывали иногда причиной пораженій, испытанныхъ русскими войсками.

Сознаніе безнравственности (грѣховности) насилій противъ жителей существовало и тогда, какъ видно, напримѣръ, изъ того, что князь Игорь Сѣверскій, въ приписываемыхъ ему словахъ въ словѣ о полку Игоревѣ, горько раскаявался въ поступкахъ этого рода, приписывая свое нахожденіе въ тяжкомъ плѣну у Половцевъ совершенной имъ когда-то жестокости, при взятіи одного русскаго города приступомъ (на щитъ) въ междоусобной войнѣ. Особенною жестокостью отличались входившія въ составъ русскихъ войскъ, татарскія войска, находившіяся подъ начальствомъ своихъ князей и служебныхъ царевичей. Вслѣдствіе чего мы встрѣчаемъ раньше всего мѣры, направленныя противъ насилій со стороны этихъ татаръ; такъ мы находимъ извѣстіе, что еще во время Новгородскаго похода Іоанна III, татарамъ, дѣйствовавшимъ съ Московскими войсками, даже лишь въ качествѣ союзниковъ, запрещено было забирать въ плѣнъ въ Новгородскихъ земляхъ какъ воюющихъ, такъ и жителей, вѣроятно во избѣжаніе возможности обращенія плѣнныхъ въ магометанство.

Затѣмъ при Великомъ Князѣ Василіи Іоанновичѣ, по договору, заключенному имъ относительно принятія на службу Казанскаго царевича Абдулъ-Летифа, татарамъ его войска между прочимъ были строго запрещены грабежъ, насиліе надъ женщинами и разрушеніе церквей, причемъ нарушители этого запрещенія, пойманные на мѣстѣ совершенія преступленія, могли быть убиты немедленно, «въ чемъ никакой вины нѣтъ», а въ остальныхъ случаяхъ подлежали выдачѣ для наказанія самому Великому Князю. При Іоаннѣ Грозномъ, однако, какъ видно изъ описанія осады Венденскаго замка во время Ливонской войны, 300 нѣмецкихъ рыцарей, не имѣя возможности защищаться, рѣшились взорвать себя съ своими семействами на воздухъ, именно во избѣжаніе насилія надъ своими женами и дѣтьми со стороны татаръ, находившихся въ русскомъ войскѣ.

Но, какъ извѣстно, вообще Іоаннъ Грозный строго наказывалъ за насиліе войскъ противъ своихъ подданныхъ, если на то не было дано особаго приказанія или дозволенія.

Что касается судебной власти и порядка производства суда, то, по словамъ профессора Дмитріева [1]), правило «кто управляетъ, тотъ и судитъ» находило повсемѣстное примѣненіе въ Московской Руси во все это время до XVII столѣтія, вслѣдствіе чего право суда принадлежало князьямъ и

[1]) Дмитріевъ, Исторія судебн. инстанцій, Москва, 1859 г.

ихъ воеводамъ, а въ народныхъ ополченіяхъ (рядѣ полчномъ) ихъ начальникамъ тысяцкимъ и, кромѣ того, лица, входившія въ составъ этихъ ополченій, за нарушеніе своихъ обязанностей могли подлежать, какъ и всѣ граждане, суду народнаго вѣча, какъ это было въ одномъ случаѣ въ XV столѣтіи, когда Кіевляне, защищая дѣло избраннаго ими самими князя Изяслава II, на заявленіе его о томъ, что не всѣ граждане желаютъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, отвѣтили: «выдай ихъ намъ, мы ихъ убьемъ сами». Въ войскахъ же народоправствъ (вольныхъ городовъ) Новгорода и Пскова, въ походѣ вѣче это составлялось для суда изъ всѣхъ находившихся въ данномъ мѣстѣ лицъ, входившихъ въ составъ войска.

Народное вѣче въ городахъ Новгородѣ и Псковѣ немедленно призывало обвиняемаго въ собраніе, гдѣ послѣ непродолжительнаго разбирательства, виновный приговаривался и подвергался тутъ же тѣлесному наказанію, соединяемому иногда съ денежнымъ взысканіемъ, или же — смертной казни.

Таковы отрывочныя свѣдѣнія, касающіяся опредѣленія преступленій и наказаній и устройства суда и порядка производства въ немъ дѣлъ въ русскихъ войскахъ разнаго рода за весь разсмотрѣнный промежутокъ времени до XVII столѣтія. Настоящая же исторія русскаго военно-уголовнаго законодательства можетъ быть начата лишь съ этого столѣтія, преимущественно даже со вступленія на престолъ дома Романовыхъ.

ВОЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ XVII СТ.

Въ XVII столѣтіи Московская Русь, вступивъ въ постоянныя сношенія съ Западно-Европейскими государствами, созпала свою отсталость отъ нихъ въ военномъ отношеніи, вслѣдствіе чего въ ней во-первыхъ—приступлено было къ устройству и обученію войскъ по иностранному образцу и во вторыхъ—сдѣланы были попытки къ заимствованію постановленій иностранныхъ государствъ, какъ военно-административнаго, такъ и военно-уголовнаго характера.

Въ это время, сверхъ существовавшихъ издавна войскъ помѣстныхъ (полковой слу́жбы), стрѣльцовъ, пушкарей и городовыхъ казаковъ, появились полки солдатъ, рейтаръ и драгунъ, получившіе названіе войскъ иноземнаго строя. Полки иноземнаго строя состояли первопачально изъ однихъ иностранцевъ, но затѣмъ пополнялись главнымъ образомъ русскими людьми и вскорѣ пріобрѣли, подобно остальнымъ войскамъ, поселенный характеръ.

Военно-уголовные законы въ это время (въ XVII столѣтіи) входятъ

въ составъ нѣкоторыхъ законодательныхъ памятниковъ національнаго характера или же заключаются въ воинскихъ уставахъ, взятыхъ изъ иностранныхъ государствъ. Иностранцы же, находившіеся въ русской службѣ, судились и наказывались «по своему праву».

Законодательные памятники XVII столѣтія, имѣющіе національный характеръ, состоятъ изъ различнаго рода наказовъ и грамотъ воеводамъ и другимъ лицамъ, и указовъ, издаваемыхъ по разнымъ случаямъ.

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНІЕ 1649 Г.

Но самымъ важнымъ памятникомъ и для военно-уголовнаго права того времени является Соборное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича 1649 года [1]). Постановленія его касательно преступленій и наказаній заключаются преимущественно въ VII гл. «о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства»,—находятся отчасти и въ главѣ II—о государской чести и какъ его государское здоровье оберегать, затѣмъ въ гл. X—о судѣ и въ гл. XXIII—о стрѣльцахъ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И ПРОСТУПКАХЪ ВОЕННОСЛУЖАЩИХЪ.

VII-я глава уложенія состоитъ изъ 32 статей, изъ которыхъ около половины имѣютъ военно-административный характеръ, остальныя же заключаютъ въ себѣ постановленія о преступленіяхъ, совершаемыхъ въ войскахъ исключительно во-первыхъ — во время военныхъ дѣйствій или во вторыхъ — во время отправленія въ походъ или возвращенія изъ него. Сообразно этому преступленія, предусмотрѣнныя въ VII главѣ, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, имѣющія каждая свой особый характеръ.

Къ первой группѣ, т. е. преступленій, совершаемыхъ собственно во время военныхъ дѣйствій, принадлежатъ: I) Военная измѣна, которая состоитъ въ томъ, что «кто учнетъ переѣзжать въ непріятельскіе полки» и «сказывать про вѣсти и про государевыхъ ратныхъ людей», за что положено повѣшеніе въ виду непріятельскихъ полковъ и конфискація всего имущества. Особый видъ военной измѣны предусмотрѣнъ въ гл. II, именно сдача непріятелю города, о которой говорено было еще въ Царскомъ Судебникѣ, за что опредѣлено также повѣшеніе и полная конфискація.

II) Наибольшее количество статей занимаютъ постановленія объ уклоненіи отъ службы. Въ числѣ ихъ предусмотрѣны: 1) Побѣгъ изъ службы, за который окладнымъ служилымъ людямъ полагается наказаніе кнутомъ, а для иноземца и иного кормового человѣка (стрѣльца, казака и даточнаго человѣка) то же наказаніе, но жестокое; относительно же даточныхъ людей по-

---

[1]) П. С. З., т. I. № 1.

ложено еще, что если они не сыщутся, взыскивать съ тѣхъ людей, которые ихъ сдали на службу, по 20 руб. сер. за каждаго бѣжавшаго. Кромѣ того, особое наказаніе за повтореніе побѣговъ назначено для окладныхъ служилыхъ людей, которые за побѣгъ во второй разъ подвергаются сбавкѣ помѣстнаго и денежнаго окладовъ, а за третій побѣгъ лишаются всего помѣстья, которое и обращается въ раздачу. 2) Побѣгъ съ бою «къ себѣ домовъ» наказывается такъ же, какъ и простой побѣгъ—кнутомъ, но пощадно, да кромѣ того, изъ помѣстнаго и денежнаго окладовъ берется половина и часть помѣстья отписывается на государя. Слова «къ себѣ домовъ» какъ бы указываютъ на то, что при побѣгѣ этимъ должно выражаться намѣреніе вовсе уклониться отъ службы. 3) Заявленіе со стороны окладныхъ служилыхъ людей просьбы относительно увольненія ихъ отъ службы подъ предлогомъ старости, увѣчья и болѣзни, когда по осмотру окажется, что имъ на службѣ «быти мочно», то они все-таки не наказываются, но только высылаются на службу. 4) Содѣйствіе къ уклоненію отъ службы, посредствомъ отпуска со службы за посулы, со стороны бояръ и воеводъ, которые имѣли право отпускать лишь по законнымъ причинамъ; бояре и воеводы подвергаются наказанію «жестокому», по усмотрѣнію самого государя; сотенныхъ же головъ, за отпускъ людей безъ государева указа и воеводскаго вѣдома, предписывалось, сказавъ имъ вину при ратныхъ многихъ людяхъ, чинити наказаніе—бити батоги, да вкинути въ тюрьму.

III) Третью категорію нарушеній во время военныхъ дѣйствій составляютъ нарушенія, совершаемыя противъ имущества жителей мѣстности, арміей занимаемой, при чемъ они состоятъ въ одномъ лишь причиненіи имъ убытковъ. Для того, чтобы понять эти постановленія, надо имѣть въ виду, что, согласно Уложенію, служилые люди въ походѣ должны были довольствоваться сами, вслѣдствіе чего они покупали припасы по вольной цѣнѣ, иногда же имъ предоставлено было право пріобрѣтать припасы по указной цѣнѣ, при посредствѣ приставовъ, при томъ изъ числа тѣхъ запасовъ мѣстныхъ жителей, которые будутъ въ излишкѣ за ихъ домашними расходами. За нарушеніе этихъ правилъ полагается только причиненные убытки доправить вдвое. Кромѣ того, за потраву хлѣба и употребленіе его въ кормъ лошадямъ назначено то же самое, но прибавлено еще: «учинить наказаніе по разсмотрѣнію». Въ послѣднемъ случаѣ вѣроятно имѣется въ виду тотъ вредъ, который это истребленіе или нерасчетливая трата продуктовъ приноспли довольствію самой арміи.

IV) Четвертую категорію нарушеній составляютъ преступленія противъ собственности своихъ товарищей: кража оружія и лошади. Эти предметы, какъ извѣстно, и въ дѣйствующихъ военно-уголовныхъ законахъ признаются имѣющими особый характеръ, по ихъ значенію для исполненія служебныхъ обязанностей. Наказанія положены строгія, а именно: за кражу ружья—битье кнутомъ нещадно, а за кражу лошади—отсѣченіе руки. Постановленія эти, какъ видно изъ отмѣтки, сдѣланной въ текстѣ Уложенія противъ статей, въ которыхъ онѣ заключаются, заимствованы изъ Кормчей книги—градскихъ византійскихъ законовъ.

Вторая группа, т. е. преступленія, совершаемыя во время выступленія въ походъ и при возвращеніи изъ него, состоитъ исключительно въ причиненіи насилій и убытковъ жителямъ своей, конечно, земли. При этомъ предусмотрѣно: 1) Когда ратные люди учнутъ ставиться по селамъ для воровства и станутъ убивать, дѣлать насиліе женскому полу, или грабить, травить хлѣбъ, и рыбу вылавливать изъ прудовъ и садковъ, то въ первыхъ двухъ случаяхъ, т. е. убійства и изнасилованія, положена смертная казнь, а въ остальныхъ случаяхъ—наказаніе смотря по винѣ, а убытки всегда взыскиваются вдвое; постановленія эти цѣликомъ заимствованы изъ Литовскаго статута: 2) когда служилый человѣкъ пріѣдетъ къ кому на станъ по недружбѣ нарядомъ дѣломъ для задору и учинится брань и бой, то въ случаѣ убійства и нанесенія ранъ полагается смертная казнь, а если были только причинены побои рукою, или нанесена обида словомъ, то наказывается смотря по винѣ и во всякомъ случаѣ убытки за грабежъ и безчестіе взыскиваются вдвое.

О НАКАЗАНІЯХЪ ВОЕННО-СЛУЖАЩИХЪ.

Изъ обозрѣнія наказаній, положенныхъ въ главѣ VII Уложенія, видно, что они нерѣдко были указаны въ общихъ выраженіяхъ: «смотря по винѣ», «по разсмотрѣнію». Роды наказаній были: 1) смертная казнь, совершавшаяся преимущественно посредствомъ повѣшенія; 2) членовредительное наказаніе—отсѣченіе руки; 3) тяжкое тѣлесное наказаніе—кнутомъ, которое было простое и нещадное; 4) легкое тѣлесное наказаніе—батогами. Тѣлесныя наказанія примѣнялись въ то время ко всѣмъ лицамъ безъ различія званій, и наказаніе батогами назначено сотеннымъ головамъ, принадлежавшимъ къ числу начальныхъ людей, даже именно за преступленія по службѣ. 5) Заключеніе въ тюрьмѣ. Послѣднія два наказанія: батогами и тюремное заключеніе могли быть наложены властью частныхъ начальниковъ (какъ мы увидимъ ниже). Наконецъ, 6) важное значеніе

имѣли взысканія имущественныя. Они состояли: а) въ убавкѣ помѣстнаго и денежнаго оклада и отобранія части или всѣхъ помѣстій, что легко объясняется тѣмъ, что помѣстья давались именно подъ условіемъ исправнаго отправленія службы и не успѣли еще пріобрѣсти тогда характера личной собственности; б) полная конфискація помѣстій и вотчинъ и животовъ, т. е. имущества движимаго. Конфискація этого рода была какъ бы основана на предположеніи о солидарности, существующей между членами рода и семейства. Но уже и въ уложеніи встрѣчается ограниченіе полной конфискаціи. Относительно тѣхъ случаевъ, когда жена и дѣти про измѣну не вѣдали, сказано: «никакого наказанія имъ не чинить» и на прожитокъ выдать имъ изъ помѣстій и вотчинъ, что государь укажетъ; в) денежная пеня, взыскиваемая съ отдатчиковъ въ случаѣ побѣга даточнаго человѣка, о чемъ было упомянуто выше, и г) во многихъ случаяхъ за причиненіе убытковъ полагается взыскивать ихъ въ двойномъ количествѣ въ пользу лица потерпѣвшаго.

Постановленія о преступленіяхъ военно-служащихъ, сверхъ главы VII, находятся въ главѣ II, гдѣ, кромѣ особаго вида измѣны, состоящей въ сдачѣ непріятелю города, говорится еще о запрещеніи въ городахъ и полкахъ приходить къ воеводамъ и приказнымъ людямъ скопомъ и заговоромъ, съ цѣлью убійства ихъ, и положено за эти дѣйствія подвергать смертной казни безъ всякія пощады Эти постановленія суть единственныя, которыя касаются преступленій противъ военной дисциплины, при чемъ они предусматриваютъ лишь самую важную форму ея нарушенія. Въ главѣ X (о судѣ) стрѣльцамъ, пушкарямъ и городовымъ казакамъ, наравнѣ съ лицами низшихъ сословій, положено за причиненіе ими оскорбленій духовнымъ властямъ и думнымъ людямъ—кнутъ и тюремное заключеніе, а за обиды остальныхъ лицъ опредѣлено лишь взыскивать безчестье: за окладныхъ служилыхъ людей—сообразно ихъ окладу, а за всѣхъ другихъ—по особой таксѣ. Но въ главѣ XXIII (о стрѣльцахъ) говорится, что если стрѣлецъ, нанесшій обиду другому стрѣльцу или женѣ его, станетъ бить челомъ, что заплатитъ ему за безчестье печѣмъ, то онъ подвергается въ этомъ случаѣ наказанію кнутомъ, чтобы, какъ тамъ сказано, «ему и инымъ такимъ неповадно было свою братью стрѣльцовъ и женъ ихъ безчестить».

СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Что касается устройства военныхъ судовъ, то изъ Уложенія 1649 г. и другихъ законодательныхъ памятниковъ видно, что войска постоянныя, хотя и поселеннаго характера, и въ мирное время подлежали юрисдикціи

особыхъ судовъ. Но суды эти были повидимому учреждены не съ цѣлью обособленія военнаго сословія или предоставленія ему привилегированной подсудности, а собственно ради удобства въ отправленіи правосудія. Положеніе это подтверждается объемомъ подсудности этихъ особыхъ судовъ, которымъ не были подвѣдомственны дѣла губныя (разбой, татьба съ поличнымъ и т. п.), т. е. важнѣйшія уголовныя преступленія, за которыя военнослужащіе, наравнѣ съ остальными гражданами, подлежали суду особаго рода губныхъ учрежденій. Но съ другой стороны особымъ судамъ подлежали дѣла не только о менѣе важныхъ преступленіяхъ общихъ и преступленіяхъ по службѣ, но и всѣ гражданскія дѣла, съ исключеніемъ дѣлъ о недвижимыхъ имуществахъ. Судебная власть принадлежала тѣмъ лицамъ или мѣстамъ, подъ начальствомъ которыхъ состояли служилые люди, по правилу, «кто управляетъ, тотъ и судитъ».

Органы судебной власти для войскъ въ мирное время могутъ быть раздѣлены на низшіе и высшіе. Къ числу низшихъ судебныхъ органовъ относятся начальники отдѣльныхъ частей войскъ, а именно: стрѣлецкіе головы, потомъ полковники, пушкарскіе, осадные и казачьи головы и полковники войскъ иноземнаго строя (солдатскіе, рейтарскіе и т. п.) относительно лицъ имъ подчиненныхъ. Въ дошедшемъ до насъ наказѣ стрѣлецкому головѣ Дмитрію Дерюову въ 1614 г. сказано: «а будетъ который стрѣлецъ доведется до какой пени и ему Дмитрію ихъ смирять, смотря по винѣ, въ тюрьму сажать или батогами бить, кто чего доведется, а будетъ случиться стрѣльцу на стрѣльцѣ искать, а Дмитрію ихъ судить во всякихъ управныхъ дѣлахъ, опричь разбоя и татьбы съ поличнымъ, а въ татьбѣ и разбою судить воеводамъ, а ему Дмитрію съ воеводами быть тутожъ» [1]). Изъ этого виденъ объемъ судебной власти стрѣлецкихъ головъ и другихъ частныхъ начальниковъ. Судъ отправлялся единолично, но въ съѣзжихъ избахъ. Начальные люди вообще (сотники, ротмистры, поручики) частнымъ начальникамъ были неподсудны.

Мѣстные областные или городовые воеводы, какъ лица, облеченныя военною и гражданскою властью, нерѣдко пользовались правомъ наблюденія за отправленіемъ суда, со стороны находившихся въ ихъ районѣ начальниковъ частей войскъ, что особенно примѣнялось въ областяхъ отдаленныхъ, такъ, какъ видно изъ наказа Архангельскому стрѣлецкому головѣ

[1]) Акты Археографич. Экспедиціи, т. IV, № 34,—Розенгеймъ, стр. 47.

1646 года, что даже о тѣхъ судныхъ и сыскныхъ дѣлахъ, которыхъ онъ не могъ рѣшить самъ, онъ докладывалъ воеводѣ, но «большія» дѣла отсылалъ прямо въ приказъ. Высшимъ родомъ судовъ для войскъ были тѣ приказы, подъ вѣдѣніемъ которыхъ войска находились, а именно: Стрѣлецкій [1]), Казачій, Иноземскій, Пушкарскій и Рейтарскій. Въ Разрядномъ приказѣ судились полковники и вообще высшія начальствующія лица войскъ русскаго строя, подобно тому, какъ въ войскахъ иноземнаго строя эти лица подлежали исключительно суду Иноземскаго приказа [2]), и кромѣ того въ Разрядномъ приказѣ разбирались дѣла о мѣстничествѣ. Войска бывали нерѣдко подсудны не своимъ сословнымъ приказамъ, но тѣмъ, которые были оставлены для высшаго завѣдыванія тою областью, въ которой войска были расположены. Таковы были приказы: Казанскаго дворца, княжества Смоленскаго, Новгородской четверти, Малороссійскій [3]) и т. п. Приказы судили важнѣйшія дѣла въ первой инстанціи и составляли какъ бы вторую инстанцію для дѣлъ, рѣшенныхъ частными начальниками.

Въ военное время войска постояннаго состава сохраняли, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ полковой организаціей и право суда же надъ чинами «полковой службы», окладными служилыми людьми, набираемыми на время военныхъ дѣйствій, и вообще высшимъ органомъ суда въ арміи или отрядѣ былъ воевода [4]), который судилъ лично или поручалъ отправленіе суда своему товарищу или назначаемымъ имъ полковымъ судьямъ. Относительно подсудности въ военное время въ Уложеніи сказано: «а будетъ межъ служилыми людьми какая обида учинится въ полкахъ и ихъ въ такихъ дѣлахъ судити и расправу межъ ними чинити полковымъ воеводамъ или судьямъ, которымъ полковые воеводы прикажутъ» и далѣе говорится, что, если тѣ обиды учинены не въ полкахъ, «и въ такихъ дѣлахъ въ полкахъ никому ни на кого суда не давати, а судити ихъ въ такихъ дѣлахъ на указные сроки, въ тѣ поры какъ имъ государева служба минется» [5]). Правило это очевидно не относится къ войскамъ постояннаго состава, въ которыхъ низшіе суды и въ военное время оставались безъ перемѣны. Суду

---

[1]) П. С. З, т. II, №№ 1072 и 1181..
[2]) П. С. З., т. III. № 1570.
[3]) П. С. З., т. II, № 845, ст. 283.
[4]) Соб. Улож., гл. X, ст. 149.
[5]) Соб. Улож., гл. X, ст. 149, ст. 39.

самого воеводы или его товарища, какъ предполагаетъ г. Розенгеймъ [1]), подлежали высшіе и средніе чины окладныхъ служилыхъ людей, причемъ первые (бояре, окольничьи и стольники) были подсудны ему за всѣ преступленія, а послѣдніе (стряпчіе, жильцы, дворяне московскіе и городовые) только за болѣе важныя преступленія. Низшіе чины служилыхъ людей (дѣти боярскіе) и средніе чины за менѣе важныя нарушенія судились полковыми судьями. О полковыхъ судьяхъ въ Уложеніи говорится весьма мало, причемъ изъ приведенной выше статьи его видно, что полковые судьи находились въ полной зависимости отъ назначавшихъ ихъ воеводъ; но въ Уложеніи упоминается еще о полковыхъ судьяхъ по поводу обязанности наѣзднаго какую либо вещь представлять ее къ явкѣ въ полкахъ воеводамъ, а за ихъ отсутствіемъ—судьямъ или сотеннымъ головамъ, что̀ указываетъ на то, что должность полкового судьи была постоянною, а не учреждалась лишь для каждаго дѣло особо. О судьяхъ, назначаемыхъ воеводами для суда надъ ратными людьми, упоминается въ наказѣ князю Прозоровскому и Кондыреву 1632 г., слѣдовательно еще до изданія Уложенія 1649 г., причемъ сказано было судьямъ этимъ «ратнымъ людямъ ни въ чемъ не наровить» [2]).

Порядокъ судопроизводства въ судахъ для войска едва-ли могъ отличаться отъ общаго какими либо особенностями. Въ нихъ употреблялись вѣроятно тѣ же формы процесса, которыя были приняты тогда вообще, а именно: «судъ» (въ техническомъ значеніи этого слова), т. е. процессъ обвинительный и состязательный, затѣмъ очная ставка, допускавшая большое участіе судьи въ производствѣ дѣла, и наконецъ розыскъ, возлагавшій изслѣдованіе преступленія всецѣло на обязанность должностныхъ лицъ, его производившихъ.

Хотя г. Розенгеймъ находитъ, что въ военныхъ судахъ форма процесса была исключительно розыскною [3]), но предположеніе это ни на чемъ не основано, и напротивъ—изъятіе губныхъ дѣлъ (о разбоѣ и т. п.) изъ вѣдѣнія судовъ для войска должно было вести къ тому, что розыскъ находилъ въ нихъ рѣдкое примѣненіе. Въ военныхъ судахъ къ то время очевидно должны были примѣняться тѣ же судебныя доказательства, какъ и въ су-

---

[1]) Очеркъ исторіи в.-суд. учрежденій въ Россіи до кончины Петра В. СПБ. 1878 г., стр. 49.

[2]) Акты Археографической Экспедиціи, т. III, № 207.

[3]) Очеркъ исторіи, стр. 49.

дахъ общихъ, а именно: признаніе, свидѣтели (особаго рода ссылка на нихъ виноватаго и общая ссылка), повальный обыскъ, письменныя доказательства, жребій и присяга. Относительно послѣдней есть спеціальное постановленіе въ VII главѣ Уложенія, именно, что въ случаѣ причиненія убытковъ ратными людьми, «буде про то сыскать нечѣмъ, и въ томъ дѣлѣ дать судъ, и что по суду и сыску сыщется, въ томъ во всемъ учинити вѣра кресто-цѣлованіе». Постановленіе это заимствовано, какъ и нѣкоторыя другія изъ Литовскаго статута.

УКАЗЫ О ПРЕСЛѢДОВАНІИ ЗА УКЛОНЕНІЕ ОТЪ СЛУЖБЫ.

Изъ числа законодательныхъ памятниковъ, изданныхъ послѣ Уложенія 1649 г., замѣчательна та масса указовъ, которая тянется до самаго XVIII столѣтія, касательно преслѣдованія уклоненія отъ военной службы [1]). Преступленіе это было двухъ родовъ: побѣгъ и нѣтчество. Первое состояло въ оставленіи полка, совершаемомъ всѣми военнослужащими, а послѣднее въ неявкѣ на службу, почти исключительно со стороны окладныхъ людей. За побѣгъ изъ полка наказаніе назначалось иногда согласно Уложенію—битье кнутомъ, иногда же усиливалось для окладныхъ служилыхъ людей еще отобраніемъ всѣхъ или части помѣстій и вотчинъ и даже всякихъ пожитковъ и доходило до смертной казни [2]) а иногда наоборотъ уменьшалось до замѣны кнута батогами, до одного отобранія помѣстій и вотчинъ или перемѣщенія по разряду въ низшую степень (изъ столыниковъ и стряпчихъ—въ городовые дворяне или изъ выбора и двороваго—на службу съ городомъ, изъ полковой службы—въ рейтары или даже написанія въ нѣшую службу въ солдаты [3]).

Наказаніе соображалось иногда съ тѣмъ временемъ, когда былъ совершенъ побѣгъ; такъ въ 1659 году тѣмъ, которые бѣжали изъ полковъ до Конотопскаго боя, оно назначено строже, чѣмъ тѣмъ, которые бѣжали послѣ этого боя. Особенно важнымъ нарушеніемъ считалось, когда кто, «взявъ государево денежное жалованье, на службу не поѣхалъ или поѣхавъ воротился назадъ и на государевой службѣ не былъ», причемъ за это «воровство» (какъ выражаются указы), большею частью, назначалось наказаніе кну-

---

[1]) П. С. З., т. I, №№ 97, 121, 127, 128, 143, 144, 154, 178, 234, 252, 253, 260, 261, 297, 302, 323, 361, 587, 670, 673, 675; т. II, №№ 739, 711, 745, 747, 756, 814, 847, 1096, 1218, 1224, 1280, 1313 и 1327. См. также. Акты Археографической Комиссіи, т. IV, №№ 50 и 70.—Розенгеймъ, стр. 17.

[2]) П. С. З., т. I. №№ 127, 143, 234 и 253.

[3]) П. С. З., т. I, № 260; т. II, №№ 1042, 1097, 1147, 1218, 1313 и 1327.

томъ на козлѣ нещадно. Замѣчательно, что, какъ видно изъ указа 1661 г., строгое наказаніе примѣнялось въ этихъ случаяхъ только тогда, когда въ полкахъ никакой «скудости не было», т. е. не существовало недостатка въ довольствіи. Вообще при уклоненіи отъ службы особеннымъ увеличивающимъ вину обстоятельствомъ считалось повтореніе преступленія. Такъ, по указу 1654 г. за вторичный побѣгъ или неявку полагалась смертная казнь, вмѣсто наказанія кнутомъ, назначеннаго за совершеніе ихъ въ первый разъ.

Нѣтчики наказывались иногда совершенно наравнѣ съ бѣжавшими, иногда же неявка на службу наказывалась легче побѣга и бывали случаи, что нѣтчики даже вовсе не подвергались наказанію, причемъ ограничивались только высылкою ихъ на службу. Кромѣ лицъ, уклонявшихся отъ службы, уставы строго наказываютъ ихъ пристанодержателей и укрывателей, причемъ наказанія были различны, смотря по ихъ званію [1]). Для помѣщиковъ и вотчинниковъ полагалось иногда только отобраніе тѣхъ деревень, въ которыхъ скрывались бѣглые, или же, сверхъ жестокаго наказанія, кромѣ бѣглаго даточнаго, брали за каждаго изъ нихъ еще по лучшему крестьянину, котораго за чужую вину и переселяли вмѣстѣ съ семействомъ, на счетъ помѣщика, въ украйные города на вѣчное житье. Прикащики же во владѣльческихъ селеніяхъ и старосты, и лучшіе люди въ другихъ селеніяхъ и въ городахъ подвергались жестокому наказанію и переселялись сами на границу съ своими семействами, иногда же велѣно было изъ числа ихъ годныхъ къ службѣ брать въ службу вмѣсто укрываемыхъ ими бѣглыхъ и отправлять въ дальніе полки, расположенные на окраинахъ. Правительство, съ другой стороны, нерѣдко стало прибѣгать къ поощренію доносовъ относительно уклоняющихся отъ службы или ихъ укрывателей и пристанодержателей, обѣщая доносчикамъ даже половину отбираемаго отъ виновныхъ имѣнія.

Производство дѣлъ объ уклоняющихся отъ службы лежало на обязанности тѣхъ лицъ, которымъ поручалась ихъ поимка, а именно: городовыхъ воеводъ, сыщиковъ, посылаемыхъ по наказамъ Разбойнаго приказа, и особо командированныхъ лицъ для поимки бѣглыхъ и нѣтниковъ. Всѣ эти лица должны были только снять съ пойманнаго допросъ (кто, какого полка, когда бѣжалъ, гдѣ и у кого жилъ, сколько получалъ денежнаго и кормового жалованья, самъ ли бѣжалъ или по подговору, одинъ или съ

[1]) П. С. З, т. I, № 615.

товарищами, или же былъ отпущенъ за взятки [1]). Изъ самаго допроса и того, что обыкновенно велѣно было спрашивать накрѣпко, видно, что производство дѣлъ о бѣглыхъ имѣло розыскной характеръ и сопровождалось употребленіемъ пытки. «Распросныя рѣчи» отсылались въ Москву, а бѣглый содержался въ тюрьмѣ до окончанія дѣла. Самыя же дѣла о бѣглыхъ и нѣтчикахъ рѣшались большею частью указомъ государя, даваемымъ черезъ Разрядный приказъ (какъ это видно, напримѣръ, изъ указа 1661 г.); но иногда произнесеніе приговора поручалось особо уполномоченнымъ лицамъ, назначавшимъ наказаніе по данному имъ указу (наказъ стольнику князю Волконскому 1659 г.) или даже это возлагалось иногда на городовыхъ воеводъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бѣглые и нѣтчики были поймапы.

ОРГАНИЗАЦІЯ И ОТПРАВЛЕНІЕ ВОЕННО-СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ВЪ ДОНСКОМЪ КАЗАЧЬЕМЪ ВОЙСКѢ.

Въ Донскомъ казачьемъ войскѣ до конца XVII столѣтія сохранялась самостоятельность и оно находилось лишь въ нѣкоторой зависимости отъ Московскаго правительства. По преступленіямъ, совершаемымъ въ войскѣ противъ него или казаковъ, «судъ и расправа чинились по древнему ихъ казацкому обыкновенію», причемъ никакихъ писаныхъ законовъ не было. По тѣмъ же отрывочнымъ даннымъ, которыя на этотъ счетъ имѣются [2]), оказывается, что судъ по менѣе важнымъ преступленіямъ производился выборною войсковою старшиною, именно войсковымъ атаманомъ и есаулами; важнѣйшія же уголовныя дѣла разрѣшались, какъ и всякаго рода важнѣйшіе вопросы, на подобныхъ народнымъ вѣчамъ войсковыхъ кругахъ; круги эти составлялись изъ всѣхъ находившихся на-лицо казаковъ, способныхъ носить оружіе, причемъ войсковая старшина предлагала на разрѣшеніе предварительно принятое ею мнѣніе, что выражалось въ формѣ нѣсколько разъ повторяемаго вопроса «любо-ли? любо-ли?..» Впрочемъ, каждый присутствующій въ кругу могъ оспаривать дѣлаемое предложеніе и высказывать свое мнѣніе. Подобно тому, какъ на народныхъ вѣчахъ, въ кругахъ случались нерѣдко раздоры и драки, происходившіе главнымъ образомъ вслѣдствіе разъединенія, существовавшаго между старыми домовитыми и новоприбывшими, большею частью, изъ числа гонимыхъ или бѣглыхъ людей, такъ называемой голытьбы. Сама войсковая старшина однажды при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ просила царскаго посланца Тарасова, чтобы «государи не велѣли ссылать въ ближніе украйные города, изъ ко-

---

[1]) П. С. 3, т. II, № 998.
[2]) Ригельманъ, Ист. донскихъ казаковъ.

торыхъ они уходятъ на Донъ, всѣ смуты творятъ, въ кругахъ оспариваютъ силу царскихъ указовъ и ворамъ потакаютъ. Намъ, старшинѣ и добрымъ казакамъ, говорить нельзя, потому что всѣхъ насъ побьютъ». Постановленные въ кругахъ приговоры обыкновенно приводились въ исполненіе немедленно. Стрѣльцы, во время своихъ бунтовъ, освободившись отъ власти своего начальства, какъ извѣстно, завели у себя круги „по казачьи“, въ которыхъ, за отсутствіемъ старшины, судили еще болѣе безпорядочнымъ образомъ.

Лица, обвиняемыя въ совершеніи преступленій противъ Московскаго государства, принадлежавшія къ числу природныхъ казаковъ или же бѣглыхъ московскихъ людей, подлежали выдачѣ Московскому правительству, по его требованію, и судились назначенными имъ боярами и воеводами. Вопросъ о выдачѣ преступниковъ рѣшался обыкновенно также въ войсковыхъ кругахъ и большею частью не безъ затрудненія. Отказъ въ выдачѣ этой въ важнѣйшихъ случаяхъ влекъ за собою посылку на Донъ московскаго войска, какъ это случилось впервые при Іоаннѣ Грозномъ, пославшемъ туда съ войскомъ воеводу Ивана Мурашкина, который за грабежъ и другія преступленія перевѣшалъ многихъ виновныхъ, причемъ спасшійся отъ него Ермакъ съ товарищами вскорѣ подвигомъ своимъ заслужилъ царское прощеніе, положивъ основаніе завоеванію Сибирскаго царства. Донской казакъ Стенька Разинъ, когда дѣло его считалось потеряннымъ, во избѣжаніе неудовольствія на войско со стороны Московскаго правительства, былъ задержанъ и отправленъ въ Москву по распоряженію самого атамана Яковлева.

Изъ числа наказаній, примѣняемыхъ на практикѣ въ Донскомъ войскѣ, во главѣ стояла смертная казнь, но только въ простыхъ ея видахъ. У казаковъ, какъ прибрежныхъ жителей, наиболѣе употребительно было совершеніе ея посредствомъ утопленія („въ мѣшокъ, да въ воду“, или „посадить въ воду“), но также назначалось отсѣченіе головы, повѣшеніе за шею или за ноги и, наконецъ, даже разстрѣляніе изъ лука. Затѣмъ примѣнялись и наказанія тѣлесныя: плетьми подъ висѣлицею или въ станичныхъ избахъ всѣмъ обществомъ и наказаніе палками. Существовало еще въ Донскомъ войскѣ особое наказаніе—погруженіе на время въ воду въ платьѣ, для исполненія чего насыпали песку за пазуху. Съ весьма давнихъ временъ встрѣчаются указанія на примѣненіе такъ называемаго „опредѣленія въ яму“, т. е. тюремнаго заключенія, которое назначалось, по всей вѣроятно-

сти, преимущественно въ качествѣ предварительнаго ареста для обвиняемыхъ. Наконецъ, почти всѣ наказанія могли соединяться, въ важнѣйшихъ случаяхъ, съ „грабежемъ пожитковъ“, т. е. конфискаціей движимаго имущества, которое обращалось, однако, не въ войсковую казну, а предоставлялось захвату со стороны всякаго желающаго имъ воспользоваться, какъ при упоминаемомъ въ Русской Правдѣ, потокѣ и разграбленіи.

Законодательные памятники иностраннаго происхожденія.

Законодательные памятники XVII столѣтія иностраннаго происхожденія, дошедшіе до насъ и изданные до единодержавства Петра I, таковы:

I. Уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, касающихся военной науки 1621 г. и II. Ученье и хитрость ратнаго строя 1647 г.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И СОДЕРЖАНІЕ УСТАВА РАТНЫХЪ И ПУШКАРСКИХЪ ДѢЛЪ.

I. Уставъ ратныхъ и пушкарскихъ дѣлъ, какъ видно, является старѣйшимъ изъ этихъ уставовъ. Составленіе его было начато еще при царѣ Василіи Шуйскомъ въ то время, когда знаменитымъ родственникомъ его, Скопинымъ-Шуйскимъ, была сдѣлана первая попытка обученія русскихъ войскъ по иноземному образцу. Въ 1607 г. царь Василій Шуйскій, «желая къ крѣпкому ратному строенію имѣть надежу русскаго царства», поручилъ дьяку Посольскаго приказа, Описиму Михайлову, сдѣлать переводъ съ латинскаго и нѣмецкаго языковъ всякихъ свѣдѣній о различныхъ «ратныхъ хитростяхъ», т. е. военномъ искусствѣ, придуманныхъ «мудрыми и искусными людьми» въ разныхъ государствахъ, причемъ переводчикъ, какъ видно изъ его словъ, пользовался преимущественно «старыми книгами ратнаго дѣла, писанными людьми Цесарской и Ишпанской земли». Составленіе было окончено уже при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ 2 апрѣля 1621 г. и уставъ былъ представленъ царю. Будучи найденъ въ Московской Оружейной палатѣ въ рукописи, въ концѣ XVIII столѣтія, уставъ былъ напечатанъ по распоряженію князя Потемкина въ 1777—1781 г. подъ наблюденіемъ кол. ас. Рубана, извѣстнаго въ литературѣ.

По изслѣдованію г. Бобровскаго, напечатанному въ 1882 году, оказалось, что Уставъ ратныхъ дѣлъ заимствованъ большею частью изъ 2 части Военной книги (Kriegsbuch) Леонгарда Фронспергера, изданной въ Германіи въ 1575 году. Уставъ состоитъ изъ 663 указовъ, или статей, расположенныхъ въ извѣстной системѣ. Большая часть статей заключаетъ въ себѣ научныя и практическія данныя по тактикѣ, артиллеріи и фортифика-

ціи, кромѣ того, не мало статей касается устройства и управленія войскъ; между послѣдними попадаются и постановленія о военно-судной части. По этимъ постановленіямъ судебная власть въ войскѣ была главнымъ образомъ ввѣрена „подрутчику“ большого полковаго воеводы—Полевому Маршалку (т. е. фельдмаршалу). Суду его подлежали дѣла «о смутѣ, розницѣ, межеусобіи и сполохѣ», и при немъ учреждался «ратный (военный) судъ», въ которомъ онъ разбиралъ дѣла самъ. Но «буде какія важныя дѣла объявятся, сказано въ уставѣ, и ему призывать головъ (т. е. капитановъ) и иныхъ разумныхъ людей», такъ что въ этихъ случаяхъ судъ получалъ коллегіальный характеръ. Въ вѣдѣніи полевого маршалка находился большой полковой приставъ, которому принадлежитъ «о воинскихъ судныхъ дѣлахъ, по приказу маршалка, расправляти и никому въ томъ власти не имѣти». У пушкарей судебная власть принадлежала пушкарскому головѣ, причемъ отправленіе суда совершалась черезъ посредство особаго пристава, именуемаго «большой профосъ, сирѣчь судья». Онъ судитъ за всѣ нарушенія указовъ, а также въ безголовныхъ дѣлахъ, и наложенныя имъ наказанія можетъ привести въ исполненіе по докладу о томъ воеводѣ, т. е. вѣроятно пушкарскому головѣ. Впрочемъ, что касается ратнаго (т. е. военнаго) суда и «иныхъ наказательныхъ дѣлъ» (т. е. преступленій), совершенныхъ «видно и ясно», то приставъ (пушкарскаго головы) обязанъ былъ только задержать преступника и «отдать его на судъ полевого маршалка, который по дѣлу указъ учинитъ»... Изъ этого видно, что приставамъ вообще принадлежалъ судъ только по нарушенію указовъ, т. е. вѣроятно полицейскихъ постановленій и по дѣламъ маловажнымъ (безголовнымъ), причемъ приговоры постановлялись ими по указамъ полевого маршалка, или пушкарскаго головы, или докладывались этимъ лицамъ до ихъ исполненія.

Въ уставѣ находится 29 статей, именуемыхъ Пушкарскими, или статейною росписью пушкарскою, изъ которыхъ большая часть имѣетъ военно-уголовный характеръ. Въ первыхъ 16-ти статьяхъ говорится о преступленіяхъ, совершеніе которыхъ возможно лишь со стороны однихъ пушкарей, а въ 1 статьяхъ (изъ которыхъ одна сама состоитъ изъ 18 указовъ или статей)—о преступленіяхъ обще-военнаго характера. Пушкарскія статьи, какъ оказывается, были заимствованы изъ находящагося въ упомянутой книгѣ Фронспергера артикула для артиллеристовъ (Kriegs Artikel der Büchsenmeister). Подобные артикулы (der Büchsenmeister Artillerie Bedienter), вслѣдствіе исключительнаго положенія лицъ, служившихъ въ артиллеріи, имѣли

особый характеръ и въ XVI и XVII столѣтіяхъ существовали во многихъ государствахъ Германіи и вообще западной Европы. Впрочемъ статьи о преступленіяхъ обще-воинаго характера имѣютъ много общаго съ изданными императоромъ Максимиліаномъ II въ 1570 г. артикулами для остальныхъ двухъ родовъ оружія: пѣхоты (ландскнехтовъ) и для кавалеріи (рыцарей). Многія пушкарскія статьи заключаютъ въ себѣ одни только предписанія или запрещенія безъ означенія за нарушеніе ихъ какого либо наказанія. Затѣмъ, кромѣ случаевъ, когда назначается смертная казнь, наказанія указываются постоянно въ крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ, (какъ напр.: по обстоянію дѣла, по наказанію достойному, по наказанію великому и жестокому). Изъ числа причинъ, вліяющихъ на наказуемость, говорится о совершеніи преступленія въ состояніи опьяненія слѣдующее: «Да аже будетъ кто, что до пьяна не учинитъ и зачнетъ, и его смирити тѣмъ дѣломъ, какъ бы онъ въ трезвѣ учинилъ [1]). Кромѣ того, въ уставѣ есть замѣчательное постановленіе объ освобожденіи отъ наказанія въ случаѣ, если совершившій преступленіе, не только пушкарь, но пѣшій или конный человѣкъ, прибѣжитъ къ снаряду; тогда ему дается «вольности на день и на ночь на двадесять четыре часа, потомъ его отпустятъ», — такъ что орудію предоставлено было право убѣжища, принадлежавшее въ древности только храмамъ [2]). О существованіи этого правила въ западной Европѣ въ началѣ XVI вѣка свидѣтельствуетъ отзывъ современника, но оно примѣнялось тамъ ко всякаго рода преступникамъ, за исключеніемъ однако дезертировъ. Въ артикулахъ императора Максимиліана II 1570 г. о правѣ убѣжища уже не упоминается. Въ пушкарскихъ статьяхъ изъ числа преступленій, совершеніе которыхъ возможно со стороны однихъ пушкарей, предусмотрѣны во первыхъ—отлучка отъ орудія безъ разрѣшенія (ночью или днемъ, для грабежа или полученія добычи, или въ загонъ для пріобрѣтенія корма и особенно во время штурма города) и во вторыхъ—неисполненіе правила о содержаніи орудія въ постоянной готовности для стрѣльбы, при расположеніи въ виду непріятеля, и растрата необходимыхъ для стрѣльбы принадлежностей. Преступленія эти запрещены подъ угрозою смертной казни, («по заповѣди казни смертныя»). То же наказаніе положено и за важнѣйшія преступленія обще-военнаго характера, а именно: 1) сношеніе съ ли-

---

[1]) Ст. 3, ч. 4-я.
[2]) Ibid., ст. 8

цами, находящимися въ непріятельской странѣ, безъ разрѣшенія начальства; 2) причиненіе напрасной тревоги (посредствомъ стрѣльбы, шума или драки) при расположеніи въ виду непріятеля, когда разставлены сторожевые посты, и 3) ограбленіе церквей или даже занятіе ихъ подъ квартиры и разореніе мельницъ.—Наконецъ изъ числа менѣе важныхъ преступленій, за которыя не положено опредѣленнаго наказанія, въ пушкарскихъ статьяхъ помѣщены: 1) нарушенія военной дисциплины, состоящія въ ослушаніи или неисполненіи приказаній; 2) самовольное оставленіе службы (безъ отпросу и безъ отпускныхъ); впрочемъ въ случаѣ неуплаты въ срокъ жалованья предписывается «въ терпѣніи пребыти мѣсяцъ», по истеченіи котораго, значитъ, дозволялось уйти изъ службы безнаказанно. 3) Разнаго рода нарушенія воинскаго благочинія, къ которымъ можно причислить и незаконное сожитіе неженатаго пушкаря, за что полагается изгнаніе его отъ орудія и товарищей, очевидно, какъ за дѣяніе грѣховное и позорящаго свойства [1]), и 4) преступленія противъ мѣстныхъ жителей, относительно чего сказано: «да въ дружней или супостатней землѣ чинити пощады: родильницамъ, старымъ, юнымъ, убогимъ людямъ и ихъ ни разорити, ни грабити, ни крови ихъ ни пролити», подъ опасеніемъ за то достойнаго наказанія: въ другой статьѣ говорится, чтобы безъ особаго приказанія не забирать въ плѣнъ, не жечь и не брать поборовъ съ жителей, но при этомъ никакого наказанія не назначено.

УЧЕНЬЕ И ХИТРОСТЬ РАТНАГО СТРОЯ.

II. Уставъ этотъ, напечатанный въ Москвѣ въ 1647 году, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, очевидно, иностраннаго происхожденія и, по мнѣнію г.г. Обручева и Карцова, есть переводъ устава, изданнаго императоромъ Карломъ V, а по мнѣнію г. Забѣлина—есть переводъ книги, составленной капитаномъ датской службы, Вальгаузеномъ, и, судя по частымъ обращеніямъ «къ рачительному читателю», заимствованъ изъ какой-либо «воинской книги», подобно уставу ратныхъ дѣлъ 1621 года.

Ученье и хитрость ратнаго строя есть собственно строевой пѣхотный уставъ, въ которомъ относительно военно-судной части встрѣчается только упоминаніе о должностяхъ «полковаго профоса съ товарищи и полковаго судьи съ товарищи» и судномъ писаремъ или секретаремъ и означеніемъ полагаемаго имъ содержанія. Кромѣ того въ немъ говорится о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ нарушеніяхъ караульной службы, за которыя наказанія ука-

[1]) Ст. 2.

заны большею частью въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ (жестокое, на образецъ и т. п.) и тамъ же заключается курьезное постановленіе о томъ, что «круговой обводчикъ» (патруль) долженъ стараться подкрадываться незамѣтнымъ образомъ къ часовому, при чемъ, если онъ застанетъ послѣдняго спящимъ, то можетъ бить его «до улогу», т. е. пока тотъ не сляжетъ, или же можетъ захватить отъ часоваго ружье и доставить его, въ качествѣ поличнаго, на главный карауль. Наконецъ, говоря о походѣ, въ Уставѣ сказано о томъ, чтобы солдаты «на сторону на шарпанье не ходили», отставая отъ своей части подъ разными предлогами, т. е. собственно о мародерствѣ. Наблюденіе за предупрежденіемъ и пресѣченіемъ этого дѣянія, по уставу, должно лежать на начальникахъ всѣхъ степеней («урядникахъ великихъ и малыхъ»), и полагается за этимъ «профосу надзирати и палачемъ смирять, желѣзами или петлею», такъ какъ «шарпанье» такого рода «въ обычаѣ», вслѣдствіе чего «подъ смертною казнью заказано». Строгость наказуемости за это преступленіе объясняется вредными послѣдствіями его, которыя заключаются во-первыхъ, въ томъ, что оно состоитъ въ грабежѣ мѣстныхъ жителей, во-вторыхъ тѣмъ, что солдаты могутъ быть за это убиты мѣстными жителями и въ-третьихъ, что̀ хуже всего, именно что такіе отставные могутъ попасть въ руки непріятеля, который, посредствомъ пытокъ, въ состояніи будетъ получить отъ нихъ свѣдѣнія о войскѣ. Къ этому уставъ добавляетъ, что начальники сами виноваты «въ шарпаньи», если солдатъ своихъ «жесточію не унимаютъ» и замѣчаетъ, что иногда капитаны нарочно «щадятъ» ихъ съ корыстною цѣлью, такъ какъ солдаты эти являются для нихъ «лучшими пчелами, которыя имъ лучшій медъ приносятъ». Ученье и хитрость ратнаго строя 1647 года подало поводъ къ предположенію о томъ, что еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ изданъ настоящій, полный Воинскій Уставъ, такъ какъ Петръ I, въ предисловіи къ своему Воинскому Уставу 30-го марта 1716 г., говоритъ о какомъ-то Уставѣ, изданномъ при его отцѣ, но о несостоятельности этого предположенія будетъ сказано ниже.

Военные суды и законы для иностранцевъ, находившихся въ русской военной службѣ.

ВОЕННАЯ ЮСТИЦІЯ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

Иностранцы изрѣдка появляются на военной службѣ въ Россіи цѣлыми частями войскъ въ XVI столѣтіи и встрѣчаются въ русскихъ войскахъ при всѣхъ государяхъ, начиная съ Іоанна Грознаго. Въ царствованіе Василія

Шуйскаго правительство пользуется значительнымъ отрядомъ шведовъ, находившихся подъ начальствомъ Делагарди, и главный воевода, знаменитый Скопинъ-Шуйскій, при ихъ участіи дѣлаетъ попытки, хотя бы наскоро, обучить свои войска по иностранному образцу, но бунтъ этихъ полковъ, помѣшавшій движенію на освобожденіе Москвы, и вообще ихъ поведеніе показали Россіи, что на помощь иноземныхъ наемниковъ въ войнѣ разсчитывать трудно, вслѣдствіе чего неудивительно, что въ смутное время извѣстный предводитель народнаго ополченія, князь Пожарскій, даже въ самое тяжелое время, отказался воспользоваться услугами иностранныхъ отрядовъ и отвергъ предложеніе на этотъ счетъ, сдѣланное Эстономъ и Гилемъ въ августѣ 1612 года. Затѣмъ наемъ иностранцевъ на военную службу производился въ большомъ размѣрѣ при Михаилѣ Федоровичѣ въ 1631 году, когда были посланы для вербовки въ разныя государства иностранные полковники Леслн и Ванъ-Даммъ, которымъ поручалось нанять въ службу нѣсколько тысячъ солдатъ «добрыхъ и ученыхъ». Участіе этихъ иноземныхъ полковъ въ Смоленскомъ походѣ 1632 года въ войскахъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ боярина Шеина, не оправдало, однако, возлагавшихся на нихъ надеждъ. Между иноземными начальниками происходили несогласія, дошедшія до того, что полковникъ Леслн застрѣлилъ на глазахъ самого Шеина англійскаго полковника Сандерсона; затѣмъ не рѣдки были переходы этихъ наемниковъ на сторону непріятеля, непослушаніе главному начальнику и наконецъ побужденіе его съ ихъ стороны къ сдачѣ на капитуляцію, за которую, какъ неуважительную, Шеинъ понесъ впослѣдствіи смертную казнь.

При значительномъ различіи, существовавшемъ между русскими и иностранцами относительно религіи, языка, происхожденія, степени и характера образованности и при отдаленности Россіи и крайнемъ неудобствѣ въ то время средствъ сообщенія и сношенія, составъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ для поступленія въ русскую военную службу, въ общемъ не могъ быть удовлетворителенъ. Къ людямъ этимъ принадлежали большею частью разные авантюристы, но, впрочемъ, являлись иногда искать счастья и лица достойныя, гонимыя въ своемъ отечествѣ вслѣдствіе религіозныхъ или политическихъ причинъ. Поэтому между иностранцами въ русскихъ войскахъ встрѣчались личности, которыя, въ особенности впослѣдствіи, при Петрѣ Великомъ, оказали немаловажныя услуги, какъ войскамъ, такъ и вообще Россіи, каковы, напримѣръ: Виніусъ, Гордонъ, Боуръ, Вейде и

другіе. Нѣкоторые иноземцы, вмѣсто жалованья, надѣлялись помѣстьями, оставаясь жить въ Россіи навсегда, и носили названіе иноземцевъ «стараго выѣзда», ничѣмъ не отличаясь по правамъ отъ русскихъ людей. Иноземцы же вновь прибывшіе, такъ называемые «новаго выѣзда», состоявшіе на жалованьи (кормовые), находились на особомъ положеніи. Иноземцы эти, временно пребывающіе въ Россіи, пользовались льготой судиться по своимъ законамъ, «по своему праву», подобно тому, какъ это было принято въ то время во всѣхъ государствахъ Западной Европы. Относительно подданныхъ Священной Римской Имперіи существовалъ даже указъ о дозволеніи поступать въ службу другихъ государей не иначе, какъ подъ условіемъ соблюденія имперскихъ постановленій. При разнообразіи состава полка обыкновенно принято было примѣнять законы той націи, къ которой принадлежалъ набиравшій полкъ военачальникъ. Правила эти должны были быть соблюдаемы и въ Россіи, но только у насъ въ войскахъ иноземцы, наравнѣ со всѣми остальными военно-служащими, подлежали суду губныхъ учрежденій за важнѣйшія преступленія (разбой, татьба съ поличнымъ и т. п.). Объ учрежденіи особыхъ военныхъ судовъ западно европейскаго характера въ полкахъ, составленныхъ изъ однихъ иноземцевъ, встрѣчается указаніе уже въ 1631 году въ штатѣ полка, формированіе котораго было поручено полковнику Лесли; въ штатѣ этомъ упоминается должность Regimentschultheis, т. е. полковаго шультгейса или судьи. Въ полку другого полковника Дегеберта (какъ видно изъ наказа ему 1633 года) были профосы. Наконецъ, въ наказѣ главному начальнику въ Смоленскомъ походѣ боярину Шеину въ 1632 году имѣется указаніе, что такъ называемый «нѣмецкій судъ», т. е. для иноземцевъ, былъ учрежденъ въ войскахъ его при лицѣ, завѣдывающемъ кормовыми деньгами и раздачею жалованья. Впослѣдствіи въ войскахъ иноземнаго строя: солдатскихъ, рейтарскихъ, драгунскихъ и т. п., состоявшихъ главнымъ образомъ изъ русскихъ людей и иностранцевъ, первые судились по русскимъ законамъ, а послѣдніе — по «своему праву». Особые суды въ войскахъ для иноземцевъ продолжали существовать до самаго конца XVII столѣтія и находились въ вѣдѣніи Иноземскаго приказа, какъ это видно изъ того, что назначенная Петромъ I для составленія новаго уложенія комиссія, такъ называемая Палата объ уложеніи, въ теченіе 1700—1703 годовъ требовала неоднократно объ нихъ свѣдѣнія изъ этого приказа. Особая юрисдикція для иностранцевъ, находившихся въ русскихъ войскахъ, представляла немалыя неудобства,

въ особенности въ случаяхъ совершенія преступленій по службѣ или направленныхъ противъ правъ русскихъ подданныхъ, вслѣдствіе чего, на практикѣ, она, постоянно съуживаясь, ограничивалась впослѣдствіи, къ концу XVII столѣтія, вѣроятно, лишь дѣлами гражданскими и уголовными дѣлами иноземцевъ между собою.

ВЫВОДЫ.

1) До XVII-го столѣтія въ Россіи отправленіе военно-уголовнаго правосудія совершалось на основаніи обычаевъ военно-уголовнаго характера, такъ какъ военно-уголовныхъ законовъ не существовало, кромѣ незначительнаго числа постановленій Судебника 1550 года и Устава сторожевой службы 1571 года.

2) Законодательные памятники національнаго происхожденія XVII ст. состоятъ во первыхъ изъ частей Соборнаго Уложенія 1649 г., въ особенности главы VII-й, предусматривающей небольшое число преступленій, совершаемыхъ во время военныхъ дѣйствій или во время выступленія въ походъ или возвращенія изъ него, и во вторыхъ—изъ многихъ указовъ, касающихся, преимущественно, преслѣдованія уклоненія отъ военной службы.

3) Законодательные памятники иностраннаго происхожденія состоятъ изъ переводовъ иностранныхъ сборниковъ свѣдѣній о военномъ дѣлѣ, заключающихъ въ себѣ, между прочимъ, постановленія военно-уголовнаго характера, при чемъ они не были, примѣняемы на практикѣ.

4) Иностранцы, находившіеся въ русской военной службѣ, подлежали дѣйствію своихъ законовъ.

Н. Самокишъ.

ГЛАВА II.

Царствованіе Петра Великаго.

ПРИ ПЕТРѢ I Россія вступила въ систему европейскихъ государствъ и пріобрѣла въ ней немаловажное значеніе, которое зависѣло преимущественно отъ учрежденія многочисленной по тому времени, постоянной регулярной арміи. Приступая къ учрежденію этой арміи, для упроченія ея устройства и приданія ему настоящаго «регулярства», геніальный монархъ не замедлилъ озаботиться снабдить ее положительными военными законами, касающимися правъ и обязанностей лицъ, ее составляющихъ, и отвѣтственности и порядка производства дѣлъ, въ случаѣ совершенія ими преступныхъ дѣяній, т. е. установить для нея законы военно-уголовные.

СТАТЬИ ВОИНСКІЯ.

Совершенно естественно, что, какъ было и прежде, сначала пришлось воспользоваться готовыми образцами на этотъ счетъ, существовавшими въ то время во множествѣ въ Западной Европѣ. Съ этою цѣлью, для лучшаго

ознакомленія на мѣстѣ съ существовавшими тамъ военными порядками, былъ посланъ за границу одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ царя, гвардіи маіоръ, бригадиръ арміи Адамъ Вейде. Онъ отправился по приказанію Петра I-го въ 1696 году въ Священную Римскую имперію, собственно въ Австрію («цесарскую землю»), откуда до тѣхъ поръ пытались у насъ заимствовать всѣ свѣдѣнія о «ратныхъ хитростяхъ», т. е. военномъ дѣлѣ (Уставъ ратныхъ дѣлъ и Ученье и хитрость ратнаго строя) въ XVII столѣтіи, при чемъ Вейде находился въ Венгріи при войскахъ знаменитаго полководца того времени, принца Евгенія Савойскаго, дѣйствовавшаго противъ турокъ. По возвращеніи своемъ въ Россію въ 1699 году, Вейде представилъ Петру I-му какія-то статьи «для утвержденія порядка и дисциплины при обученіи новоучрежденной пѣхоты», изъ которыхъ, по всей вѣроятности, были составлены дошедшія до насъ: «Статьи Воинскія, какъ надлежитъ солдату въ житіи себя держать и въ строю, и во ученіи, какъ обходится». Въ статьяхъ этихъ, числомъ всего семь, заключаются самыя краткія постановленія о главнѣйшихъ обязанностяхъ собственно нижнихъ чиновъ въ отношеніи поведенія и исполненія службы строевой и караульной въ мирное время и послѣдней—даже въ военное время. Въ нихъ предусмотрѣны: несвоевременная явка въ строй, за которую въ первый и второй разъ полагается «взять за карауль», т. е. подъ арестъ на 1 или 2 сутокъ и кромѣ того пошеніе мушкетовъ по 3—5 штукъ, по два часа, съ двухчасовыми промежутками; за совершеніе же въ третій разъ назначено наказаніе «спишъ-рутепъ»; наконецъ,—нарушеніе тишины и порядка во фронтѣ, за которое солдатъ полнаго оклада полагается написать въ племянничій окладъ (т. е. рекрутскій), а солдатъ племянничьяго оклада «бить батоги». За повтореніе же этихъ поступковъ всѣмъ солдатамъ назначается наказаніе шпицрутенами.

Затѣмъ говорится о поведеніи солдатъ, именно: чтобы они жили смирно и озорничества и обидъ хозяевамъ не чинили, за нарушеніе чего полагается наказаніе «по винѣ смотря», и о запрещеніи пьянства «гульбы», «рѣзни» (рѣзаться ножами) и «зерни» (игры въ зерна на деньги), за что назначено «жестокое наказаніе», вѣроятно, шпицрутенами. За воровство (понимая его въ обширномъ смыслѣ) и винную продажу (корчемство) положено бить кнутомъ нещадно и ссылать на вѣчное житье, куда не указано. Наконецъ, большинство постановленій посвящено нарушеніямъ караульной службы, относительно которой сказано, что при назначеніи въ карауль нужно являться тотчасъ и о запрещеніи часовымъ выпускать ружье изъ

рукъ и отдавать его кому-либо, хотя бы и своимъ начальникамъ, и оставлять постъ безъ разрѣшенія своего ефрейтора или капральнаго (т. е разводящаго); за опаздываніе въ караулъ назначено почти такое же наказаніе, какъ и за несвоевременную явку въ строй, а за остальныя нарушенія караульной службы — «жестокое наказаніе». Если же всѣ упомянутыя нарушенія этой службы будутъ совершены въ виду непріятеля, то за нихъ опредѣляется смертная казнь. При назначеніи «жестокаго наказанія» и наказанія шпицрутенами большею частью сдѣлана прибавка «и отъ полку будетъ отставленъ», показывающая, что статьи во многомъ были буквально заимствованы изъ иностранныхъ постановленій, предназначенныхъ для войскъ, въ которыхъ нижніе чины служили по найму. «Статьи воинскія» полагалось читать два раза въ недѣлю и «каждому солдату на память имѣть». Такого рода краткія и далеко несовершенныя постановленія подъ названіемъ «солдатскія права» были выданы для руководства генералу Автомону Головину, когда ему было поручено формированіе первыхъ солдатскихъ полковъ постояннаго войска, и примѣнялись на дѣлѣ, какъ видно изъ донесенія царю Головина, въ письмѣ его отъ 23 Марта 1700 года, относительно того, что по нимъ солдатамъ Преображенскаго полка «за многое ихъ гуляньe, и за пьянство, и за зернь, и за многіе иѣты учинено наказаніе шпицрутенами».

ВОИНСКІЙ УСТАВЪ ВЕЙДЕ.

Кромѣ того, Вейде представилъ Воинскій Уставъ, касающійся военно-административныхъ законовъ и строеваго устава. Изъ Воинскаго Устава его сохранилась только часть, напечатанная впослѣдствіи, по повелѣнію Императора Николая I-го въ 1841 г. Въ этой части относительно законовъ военно-уголовныхъ, при перечисленіи обязанностей разныхъ должностныхъ лицъ, сказано о Генералъ-Аудиторѣ, что онъ „у всѣхъ иноземцовъ зѣло во употребленіи, какъ воинская дума отправлена бываетъ, то собирать онъ всѣ голосы и чинить выписку изо всѣхъ ихъ доношеній; онъ изображаетъ такожъ винному, противъ воинскихъ артикуловъ или правъ, приговоръ и осужденіе: и подобаетъ ему правдивому человѣку и книгъ читателю быть, и воинскіе правы изустъ основательно разумѣти".

Далѣе говорится, что состоящій въ его вѣдѣніи „судебный писарь" долженъ исполнять обязанности аудитора въ низшемъ военномъ судѣ, какъ генералъ-аудиторъ исполняетъ въ высшемъ военномъ судѣ. Наконецъ Вейде, какъ видно изъ переписки[1]) его съ Царемъ въ 1699 году (13 Іюля) при-

[1]) Кабинетныя дѣла импер. Петра В. 1699 г., Отд. II, кн. 53, во время нахожденія подъ Азовомъ См. Розенгеймъ, 64.

готовлялъ и „статьи или артикулы, какое кому наказаніе за вины“ и какъ пишетъ, „то все сдѣлалъ съ полнымъ указомъ, какъ у прочихъ великихъ государей въ обыкновенности есть, сіе до милости Вашей послалъ. Извольте пожаловать съ самаго съ начала, все съ ряду велѣть прочитать, то возможно видѣть, что послѣ чего послѣдуетъ и что милости Вашей годно и негодно будетъ; только чаю не безъ прегрѣшенія былъ для того, что еще не прочтено и съ подлинною сличить не успѣлъ. Стану еще готовить, чтобы подлинно справно было“. Вскорѣ послѣ этого Вейде въ битвѣ подъ Нарвой попалъ въ плѣнъ къ шведамъ и пробылъ въ немъ до 1710 года, вслѣдствіе чего за все это время лишенъ былъ возможности принимать участіе въ начатомъ имъ дѣлѣ составленія воинскихъ уставовъ.

До появленія знаменитаго Воинскаго Устава 1715—1716 годовъ, положившаго основаніе всему нашему послѣдующему военному и военно-уголовному законодательству при Петрѣ I, въ XVIII столѣтіи было издано два военно-уголовныхъ устава, которые, подобно тому, какъ и прежде, были составлены изъ иностранныхъ источниковъ, но несомнѣнно примѣнялись на практикѣ. Уставы эти носятъ названіе: 1) Уложеніе или право воинскаго поведенія и 2) Краткій артикулъ.

ПРАВО ВОИНСКАГО ПОВЕДЕНІЯ.

„Уложеніе, или право воинскаго поведенія генераламъ, среднимъ и меньшимъ чинамъ и рядовымъ солдатамъ“, напечатано не было, но было извѣстно въ концѣ XVIII-го столѣтія г. Шмидту, который въ изданной имъ на нѣмецкомъ языкѣ (и переведенной на русскій языкъ) «Исторіи происхожденія регулярнаго войска и флота въ Россіи» [1]), выразилъ мнѣніе, что Уложеніе это было издано еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ наше время, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, г. Розенгеймъ нашелъ въ Публичной Библіотекѣ списокъ этого Уложенія съ такого рода надписью фельдмаршала Шереметева: «Исполняя указъ Великаго Государя, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества и Самодержца, подписалъ я, вѣрный рабъ и наименьшій региментарь надъ войски помянутаго Монарха своего». «Сей артикулъ ради лутчества подтвержденія подписалъ рукою своею, да неотмѣнно будетъ сей указъ состоятелнъ, Борисъ Шереметевъ».

[1]) „Начертаніе о началѣ и успѣхахъ въ устроеніи регулярнаго войска и морского флота въ Россіи“. Изд. магистра философіи Фридриха Шмидта, переведено съ нѣмецкаго на россійскій языкъ коллежскимъ асессоромъ Василіемъ Ивановымъ. Москва, 1798 г Библіотека Главн. Штаба, № 10—5—17.

Изъ такой надписи г. Розенгеймъ [1]) заключаетъ, что Уложеніе было издано съ разрѣшенія Государя фельдмаршаломъ Шереметевымъ для подвѣдомственныхъ ему войскъ. Затѣмъ г. Розенгеймъ, имѣя въ виду, что нумерація статей въ Уложеніи идетъ неподрядъ, и судя по характеру его постановленій, предполагаетъ, что Уложеніе составляетъ простой переводъ какого-либо иностраннаго устава, при чемъ, вѣроятно, выпущены были тѣ статьи, которыя почему либо находили непригодными для русскаго войска. Съ открытіемъ мною въ 1880 году сборника иностранныхъ военно-уголовныхъ законовъ конца XVII и начала XVIII столѣтія, носящаго названіе «Corpus juris militaris novissimum», изданій разныхъ годовъ, съ 1679 по 1721 годъ, вопросы эти можно рѣшить съ большею основательностью.

ПОИСХОЖДЕНІЕ УЛОЖЕНІЯ.

По сравненію Уложенія съ разными военно-уголовными уставами Западной Европы, оказывается, что содержаніе его было заимствовано несомнѣнно изъ Датскихъ воинскихъ артикуловъ короля Христіана V-го, 9 марта 1683 года, вслѣдствіе чего Уложеніе наше никакъ не могло быть издано при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Заимствованіе у насъ постановленій Уложенія изъ Даніи объясняется близостью этой страны и союзными въ то время отношеніями съ нею. На полученіе свѣдѣній о датскихъ артикулахъ нужно было время и потому кажется весьма вѣроятно предположеніе г. Розенгейма о томъ, что Уложеніе было издано не ранѣе вступленія войскъ Шереметева въ Лифляндію въ 1701 или 1702 году. а г. Бобровскій. по нѣкоторымъ даннымъ, находитъ, что это произошло именно 27 января 1702 г.. что̀ имѣетъ основаніе, такъ какъ вскорѣ въ томъ же году появился указъ Царя, воспрещающій именовать себя рабами, какъ это сдѣлать въ надписи на уложеніи, по старому обычаю, Шереметевъ, съ уничижительнымъ означеніемъ своей высокой должности («наименьшій региментарь надъ войски Его Величества»). Мнѣніе о томъ, что Уложеніе было издано самимъ Шереметевымъ для подвѣдомственныхъ ему войскъ, основано какъ на сдѣланной фельдмаршаломъ Шереметевымъ надписи, такъ и на томъ, что Петръ I въ 1705 году отвѣчалъ фельдмаршалу Огильви на просьбу его издать указъ о наказуемости за причиненіе войсками обидъ мѣстнымъ жителямъ, что «указу... посылать не для чего, понеже войско все вамъ двумъ фельдмаршаламъ (т. е. Шереметеву и Огильви) вручено съ полнымъ *воинскимъ правиломъ, судомъ и указомъ*, по которымъ вы должны чинить праведный

[1]) Указ. соч. стр. 62 – 63.

и воинской судъ» и при томъ Петръ I могъ слѣдовать въ этомъ отношеніи порядку, принятому въ Западной Европѣ, относительно предоставленія подобнаго рода полномочій высшимъ военнымъ начальникамъ.

Подтвержденіемъ этого мнѣнія служитъ то обстоятельство, что въ Уложеніи выпущено существующее въ датскомъ артикулѣ указаніе на дозволеніе сдачи крѣпости въ случаѣ крайности, что вѣроятно зависѣло отъ того, что Шереметевъ не нашелъ возможнымъ принять на себя отвѣтственности въ столь важномъ дѣлѣ. Вопросъ о происхожденіи и значеніи Уложенія еще лучше выясняется г. Мышлаевскимъ по найденной имъ въ Публичной Библіотекѣ и изданной въ 1894 году рукописи военно-уголовнаго устава, подъ названіемъ: «Уставъ прежнихъ лѣтъ».

Уставъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей: Воинскаго Наказа, касающагося военныхъ судовъ и порядка судопроизводства, и Воинскихъ статей, касающихся преступленій и наказаній военнослужащихъ. Обѣ части Устава, очевидно, заимствованы изъ Датскихъ военныхъ законовъ короля Христіана V 9 Марта 1683 г., именно Воинскій Наказъ—изъ Устава военнаго судопроизводства (Gerichtsordnung), а воинскія статьи—изъ упомянутаго выше Воинскаго Артикула. При этомъ въ Воинскомъ Наказѣ всѣ постановленія приведены подрядъ, а въ Воинскихъ Статьяхъ размѣщеніе постановленій измѣнено, совершенно такъ же, какъ въ Уложеніи Шереметева, но только они сохранены въ полномъ количествѣ (141), имѣющемся въ Датскомъ артикулѣ. Весьма любопытно, что Уставъ прежнихъ лѣтъ, какъ видно изъ подлиннаго его текста, по свидѣтельству г. Мышлаевскаго, былъ разсмотрѣнъ и исправленъ самимъ Петромъ; но утвержденія Государя, однако, Уставъ не получилъ, хотя, какъ было говорено выше, фельдмаршалу Шереметеву повидимому было предоставлено право воспользоваться этимъ уставомъ, вслѣдствіе чего Шереметевъ, „исполняя указъ“, ту часть Устава, которая носитъ названіе Воинскія статьи, утвердилъ и ввелъ въ дѣйствіе въ подвѣдомственныхъ ему войскахъ, съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями, подъ названіемъ Уложенія.

Затѣмъ въ уложеніи въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначается наказаніе кнутомъ, принятое только въ Россіи, но отличіе уложенія отъ его образца—Датскаго артикула замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Языкъ уложенія по тому времени, къ которому оно относится, довольно хорошъ, и видно, что составитель старался соблюсти чистоту его, всячески избѣгая

употребленія иностранныхъ выраженій, которыя мы встрѣчаемъ въ изобиліи въ послѣдующихъ военно-уголовныхъ уставахъ.

Въ Уложеніи Шереметева нѣтъ перечисленія наказаній точно такъ же, какъ и въ Датскихъ артикулахъ, потому что въ то время было принято дѣлать это въ законахъ, касающихся судопроизводства. Вслѣдствіе этого мы находимъ это перечисленіе въ изданномъ въ Даніи одновременно съ артикулами 9 Марта 1683 г. в.-судебномъ уставѣ (Gerichtsordnung) и уставѣ прошлыхъ лѣтъ, причемъ оно было заимствовано впослѣдствіи и помѣщено въ краткомъ изображеніи процессовъ Петра Великаго. Изъ разсмотрѣнія наказаній, заключающихся въ уложеніи, видно, что они въ весьма рѣдкихъ случаяхъ назначались сообразно съ званіемъ лица и очень часто были означены въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ (жестокое, чрезвычайное, біенное). Роды наказаній, принятыхъ въ уложеніи, были слѣдующіе:

СИСТЕМА НАКАЗАНІЙ.

1) смертная казнь [1]) —простая посредствомъ повѣшенія и отсѣченія головы мечемъ и кромѣ того усиленная посредствомъ четвертованія (за измѣну, участіе въ сходкахъ начальниковъ вмѣстѣ съ подчиненными и убійство съ корыстною цѣлью). Наконецъ, существовала еще заочная казнь, исполняемая символически, посредствомъ прибитія имени преступника къ висѣлицѣ, послѣ чего онъ, какъ безправный, „вольная птица“, какъ выражается уложеніе, переводя буквально слово Vogelfrei, —„всякому къ убіенію и похищенію осужденъ и гдѣ поймань будетъ безъ всякой милости повѣшенъ быти имѣетъ“. 2) Членовредительныя наказанія: отрѣзаніе носа (за клятвопреступленіе [2]) и пригвожденіе руки ножемъ между пальцами, причемъ „паки самому прорывать ее“ (за нанесеніе раны). 3) Тяжкія тѣлесныя наказанія: русское—кнутъ и иностранное—шпицрутены, которые большею частью помѣщены въ однихъ и тѣхъ же статьяхъ рядомъ, изъ чего можно заключить, что они полагались: первое—для русскихъ, а послѣднее—для иностранцевъ, находившихся въ русскомъ войскѣ [3]). Шпицрутены назначались черезъ нѣсколько рот, черезъ полкъ или даже болѣе. 4) Легкія тѣлесныя наказанія состоятъ въ поженіи мушкетовъ до 6 штукъ по 2 часа, съ трехчасовыми отдыхами, ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ дней (до одной недѣли). О наказаніи же батогами не упоминается. 5) Наказанія,

---

[1]) Въ 52-хъ случаяхъ.
[2]) Ст. 71.
[3]) Ст. 3, 4, 12, 17 и 18.

направленныя противъ свободы, состоятъ лишь въ арестѣ, т. е. содержаніи за карауломъ и посаженіи въ желѣза на время не болѣе 20 сутокъ [1]). Кромѣ того, болѣе продолжительное лишеніе свободы является въ видѣ каторги безъ означенія срока, которая при томъ назначена въ одномъ случаѣ (за татьбу съ насиліемъ [2]). 6) Наказанія имущественнаго характера заключаются въ конфискаціи всего имущества, положенной за важнѣйшія преступленія, въ вычетѣ изъ жалованья (до поль-мѣсяца), съ нежаловапныхъ же (слѣдовательно окладныхъ служилыхъ людей) взыскивается пеня, сообразно числу дворовъ, которыми они владѣютъ (по гривнѣ). За причиненіе убытковъ они взыскиваются иногда въ большемъ размѣрѣ, даже однажды вшестеро. 7) Наказанія, направленныя на честь и служебныя. „Лишеніе чести“, о которомъ упоминаетъ уложеніе, носитъ неопредѣленный характеръ, но подъ этимъ выраженіемъ слѣдуетъ разумѣть, согласно постановленіямъ Датскаго судебнаго устава и переводу ихъ, сдѣланному въ краткомъ изображеніи процессовъ, много различнаго рода наказаній, преимущественно же состоящихъ въ ограниченіи служебныхъ правъ. Послѣдняго рода наказанія заключаются въ отставленіи отъ службы, изверженіи изъ чина (въ смыслѣ должности, а не ранга), разжалованіи въ рядовые (отъ чина отставленъ и написанъ въ рядовые солдаты) и употребленіи начальныхъ людей на службу за рядоваго, на время до 2 мѣсяцевъ. Наконецъ, 8) отплата равнымъ зломъ, т. е. тальонъ, который опредѣляется въ случаѣ полученія удара по лицу и состоитъ въ томъ, что по розыску виноватаго, тому, кого онъ ударилъ въ щеку, «ударить же при столькихъ же людяхъ, при какихъ онъ ударилъ» [3]). Впрочемъ, вообще назначенныя наказанія имѣютъ характеръ тальона во многихъ случаяхъ. Изъ причинъ, вліяющихъ на наказуемость, обращаютъ на себя вниманіе то, что если кто игралъ оружіемъ и отъ того причинилъ какой-либо вредъ, то онъ «также наказанъ будетъ, какъ бы онъ нарочно сдѣлалъ», и что состояніе опьяненія не только не служитъ причиною невмѣняемости, или уменьшающимъ вину обстоятельствомъ, но еще ведетъ къ увеличенію наказанія.

При совершеніи преступленій цѣлыми частями войскъ (бѣгства съ поля сраженія и сдачи крѣпости) смертной казни и конфискаціи подлежатъ

---

[1]) Ст. 3, 74 и 59.
[2]) Ст. 58.
[3]) Ст. 62.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

одни начальники, другіе же начальные люди и солдаты подвергаются смертной казни, но лишь одинъ изъ десяти человѣкъ по жребію, что обыкновенно называется decimalia; о наложеніи на остальныхъ какого-либо наказанія не упоминается. Вообще же когда въ преступленіи принимали участіе начальники вмѣстѣ съ подчиненными, то первые подлежатъ обыкновенно болѣе строгому наказанію; кромѣ того начальники отвѣчаютъ за убытки, причиненные ихъ подчиненными. О примѣненіи закона въ заключительныхъ статьяхъ Уложенія сказано, что дѣйствіе его распространяется на всѣхъ лицъ, «отъ полковаго воеводы и до нижняго начальнаго человѣка и солдата», на состоящихъ при «воинскомъ коммисарствѣ и запаснаго чину (провіантскихъ) служителей и харчевниковъ (маркитантовъ)» и вообще всѣхъ тѣхъ, которые «при войскѣ на сухомъ пути какимъ ни есть подобіемъ обрѣтаются». Кромѣ того, говорится объ обязательномъ чтеніи статей уложенія аудиторами передъ частями войскъ каждую недѣлю, чтобы «никто невѣдѣніемъ тѣмъ отговариваться причины не имѣлъ». Равное значеніе съ статьями его признается и за указами, объявленными «явно при вытрубкѣ и барабаннымъ боѣ».

Въ Уложеніи Шереметева предусмотрѣны преимущественно воинскія преступленія въ большомъ количествѣ и наказуемость за нихъ довольно строгая.

О СУДОУСТРОЙСТВѢ И СУДОПРОИЗВОДСТВѢ.

Уложеніе Шереметева говоритъ почти исключительно о преступленіяхъ и наказаніяхъ, постановленій же о судопроизводствѣ оно касается только мимоходомъ. Но въ немъ упоминается и «военный судъ», какъ коллегіальное учрежденіе, такъ какъ вопросъ о невмѣненіи въ вину преступленій, совершенныхъ случайно, долженъ быть разрѣшенъ «собраннымъ военнымъ судомъ». Всѣ начальники обязаны привлекать къ судебной отвѣтственности своихъ подчиненныхъ за совершенныя ими преступленія: полковникъ же, которому принадлежитъ судебная власть, вѣроятно въ извѣстныхъ предѣлахъ, «когда и жалобщика нѣтъ, долженъ самъ по чину своему (должности, обязанности) всѣхъ злодѣевъ чрезъ право суда наказывать». При этомъ прибавлено, что «если онъ того не учинитъ, то отнять у него тотъ судъ и отдать его подполковнику или маіору, во образъ безчестія ему». Послѣднее постановленіе, отличающееся странностью, объясняется, однако, просто невѣрностью перевода, такъ какъ въ соотвѣтствующей статьѣ Датскихъ артикуловъ и въ уставѣ прошлыхъ лѣтъ говорится, что въ этомъ случаѣ право суда передается генералъ-маіору, слѣдующему за полковни-

комъ высшему начальнику, а не майору или подполковнику, лицамъ подчиненнымъ.

Въ уложеніи [1]) сказано о должности полковыхъ и генеральскихъ Гевантигеровъ (т. е. гевальдигеровъ), которые были представителями обвинительной власти. На нихъ возлагалось: возбужденіе преслѣдованія (чтобы «всѣ вообще были подвергнуты за преступленія достойному наказанію»), наблюденіе за тѣмъ, чтобы судъ производился безпристрастно («безъ поваровки»), а въ случаѣ, если нѣтъ челобитчика, то они должны быть вмѣсто него, т. е. поддерживать на судѣ обвиненіе.

УСТАВЪ ПРЕЖНИХЪ ЛѢТЪ.

Уставъ прежнихъ лѣтъ заключаетъ въ себѣ Воинскій Наказъ (изъ 40 статей), въ которомъ, какъ заимствованномъ изъ Датскаго устава военнаго судопроизводства 1683 года, содержатся постановленія объ устройствѣ военныхъ судовъ, именно верхнихъ и нижнихъ, причемъ первые назначаются для разсмотрѣнія дѣлъ о важнѣйшихъ лицахъ (генералахъ и штабъ-офицерахъ) и важнѣйшихъ преступленіяхъ, совершенныхъ остальными военнослужащими или большимъ числомъ оныхъ. Кромѣ того, упоминается и о судѣ скорорѣшительномъ. Затѣмъ верхній военный судъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и апелляціонной инстанціей по дѣламъ гражданскимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда на рѣшеніе нижнихъ воинскихъ судовъ по этимъ дѣламъ поступитъ жалоба въ теченіе 6-ти недѣльнаго срока. Въ Наказѣ находится нѣсколько статей о Генералъ-Аудиторѣ, на котораго возложены различныя обязанности. Въ концѣ же Наказа помѣщено «Оглавленіе приговоровъ въ наказаніяхъ и казняхъ», которое было заимствовано впослѣдствіи при составленіи Воинскаго Устава 1715—1716 годовъ и приложено, какъ перечень наказаній, къ краткому изображенію процессовъ.

АРТИКУЛЪ КРАТКІЙ.

«Артикулъ краткій, выбранный изъ древнихъ христіанскихъ воинскихъ правъ, иже о богобоязни, и о наказаній различныхъ злостей. А именно: за смертное убійство, за прелюбодѣяніе, за воровство, за измѣну, за невѣрность, и прочая. Также о командѣ, о осторожности, храбрости и како имѣютъ въ квартирахъ и обозѣхъ воинскіе генеральные и полковые суды и особливыя должности, по различію чиновъ». Въ печатномъ видѣ преимущественно извѣстенъ на нѣмецкомъ языкѣ, при томъ подъ заглавіемъ «Moskowitisches Kriegs-Reglement», который былъ изданъ въ Петербургѣ въ 1706 году. По иностранному характеру постановленій краткаго артикула

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЕГО.

[1]) Текстъ уложенія помѣщенъ въ книгѣ г. Розенгейма, стр. 269—294.

нѣмецкій текстъ его должно считать первоначальнымъ и слѣдовательно появленіе этого памятника относится несомнѣнно къ 1706 г. Moskowitisches Kriegs-Reglement, какъ оказывается, былъ перепечатанъ въ ближайшемъ изданіи сборника Corpus juris militaris 1709 г., подъ названіемъ Russisches Kriegs-Reglement и затѣмъ оставленъ въ Corpus juris militaris novissimum 1724 г., гдѣ помѣщенъ даже вмѣстѣ съ воинскими артикулами 1715 года. Краткій Артикулъ на русскомъ языкѣ былъ напечатанъ также, но имѣется одинъ только неполный экземпляръ, пріобрѣтенный въ Москвѣ г. Некарскимъ [1]) въ 1859 году, въ нѣкоторыхъ же рукописныхъ экземплярахъ его помѣщена надпись, въ которой говорится, что «Артикулъ этотъ повелѣніемъ Государя Царя Петра Алексѣевича князь Меньшиковъ установилъ для наилучшаго, порядочнаго и честнаго управленія въ кавалеріи Его Царскаго Величества употреблять» и т. д. На основаніи содержанія этой надписи и самаго артикула, г. Розенгеймъ полагаетъ, что онъ былъ написанъ какимъ нибудь нѣмцемъ, а затѣмъ и переведенъ на русскій языкъ по порученію князя Меньшикова, который имѣя на то разрѣшеніе государя, подобно Шереметеву, утвердилъ и издалъ его для войскъ, находившихся подъ его начальствомъ въ Ингерманландіи и преимущественно для кавалеріи [2]). Съ этимъ мнѣніемъ г. Розенгейма не соглашается профессоръ Кистяковскій, который (въ библіографической замѣткѣ своей по поводу книги г. Розенгейма [3]) между прочимъ говоритъ, что если на нѣмецкомъ первопечатномъ текстѣ указанной надписи нѣтъ, то предположеніе г. Розенгейма лишено всякаго основанія. Дѣйствительно, на Moskowitiches Kriegs-Reglement надписи отъ имени Меньшикова не находится, да и въ русскомъ текстѣ Краткаго Артикула она имѣется не на всѣхъ экземплярахъ его. Кромѣ того, самое названіе (Moskowitisches) придаетъ ему общій характеръ. Распространеніе знанія объ немъ и значеніе, которое ему придавали заграницей (помѣстивъ его въ corpus juris militaris), наконецъ, то, что онъ былъ принятъ самимъ фельдмаршаломъ Шереметевымъ, который былъ старше Меньшикова и самъ издалъ передъ тѣмъ уложеніе или право воинскаго поведенія, — доказываетъ, что Краткій Артикулъ не могъ имѣть частнаго характера, составлять уставъ, утвержденный самимъ княземъ Меньшиковымъ.

---

[1]) См. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, — изслѣдованіе Некарскаго, т. II, описаніе славяно-русскихъ книгъ и литографій, СПБ., 1862 г.

[2]) Стр. 63.

[3]) Жур. Гр. и Учр. Пр., 1879 г.

Изъ надписи на Краткомъ Артикулѣ можно вывести, что онъ предназначался спеціально для кавалеріи, подобно изданному императоромъ Максиміліаномъ II Reuter Bestellung, но выводъ этотъ опровергается тѣмъ, что въ Краткомъ Артикулѣ говорится о чинахъ разныхъ родовъ оружія. Для опредѣленія происхожденія Краткаго Артикула надо имѣть въ виду, что Петръ I послѣ Нарвскаго пораженія, готовясь къ возобновленію борьбы съ Карломъ XII и желая привлечь въ службу изъ-за границы возможно большее число офицеровъ, во избѣжаніе того, чтобы они не боялись, что имъ придется въ Россіи подчиняться несвойственнымъ имъ законамъ (что вѣроятно и было при ограниченіи на практикѣ къ концу XVII столѣтія юрисдикціи особыхъ судовъ для иноземцевъ, о чемъ было упомянуто выше), въ изданномъ 16 Апрѣля 1702 года манифестѣ, распространенномъ заграницею подъ именемъ Плаката, постановляетъ, между прочимъ, что для завѣдыванія всѣми иностранцами, которые будутъ приняты въ русскую военную службу или въ ней уже находятся, учреждается особая Тайная Военная Коллегія, непосредственно подчиненная самому Царю; затѣмъ, что всѣ судебныя дѣла, гражданскія, уголовныя, военныя, относительно иностранцевъ, состоящихъ въ русской службѣ, будутъ подсудны особымъ судамъ, причемъ первая инстанція ихъ будетъ по-прежнему находиться въ полкахъ, но всѣ эти суды будутъ состоять подъ вѣдѣніемъ генеральнаго военнаго суда, который долженъ быть организованъ и дѣйствовать подобно тому, какъ принято въ другихъ европейскихъ арміяхъ. Кромѣ того, по манифесту 16 Апрѣля 1702 г. на президента тайной военной коллегіи возлагается, совмѣстно съ ея членами, немедленно составить воинскіе артикулы, вмѣстѣ съ регламентами и ордонансами и, по представленіи ихъ на утвержденіе государя, распорядиться ихъ напечатаніемъ и опубликованіемъ. Совпаденіе времени изданія Moskowitisches Kriegs-Reglement съ тѣмъ временемъ, когда могли быть напечатаны воинскіе артикулы и регламенты, составленные тайной военной коллегіей, наводятъ на мысль, что Moskowitisches Kriegs-Reglement и есть именно тотъ самый военный артикулъ и регламентъ, который первоначально предназначался для иностранцевъ, состоящихъ въ русской военной службѣ, но что потомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, онъ былъ напечатанъ для руководства и примѣненія ко всѣмъ служащимъ въ русскихъ войскахъ, безъ различія ихъ происхожденія. Предположеніе о томъ, что Краткій Артикулъ былъ первоначально составленъ для иностранцевъ, находящихся въ русскомъ войскѣ, подтверждается тѣмъ, что въ Краткомъ Артикулѣ, въ

противуположность Уложенію Шереметева и воинскому артикулу 1716 г., главное вниманіе обращено на общія преступленія, постановленія же о нихъ могли имѣть особенное значеніе лишь для иностранцевъ, судившихся во всемъ по этимъ законамъ, а не для русскихъ людей, къ общимъ преступленіямъ которыхъ могло быть примѣняемо Соборное уложеніе 1649 г. Затѣмъ упоминаніе два раза о преступленіяхъ, совершаемыхъ собственно русскими, и составляетъ вѣроятно ту позднѣйшую прибавку, которая была сдѣлана при распространеніи дѣйствія Краткаго Артикула на русскія національныя войска. Наконецъ, Краткій Артикулъ, по сравненіи его въ Corpus juris militaris 1709 года со всѣми современными ему западно-европейскими военно-уголовными законами (которые довольно сходны между собою) значительно отличается отъ нихъ по внѣшней формѣ, и по содержанію своему составляетъ не механическое смѣшеніе, а какъ бы химическое соединеніе началъ, заключающихся въ этихъ артикулахъ; въ одномъ же случаѣ (прелюбодѣянія) сказано даже, что оно наказывается по правамъ каждаго народа. Все это можно объяснить только тѣмъ, что краткій артикулъ долженъ былъ служить кодексомъ для состоявшихъ въ русской военной службѣ иностранцевъ, принадлежавшихъ къ разнымъ національностямъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, посредствомъ изданія Краткаго Артикула совершилось объединеніе военно-уголовныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ русскомъ войскѣ относительно находящихся въ немъ иностранцевъ и русскихъ людей, послѣ чего становится понятнымъ, почему, несмотря на выраженное въ манифестѣ 16 апрѣля 1702 года категорическое обѣщаніе, по дѣламъ о генералахъ изъ иностранцевъ—Розенъ въ 1706 г. и Гольцъ въ 1710 г. — они не были подвергнуты особому военному суду, установленному для иностранцевъ [1]). Краткій Артикулъ былъ ближайшимъ предшественникомъ Воинскаго Артикула 1715 — 1716 г., имѣетъ съ нимъ много общаго и такъ какъ во время изданія Краткаго Артикула происходило составленіе Воинскаго Артикула 1715 г., то вѣроятно въ отличіе отъ послѣдняго, какъ болѣе пространнаго, онъ получилъ названіе Краткаго Артикула. Главнымъ составителемъ Краткаго Артикула, по крайней мѣрѣ на нѣмецкомъ языкѣ, былъ докторъ правъ Марбургскаго Университета, баронъ Гюйссенъ, о чемъ онъ упоминаетъ въ своей автобіографіи. Относительно обстоятельствъ, при которыхъ происходило

[1]) Дѣянія Петра Великаго, Голикова, т. I, стр. 178; т. II, стр. 330, 450, т. IV, стр. 26.

составленіе и изданіе этого артикула, имѣются нижеслѣдующія свѣдѣнія въ книгѣ г. Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ Великомъ» (Спб. 1862 г. [1]).

Въ 1699 году пріѣзжалъ въ Москву для переговоровъ отъ саксонскаго курфюрста генералъ Карловичъ, въ свитѣ котораго находился нѣкто Нейгебауеръ, сынъ данцигскаго бюргера. По просьбѣ послѣдняго, его приставили въ 1701 году къ царевичу Алексѣю Петровичу для наставленія въ «наукахъ и правоученіи».

Не прошло одного года, какъ между Нейгебауеромъ и русскими воспитателями царевича обнаружились неудовольствія «зане, нѣкоторые отъ злости его труды» нарочно портили, почему Нейгебауеръ и ходатайствовалъ о назначеніи къ царевичу другихъ наставниковъ изъ иностранцевъ.

Однако, просьбы его оставались безъ уваженія, неудовольствіе между воспитателями росло и, наконецъ, завершилось удаленіемъ Нейгебауера отъ должности. Послѣднее обстоятельство произошло по слѣдующему поводу. Въ 1702 г. въ Архангельскѣ за обѣдомъ у царевича Вяземскій и Нарышкинъ перешептывались и смѣялись съ царевичемъ. Нейгебауеръ замѣтилъ царевичу, что это—невѣжливо, русскіе воспитатели—наоборотъ оспаривали это замѣчаніе, кромѣ того, царевичъ, по совѣту Вяземскаго, положилъ на блюдо обглоданную кость. Нейгебауеръ снова сдѣлалъ ему замѣчаніе. Поднялся между учителями споръ, при чемъ Нейгебауеръ назвалъ русскихъ воспитателей «собаками и варварами».

До 1704 г. Нейгебауеръ оставался въ Москвѣ, а затѣмъ подъ карауломъ былъ отправленъ въ Архангельскъ, откуда на гамбургскомъ кораблѣ возвратился на родину.

Почувствовавъ себя въ безопасности и сгорая жаждою мести, Нейгебауеръ въ томъ же году въ Германіи выпустилъ анонимную брошюру въ формѣ письма знатнаго офицера къ тайному совѣтнику. Въ этой брошюрѣ авторъ утверждалъ, что съ нѣмецкими офицерами, вступающими въ русскую службу, обращаются, какъ со «щенками», совершаютъ надъ ними и ихъ имуществомъ насилія и не исполняютъ обѣщаній, указанныхъ въ патентѣ, распубликованномъ Паткулемъ въ Германіи.

Политическое значеніе Россіи въ то время было уже на столько велико, что не прошло года, какъ прусское и саксонское правительства по-

---

[1]) Т I, стр. 64 и сл.; т. II, № 102.

спѣшили изъять брошюру изъ обращенія, а въ слѣдующемъ году появляются двѣ новыя брошюры: одна — нѣкоего Симона Петерсена, другая барона Гюйссена, направленныя противъ брошюры Нейгебауера. Гюйссенъ въ своемъ опроверженіи старается доказать, что всѣ сообщенія Нейгебауера—ложны, что патентъ Паткуля, строго исполняется и что иностранные офицеры судятся на основаніи особаго закона „Moscowitisches Kriegs-Reglement'a", который и былъ приложенъ къ возраженію (съ особой нумераціей страницъ), на нѣмецкомъ языкѣ, въ качествѣ неопровержимаго доказательства [1]).

СИСТЕМА АРТИКУЛА.

Краткій Артикулъ состоитъ изъ 114 статей, помѣщенныхъ въ 12-ти главахъ, изъ которыхъ первыя пять касаются общихъ преступленій, четыре воинскихъ и наконецъ послѣднія три говорятъ объ устройствѣ и дѣятельности военныхъ судовъ.

Въ русскомъ текстѣ языкъ менѣе чистъ, чѣмъ въ Уложеніи Шереметева и переводъ сдѣланъ крайне небрежно; Артикулъ вообще изобилуетъ иностранными текстами, которые онъ употребляетъ безъ особенной въ томъ надобности. Кромѣ того, постановленія нерѣдко въ немъ выражены до того неясно, что относительно пониманія ихъ легко впасть въ ошибку. Поэтому, при разсмотрѣніи постановленій Краткаго Артикула, слѣдуетъ руководствоваться не только русскимъ, но главнымъ образомъ нѣмецкимъ текстомъ его.

Относительно наказаній въ Краткомъ Артикулѣ точно обозначены тѣ изъ нихъ, которыя могутъ быть назначены по суду и въ дисциплинарномъ порядкѣ. Къ числу первыхъ принадлежатъ: лишеніе живота, чести и чина и наказанія на тѣлѣ (за исключеніемъ легкихъ). Дисциплинарныя взысканія, которыя могутъ быть назначены отъ своего офицера, который „вышнюю команду на мѣстѣ имѣетъ", составляютъ: батоги, арестъ въ желѣзахъ, прикованіе къ полу, ношеніе фузей (т. е. ружей) и посаженіе на деревянную „кобылу".

Наказанія положены большею частію сообразно званію лицъ, причемъ офицеры, какъ это выражено категорически, тѣлесному наказанію не подвергаются. Даже внутри обоихъ разрядовъ чиновъ (солдатъ и офицеровъ) наказанія назначены иногда различныя для унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, а штабъ-офицеры, что замѣчательно, не могутъ быть взяты „за караулъ", (т. е. арестъ) кромѣ домашняго.

[1]) Гюйссеномъ написано между прочимъ сочиненіе „Das jetzige Staat von Russland".

Во многихъ случаяхъ, подобному тому какъ и прежде, наказанія означены въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ (по винѣ, по „образцу“ и т. п.).

СИСТЕМА НАКАЗАНІЙ.

Роды наказаній, принятыхъ въ Краткомъ Артикулѣ, суть: 1) смертная казнь простая—повѣшеніе и усиленная въ слѣдующихъ видахъ: сожженіе (за поджогъ, мужеложство и скотоложство) и колесованіе, которое можетъ состоять въ ломаніи тѣла на колесѣ или въ простой смертной казни и въ положеніи тѣла на колесо впослѣдствіи. Кромѣ того, за два самыхъ важныхъ преступленія (убійство родственниковъ и своего офицера), положена еще казнь „жестокою мукою“, что означало вѣроятно колесованіе, съ рваніемъ клещами. О четвертованіи и заочной казни, принятыхъ въ уложеніи Шереметева, не упоминается. 2) Членовредительныя наказанія, подобно тому, какъ и въ уложеніи Шереметева,—отрѣзаніе носа, но сверхъ того и ушей, при томъ за третью кражу и кражу со взломленіемъ, а не за клятвопреступленіе, за которое положено отсѣченіе переднихъ пальцевъ; наконецъ, пригвожденіе руки на часъ къ висѣлицѣ—за нанесеніе раны ножемъ. 3) Тяжкія тѣлесныя наказанія—шпицрутены или гоняніе сквозь строй до 12 разъ черезъ 100 человѣкъ или роту. О наказаніи кнутомъ, находящемся въ уложеніи Шереметева, не упоминается. 4) Легкія тѣлесныя наказанія, составляющія взысканія дисциплинарныя, суть: батоги, о которыхъ въ отдѣльныхъ статьяхъ не говорится, ношеніе фузей—то же, что ношеніе мушкетовъ по уложенію Шереметева, и посаженіе на деревянную кобылу. 5) Лишеніе свободы, въ виду существовавшей въ то время кратковременности службы и отбыванія ея по найму, употреблялось только въ видѣ непродолжительнаго ареста: простого, съ посаженіемъ въ желѣза или съ прикованіемъ къ полу, о каторгѣ же не упоминается. 6) Лишеніе чести касается почти исключительно лишенія чести служебной, которое состоитъ, подобно тому какъ и въ уложеніи Шереметева, въ отставленіи отъ службы и лишеніи чина, т. е. должности. Но объ употребленіи офицера за рядоваго не говорится. 7) Наказанія имущественныя примѣняются почти исключительно къ офицерамъ и состоятъ во взысканіи опредѣленной суммы (указанной въ ефимкахъ) и, подобно тому, какъ въ уложеніи Шереметева, въ вычетѣ изъ жалованья (до мѣсяца) и во взысканіи за причиненные убытки суммы, превышающей ихъ въ нѣсколько разъ. Наконецъ, даже чаще, чѣмъ въ уложеніи Шереметева, многія наказанія имѣютъ характеръ тальона, т. е. отплаты равнымъ зломъ; такъ относительно наказанія за убійство сказано: „кровь паки отлить и смертью казнить“, за поджогъ положено сожженіе и т. п.

Изъ числа причинъ, вліяющихъ на наказуемость, указаны относительно убійства, что совершеніе его «безъ опамятства» (т. е. необдуманно) и даже въ пьянствѣ подвергаетъ значительно меньшему наказанію.

Въ случаѣ совершенія преступленій цѣлою частью войскъ (капитуляціи гарнизона крѣпости) такъ же, какъ и въ уложеніи Шереметева, смертной казни подвергается только начальникъ, остальные же участники, офицеры и солдаты, подлежатъ decimalia, т. е. казни черезъ десятаго человѣка.

Увеличивающимъ вину обстоятельствомъ относительно многихъ преступленій служитъ повтореніе ихъ.

Разсматривая постановленія краткаго артикула въ отдѣльности, мы видимъ, на что было указано выше, что преступленія воинскія занимаютъ въ немъ второстепенное мѣсто и ихъ предусмотрѣно сравнительно менѣе, чѣмъ въ уложеніи Шереметева.

СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Въ Краткомъ Артикулѣ постановленія по военно-судебной части заключаются въ послѣднихъ трехъ главахъ его и изложены довольно систематично. Согласно этимъ постановленіямъ военные суды бываютъ трехъ родовъ: полковые, генеральные и скорорѣшительные. Полковымъ судамъ подлежатъ дѣла объ «вышнихъ и нижнихъ офицеровъ отъ компаній», т. е. оберъ-офицерахъ, и всѣ дѣла о преступленіяхъ, за которыя полагается лишеніе жизни, чести, чина и наказаніе тѣлесное. За менѣе важныя преступленія положено наказывать безъ суда, посредствомъ наложенія дисциплинарныхъ взысканій, о которыхъ было сказано выше. Полковой судъ состоитъ изъ президента—штабъ-офицера, двухъ человѣкъ отъ каждаго изъ оберъ-офицерскихъ чиновъ (капитана, поручика и прапорщика), затѣмъ еще изъ двухъ сержантовъ, двухъ капраловъ и четырехъ ефрейторовъ или рядовыхъ. Хотя аудиторы должны были играть важную роль въ процессѣ, но, вѣроятно вслѣдствіе недостатка въ нихъ, по словамъ г. Розенгейма[1]), какъ видно изъ подлинныхъ дѣлъ того времени, когда дѣйствовалъ краткій артикулъ, присутствіе въ судѣ аудиторовъ не было безусловно необходимо и встрѣчается преимущественно по дѣламъ, въ которыхъ были замѣшаны лица гражданскаго вѣдомства. Участіе въ полковомъ судѣ нижнихъ чиновъ представляетъ замѣчательное явленіе, тѣмъ болѣе, что оно примѣнялось на практикѣ. Это подтверждается подлинными дѣлами, найденными г. Розенгеймомъ, относящимися впрочемъ почти исключительно къ одной гвардіи, въ которой

[1]) Стр. 203.

нижними чинами служили тогда большею частью лица дворянскихъ фамилій.

Порядокъ производства суда состоялъ въ томъ, что сначала судьи «заклинаются», т. е. принимаютъ присягу (по тексту, помѣщенному въ послѣдней главѣ краткаго артикула), затѣмъ аудиторъ «читаетъ какое приказывается дѣло», т. е. вѣроятно документы, относящіеся къ дѣлу, и «оказуетъ подзорные вопросы», т. е. ставитъ по дѣлу вопросы, подлежащіе разрѣшенію суда, читаетъ относящіеся къ дѣлу артикулы или тѣ артикулы и общіе законы, которые нужно принять въ соображеніе для примѣненія закона по аналогіи. Голоса также собираются аудиторомъ и подаются «порядочно», какъ сказано въ русскомъ текстѣ, въ нѣмецкомъ же текстѣ «ad curiatim», что въ противуположность подачи голоса каждымъ членомъ суда отдѣльно (viritim), составляетъ голосованіе по классамъ чиновъ, что и было дѣйствительно на практикѣ (какъ видно изъ подлинныхъ дѣлъ). Порядокъ этотъ былъ заимствованъ вѣроятно изъ Пруссіи, гдѣ онъ появился. Президенту принадлежитъ два голоса, аудиторъ же, какъ видно, правомъ голоса не пользуется, что и было принято во всѣхъ государствахъ, кромѣ Австріи (гдѣ осталось и до настоящаго времени). Когда президентъ вмѣстѣ съ аудиторомъ признаютъ что поданныя мнѣнія «сходны съ дѣломъ и правами», то приступаютъ къ постановкѣ сентенціи, т. е. приговора. Если же наоборотъ они найдутъ мнѣнія эти неправильными, то президентъ «употребляетъ право упрошенія», «черезъ разсудительныя представленія, которыя вольности въ глазахъ не отымутъ», «мало ли мочно ли какое согласіе сдѣлать». Когда каждый останется всетаки при своемъ мнѣніи, то президентъ отправляется («взимаетъ бѣгъ»), къ генералу, который «неопредѣленіе въ томъ опредѣлитъ», т. е. рѣшитъ дѣло окончательно. Но это вѣроятно относится къ тому случаю, когда президентъ будетъ несогласенъ съ большинствомъ голосовъ, такъ какъ единогласія не требовалось, что видно изъ предоставленія двухъ голосовъ президенту. Разнообразіе въ мнѣніяхъ, какъ явствуетъ изъ дѣлъ, приводимыхъ г. Розенгеймомъ, на практикѣ доходило до того, что всѣ классы чиновъ нерѣдко предлагали назначеніе совершенно различныхъ наказаній, иногда отъ батоговъ доходя до смертной казни. Но не только въ случаѣ разногласія суда, но и вообще, генералу принадлежитъ право конфирмаціи всѣхъ приговоровъ, до воспослѣдованія которой они даже не-объявляются.

Генеральному военному суду подлежатъ дѣла о штабъ-офицерахъ, преступленія, совершенныя цѣлыми частями войскъ, а также дѣла о «комиссаретѣ и провіантѣ», т. е. интендантскія нарушенія, «изъ чего у войска не-

порядокъ произойти можетъ». О подсудности генераловъ не упомянуто и на практикѣ въ это время для сужденія ихъ учреждались особые суды изъ высшихъ сухопутныхъ и морскихъ чиновъ, какъ это видно изъ упомянутыхъ выше дѣлъ генераловъ Розена и Гольца. Генеральный военный судъ состоитъ изъ президента въ генеральскомъ чинѣ и членовъ, взятыхъ по два изъ каждаго штабъ или оберъ-офицерскихъ чиновъ (полковниковъ, майоровъ, капитановъ, лейтенантовъ и прапорщиковъ). Въ генеральномъ военномъ судѣ принимаетъ участіе генералъ-аудиторъ. При производствѣ дѣла въ генеральномъ военномъ судѣ соблюдается тотъ же порядокъ, какъ и въ полковомъ судѣ. Приговоры его точно также подлежатъ конфирмаціи генерала (т. е. главнокомандующаго или командира отдѣльнаго отряда или корпуса). Въ концѣ главы о генеральномъ военномъ судѣ помѣщены два постановленія, которыя, по своему общему характеру, одинаково относятся къ обоимъ родамъ военныхъ судовъ, генеральному и полковому. Въ нихъ говорится во первыхъ, что въ «процессѣ» (военныхъ судовъ) должно заключаться все, что служитъ къ защитѣ, лишь бы это не вело къ проволочкѣ («волокитѣ») дѣла, особенно въ дѣлахъ воинскихъ, и во вторыхъ — въ дѣлахъ гражданскихъ и дѣлахъ гражданъ противъ военнослужащихъ, слѣдуетъ судить по законамъ («штилю») той страны, гдѣ дѣла случатся.

Скорорѣшительный или состоятельный судъ (по нѣмецки Standrecht), о которомъ сказано лишь, что онъ имѣетъ мѣсто только въ походахъ, непріятельскихъ осадахъ и будущихъ бояхъ», когда вслѣдствіе замедленія въ рѣшеніи дѣла могутъ произойти важныя вредныя послѣдствія, именно — если для возстановленія дисциплины и порядка нужно примѣненіе жестокаго наказанія и «примѣрная строгая экзекуція его». О составѣ скорорѣшительнаго суда, и порядкѣ производства въ немъ дѣлъ не упоминается.

СИСТЕМА ВОИНСКАГО УСТАВА.

Воинскій уставъ Петра Великаго[1]) состоитъ изъ трехъ частей; первую часть составляетъ Воинскій Уставъ въ собственномъ смыслѣ этого слова: «Уставъ Воинскій о должности генераловъ, фельдмаршаловъ и всего генералитета и прочихъ чиновъ, которые при войскѣ надлежатъ быть, и оныхъ воинскихъ дѣлахъ и поведеніяхъ, что каждому чинить должно». Онъ заключаетъ въ себѣ постановленія военно-административнаго характера и между прочимъ патентъ о поединкахъ, главу о военномъ совѣтѣ и скоро-

[1]) Воинскій уставъ напечатанъ въ V т. Пол. Собр. Зак. (№ 3006). Ссылки на отдѣльныя статьи Устава помѣщаются только въ наиболѣе важныхъ случаяхъ.

рѣшительномъ судѣ и нѣсколько главъ о должностныхъ лицахъ, имѣющихъ военно-судебное и военно-полицейское значеніе въ арміи. Въ части второй помѣщены Воинскій Артикулъ и Краткое изображеніе процессовъ. Часть третья носитъ названіе: «Объ экзерциціи и пріуготовленіи къ маршу и должности полковыхъ чиновъ». Всѣ эти части Воинскаго Устава (въ обширномъ смыслѣ) были изданы отдѣльно въ разное время, причемъ, прежде всего, именно 26 апрѣля 1715 г. были напечатаны, вошедшіе впослѣдствіи во вторую часть Воинскаго Устава, Воинскій Артикулъ и Краткое Изображеніе Процессовъ, притомъ на одномъ русскомъ языкѣ, а одинъ Воинскій Артикулъ изданъ былъ въ томъ же году вторично 16 Ноября на двухъ языкахъ: русскомъ и нѣмецкомъ. Затѣмъ также въ 1715 г. напечатаны вошедшія въ третью часть Воинскаго Устава постановленія: «Объ экзерциціи и т. п.» Воинскій Уставъ въ тѣсномъ смыслѣ (часть I) былъ оконченъ составленіемъ въ Данцигѣ 30 Марта 1716 г., а напечатанъ 16 Іюля того-же года. Всѣ же три части составили Уставъ Воинскій въ обширномъ смыслѣ, будучи изданы вмѣстѣ на одномъ русскомъ языкѣ впервые въ 1719 году [1]).

Разсмотримъ сначала тѣ части Воинскаго Устава, которыя касаются законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, именно: Воинскій Артикулъ и Патентъ о поединкахъ.

ВОИНСКІЙ АРТИКУЛЪ.

Воинскій артикулъ былъ первымъ полнымъ военно-уголовнымъ уставомъ, составленнымъ спеціально для русскаго войска, хотя и на основаніи иностранныхъ источниковъ. Онъ дѣйствовалъ безъ особенно значительныхъ измѣненій весьма продолжительный періодъ времени, около 100 лѣтъ, до появленія полевого уголовнаго уложенія 1812 г. и даже можно сказать (относительно мирнаго времени) до изданія военно-уголовнаго устава 1839 г., который, впрочемъ, заимствовалъ отъ него многія изъ своихъ постановленій. Во все это время в. артикулъ былъ обязательно примѣняемъ военными судами въ ихъ сентенціяхъ, но только съ конца прошлаго столѣтія строгость его постановленій была смягчаема властью, представленною въ этомъ отношеніи мѣстамъ и лицамъ, къ которымъ приговоры военныхъ судовъ поступали на ревизію. Кромѣ значенія основы русскаго военно-уголовнаго законодательства, воинскій артикулъ имѣетъ важное значеніе и для исторіи русскихъ уголовныхъ законовъ общихъ, потому что вскорѣ послѣ его изда-

[1]) См. книгу П. О. Бобровскаго «О происхожденіи Артикула Воинскаго» СПБ. 1881 года.

нія, а именно указомъ 10 Апрѣля 1716 года, дѣйствіе его было распространено и на гражданское вѣдомство, въ которомъ онъ находилъ примѣненіе наравнѣ съ уложеніемъ 1649 г. до изданія свода зак. угол. 1832 года, но былъ принятъ въ соображеніе и при составленіи этого свода.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ВОИНСКАГО АРТИКУЛА.

Что касается внѣшней исторіи Воинскаго Артикула, то до насъ дошелъ подлинный рукописный экземпляръ его (хранящійся въ особой витринѣ въ библіотекѣ Главнаго Штаба), который написанъ на одномъ русскомъ языкѣ и испещренъ поправками, сдѣланными самимъ Петромъ Великимъ и еще какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ. Изъ этого обстоятельства и того, что, какъ было упомянуто выше, первое изданіе Воинскаго Артикула было сдѣлано на одномъ русскомъ языкѣ, видно, что этотъ артикулъ былъ написанъ первоначально по-русски и затѣмъ уже переведенъ на нѣмецкій языкъ, вѣроятно для того, чтобы онъ могъ быть понятенъ для находившихся въ русскомъ войскѣ иностранцевъ. Впослѣдствіи онъ былъ издаваемъ нѣсколько разъ (въ составѣ Воинскаго Устава и отдѣльно) не съ археологической цѣлью, а въ качествѣ дѣйствующаго устава, послѣдній разъ въ 1826 году. При составленіи полнаго собранія законовъ воинскій артикулъ, съ другими частями воинскаго устава, вошелъ въ составъ V тома. Кромѣ того, на нѣмецкомъ языкѣ мы находимъ воинскій артикулъ помѣщеннымъ въ Corpus juris militaris novissimum 1724 г., въ которомъ онъ перепечатанъ съ изданія 1715 г.

Составленіе воинскаго артикула производилось въ теченіе многихъ лѣтъ, подъ руководствомъ самого Петра Великаго. По причинѣ заимствованія почти всѣхъ постановленій воинскаго артикула изъ иностранныхъ законовъ, въ составленіи этомъ главнымъ образомъ принимали участіе иностранцы, состоявшіе въ русской службѣ, а именно, насколько извѣстно, во первыхъ, генералъ Адамъ Вейде, который передъ тѣмъ былъ посылаемъ для изученія порядковъ въ императорскихъ войскахъ [1]) и самъ составилъ статьи, о которыхъ мы говорили выше. Во вторыхъ—генералъ-фельдцейхмейстеръ Яковъ Брюсъ, человѣкъ вообще весьма ученый, хорошо знавшій притомъ и русскій языкъ, вслѣдствіе чего (какъ видно изъ переписки Вейде съ Петромъ Великимъ) онъ занимался переводомъ на русскій языкъ иностранныхъ законовъ и даже вѣроятно самаго воинскаго артикула, и въ третьихъ—Андрей Виніусъ, сынъ голландца, находившагося въ русской

[1]) См. выше, стр. 27.

службѣ, родившійся въ Россіи и состоявшій дьякомъ въ одномъ изъ приказовъ; онъ былъ хорошо знакомъ съ русскимъ языкомъ и, какъ видно изъ одного указанія, вѣроятно съ цѣлью доставленія матеріала для составленія воинскаго артикула, въ 1702 году занимался, по порученію Петра Великаго, переводомъ голландскихъ военныхъ артикуловъ. Но главная работа по подготовкѣ и переводу постановленій воинскихъ артикуловъ должна была лежать на какихъ либо юристахъ по профессіи, участіе которыхъ въ этомъ дѣлѣ долгое время не было извѣстно. Г. Пекарскій, по нѣкоторымъ даннымъ, полагаетъ, что собираніе матеріала и переводъ его на русскій языкъ совершалось саксонскимъ оберъ-аудиторомъ Кромпеномъ, главнымъ составителемъ Краткаго Изображенія процессовъ, а переводъ русскаго текста Воинскаго Артикула на нѣмецкій языкъ былъ сдѣланъ докторомъ правъ барономъ Гюйссеномъ, который, какъ мы говорили выше, игралъ главную роль при составленіи Краткаго Артикула 1706 года [1]).

Относительно источниковъ воинскаго артикула господствующее мнѣніе состоитъ въ томъ, что для составленія его преимущественно послужили: Уголовное уложеніе Карла V (обыкновенно называемое просто Каролиной) и военно-уголовные уставы: Швеціи, Саксоніи и Даніи, что основано было на однихъ только предположеніяхъ. Въ настоящее время, послѣ открытія сборника corpus juris militaris novissimum, вопросъ этотъ можно рѣшить съ большею основательностью. По сравненіи воинскаго артикула со всѣми современными ему военно-уголовными и общими законами, помѣщенными въ corpus juris militaris novissimum. оказывается, что въ воинскомъ артикулѣ постановленія о преступленіяхъ общихъ дѣйствительно составлены преимущественно на основаніи Каролины, которая послужила образцомъ для многихъ уголовныхъ уставовъ въ Западной Европѣ и продолжала еще въ началѣ XVIII столѣтія дѣйствовать на практикѣ. Постановленія же о преступленіяхъ воинскихъ составлены почти исключительно согласно шведскаго воинскаго артикула Карла XI 1683 г. Текстъ устава найденъ въ числѣ другихъ матеріаловъ г. Мышлаевскимъ въ 1894 г. [2]) Такое заимствованіе объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что артикулъ Карла XI представлялъ лишь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ уставъ Густава Адольфа 1632 года, который оказалъ громадное вліяніе на военно-уголовное

[1]) См. выше, стр. 38.
[2]) Сборн. военно-ист. матеріаловъ, вып. IX.

законодательство Западной Европы и былъ введенъ въ дѣйствіе почти цѣликомъ во всѣхъ протестантскихъ государствахъ. Кромѣ того, это произошло отъ того, что Петръ Великій питалъ особенное уваженіе къ военному устройству Швеціи по причинѣ достигнутыхъ ею военныхъ успѣховъ, первоначально даже относительно войскъ самого Петра, вслѣдствіе чего, послѣ Полтавской побѣды, онъ провозглашалъ Шведовъ своими учителями въ военномъ дѣлѣ; наконецъ и вообще Петръ считалъ Шведовъ «регулярнымъ», т. е. цивилизованнымъ народомъ и въ 1708 году, какъ извѣстно, имѣлъ намѣреніе заимствовать отъ нихъ даже и общее уложеніе, послѣ признанной имъ неудачною попытки пересмотра Соборнаго Уложенія 1649 года особой комиссіей, извѣстной подъ названіемъ Палаты объ Уложеніи. Мнѣніе о вліяніи на воинскій артикулъ Саксонскихъ военно-уголовныхъ законовъ основано на томъ, что въ одномъ мѣстѣ его сказано: «съ чѣмъ саксонскія права зѣло согласуются». Выраженіе это употреблено въ толкованіи на статью объ изнасилованіи (по вопросу о наказаніи за совершеніе этого преступленія относительно публичной женщины), между тѣмъ, какъ оказывается, Саксонскіе военные законы общихъ преступленій (въ томъ числѣ и изнасилованія) вовсе не предусматриваютъ. Изъ чего ясно, что здѣсь воинскій артикулъ разумѣлъ Саксонскіе общіе уголовные законы (помѣщенные въ Саксонскомъ зерцалѣ), которые, вопреки Каролинѣ, дѣйствительно рѣшаютъ упомянутый вопросъ совершенно такъ, какъ объ этомъ сказано въ воинскомъ артикулѣ. Впрочемъ, нѣкоторыя незначительныя заимствованія были сдѣланы и изъ Саксонскихъ военныхъ артикуловъ. Что же касается вліянія Датскихъ военно-уголовныхъ законовъ, то оно было невелико, что видно изъ сравненія воинскаго артикула съ уложеніемъ Шереметева, заимствованнымъ, какъ мы видѣли, изъ Датскаго артикула Христіана V 1683 года, дѣйствовавшаго и во время изданія воинскаго артикула Петра Великаго. Перечисленіе же наказаній, налагаемыхъ военными судами, хотя и помѣщенное въ краткомъ изображеніи процессовъ (подъ названіемъ: «оглавленіе приговоровъ въ наказаніяхъ и казняхъ»), но относящееся къ законамъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, дѣйствительно взято почти цѣликомъ изъ Датскихъ военныхъ законовъ, именно—военно-судебнаго устава (Gerichtsordung) 1683 года. Наконецъ въ артикулѣ есть статьи, которыя вѣроятно были составлены подъ вліяніемъ военно-уголовныхъ законовъ: имперскихъ, голландскихъ и французскихъ.

Примѣненіе постановленій, заимствованныхъ изъ иностранныхъ, къ

русскому войску, въ воинскомъ артикулѣ заключается во введеніи въ него принятыхъ въ то время въ одной Россіи наказаній кнутомъ и батогами и вообще въ измѣненіи размѣра наказаній за многія преступленія. Опредѣленіе же состава преступленій оставлено безъ всякаго почти измѣненія и въ воинскомъ артикулѣ не предусмотрѣно никакихъ новыхъ нарушеній, свойственныхъ русскому войску. Хотя вторая часть ст. 95 (о побѣгѣ) начинается слѣдующей фразой: «и сіе взято съ прикладу иныхъ государствъ, гдѣ люди наемные служатъ, а не по указу беруть, того ради оный пунктъ перемѣняется по сему», послѣ чего говорится о смягченныхъ наказаніяхъ за побѣгъ для рекруть, на чемъ основываютъ предположеніе, что вообще при составленіи воинскаго артикула имѣлось въ виду то важное различіе, которое существовало между войсками въ Россіи и въ Западной Европѣ. Но оказывается, однако, что этой второй части ст. 95 вовсе не содержится въ воинскомъ артикулѣ 1716 года и что постановленіе, въ ней заключающееся, было объявлено лишь въ указѣ 1717 года и затѣмъ уже вошло въ составъ ст. 95 въ послѣдующемъ изданіи воинскаго артикула 1719 г.

Воинскій артикулъ составленъ, повидимому, безъ всякаго соображенія съ Соборнымъ Уложеніемъ 1649 г., съ которымъ онъ расходится даже во взглядѣ на наказуемость преступленій противъ вѣры (стоявшихъ во всѣхъ уголовныхъ уставахъ на первомъ планѣ), причемъ воинскій артикулъ наказываетъ неодинаково богохуленіе собственно и поношеніе Богородицы и Святыхъ, какъ бы придерживаясь, отчасти, лютеранскаго взгляда на догматы вѣры, чего мы совсѣмъ не находимъ въ Уложеніи 1649 г. Такое отношеніе воинскаго артикула къ Соборному Уложенію дѣлается понятнымъ, если принять во вниманіе, что оно было признаваемо въ то время неудовлетворительнымъ и была сдѣлана даже попытка замѣнить его такимъ уложеніемъ, которое было бы составлено по иностранному образцу (шведскому). Упоминаніе же въ воинскомъ артикулѣ (ст. 178) и краткомъ изображеніи процессовъ слова «уложеніе», относится скорѣе къ уголовному уложенію Карла V, чѣмъ къ уложенію царя Алексѣя Михайловича. Попытка согласовать воинскій артикулъ съ Соборнымъ Уложеніемъ, какъ мы увидимъ ниже, была сдѣлана впослѣдствіи, лишь въ 1721 году.

Воинскій артикулъ Петра I не былъ согласованъ не только съ Соборнымъ Уложеніемъ, но и съ предшествующими артикулу отдѣльными узаконеніями военно-уголовнаго характера, которыя были изданы въ царствованіе самого Петра I, что произошло собственно потому, что артикулъ этотъ былъ

всецѣло основанъ на иноземныхъ началахъ. Вслѣдствіе необыкновенной строгости военно-уголовныхъ законовъ, господствовавшей въ то время повсемѣстно въ государствахъ Западной Европы въ періодъ образованія постоянныхъ войскъ, Воинскій Артикулъ отличался подобною же строгостью своихъ постановленій, далеко оставляя за собою въ этомъ отношеніи Соборное Уложеніе, прославленное своею жестокостью. Стремясь скорѣе достигнуть указаннымъ путемъ цѣли устрашенія (острастки), Воинскій Артикулъ не примѣнялся на практикѣ въ неизмѣнномъ видѣ, а постановленія его смягчались обширною властью утверждавшихъ приговоры военныхъ начальниковъ или посредствомъ помилованія, исходившаго отъ Верховной власти [1]).

Патентъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ, происхожденіе котораго было неизвѣстно, по сравненіи его съ помѣщенною въ Corpus juris militaris массою патентовъ и эдиктовъ, изданныхъ по этому предмету въ Западной Европѣ, начиная со второй половины XVII столѣтія, оказывается больше всего подходящимъ по объему и смыслу статей, и потому, очевидно, заимствованнымъ изъ голландскаго эдикта о поединкахъ Вильгельма Оранскаго 1702 года.

СИСТЕМА ВОИНСКАГО АРТИКУЛА.

Воинскій артикулъ состоитъ, подобно многимъ другимъ военно-уголовнымъ уставамъ, начиная съ устава Густава Адольфа, изъ 24 главъ, но заключаетъ въ себѣ 209 артикуловъ или статей, вслѣдствіе чего онъ, по своему объему, гораздо больше всѣхъ современныхъ ему военно-уголовныхъ уставовъ. Это произошло отъ того, что воинскій артикулъ Петра Великаго заключаетъ въ себѣ значительное число постановленій о преступленіяхъ общихъ, относительно которыхъ другіе воинскіе артикулы говорятъ обыкновенно кратко или даже и вовсе не упоминаютъ объ нихъ, отсылая къ Каролинѣ и законамъ общимъ.

Порядокъ размѣщенія главъ въ воинскомъ артикулѣ состоитъ въ томъ, что, какъ это было принято въ то время вообще, вначалѣ помѣщены двѣ главы о преступленіяхъ противъ вѣры (именно: гл. I — о страхѣ Божіи и гл. II — о службѣ Божіей и о священникахъ), потомъ, однако, воинскій артикулъ переходитъ прямо къ преступленіямъ воинскимъ и говоритъ въ гла-

---

[1]) Фельдмаршалъ Огильви, заботившійся о водвореніи въ русской арміи дисциплины, находилъ нужнымъ умѣрять эту строгость, говоря: „Россія еще въ своемъ младенчествѣ и должна постепенно привыкать къ военной дисциплинѣ“. См. Розенгеймъ, стр. 72.

вахъ отъ III до XII включительно о преступленіяхъ этого рода, совершеніе которыхъ возможно какъ въ мирное, такъ и въ военное время, а именно: въ гл. III — о командѣ, предпочтеніяхъ и почитаніи высшихъ и нижнихъ офицеровъ и о послушаніи рядовыхъ, гл. IV — о самовольномъ обнаженіи шпаги, тревогѣ и карауле, гл. V—о всякой солдатской работѣ, гл. VI — о воинскихъ припасахъ, ружьѣ, мундирѣ, потратѣ и небреженіи онаго, гл. VII — о смотрѣ, гл. VIII — о корму и жалованьѣ, гл. IX — объ отпускѣ изъ службы, гл. X — о маршахъ и походномъ строѣ, гл. XI — о квартирахъ и лагеряхъ и гл. XII—о дезертирахъ и бѣглецахъ; затѣмъ уже сказано въ главахъ отъ XIII до XIV—включительно о преступленіяхъ воинскихъ, которыя могутъ быть совершены лишь въ военное время, а именно: гл. XIII—о штурмахъ или приступахъ, гл. XIV— о взятьѣ городовъ, крѣпостей, добычъ и плѣнныхъ, гл. XV—о сдачѣ крѣпостей, капитуляціи и аккордахъ отъ непріятелей, гл. XVI—объ измѣнѣ и перепискѣ съ непріятелемъ. Глава XVII—о возмущеніи, бунтѣ и дракѣ, имѣетъ смѣшанный характеръ, говоря о преступленіяхъ общихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и о нарушеніяхъ воинскаго благочинія, къ которымъ причисляетъ и важнѣйшее нарушеніе воинской дисциплины— бунтъ. Наконецъ послѣднія главы отъ XVIII до XXIV посвящены исключительно преступленіямъ общимъ (а именно: гл. XVIII — о поносительныхъ письмахъ, бранныхъ и ругательныхъ словахъ, гл. XIX — о смертномъ убійствѣ, гл. XX—о содомскомъ грѣхѣ, насиліи и блудѣ, гл. XXI — о зажиганіи, грабительствѣ и воровствѣ, гл. XXII—о лживой присягѣ и подобныхъ сему преступленіяхъ, гл. XXIII — о палачѣ и профосахъ и гл. XXIV — о утаеніи и увозѣ злодѣевъ). Указанная система размѣщенія постановленій въ воинскомъ артикулѣ не проведена вполнѣ строго, что видно не только изъ состава гл. XVII, но и нѣкоторыхъ другихъ.

Патентъ о поединкахъ говоритъ о тѣхъ нарушеніяхъ, которыя предусмотрѣны въ главахъ XVII и XVIII, но постановленія этихъ главъ, какъ оказывается, съ нимъ вовсе не согласованы, въ противность шведскому артикулу, который относительно наказуемости поединковъ прямо отсылаетъ къ изданному о томъ особому эдикту. Кромѣ того, въ патентѣ содержатся опредѣлительныя постановленія о воинской дисциплинѣ, чинопочитаніи и подчиненности, но безъ указанія карательныхъ правилъ за нарушеніе ихъ.

Кромѣ текста статей воинскаго артикула, при многихъ изъ нихъ есть такъ называемыя «толкованія», которыя во-первыхъ иногда измѣняютъ

или дополняютъ смыслъ статьи и тогда играютъ роль примѣчанія къ ней, и во-вторыхъ — иногда же служатъ дѣйствительно для истолкованія смысла закона, или излагаютъ мотивы его и существовавшіе по извѣстнымъ вопросамъ взгляды законовъ или мнѣнія юристовъ. «Толкованія» эти были заимствованы изъ составленныхъ частными лицами къ различнымъ воинскимъ артикуламъ комментаріевъ или глоссаторовъ, которыхъ существовало тогда довольно много въ Западной Европѣ.

СИСТЕМА НАКАЗАНІЙ.

Перечнь наказаній, которыя могутъ быть наложены, не находится въ воинскомъ артикулѣ, но онъ сдѣланъ въ краткомъ изображеніи процессовъ, въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ: «оглавленіе приговоровъ въ наказаніяхъ и казняхъ», причемъ наказанія раздѣлены на пять категорій и заключаются въ слѣдующемъ: 1) обыкновенныя тѣлесныя - ношеніе оружія (мушкетовъ) или сѣдель, заключеніе, заковаціе рукъ и ногъ въ желѣза, содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, сидѣнье на деревянныхъ лошадяхъ, хожденіе по деревяннымъ кольямъ и битье батогами. 2) Жестокія тѣлесныя наказанія — тяжелое заключеніе, прогнаніе сквозь строй (шпицрутены), наказаніе посредствомъ палача кнутомъ, клейменіе желѣзомъ, обрѣзаніе ушей, отсѣченіе руки или пальцевъ и ссылка на каторгу вѣчно или на нѣсколько лѣтъ. 3) Смертныя наказанія «чинятся застрѣленіемъ, мечомъ, висѣлицею, колесомъ, четвертованіемъ и огнемъ». 4) Легкія чести рушенія — когда «начальный человѣкъ чину извержепъ или безъ заслуженнаго жалованья и безъ пасу отъ полку отосланъ или изъ государства выгнанъ», и 5) тяжелое чести рушеніе, «котораго имя на висѣлицѣ прибито или шпага его отъ палача преломлена и воромъ (шельмомъ) объявленъ будетъ».

Изъ этого перечисленія видно, что наказанію лишеніемъ свободы не придавалось самостоятельнаго значенія, такъ какъ легкіе виды заключенія отнесены къ легкимъ, а тяжелые виды заключенія, въ томъ числѣ и каторга, къ тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, а высылка изъ государства причислена къ лишенію чести, которымъ она сопровождалась. О наказаніяхъ имущественныхъ вовсе не упомянуто. Наказанія, принятыя въ воинскомъ артикулѣ, отличаются отъ исчисленныхъ наказаній, помѣщенныхъ въ краткомъ изображеніи процессовъ, потому что послѣднія заимствованы изъ датскаго Gerichtsordnung 1683 г. безъ всякаго соображенія ихъ съ постановленіями воинскаго артикула.

Наказанія въ воинскомъ артикулѣ означены иногда въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ за одно и то же преступле-

ніе положено нѣсколько весьма различныхъ по тяжести наказаній, напр. заключеніе въ желѣза, шпицрутены или сожженіе, причемъ судебному усмотрѣнію предоставленъ уже слишкомъ большой просторъ.

Наказанія назначаются большею частью сообразно служебному положенію лицъ (офицеровъ и солдатъ), но на этотъ счетъ нѣтъ столь опредѣленныхъ постановленій, которыя мы находимъ въ краткомъ артикулѣ, напр. относительно освобожденія офицеровъ отъ тѣлеснаго наказанія, которое и примѣнялось къ нимъ, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, до самаго изданія жалованной дворянской грамоты въ 1785 году.

Роды наказаній, указанные въ отдѣльныхъ статьяхъ воинскаго артикула, суть: 1) Смертная казнь упомянута въ 122 случаяхъ, изъ которыхъ въ 30-ти исключала вовсе возможность замѣны или пониженія наказанія; иногда она означалась просто въ выраженіяхъ «лишеніе живота», безъ означенія вида ея, но когда сказано «лишить чести, пожитковъ и живота», то, по толкованію къ ст. 123, въ этихъ случаяхъ казнь совершается посредствомъ повѣшенія, которому предшествуетъ шельмованіе, и затѣмъ пожитки отбираются на Государя. Простая смертная казнь совершается: повѣшеніемъ, иногда, какъ говорится, «безъ процессу на первомъ древѣ» (за побѣгъ съ поля сраженія), отсѣченіемъ головы («усѣченіе мечемъ»), полагаемымъ довольно часто за убійство, изнасилованіе, кражу человѣка и т. п., причемъ къ наказанію этому, въ случаѣ примѣненія его за богохуленіе, присоединяется еще предварительное прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ: разстрѣляніемъ или аркебузированіемъ, которое впервые вводится у насъ воинскимъ артикуломъ и назначается за воинскія преступленія, не имѣющія позорнаго характера (за нарушеніе дисциплины, караульной службы и т. п.). Усиленная смертная казнь совершается: сожженіемъ, которое употребляется чаще, чѣмъ въ краткомъ артикулѣ (въ преступленіяхъ противъ вѣры, зажигательствѣ и дѣланіи фальшивой монеты); четвертованіемъ, которое совершается надъ живымъ человѣкомъ или же послѣ умерщвленія его другимъ способомъ и полагается за преступленія политическія (оскорбленіе Величества и измѣну) и колесованіемъ, самою жестокою изъ всѣхъ казней, которая точно также совершается надъ живымъ человѣкомъ, или же только послѣ казни его инымъ способомъ, предписывается «тѣло его на колесо положить». Колесованіе полагается за важнѣйшія общія преступленія, подобно тому, какъ и въ краткомъ артикулѣ (квалифицированное убійство, уличный разбой и т. п.). Въ случаѣ причиненія измѣною важнаго вреда, къ

этой казни прибавляется еще рваніе клещами. Изъ числа видовъ смертной казни только разстрѣляніе и отсѣченіе головы взяты изъ шведскихъ воинскихъ артикуловъ, остальные же большею частью изъ Каролины. Въ воинскомъ артикулѣ, кромѣ того, принята заочная казнь (символическая), которая, совершенно согласно съ уложеніемъ Шереметева, полагается за переходъ на сторону непріятеля и состоитъ въ прибитіи имени къ висѣлицѣ, объявленіи шельмомъ, конфискаціи имущества и повѣшеніи «безъ процессу», въ случаѣ поимки впослѣдствіи.

2) Членовредительныя наказанія также весьма разнообразны и состоятъ: въ прибитіи руки ножемъ или гвоздемъ подъ висѣлицею, на часъ (за нанесеніе раны ножемъ), согласно уложенію Шереметева и краткому артикулу; отрѣзаніе ушей и носа, согласно краткому артикулу (за большую кражу); отрубленіе двухъ пальцевъ, также совершенно согласно съ краткимъ артикуломъ (за клятвопреступленіе). Кромѣ того полагается еще: отсѣченіе руки (за нанесеніе побоевъ тростью и поднятіе оружія на товарища и нанесеніе раны хозяину квартиры) и отсѣченіе сустава (за богохуленіе меньшей важности). Наконецъ, распоротіе ноздрей употребляется, какъ придаточное наказаніе къ каторгѣ въ одномъ случаѣ (членовредительство) и потомъ (по дополненію ст. 95 по указу 1717 г.) и къ вѣчной галерной работѣ (при второмъ побѣгѣ рекрута) и прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ, какъ усиленіе казни при отсѣченіи головы за богохуленіе.

3) Тяжкія тѣлесныя наказанія—шпицрутены или прогнаніе сквозь строй, назначавшіеся болѣе, чѣмъ въ 10 случаяхъ, опредѣляются иногда черезъ полкъ три дня сряду и доходятъ даже до 6 и 12 разъ черезъ полкъ (за повтореніе кражи) и полагаются за весьма многія преступленія, причемъ мѣра наказанія рѣдко назначается съ точностью. Наказаніе кнутомъ, которое указано въ краткомъ изображеніи процессовъ, вовсе не упоминается въ статьяхъ воинскаго артикула и только въ указѣ 1717 г. оно назначено за второй побѣгъ рекрутъ.

4) Легкія тѣлесныя наказанія состоятъ въ попеніи оружія, мушкетовъ, карабиновъ или пикъ, по нѣсколько часовъ, иногда въ присутствіи цѣлаго полка (за маловажныя преступленія противъ вѣры). О попеніи сѣдель, сидѣньи на деревянной лошади, хожденіи по деревяннымъ кольцамъ и наказаніи батогами, указанныхъ въ краткомъ изображеніи процессовъ, въ статьяхъ воинскаго артикула не упоминается, вѣроятно потому, что онѣ составляли дисциплинарныя взысканія.

5) Наказанія, направленныя на честь, состоятъ во первыхъ—въ шельмованіи, которое употреблялось всегда какъ наказаніе придаточное и присоединялось часто къ смертной казни, именно когда положено было лишеніе чести и живота. Оно состояло или въ прибитіи имени къ висѣлицѣ, что составляло уже заочную казнь, или же только въ преломленіи палачемъ шпаги и объявленіи шельмомъ, послѣ чего осужденный не могъ болѣе оставаться въ войскѣ и, какъ описано въ краткомъ изображеніи процессовъ, преступникъ «изъ числа добрыхъ и вѣрныхъ людей извергнутъ» и его надлежитъ: 1) «ни въ какое дѣло, ниже свидѣтельство не принимать; 2) кто такого ограбитъ, побьетъ или ранитъ, или у него отыметъ: у онаго челобитья не пріймать и суда ему не давать, развѣ до смерти кто его убьетъ, то яко убійца судится будетъ; 3) въ компаніи не допускать и единымъ словомъ таковый весьма лишенъ общества добрыхъ людей; а кто сіе преступитъ, самъ можетъ наказанъ быть.» Простое шельмованіе это значительно отличается отъ заочной казни, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ виновный лишается вовсе покровительства законовъ и, подобно дикому звѣрю, можетъ быть убитъ каждымъ. Шельмованіе это впервые введено Воинскимъ Артикуломъ.

Упоминаемое въ воинскимъ артикулѣ наказаніе лишеніемъ чести касалось, какъ и въ уложеніи Шереметева и краткомъ артикулѣ, преимущественно чести служебной, и состояло въ исключеніи изъ службы, «безъ абшиду или пасу, (т. е. документовъ объ отставкѣ), изъ службы выгнанъ»; для офицеровъ—въ отставленіи отъ службы «весьма или на довольное время и по вся разы за рядового обязанъ служить», притомъ «на нѣсколько времени», «на мѣсяцъ (или на 6 мѣсяцевъ) за рядового служить», или «покамѣсть выслужится»; что въ первомъ случаѣ составляетъ собственно наказаніе,—употребленіе офицера за рядового, принятое и въ уложеніи Шереметева, а въ послѣднемъ случаѣ—разжалованіе въ рядовые; наконецъ довольно часто примѣнялось наказаніе лишеніемъ чина, понимая его въ смыслѣ не ранга, а должности.

6) Лишеніе свободы состояло во-первыхъ въ заключеніи съ тяжкими принудительными работами на каторгѣ или на галерахъ; наказанія эти назначались на весьма продолжительное время, на нѣсколько лѣтъ или даже вѣчно, причемъ въ послѣднемъ случаѣ онѣ бывали сопряжены, какъ было указано выше, съ распоротіемъ ноздрей, посредствомъ чего налагалась печать вѣчнаго отверженія, по вообще о лишеніи какихъ либо правъ для

посылаемыхъ на каторгу—не упоминается; во вторыхъ—въ тюремномъ заключеніи, опредѣленномъ только однажды (за неосторожное убійство) и въ третьихъ въ заключеніи простомъ или арестѣ на срокъ до полугода. Кромѣ того преимущественно къ нижнимъ чинамъ примѣнялось еще заключеніе въ желѣзахъ, состоявшее въ сковапіи рукъ и ногъ и содержаніи на хлѣбѣ и водѣ, на срокъ еще менѣе продолжительный. Наконецъ существовалъ еще арестъ у профоса, который имѣлъ характеръ постыдный («нечестный») и примѣнялся исключительно къ офицерамъ (за явку къ богослуженію въ пьяномъ видѣ и т. п.).

7) Наказанія имущественныя назначались преимущественно лицамъ офицерскаго званія и являлись въ весьма разнообразныхъ видахъ, а именно: конфискація имущества, «лишеніе пожитковъ», всегда въ качествѣ наказанія придаточнаго (за преступленія государственныя, противъ вѣры и преступленія корыстнаго характера); въ Патентѣ же о поединкахъ встрѣчается конфискація части имущества, какъ-то: $^1/_3$, $^1/_6$ и $^1/_{10}$ части его (за вызовъ на поединокъ); частная конфискація незаконно полученной добычи — въ пользу неимущихъ и конфискація орудія преступленія (ружья, изъ котораго стрѣлялъ, производя ложную тревогу), лишеніе жалованья за опредѣленное время, даже за нѣсколько мѣсяцевъ (за фальшивую тревогу) или по мѣсячному жалованью за каждые семь дней несвоевременной явки изъ отпуска и лишеніе «достальнаго» жалованья, т. е. слѣдуемой части его, въ тѣхъ случаяхъ, когда для просьбы о немъ офицеръ отлучится отъ своей команды. Вычтенныя изъ жалованья суммы обращаются въ «шпиталь», т. е. на госпиталя. Денежное взысканіе или штрафъ, полагаемое въ неопредѣленномъ размѣрѣ (даже за неосторожное убійство), и наконецъ, взысканіе вознагражденія за причиненные убытки въ размѣрѣ, превышающемъ ихъ стоимость, — встрѣчается рѣдко и то лишь въ видѣ уплаты ихъ въ двойномъ количествѣ (нанесеніе убытка хозяину квартиры) и только однажды (обмѣръ и обвѣсъ)—въ тройномъ количествѣ. Вообще же во многихъ случаяхъ воинскій артикулъ говоритъ о вознагражденіи нанесеннаго убытка, причемъ солдаты за порчу выданныхъ имъ казенныхъ вещей подвергаются на починку ихъ вычету изъ жалованья, а начальникъ, причинившій смерть своему подчиненному посредствомъ жестокаго наказанія его, какъ сказано въ толкованіи «по мнѣнію правоучителей», обязанъ завербовать на службу другого солдата.

8) Церковныя наказанія, которыя впервые въ воинскомъ ар-

тикулѣ появляются у насъ въ составѣ свѣтскихъ законовъ, что объясняется стремленіемъ Петра Великаго къ ограниченію церковной юрисдикціи и болѣе полному подчиненію церкви государству (посредствомъ образованія государственной церкви), подобно тому, какъ это произошло въ протестантскихъ странахъ, причемъ государство приняло на себя и назначеніе церковныхъ наказаній. Наказанія эти состоятъ въ церковномъ покаяніи, которое бываетъ иногда явнымъ или публичнымъ и назначается въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный не подвергается смертной казни. Церковное покаяніе полагается за преступленія, имѣющія вмѣстѣ съ тѣмъ грѣховный характеръ: кощунство, блудъ, кровосмѣшеніе и неосторожное убійство.

Въ воинскомъ артикулѣ встрѣчаются еще наказанія посмертныя, состоящія въ повѣшеніи за ноги лицъ, павшихъ на поединкѣ, и въ томъ, что въ случаѣ самоубійства, палачъ долженъ «тѣло въ безчестное мѣсто отволочь» и закопать, волоча прежде по улицамъ и «обозу», т. е. лагерю.

Наконецъ, наказанія въ воинскомъ артикулѣ во многихъ случаяхъ имѣютъ характеръ таліона, какъ напримѣръ, заоплеушеніе профосомъ лица, нанесшаго ударъ другому, смертная казнь за убійство, причемъ какъ и въ краткомъ артикулѣ сказано: «кровь паки отмстить» и т. п.

Взглядъ воинскаго артикула на вопросы, разсматриваемые обыкновенно въ общей части уголовнаго права, не приходится извлекать только изъ смысла и сопоставленія отдѣльныхъ постановленій, потому что онъ бываетъ выраженъ иногда категорически, въ видѣ общихъ положеній — въ толкованіяхъ къ статьямъ.

ПРИЧИНЫ, ВЛІЯЮЩІЯ НА НАКАЗУЕМОСТЬ.

Изъ числа причинъ, вліяющихъ на наказуемость, въ воинскомъ артикулѣ указаны:

1) Малолѣтство, которое, какъ это сказано относительно совершенія кражи, освобождаетъ отъ наказанія, и только родителямъ рекомендуется подвергать виновныхъ мѣрамъ домашняго исправленія, именно наказывать «лозами», «дабы заранѣе отъ сего отучить».

2) Душевная болѣзнь, какъ это говорится относительно самоубійства, совершеніе котораго «въ безпамятствѣ или меланхоліи» освобождаетъ отъ посмертнаго наказанія, состоящаго въ волоченіи трупа по улицамъ и погребеніи въ безчестномъ мѣстѣ, и относительно воровства, при совершеніи его «въ лишеніи ума» (сумасшествіи) наказаніе «весьма оставляется» или «умаляется».

3) Состояніе опьяненія, подобно тому, какъ и въ уложеніи

Шереметева, не служитъ причиной невмѣняемости и даже наоборотъ—совершившій преступленіе въ пьяномъ видѣ «не токмо чтобы въ томъ извиненіемъ процепіе получилъ, но по винѣ вящшею жестокостью наказанъ имѣетъ быть», что, какъ видно изъ толкованія къ статьѣ, особенно относится къ совершепію такого преступленія, которое «покаяніемъ однимъ отпущено быть не можетъ, яко смертное убійство и сему подобное», слѣдовательно къ преступленіямъ болѣе важнымъ.

4) Необходимая оборона—(«нужное оборопеніе») допускается только, какъ видно, для сохраненія жизни («изъ опасенія смертнаго»). Условія примѣненія ея указаны подробно и состоятъ во-первыхъ въ «умѣреніи», т. е. въ соотвѣтствіи способа обороны со средствами нападенія (противъ вооруженнаго нападенія съ оружіемъ и т. п.), но однако, «когда смертный страхъ есть, то надлежитъ обороняться чѣмъ возможно»; во-вторыхъ въ томъ, чтобы подвергшійся нападенію оборонялся, когда еще находится въ опасности, а не въ то время, когда нападавшій обратился уже въ бѣгство, причемъ выходитъ, что «такое смертное убійство изъ отмщенія, нежели отъ оборопенія учинилъ», и, наконецъ, въ-третьихъ въ томъ, чтобы прибѣгать къ оборонѣ, когда невозможно спастись отъ нападенія посредствомъ бѣгства, но однако, когда «въ страхѣ есть (т. е. въ опасности) и невозможно болѣе уступать, тогда не долженъ есть отъ соперника себѣ перваго удара ожидать, ибо чрезъ такой первый ударъ можетъ тако учиниться, что и противиться весьма забудетъ». На томъ же основаніи дозволяется и убійство вора, врывающагося въ домъ ночью, «ибо надлежитъ разсудить, что воръ не для единой кражи, но чтобъ и умертвить въ домъ врывается». При соблюденіи этихъ условій, совершеніе даже убійства освобождаетъ отъ наказанія; превышеніе же права необходимой обороны подвергаетъ наказанію, но значительно меньшему, чѣмъ то, которое положено вообще.

5) Заблужденіе или невѣдѣніе о такомъ обстоятельствѣ, вслѣдствіе котораго дѣйствіе, дозволенное вообще, получаетъ преступный характеръ,—освобождаетъ отъ наказанія, какъ это указано въ воинскомъ артикулѣ, въ двухъ случаяхъ: при невѣдѣніи того, что лицо, съ которымъ вступаютъ въ бракъ, находится уже въ брачномъ союзѣ, и въ случаѣ, нападенія въ военное время на лицо или мѣсто, снабженное «сальво-гвардіей» (охраннымъ листомъ), о существованіи которой нападавшему не было извѣстно, причемъ сказано: «ибо тотъ не можетъ сальво-гвардіи нарушить, кто не вѣдаетъ, что таковая кому дана».

Невѣдѣніе закона влечетъ за собою уменьшеніе наказанія въ одномъ случаѣ именно:—сна на часахъ со стороны солдата, недавно принятаго на службу, когда еще онъ «артикула не слыхалъ» и не понимаетъ значенія караульной службы.

6) Крайняя необходимость, о которой говорится относительно кражи, именно при совершеніи ея «изъ крайней голодной нужды», притомъ чего-либо «съѣстного или питейнаго, невеликой цѣны», вслѣдствіе чего наказаніе «умаляется» или даже и «весьма оставляется».

7) Приказъ, вліяніе котораго на невмѣняемость прямо не указано. Исполненіе приказа, съ одной стороны, для подчиненнаго безусловно обязательно, о чемъ сказано: «либо начальнику принадлежитъ повелѣвать, а подчиненному послушну быть. Оный имѣетъ въ томъ, что онъ приказалъ оправдаться, а сей отвѣтъ дать, какъ онъ повелѣнное исправилъ». Съ другой же стороны воинскій артикулъ не только дозволяетъ, подобно краткому артикулу, но даже обязываетъ подчиненнаго, который, въ противность полученному приказанію, вспомнитъ что либо, служащее къ пользѣ службы или къ отвращенію вреда для нея, сначала доложить о томъ своему командиру, да если время есть, то донести и фельдмаршалу, или генералу, и только «буде его напоминіе не за благо изобрѣтено будетъ, тогда долженствуетъ онъ то чинить, что ему повелѣно». Сверхъ того въ другомъ мѣстѣ говорится: «ежели кто изъ офицеровъ солдатамъ, подъ командой его сущимъ, что нибудь прикажетъ, что къ службѣ Его Величества не касается и службѣ солдатской не пристойно, тогда солдатъ не долженъ офицера въ томъ слушать и имѣетъ сіе въ военномъ судѣ объявить», потому что, какъ сказано въ толкованіи, «команда офицерская болѣе не распространяется надъ солдатами, токмо сколько Его Величества и Его Государства польза требуетъ» [1]). Изъ сопоставленія этихъ статей можно придти къ предположенію, что подчиненный вообще обязанъ былъ безусловно исполнять только приказанія по службѣ, вслѣдствіе чего онъ могъ подлежать отвѣтственности за дѣйствія, совершеніе которыхъ хотя и было ему приказано, но не входило въ кругъ его служебныхъ обязанностей или относительно вреда исполненія которыхъ онъ имѣлъ возможность донести своему непосредственному или главному начальнику. Наконецъ, въ одномъ случаѣ, именно сдачи крѣпости, отвѣчаютъ всѣ чины гарнизона, которые не должны слушать коменданта,

[1]) Арт. 53.

если онъ пожелаетъ сдать крѣпость безъ уважительныхъ причинъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

МѢРА НАКАЗАНІЙ.

Наказанія въ воинскомъ артикулѣ полагаются иногда сообразно качеству умысла, а именно: преступленія, совершенныя случайно, оставляются вовсе безъ взысканія, какъ это выражено относительно того, кто «весьма немышленно и не нарочно убьетъ», или кто произведетъ пожаръ «невинно или отъ неосторожности внезапно», потому что, какъ сказано, «никто о внезапномъ случаѣ отвѣта дать не долженъ».

Совершеніе преступленій по неосторожности, о чемъ сказано относительно убійства, за которое, когда оно сдѣлано «непарочно и неволею», виновные подвергаются значительно уменьшенному наказанію противъ нормальнаго. Особый видъ «непарочнаго», неосторожнаго убійства представляетъ случай, когда «кто похотѣлъ жену или дитя наказать и оную такъ жестоко побьетъ, что подлинно отъ того умретъ, то правда, что наказаніе легче бываетъ». Такой случай убійства представляетъ лишеніе жизни вслѣдствіе неосторожнаго примѣненія главою семьи дисциплинарной власти, которая, по домостроевскимъ понятіямъ того времени, могла выражаться въ нанесеніи побоевъ не только своимъ дѣтямъ, но и своей женѣ.

Степень близости къ совершенію преступленія не оказываетъ вліянія на наказуемость важнѣйшихъ, наиболѣе опасныхъ преступленій, которыя, хотя они «къ дѣйству не произведены», но все-таки, «воля и хотѣніе въ томъ были» (въ государственномъ преступленіи), или когда кто ихъ «учинить возмнѣрится» (въ возстаніи), подлежатъ наказанію, положенному за оконченное преступленіе, причемъ подобнаго рода постановленія нельзя принимать за общее правило, а скорѣе слѣдуетъ смотрѣть на нихъ, какъ на исключеніе, допущенное для увеличенія наказуемости важнѣйшихъ преступленій. На основаніи Патента о поединкахъ, поединокъ наказывается, смотря по степени близости къ его совершенію, какъ мы увидимъ ниже.

Наказаніе по мѣрѣ участія въ преступленіи состоитъ въ томъ, что подстрекатели, дѣйствующіе посредствомъ подговора, подкупа или приказанія, наказываются наравнѣ съ физическими виновниками, что выражено слѣдующимъ образомъ: «кто одинъ черезъ другого чинитъ, почитается такъ, якобы онъ самъ то учинилъ».

О наказаніи другого рода участниковъ и лицъ прикосновенныхъ, которые «вспомогали», «совѣтъ подали» или «вѣдали, но не возвѣстили», упоминается преимущественно относительно важнѣйшихъ преступленій

(государственныхъ преступленій, возстанія, убійства, поединка и недонесенія о растратѣ казенныхъ денегъ и богохуленія), причемъ участники и лица прикосновенныя, напримѣръ, недоносители, подлежатъ обыкновенно одинаковому наказанію съ главными виновниками. Но такого рода постановленія, подобно упоминаемымъ выше постановленіямъ о наказаніи по степени близости къ совершенію, по всей вѣроятности, имѣютъ исключительный характеръ, и въ воинскомъ артикулѣ встрѣчаются случаи, когда участники (въ сходкахъ, въ распространеніи пасквиля) и прикосновенныя лица (относительно шпіонства) наказываются легче главныхъ виновниковъ. При совершеніи нѣкоторыхъ преступленій цѣлыми частями войскъ (бѣгство съ поля сраженія, капитуляція и сдача крѣпости, участіе въ сходкахъ) смертной казни повѣшеніемъ подвергается, вопреки уложенію Шереметева и краткому артикулу, не только одинъ начальникъ части, но и всѣ начальные люди, высшіе и низшіе, т. е. оберъ и унтеръ-офицеры, а изъ рядовыхъ смертной казни подлежатъ по жребію одинъ изъ десяти (decimalia) или нѣсколькихъ человѣкъ, по усмотрѣнію суда; остальные же рядовые не оставляются безъ взысканія, а подвергаются всѣ наказанію шпицрутенами и «сверхъ того безъ знаменъ внѣ обоза (т. е. лагеря) стоять имѣютъ, пока они храбрыми своими дѣлами паки заслужатъ», за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ признаны по дѣлу невиновными.

Какъ въ этихъ случаяхъ, такъ и вообще начальники и старшіе въ чинѣ наказываются строже при соучастіи ихъ въ преступленіяхъ вмѣстѣ съ лицами младшими или подчиненными, что выражено въ воинскомъ артикулѣ такимъ образомъ: «коль болѣе чина и состоянія преступитель есть, толь жесточае оный и накажется. Ибо оный должествуетъ другимъ добрый прикладъ подавать». Кромѣ того офицеры и вообще начальники отвѣчаютъ всегда за убытки, причиненные ихъ подчиненными во время похода.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, УВЕЛИЧИВАЮЩІЯ, УМЕНЬШАЮЩІЯ И ИСКЛЮЧАЮЩІЯ НАКАЗУЕМОСТЬ.

Увеличивающими вину обстоятельствами признаются относительно многихъ преступленій повтореніе ихъ, причемъ наказаніе, назначенное за повтореніе преступленія, обыкновенно значительно превосходитъ то, которое положено за совершеніе преступленіе въ первый разъ (какъ напримѣръ за конокрадство въ первый разъ—заключеніе въ желѣза, а въ третій разъ—смертная казнь) и относительно нѣкоторыхъ воинскихъ преступленій—совершеніе ихъ въ военное время и особенно въ виду непріятеля, что, подобно Уставу ратныхъ и пушечныхъ дѣлъ, считается тогда, когда «караулы (т. е. сторожевые посты) разставлены».

Изъ числа упомянутыхъ въ воинскомъ артикулѣ уменьшающихъ вину обстоятельствъ относительно отдѣльныхъ преступленій нельзя указать такихъ, которыя бы имѣли общій характеръ; однако обращаютъ на себя вниманіе въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ артикула: недавнее нахожденіе на службѣ и незнакомство съ Воинскимъ Артикуломъ (при нарушеніяхъ караульной службы), лишеніе ума, малолѣтство и крайняя нужда (для кражи), въ каковыхъ случаяхъ наказаніе «умаляется или вовсе оставляется», т. е. можетъ вести и къ полной ненаказуемости.

Изъ числа причинъ, влекущихъ за собою отмѣну наказанія, смерть не освобождаетъ безусловно отъ примѣненія наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда его опредѣлено исполнить надъ трупомъ умершаго (повѣшеніе за ноги— за поединокъ и волоченіе по улицамъ и погребеніе затѣмъ въ безчестномъ мѣстѣ—за самоубійство). Примиреніе или прощеніе обиженнаго освобождаетъ отъ наказанія, но только въ дѣлахъ о маловажныхъ обидахъ словомъ (когда «не гораздо жестоко бранилъ»). Относительно помилованія есть только указаніе при decimalia для рядовыхъ, подвергшихся помѣщенію внѣ лагеря и отнятію знамени ихъ части, которые прощаются, «когда они своими храбрыми дѣлами паки заслужатъ», и наконецъ есть своего рода реабилитація, имѣющая относительно подвергшихся шельмованію или кто былъ въ рукахъ палача и на пыткѣ, надъ которыми, въ знакъ возстановленія ихъ правъ, совершается особый обрядъ, состоящій въ возложеніи на нихъ публично знамени, послѣ чего «паки за честнаго причтенъ и всѣмъ всекончно запрещено будетъ, дабы ему впредь не попрекать». О давности въ воинскомъ артикулѣ не говорится, такъ какъ она не упоминалась тогда еще и въ общихъ уголовныхъ законахъ ни у насъ, ни въ западной Европѣ.

О примѣненіи уголовнаго закона сказано въ манифестѣ, которымъ объявлено объ изданіи воинскаго артикула, что дѣйствіе этого артикула распространяется на военно-служащихъ всѣхъ чиновъ безъ различія, притомъ русскихъ и иностранцевъ, и для того, что бы никто не могъ отговариваться невѣдѣніемъ воинскаго артикула, предписывается читать его въ частяхъ войскъ на смотрахъ и вообще ежепедѣльно.

Кромѣ преступленій, предусмотрѣнныхъ воинскимъ артикуломъ, преступленія противъ «указовъ» (приказовъ), объявленныхъ у пароля или при барабанномъ боѣ или трубномъ звукѣ, согласно воинскому артикулу, подлежатъ наказаніямъ, положеннымъ въ немъ за неповиновеніе или неисполненіе приказаній, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ самыхъ указахъ этихъ не

было назначено наказанія за ихъ нарушеніе. Въ одномъ случаѣ, именно многобрачія, воинскій артикулъ, упоминая о немъ, не опредѣляетъ наказанія, а говоритъ о наказаніи его по церковнымъ правиламъ; находившіеся въ войскѣ священники за нарушеніе своихъ обязанностей въ одномъ только случаѣ наказываются самимъ воинскимъ артикуломъ, [1]) а въ остальныхъ— онъ отсылаетъ дѣла о нихъ къ духовному суду или начальству.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ О ВОИНСКИХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ.

Постановленія о составѣ и наказуемости отдѣльныхъ преступленій, по роду ихъ, заключаются въ томъ, что изъ числа преступленій воинскихъ предусмотрѣны:

I. Преступленія противъ вѣрности и долга службы; къ нимъ принадлежатъ: 1) военная измѣна, за которую полагается смертная казнь, большею частью четвертованіемъ и даже иногда съ прибавленіемъ рванія клещами. Подъ военной измѣной разумѣются тайныя и опасныя сношенія съ непріятелемъ, сообщеніе ему пароля или лозунга, подача условныхъ знаковъ и т. п. Недозволенная переписка съ лицами, находящимися на непріятельской сторонѣ, о войскахъ и военныхъ дѣлахъ подвергаетъ лишенію чести, чина, а иногда и «живота», т. е. смертной казни. Военноплѣнные за веденіе тайной переписки съ непріятелемъ наказываются, какъ шпіоны или лазутчики, которые, какъ говоритъ воинскій артикулъ, «по воинскому резону и обыкновенію повѣшены бываютъ». 2) Побѣгъ къ непріятелю и бѣгство съ поля сраженія, за которые опредѣляется заочная казнь, т. е. объявленіе шельмомъ и повѣшеніе при поимкѣ «на первомъ древѣ». 3) То же самое полагается за то, кто во время боя, чтобы быть отпущеннымъ, притворяется больнымъ, но при этомъ сказано, что «слабые и боязливые, по изобрѣтенію дѣла и состоянію особъ, по усмотрѣнію суда поцажены бываютъ». Подобнаго рода гуманнаго постановленія не встрѣчается даже ни въ одномъ изъ современныхъ военно-уголовныхъ законодательствъ. Кромѣ того, 4) указано много преступленій, совершаемыхъ цѣлыми частями войскъ, именно: бѣгство съ поля сраженія, отказъ вступить въ бой, оставленіе своего поста въ бою, «не учиня крайнее что или сикурсу (помощи) себѣ не ожидая» и вступленіе въ договоръ съ непріятелемъ («трактать и капитуляцію») безъ дозволенія Государя или фельдмаршала, но за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда части, будучи отдѣлены отъ войска, «атаку выдержали и крайній от-

[1]) См. гл. II, арт. 15, который грозитъ штрафомъ, размѣромъ въ 1 рубль, за „неотправленіе службы Божьей безъ знатной причины".

поръ учинили» и «когда болѣе держаться или отъ фельдмаршала или генерала обождать и сикурсу получить болѣе надежды не имѣли». За всѣ эти преступленія полагается смертная казнь черезъ десятаго человѣка (decimalia). Наконецъ 5) въ случаѣ сдачи крѣпости, если это было сдѣлано «безъ крайней нужды», комендантъ подвергается «лишенію чести, пожитковъ и живота», а офицеры и солдаты подлежатъ казни черезъ десятаго человѣка, когда они къ сдачѣ крѣпости коменданта принудятъ или даже хотя ему въ томъ не отсовѣтуютъ и не удержатъ отъ сдачи, причемъ офицерамъ предписывается, если «усмотрятъ, что комендантъ безъ нужды сдать похощетъ; тогда имѣютъ оные приступя къ нему прекословить и преклонять его къ должности, а ежели его отъ намѣренія такого уговорить не можно, оного заарестовать и другого между собою вмѣсто его выбрать». Уважительными причинами къ сдачѣ крѣпости служатъ: недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ аммуниціи (въ смыслѣ боевыхъ запасовъ), когда они притомъ расходовались съ должною бережливостью, и значительная убыль въ людяхъ, когда оставшіеся, безъ полученія помощи, крѣпости «по всѣмъ видамъ» удержать будутъ не въ состояніи Впрочемъ, когда имѣется указъ обороняться до послѣдняго человѣка, то ни въ какомъ случаѣ сдавать крѣпости не дозволяется [1]).

II. Уклоненіе отъ службы или оставленіе ея заключается: 1) въ побѣгѣ изъ службы, который наказывается весьма строго, одинаково съ побѣгомъ съ поля сраженія,—смертною казнью. Добровольная явка изъ побѣга ведетъ къ значительному смягченію наказанія. Кромѣ того по указу 1717 г. (впослѣдствіи составившему вторую часть ст. 95), рекруты подвергаются за первый побѣгъ только шпицрутенамъ, а за второй — наказанію кнутомъ, вырѣзанію поздрей и ссылкѣ въ вѣчную работу на галерахъ. Оставленіе своего мѣста въ походѣ приравнивалось къ побѣгу («аки дезертиръ»), но наказывалось гораздо легче, именно заключеніемъ въ желѣза «и жесточае». Важность этого нарушенія объясняется въ толкованіи тѣмъ, что каждый

---

[1]) Такъ, напр., въ 1711 г. еще до изданія Устава защитнику Полтавы, полковнику Келену былъ данъ отъ гр. Шереметева указъ, которымъ предписывалось «обороняться до послѣдняго человѣка и ни на какой акордъ (соглашеніе) съ непріятелемъ никогда не вступать подъ смертною казнью», на тотъ случай, если бы комендантъ былъ убитъ, указъ повелѣвалъ «первому офицеру» послѣ коменданта занять его должность, «тако-жъ и прочимъ одному за другимъ послѣдовать, сколько бы побитыхъ ни было и тѣмъ дѣла не остановить. Въ объявленіи указа всѣ офицеры должны были росписаться.—(См. Государственный Архивъ, кн. 14, отд. II, Дѣла Кабинета; Русск. Инв. 1897 г., № 271, статья А. З. Мышлаевскаго: «Къ Полтавской баталіи»).

на войнѣ можетъ понадобиться во всякое время, что отставаніе отъ строя дѣлается съ намѣреніемъ предаваться грабежу или съ цѣлью бѣжать изъ службы и наконецъ потому, что отстающій можетъ быть захваченъ непріятелемъ, который будетъ имѣть возможность получить отъ него свѣдѣнія о войскѣ. За преступленіе это, въ собственноручно написанныхъ Петромъ Великимъ пунктахъ, данныхъ фельдмаршалу Шереметеву, при отправленіи его въ походъ въ Померанію въ 1711 г., полагалось ссылать на каторгу. 2) Несвоевременная явка изъ отпуска, за что полагается вычетъ изъ жалованья по мѣсяцу за каждые семь дней просрочки. 3) Заявленіе о притворной болѣзни для того, чтобы уклониться отъ похода, подвергаетъ «жестокому наказанію». 4) Причиненіе вреда своему здоровью (членовредительство) и, что замѣчательно, даже порча лошади, съ цѣлью уклониться такимъ путемъ отъ службы, наказывается ссылкою на каторгу, вѣроятно вѣчно, т. к. она соединяется въ этомъ случаѣ съ распоротіемъ ноздрей.

III. Нарушенія обязанностей службы состоятъ преимущественно въ нарушеніи караульной службы; изъ числа ихъ предусмотрѣны, преимущественно относительно военнаго времени и потому наказываются весьма строго: 1) со стороны начальника караула — недостатокъ бдительности и отлучка изъ караула, за что положено разстрѣляніе; 2) со стороны другихъ чиновъ караула, даже, какъ видно, собственно часовыхъ—сонъ на часахъ, нахожденіе въ пьяномъ видѣ и уходъ съ поста, не дождавшись смѣны,—наказываются точно также разстрѣляніемъ, но наказаніе это смягчается до шпицрутеновъ въ случаяхъ, когда во время совершенія нарушеній не было опасности отъ непріятеля, когда сонъ и отлучка произошли отъ слабости и болѣзни, притомъ если заболѣвшій не могъ дать знать объ этомъ въ карауле для полученія смѣны и, наконецъ, когда виновный недавно принятъ на службу и воинскаго артикула не слыхалъ и не понимаетъ еще всего значенія караульной службы. 3) За занамятованіе пароля или лозунга полагается смертная казнь. 4) Упускъ карауломъ арестованнаго по небрежности влечетъ за собою наложеніе того самаго наказанія, которое грозило бѣжавшему изъ-подъ ареста. 5) Кража на карауле, какъ имущества ввѣреннаго храненію, такъ и вообще, за что въ обоихъ случаяхъ полагается повѣшеніе, независимо отъ цѣны украденнаго («много или мало»).

IV. Нарушенія военной дисциплины можно раздѣлить на нарушенія военнаго чинопочитанія и военной подчиненности. Къ числу первыхъ принадлежатъ: 1) Оскорбленіе фельдмаршала или генерала сло-

вами «непристойными или смѣшными», т. е. брашными или насмѣшками, за которое предписано передъ военнымъ судомъ публично просить прощенія и назначается заключеніе въ желѣза или другое наказаніе по усмотрѣнію суда; сравнительная незначительность наказанія, положеннаго за это преступленіе, объясняется тѣмъ, что вѣроятно здѣсь разумѣется преимущественно нанесеніе оскорбленія заочно, которое, какъ видно напримѣръ изъ краткаго артикула, наказывалось наравнѣ съ оскорбленіемъ личнымъ. 2) Оскорбленіе тѣхъ же лицъ словами, «ихъ чести касающимися», т. е. клеветою, причемъ наказаніе—шпицрутены, но можетъ доходить и до смертной казни. 3) Нападеніе на фельдмаршала или генерала «вооруженною или невооруженною рукою» и поднятіе на него оружія, даже если не было причинено никакого вреда, «для приклада (примѣра) другимъ всемѣрно», подлежитъ смертной казни отсѣченіемъ головы. Относительно этого нарушенія сказано, что совершившій его не можетъ оправдываться тѣмъ, что онъ сдѣлалъ его вслѣдствіе полученнаго отъ фельдмаршала или генерала оскорбленія, «ибо почтеніе генеральству всеконечно и весьма имѣетъ непарушимо быть», обиженному же предоставляется искать удовлетворенія надлежащимъ порядкомъ. 4) Оскорбленіе штабъ-офицеровъ и, по всей вѣроятности, и оберъ-офицеровъ, хотя объ нихъ и не упомянуто, наказывается наравнѣ съ нарушеніемъ чиноночитанія относительно генераловъ. 5) Оскорбленіе унтеръ-офицеровъ собственно дѣйствіемъ, угроза побоями и самое нанесеніе ихъ подвергаетъ точно также смертной казни, но только если нарушенія эти были совершены въ виду непріятеля, въ другихъ же случаяхъ полагаются шпицрутены. 6) Оскорбленіе всякаго рода лицъ, исполняющихъ караульныя обязанности, за что для офицера положено разжалованіе, а для солдатъ шпицрутены, нападеніе же на караульныхъ обложено смертною казнью разстрѣляніемъ, причемъ непосредственно затѣмъ сказано и о наказуемости караульныхъ, дающихъ своими дѣйствіями поводъ къ ссорамъ, что составляетъ собственно нарушеніе караульной службы и 7) оскорбленіе должностныхъ лицъ у суда, коммисаровъ и провіантскихъ служителей, которые считаются «подъ особою протекціею», наказывается почти съ тою же строгостью, какъ и нарушенія воинской дисциплины, въ числѣ которыхъ помѣщены и оскорбленія этихъ лицъ. Къ числу нарушеній воинской подчиненности принадлежатъ: 1) Неповиновеніе или ослушаніе приказанію «изъ злости или упрямства» и сопротивленіе его исполненію—облагается смертной казнью. 2) Неисполненіе приказанія «отъ лѣности, глупости и медленія»

(«когда безъ умыслу оное не управить») наказывается значительно легче—отставленіемъ отъ службы или разжалованіемъ. На томъ же основаніи наказывалось и неточное исполненіе приказанія, даже хотя «дѣло доброе окончаніе получитъ». 3) Осужденіе приказаній («непристойныя разсужденія» объ нихъ) подлежитъ наказанію «лишеніемъ чести», т. е. служебныхъ правъ и преимуществъ. О степени обязательности исполненія приказа было уже упомянуто. 4) Возстаніе или бунтъ не опредѣляется съ достаточною точностью, а именно минимумъ числа участниковъ не указанъ. За преступленіе это полагается повѣшеніе и притомъ предписывается виновныхъ «на мѣстѣ и въ дѣлѣ самомъ наказать и умертвить», чтобы навести страхъ и предупредить распространеніе возстанія. Къ возстанію приравнивается непредставленіе своей части на смотръ (инспекторскій), громкое требованіе жалованья и отказъ отъ исполненія служебныхъ обязанностей, по случаю неполученія его.

V. Нарушенія начальниковъ относительно подчиненныхъ состоятъ: 1) Въ дурномъ обращеніи съ ними, о чемъ, подобно тому, какъ и въ краткомъ артикулѣ, сказано, что начальникъ можетъ къ своему приказанію «угрожденія прибавить», но долженъ воздержаться притомъ отъ «всякихъ поносныхъ и чести касающихся словъ»; кромѣ того, запрещается начальнику, безъ уважительныхъ причинъ, жестоко и въ особенности почасту бить подчиненныхъ ему солдатъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ полагается лишеніе чина (т. е. должности). 2) Неправильное употребленіе солдатъ на работу въ свою пользу, и именно назначеніе ихъ на работы тяжелыя, хотя бы и съ платою, подвергаетъ наказанію лишеніемъ чести, чина и даже имущества. Вообще же запрещается употреблять солдатъ на работу безъ соотвѣтственной платы, которая должна быть выдаваема исправно и не дозволяется, для отбытія работъ на начальниковъ, увольнять солдатъ отъ исполненія служебныхъ обязанностей, но за нарушеніе всего этого никакого наказанія не назначено. 3) Удержаніе слѣдуемаго подчиненнымъ жалованья, вещей и провіанта наказывается весьма строго ссылкою на галеры и даже смертною казнью, потому что изъ этого «всякое зло можетъ произойти, если солдаты съ какой скудости или голоду въ болѣзнь впадутъ», черезъ что «остановка въ службѣ учинится».

VI. Преступленія противъ воинскаго имущества заключаются въ: 1) покинутіи ружья и порчѣ его или другого оружія и заступа, за что положено «жестокое» наказаніе шпицрутенами, а за пропгрышъ,

продажу или закладъ, т. е. вообще растрату ружья, наказаніе это назначается только за совершеніе ихъ въ первый и во второй разъ, за растрату же ружья въ третій разъ опредѣляется разстрѣляніе, «ибо оружіе суть самые главнѣйшіе члены и способы солдатскіе, черезъ которые непріятель имѣетъ побѣжденъ быть» и т. д. 2) Растрата мундира подлежитъ тому же наказанію, какъ и растрата ружья. 3) Порча лошади съ цѣлью черезъ это уклониться отъ службы, какъ было уже сказано, наказывается наравнѣ съ членовредительствомъ (распоротіемъ ноздрей и ссылкою на каторгу). 4) Кража имущества изъ казенныхъ хранилищъ («магазиновъ, цейхгаузовъ и т. п.»), растрата находящихся на рукахъ казенныхъ денегъ и даже недонесеніе объ этомъ преступленіи подвергаетъ повѣшенію.

VII. Нарушенія **воинскаго благочинія и порядка**, изъ которыхъ важнѣйшія по наказуемости суть слѣдующія: 1) Производство напрасной тревоги послѣ пробитія вечерней зари, что наказывается сообразно умыслу, и если сдѣлано «изъ злости или нарочно», то смертною казнью, а если «незапно», то для офицера—потерей ружья, изъ котораго стрѣлялъ, и вычетомъ изъ жалованья, для солдата же — шпицрутенами. 2) Всякаго рода самовольныя отлучки, которыхъ нельзя приравнять къ побѣгу, а именно: кто почуетъ внѣ лагеря или крѣпости, отлучка изъ лагеря для добычи или для чего иного безъ позволенія, выходъ при ночлегахъ въ походѣ за отводные караулы и при расположеніи на квартирахъ, отлучка послѣ пробитія вечерней зари; только за послѣднее нарушеніе полагаются шпицрутены, остальныя же наказываются весьма строго, наравнѣ съ побѣгомъ, смертною казнью. 3) Собраніе сходокъ, хотя бы и для составленія жалобъ, которыя должны быть подаваемы каждымъ «о себѣ, а не обще», наказывается относительно офицеровъ и зачинщиковъ изъ солдатъ — смертною казнью, остальные же подвергаются смертной казни черезъ десятаго (decimalia). Наконецъ 4) самовольное обнаженіе шпаги съ цѣлью уязвить кого-либо, въ присутствіи высшаго военнаго начальника, военнаго суда или когда караулы разставлены (передъ непріятелемъ). 5) Ссоры и драки съ призывомъ на помощь другихъ, черезъ что можетъ произойти нарушеніе порядка, и 6) самовольное занятіе квартиры —облагаются смертною казнью. Менѣе важныя нарушенія воинскаго благочинія заключаются въ пьянствѣ, предусмотрѣнномъ только относительно офицеровъ, которые вслѣдствіе «непрестаннаго пьянства или всегдашнихъ непотребствъ» (развратной жизни)

дѣлаются негодными для службы и потому подлежатъ отставленію отъ нея, въ несоблюденіи чистоты въ лагерѣ и т. п.

VIII. Злоупотребленія по службѣ, подъ которыми мы разумѣемъ преимущественно преступленія, обнаруживаемыя на инспекторскихъ смотрахъ, заключаются: 1) Въ показаніи бо́льшаго числа солдатъ въ своей части противъ дѣйствительнаго, для полученія на нихъ содержанія, слѣдовательно въ излишнемъ количествѣ, за что виновный, «яко воръ», подлежитъ ссылкѣ на галеры или даже смертной казни. 2) Въ явкѣ на смотръ съ ружьемъ, взятымъ у другого, которая облагается шпицрутенами, и 3) въ отказѣ представить свою часть на смотръ, что наказывается какъ возстаніе,— смертною казнью.

IX) Преступленія противъ мѣстныхъ жителей во время стоянокъ и военныхъ дѣйствій состоятъ: 1) въ причиненіи убытковъ со стороны постояльца своему хозяину квартиры или членамъ его семейства и нанесеніи имъ оскорбленій, побоевъ и даже ранъ, за что полагается испрашиваніе прощенія, уплата за убытокъ вдвое и самыя разнообразныя наказанія, доходящія до отсѣченія руки. 2) Ограбленіе и разрушеніе, при взятіи городовъ, церквей, школъ и иныхъ духовныхъ домовъ и больницъ и убійство и даже причиненіе обидъ женщинамъ, дѣтямъ, священникамъ и старикамъ облагается смертною казнью, потому что, какъ сказано, «черезъ сіе чести получить не можно—оныхъ убить, которые обороняться не могутъ». Впрочемъ, дѣйствія эти не влекутъ за собою никакого наказанія, когда они будутъ дозволены главнокомандующимъ, что и дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда «гарнизонъ и граждане сдачею медлятъ и великій вредъ чинить будутъ». 3) Относительно своихъ подданныхъ—ломка дворовъ, бревенъ, заборовъ и потрава на полѣ хлѣба наказываются «по изобрѣтенію вины», за исключеніемъ случая, когда это потребуется и будетъ дозволено. 4) Относительно своихъ поддашныхъ или нѣтъ—за ломку строеній и порчу огородовъ полагается наказаніе, доходящее даже до смертной казни, но это постановлено не изъ гуманныхъ побужденій, а для охраненія интересовъ самого войска, «ибо можетъ отъ грабительства войско безъ прокормленія быть, а отъ ломанія строенія квартиръ лишиться и отъ холоду исчезать». Причиненіе насилій или отнятіе чего либо у тѣхъ же лицъ въ землѣ союзной, нейтральной или непріятельской и взиманіе контрибуцій «безъ указу» запрещается, но никакого наказанія не указано, и наконецъ 5) относительно мѣстъ

и лицъ, снабженныхъ сальво-гвардіями, которыя даются государемъ, фельдмаршаломъ или командующимъ генераломъ по просьбѣ мѣстныхъ жителей, владѣльцевъ и начальствъ и состоятъ или во-первыхъ—въ охранномъ листѣ, или же во вторыхъ—въ посылкѣ съ этимъ листомъ для охраны одного или нѣсколькихъ солдатъ, называемыхъ въ этомъ случаѣ залогами. «Сальво-гвардіи не нарушаются одними словами, а дѣйствомъ», именно причиненіемъ насилій или вреда тѣмъ лицамъ, которыя ими снабжены, за что полагается смертная казнь.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ОБЩИХЪ.

Изъ числа преступленій общихъ, которыхъ въ воинскомъ артикулѣ предусмотрѣно весьма много, обращаютъ на себя вниманіе постановленія о слѣдующихъ изъ нихъ:

I) Преступленія противъ вѣры, помѣщенныя въ началѣ воинскаго артикула, состоятъ во первыхъ—въ преступленіяхъ противъ вѣры собственно, а именно: 1) Чародѣйство, чернокнижіе, идолопоклонство и заговоръ ружья, составлявшія преимущественно принадлежность восп.-уголовн. уставовъ лютеранскихъ странъ, въ которыхъ государственная власть взяла на себя преслѣдованіе религіозныхъ нарушеній, въ томъ числѣ и преступленій суевѣрнаго характера. За преступленія эти полагаются наказанія отъ заключенія въ желѣза до сожженія, но послѣднее назначается только въ томъ случаѣ, когда чародѣй кому нибудь «вредъ причинилъ или дѣйствительно съ дьяволомъ обязательство имѣетъ». 2) Хуленіе Бога, службы Божіей, славы Божіей и Святыхъ Таинствъ—наказывается прожженіемъ языка раскаленнымъ желѣзомъ и затѣмъ отсѣченіемъ головы, но за 3) поношеніе Богородицы и Святыхъ можетъ быть даже назначено тѣлесное наказаніе, что, какъ было уже упомянуто, объясняется опять тѣмъ вліяніемъ, которое оказали на воинск. артикулъ уголовныя законодательства лютеранскихъ государствъ, и 4) кощунство и напрасная божба, за которыя полагаются наказанія маловажныя, но за кощунство при совершеніи его въ третій разъ полагается смертная казнь. Во-вторыхъ—преступленія, состоящія въ нарушеніи церковнаго благочинія, какъ-то: неявка къ церковному богослуженію и нахожденіе въ церкви въ пьяномъ видѣ и т. п. и нанесеніе оскорбленій полковымъ священникамъ; за все это опредѣлены маловажныя наказанія. Кромѣ того въ воинск. артикулѣ назначено священнику денежное взысканіе за неотправленіе богослуженія, за остальные же проступки священники наказываются по усмотрѣнію старшаго священника въ войскѣ или духовнымъ судомъ.

II) Преступленія государственныя помѣщены вмѣстѣ съ нарушеніемъ воинск. дисциплины, причемъ изъ числа ихъ предусмотрѣны только: во-первыхъ—оскорбленіе Величества посредствомъ нападенія съ войскомъ и всякое намѣреніе предпринять противъ него какія либо насильственныя дѣйствія и во-вторыхъ—оскорбленіе особы Государя, его супруги или наслѣдника престола хулительными словами, за что полагается въ первомъ случаѣ четвертованіе и конфискація, а въ послѣднемъ—отсѣченіе головы.

III) Лишеніе жизни (убійство), какъ преступленіе, въ воин. артикулѣ опредѣляется весьма точно, а именно: «кто волею и нарочно, безъ нужды и смертнаго страху умертвить или убьетъ его тако, что отъ того умретъ», причемъ изъ послѣднихъ словъ видно, что къ убійству въ собственномъ смыслѣ приравнивается и нанесеніе побоевъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть. Замѣчательно, что для узнанія того, дѣйствительно ли смерть произошла отъ побоевъ, воинск. артикулъ предписываетъ производить вскрытіе трупа посредствомъ медиковъ, указываетъ, какія именно раны слѣдуетъ считать безусловно смертельными и кромѣ того предлагаетъ судьямъ обращать вниманіе и на свойство самыхъ орудій, которыми были нанесены побои. Убійство бываетъ: 1) Простое (умышленное), за которое положено «кровь паки отмстить» и казнить отсѣченіемъ головы, 2) квалифицированное, а именно совершенное посредствомъ отравленія, убійство по найму и лишеніе жизни дитяти «во младенчествѣ» и офицера, вѣроятно со стороны его слуги, причемъ за всѣ эти виды убійства положено колесованіе, и 3) самоубійство, за которое въ случаѣ, если исполненію его помѣшали, виновный, какъ сказано, по мнѣнію учителей правъ, когда оно совершено въ безпамятствѣ мученіемъ и досадой, «чтобы болѣе не жить», долженъ быть только «отогнанъ отъ полка», а въ другихъ случаяхъ подвергается смертной казни. За самоубійство же: когда судомъ не будетъ признано, что оно произведено въ меланхоліи, то, какъ было упомянуто выше, надъ трупомъ отбывается установленное посмертное наказаніе. О наказуемости убійства по качеству умысла, степени участія и въ случаѣ осуществленія права необходимой обороны, было говорено выше (стр. 57 — 60). Кромѣ послѣдняго случая, убійство допускается еще: со стороны офицера относительно солдата, который сопротивляется къ возвращенію его въ строй силою, часоваго, поставленнаго въ опасномъ мѣстѣ, относительно проходящихъ, которые не отвѣтятъ на двукратный

окрикъ его «съ угрожеиіемъ», и наконецъ даже каждому солдату относительно своего товарища, который станетъ отнимать у него принадлежащую ему часть добычи.

IV) Причиненіе тѣлесныхъ поврежденій, изъ числа которыхъ, подобно тому, какъ и прежде, говорится только о нанесеніи раны ножомъ, за что полагается, подобно тому какъ въ Уложеніи Шереметева и краткомъ Артикулѣ, пробитіе руки ножомъ или гвоздемъ подъ висѣлицею, но кромѣ того еще потомъ гоненіе шпицрутенами; за поднятіе на кого либо «въ сердцахъ» пистолета или шпаги, съ цѣлью нанести вредъ, полагается отсѣченіе руки.

V) Личныя оскорбленія предусмотрѣны въ воинскомъ артикулѣ и составляютъ главное содержаніе патента о поединкахъ и начинаніи ссоръ, причемъ постановленія ихъ по этому предмету, какъ было уже замѣчено, вовсе не согласованы между собою. Воинскій артикулъ за оскорбленія, а именно за «ударъ тростью или чѣмъ инымъ», наказываетъ подобно тому, какъ и за поднятіе на кого либо оружія, отсѣченіемъ руки, а за ударъ по щекѣ назначаетъ заполеушеніе профосомъ передъ ротою. За оскорбленіе посредствомъ пасквиля, т. е. именно распространеніемъ анонимнаго письма, заключающаго въ себѣ указаніе на позоряція кого либо обстоятельства, подвергаетъ тому наказанію, «каковою страстью (порокомъ, преступленіемъ) онъ обруганнаго хотѣлъ повинить», кромѣ того самый пасквиль сжигается рукою палача, подъ висѣлицею, причемъ, если авторъ его остался неизвѣстенъ, то онъ всетаки объявляется «безчестнымъ». Наказаніе за пасквиль налагается даже и въ случаѣ справедливости взводимаго въ немъ обвиненія, «понеже онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы другого погрѣшеніе объявить». За оскорбленіе словомъ положено испрашиваніе прощенія у обиженнаго или признаніе того, что онъ солгалъ (при клеветѣ), въ случаѣ же отказа виновнаго отъ исполненія этого, онъ принуждается къ тому посредствомъ наложенія наказаній, если же они не подѣйствуютъ, то возлагается на профоса, въ присутствіи упорнаго, «его именемъ отзывъ учинить». Кромѣ того вообще полагается всетаки подвергать еще и наказанію (денежному или заключеніемъ), «если гораздо жестоко бранилъ». Взаимность обидъ не освобождаетъ отъ наказанія и оба соперника должны быть наказаны за нанесенныя ими другъ другу оскорбленія.

Въ патентахъ о поединкахъ за брань, угрозы побоями и нанесеніе

удара рукою или палкою, полагается испрашиваніе прощенія «на колѣняхъ» и сверхъ того заключеніе и лишеніе жалованья въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. На основаніи обоихъ уставовъ обиженный обязанъ приносить жалобу на полученное оскорбленіе и за неисполненіе этого предписанія самъ подлежитъ наказанію, что установлено однако вовсе не для охраненія чести и достоинства военнаго званія, какъ это можно подумать, но собственно чтобы имѣть ручательство, что обиженный не станетъ искать удовлетворенія инымъ путемъ, вслѣдствіе чего въ патентѣ говорится, что онъ долженъ «или бить челомъ, или помириться». Вообще же, подобно тому, какъ и въ прежнихъ военно-уголовныхъ уставахъ, посредствомъ назначенія за оскорбленіе строгихъ наказаній, или имѣвшихъ характеръ тальона, и предписанія воинскому начальству доставлять обиженнымъ надлежащее и скорое удовлетвореніе, законъ стремился главнымъ образомъ къ предупрежденію поединковъ. Относительно поединковъ, воинскій артикулъ, насколько можно понять изъ него, собственно за выходъ на поединокъ и за состоявшійся поединокъ, хотя бы на немъ никто не пострадалъ, наказываетъ дуэлянтовъ вмѣстѣ съ секундантами—повѣшеніемъ, а если-бы кто палъ на поединкѣ, то предписывается вѣшать его за ноги и послѣ смерти. Патентъ о поединкахъ наказываетъ за поединокъ по степени близости къ его совершенію, а именно: 1) за вызовъ, принятіе вызова и участіе въ этомъ секундантовъ и картельщиковъ и даже за недонесеніе о послѣдовавшемъ вызовѣ полагается «лишеніе достоинствъ (служебныхъ) и чиновъ» и конфискація извѣстной части имѣнія (недвижимаго). Даже слуга, переносившій «вызывательную цыдулу» (картель), если онъ зналъ о ея содержаніи, наказывается шпицрутенами. 2) За выходъ на мѣсто поединка и обнаженіе оружія, если поединокъ будетъ прекращенъ по собственной волѣ участниковъ, они подвергаются «жестокому штрафу» (т. е. наказанію вообще): когда же исполненію поединка помѣшали другіе и за состоявшійся поединокъ, подобно тому, какъ и въ воинскомъ артикулѣ, положена смертная казнь повѣшеніемъ за ноги даже и мертвыхъ, кромѣ того и конфискація [1]).

---

[1]) Необходимо отмѣтить, что, въ силу указа 14 января 1702 г., иностранцы за поединокъ подвергались: въ случаѣ нанесенія ранъ—смертной казни, въ случаѣ же обнаженія оружія - отсѣченію руки.

VI. Преступленія противъ нравственности (плотскія) предусмотрѣны почти всѣ и сущность постановленій объ нихъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) Изнасилованіе, совершеніе котораго въ дружней землѣ или непріятельской наказывается безразлично смертною казнью или вѣчными галерами. Затѣмъ, хотя законъ и указываетъ правила, по которымъ слѣдуетъ опредѣлять степень достовѣрности жалобъ на изнасилованіе со стороны «сквернымъ женщинъ» («если оная съ великимъ крикомъ другихъ на помощь призывала» и т. п.), но вопреки «многихъ правъ» (въ томъ числѣ и Каролины) говорится, что изнасилованіе даже «явной блудницы» подлежитъ одинаковому наказанію, «съ чѣмъ, прибавляетъ воинскій артикулъ, Саксонскія права зѣло согласуются». 2) Мужеложство съ насиліемъ подлежитъ тому же наказанію, которое положено за изнасилованіе, а мужеложство безъ насилія и скотоложство наказываются легче, чѣмъ по краткому артикулу, не сожженіемъ, а только «жестокимъ» тѣлеснымъ наказаніемъ. 3) Прелюбодѣяніе наказывается иногда даже каторгою на время. 4) Кровосмѣшеніе наказывается сообразно близости родства, а именно, если оно совершается между родственниками въ восходящей или нисходящей линіи, то смертною казнью, а въ побочныхъ линіяхъ и между близкими свояками — по усмотрѣнію суда. 5) Незаконное сожитіе, послѣдствіемъ котораго было рожденіе ребенка, причемъ виновный обязывается обезпечить содержаніе ребенка и его матери, не подвергается наказанію только въ томъ случаѣ, когда на ней не женится. 6) Обольщеніе обѣщаніемъ жениться, при которомъ законъ, въ случаѣ признанія дѣйствительности не только блудной связи, но и самаго обѣщанія жениться, не назначаетъ наказанія, а предписываетъ только одно принужденіе къ вступленію въ бракъ, согласно данному обѣщанію («то онъ сіе содержать и на чреватой жениться весьма обязанъ»). 7) Вступленіе въ новый бракъ при существованіи прежняго (многобрачіе) наказывается по церковнымъ правиламъ.

VII. Преступленія противъ имущества вообще, постановленія о которыхъ представляютъ большое сходство съ находящимися въ краткомъ артикулѣ. Преступленія эти по степени ихъ важности распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) Зажигательство, за которое положено сожженіе; если же оно совершено по неосторожности, то наказывается по разсмотрѣнію. 2) Дорожный разбой съ нападеніемъ на домъ также съ оружіемъ и ночью,—положено колесованіе. 3) Грабежъ церквей и лицъ, привозящихъ провіантъ къ войску, смертная казнь съ положеніемъ тѣла на колесо. 4) Кража че-

ловѣка для продажи его—отсѣченіе головы. 5) Квалифицированная кража, которая состоитъ въ похищеніи предметовъ цѣною болѣе 20 руб. или хотя стоющихъ и меньше, но при совершеніи ея въ 4-й разъ, во время пожара или наводненія, относительно имущества своего господина или товарища, и кража казеннаго имущества и въ особенности ввѣреннаго охраненію при нахожденіи въ карауле; во всѣхъ этихъ случаяхъ полагается повѣшеніе; и 6) кража простая касается только предметовъ цѣною менѣе 20 руб., наказывается за совершеніе ея въ первый и второй разъ—шпицрутенами (6 и 12 разъ черезъ полкъ), а въ 3-й разъ—отрѣзаніемъ ушей и носа, ссылкою на каторгу (вѣроятно вѣчно). Послѣднее членовредительное наказаніе полагается за кражу и «изъ наметовъ и палубовъ», что соотвѣтствуетъ кражѣ со взломленіемъ, указанной въ Краткомъ Артикулѣ и Уложеніи Шереметева. и составляетъ вѣроятно кражу, произведенную посредствомъ наружнаго взлома. Собственно же кража подобранными ключами, именно когда «кто отопретъ сундуки или хоромы воровскими ключами», наказывается наравнѣ съ простой кражей—шпицрутенами. Къ кражѣ приравнивается присвоеніе ввѣреннаго имущества и утайка находки. Наказаніе за воровство «умаляется» и даже «весьма оставляется», когда она совершена изъ крайней голодной нужды въ «лишеніи ума» или малолѣтнимъ.

VIII. Клятвопреступленіе и лживые поступки,—заключаются: 1) въ ложномъ показаніи подъ присягою, за которое полагается, какъ было принято въ то время, отсѣченіе двухъ пальцевъ. «которыми присягалъ», и кромѣ того ссылка на каторгу, а когда черезъ это былъ причиненъ кому-либо важный вредъ, то наказаніе доходитъ до смертной казни. 2) Дѣланіе фальшивой монеты, которое можетъ производиться во 1-хъ употребленіемъ чужого чекана и не надлежащаго металла, за что въ обоихъ случаяхъ полагается сожженіе, и во-2-хъ отнятіе вѣса настоящей монеты, которое наказывается лишеніемъ чести и имѣнія. 3) Дѣланіе фальшивыхъ печатей и подписей (подлоги) подвергаетъ различнымъ наказаніямъ. доходящимъ до смертной казни («по состоянію обманъ великъ или малъ, или вредителенъ есть»). 4) Обмѣръ и обвѣсъ при продажѣ наказывается возвращеніемъ втрое неправильно полученнаго и кромѣ этого денежнымъ штрафомъ и тѣлеснымъ наказаніемъ. 5) Принятіе ложнаго имени или прозвища, съ цѣлью причиненія какого-либо вреда, наказывается по обстоятельствамъ преступленія.

ФОРМАЛЬНЫЕ ВОЕННО-УГОЛОВНЫЕ ЗАКОНЫ ПО ВОИНСКОМУ УСТАВУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Постановленія Воинскаго устава Петра Великаго, касающіяся судоустройства и судопроизводства, заключаются главнымъ образомъ въ краткомъ изображеніи процессовъ или судебныхъ тяжбъ, кромѣ того содержатся въ первой части воинскаго устава, въ особенности въ главахъ его: о генералъ-аудиторѣ, о генералъ-аудиторъ-лейтенантѣ, о писарѣ судебныхъ дѣлъ, о генералъ-гевальдигерѣ или руморъ-мейстерѣ, о чинѣ и рангѣ фискальскомъ, въ главѣ 50-й «о военномъ совѣтѣ и скорорѣшительномъ судѣ» и, отчасти, въ главахъ: о генералъ-фельдмаршалѣ, о всякомъ аншефтѣ, генералъ-кригсъ-комиссарѣ и другихъ. Наконецъ постановленія эти находятся во многихъ статьяхъ воинскихъ артикуловъ или толкованіяхъ къ нимъ и даже въ 3-й части воинскаго устава: «Экзерциціи, приуготовленіе къ маршу, званія и должности полковыхъ чиновъ», но собственно относительно должностей полковаго аудитора и полковаго профоса.

КРАТКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ПРОЦЕССОВЪ.

Краткое изображеніе процессовъ или судебныхъ тяжбъ было первымъ судебнымъ уставомъ для русскаго войска, который заключалъ въ себѣ подробное изложеніе правилъ судопроизводства. По своему назначенію, отчасти и содержанію, кр. изоб. касается судопроизводства вообще, но только о военныхъ судахъ хочетъ «пространѣе объявить». Кр. из. дѣйствовало въ военномъ вѣдомствѣ, подобно Воинскому Артикулу, до самаго изданія Военно-Уголовнаго Устава 1839 г., при чемъ лишь въ 1812 г. оно было замѣнено для военнаго времени изданнымъ въ томъ году Уставомъ Полевого Судопроизводства, хотя однако за весь этотъ періодъ времени характеръ процесса подвергался значительнымъ измѣненіямъ, не только вслѣдствіе изданія отдѣльныхъ узаконеній, но и путемъ правилъ, вырабатываемыхъ судебною практикою. Кр. изоб. проц., по закону 10 Апрѣля 1716 года будучи распространено и на гражданское вѣдомство, продолжалось до изданія Св. Зак. Уголовныхъ 1832 г. хотя въ гражданскомъ вѣдомствѣ оно примѣнялось въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ военномъ. Многія постановленія Кр. из. пр. вошли въ составъ какъ Военно-Уголовнаго Устава 1839 г., такъ и Св. Зак. Уголовн. 1832 г. и такимъ образомъ сохраняли силу въ вѣдомствахъ военномъ и гражданскомъ до самой судебной реформы.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЕГО.

Происхожденіе Кр. из. пр. до настоящаго времени не возможно было опредѣлить съ точностью. Согласно общепринятому мнѣнію, оно было составлено подъ вліяніемъ Каролины и тѣхъ толкованій ея, которыя были

даваемы ей нѣмецкими и италіянскими практиками [1]). Кр. из. пр. имѣетъ мало сходства съ существовавшими въ то время въ западной Европѣ военно-судебными уставами (Kriegs-Gerichtsordnung) и Инструкціями аудиторамъ (Auditor-Instruction) офиціальнаго характера, хотя ближе всего подходитъ къ Шведскимъ регуламъ Карла XI 1683 г.; оно также имѣетъ мало общаго съ многочисленными частными руководствами по военно-судебной части, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ даже носятъ весьма сходныя съ нимъ названія (Шульце и т. п. [2]). Но главное отличіе западно-европейскихъ правилъ военнаго процесса отъ нашего Кр. из. пр. состоитъ въ томъ, что въ немъ смѣшано производство дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ, хотя относительно послѣднихъ и есть нѣкоторыя особенности, а также слиты вмѣстѣ оба рода процесса, обвинительный и слѣдственный, между тѣмъ какъ въ Зап. Европѣ дѣлалось строгое различіе въ этихъ отношеніяхъ, причемъ въ руководствахъ къ военному судопроизводству сначала говорилось всегда о процессѣ обвинительномъ въ дѣлахъ гражданскихъ, потомъ о примѣненіи его въ дѣлахъ уголовныхъ и наконецъ о слѣдственномъ (инквизиціонномъ) процессѣ въ дѣлахъ уголовныхъ (большей важности). Изъ этого можно заключить, что Кр. из. пр., будучи сочинено по иностраннымъ образцамъ, было все-таки составлено спеціально для Россіи. Предположеніе это подтверждается еще и тѣмъ, что оно по характеру излагаемаго въ немъ процесса, совпадаетъ съ направленіемъ въ то время русскаго законодательства относительно порядка судопроизводства [3]) Въ русскомъ судопроизводствѣ въ XVII столѣтіи господствовалъ обвинительный процессъ, что̀ видно изъ Соборнаго Уложенія 1649 г. и указа 3-го Мая 1683 г., который стремился, изъ фискальныхъ цѣлей, воспрепятствовать распространенію розыска (порядка слѣдственнаго). Затѣмъ при Петрѣ Великомъ послѣдовалъ указъ 21-го Февраля 1697 г. объ отмѣнѣ «суда» и «очныхъ ставокъ» (формъ обвинительнаго процесса) и замѣнѣ ихъ розыскомъ, но съ нѣкоторою примѣсью обвинительныхъ началъ. Порядокъ судопроизводства, установленный

---

[1]) Линовскій, Опытъ историческаго розысканія о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи, Одесса, 1849.

[2]) По нѣкоторымъ даннымъ составителемъ Кр. изобр. былъ находившійся въ Россіи саксонскій оберъ-аудиторъ Кромпенъ. См. Бобровскій Военные законы Петра В. въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ. Ж. Г. и У. П. 1887, к. 2.

[3]) Кавелинъ, Исторія гражд. судопроизводства въ Россіи отъ Соборнаго Уложенія до учрежденія о губерніяхъ, Спб. 1862.

этимъ указомъ, въ главныхъ чертахъ является подходящимъ къ тому порядку, который принятъ въ Кр. из. пр. Вообще же постановленія Кр. из. пр. не имѣютъ ничего общаго съ Соборнымъ Уложеніемъ, но сходны съ постановленіями по военно-судебной части Кр. Арт. 1706 г., нѣсколько отличаясь отъ него относительно состава военнаго суда и порядка подачи голосовъ судьями.

Но въ отношеніи состава военныхъ судовъ Кр. из. пр. противорѣчитъ даже находящейся въ первой части Воинскаго Устава главѣ 50 «О военномъ совѣтѣ и скорорѣшительномъ судѣ», которая вообще, какъ видно, была заимствована не изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ было составлено Кр. из. процессовъ.

СИСТЕМА ЕГО. Краткое изображеніе процессовъ отличается систематичностью въ расположеніи его частей и изложено довольно хорошимъ слогомъ, причемъ однако употребляемые въ немъ термины представляются иногда настолько неяснымп, что ведутъ къ недоразумѣніямъ или къ невѣрному пониманію его постановленій (гражданскія дѣла, дѣла пыточныя и т. п.). Кр. из. пр. заключаетъ въ себѣ 81 статью, въ 16 главахъ, и состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ составляетъ вступленіе (2 главы: «О судѣ и судіяхъ» и «О процессѣ или тяжбѣ»). Затѣмъ въ виду раздѣленія процесса на три части, послѣдующіе отдѣлы излагаютъ каждую изъ этихъ частей процесса, а именно: первую часть процесса—отъ повѣщанія до отвѣтчикова отвѣта (шесть главъ); вторую часть процесса—до сентенца или приговора (тоже шесть главъ) и третью часть процесса—отъ приговора до совершеннаго окончанія процесса (двѣ главы). Кромѣ того, въ концѣ приложено «Оглавленіе приговоровъ въ наказаніяхъ и казняхъ», заимствованное изъ Датской судебной инструкціи (1683 года), заключающее въ себѣ перечисленіе наказаній, налагаемыхъ военными судами, о чемъ было сказано выше, при разсмотрѣніи матеріальныхъ военно-уголовныхъ законовъ Воинскаго Устава.

По Крат. из. пр. военная юрисдикція распространяется на офицеровъ, солдатъ и состоящихъ при войскѣ лицъ, «между которыми офицерскіе служители, харчевники (т. е. маркитанты) и прочіе, кромѣ женъ и младенцевъ, разумѣются», при чемъ не сказано, чтобы лица, состоящія при войскѣ, подлежали военному суду лишь въ военное время, какъ это принято было впослѣдствіи. Всѣ эти лица являются подсудными военному суду не только по уголовнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ, но, очевидно, не касающимся недвижимыхъ имуществъ.

СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ВОИНСКОМУ УСТАВУ.

Изъ Кр. из. пр. и главы 50 первой части Воинскаго Устава («О военномъ совѣтѣ и скорорѣшительномъ судѣ») видно, что военные суды были такіе, которые можно назвать обыкновенными и скорорѣшительными.

Обыкновенные же военные суды бываютъ, по Кр. из. проц. генеральный и полковой кригсрехтъ, а въ упомянутой выше главѣ Воинскаго Устава они названы верхнимъ и нижнимъ военными судами. Оба рода этихъ названій существовали въ шведскихъ военныхъ законахъ и были присвоены: первыя (генеральныхъ и полковыхъ) воен. судамъ, учреждаемымъ для разсмотрѣнія дѣлъ уголовныхъ, а послѣднія (верхнихъ и нижнихъ) для дѣлъ гражданскихъ, но у насъ генеральные и верхніе суды съ одной и полковые и нижніе воен. суды съ другой стороны имѣли одно и то же значеніе. Генеральные (верхніе) воен. суды учреждались при главной квартирѣ арміи, слѣдовательно въ военное время; о мѣстѣ же ихъ учрежденія въ мирное время не сказано. Они состояли подъ предсѣдательствомъ генерала, если же самъ Государь находился при арміи, то фельдмаршала и затѣмъ шести ассесоровъ, по Кр. из. пр. двухъ генералъ-поручиковъ, двухъ генералъ-маіоровъ, двухъ бригадировъ или полковниковъ; за недостаткомъ же генераловъ, вмѣсто нихъ могутъ быть назначены штабъ-офицеры всякаго чина. По главѣ 50-й первой части Воинскаго Устава число ассесоровъ не указано, но ихъ полагается назначать также изъ генераловъ, бригадировъ, иногда и полковниковъ. Генеральному (верхнему) военному суду подсудны въ качествѣ первой инстанціи: дѣла объ оскорбленіи Величества, оскорбленіе фельдмаршала или другихъ «высшихъ офицеровъ», преступленія, совершаемыя цѣлыми частями войскъ, и наконецъ преступленія со стороны генераловъ и даже штабъ-офицеровъ. Полковой (нижній) военный судъ, которому подсудны всѣ остальныя дѣла объ уголовныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ нижними чинами и оберъ-офицерами, и всѣ гражданскія дѣла въ первой инстанціи, учреждается въ мирное время у губернатора или коменданта и слѣдовательно имѣетъ мѣстный характеръ, какъ это было принято тогда въ западной Европѣ, по примѣру Франціи, гдѣ суды эти назывались гарнизонными военными судами; въ военное время воен. судъ учреждался въ полкахъ и вѣроятно собственно въ этомъ случаѣ носилъ названіе полкового. Полковой (нижній) военный судъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ полковника, подполковника или даже маіора (по главѣ 50 первой части Воинскаго Устава). Предсѣдательствующіе въ военныхъ судахъ именуются президентами, но въ описаніи должности полковаго аудитора

(въ 3 части Воинскаго Устава) предсѣдательствующій названъ презусомъ и этотъ терминъ былъ принятъ на практикѣ. Составъ ассесоровъ въ полковыхъ (нижнихъ) военныхъ судахъ не одинаковъ по Кр. из. пр. и главѣ 50 первой части Воинскаго Устава, какъ было упомянуто выше; въ первомъ изъ нихъ хотя и сказано, что «обыкновеніе бываетъ въ кригсрехтахъ тринадцати особамъ сидѣть, но понеже разныя воинскія нужды не допущаютъ всегда полное число офицеровъ имѣть или оныхъ при судебныхъ дѣлахъ удерживать», «того ради имѣ во многихъ мѣстахъ позволено въ кригсрехтахъ токмо семи особамъ сидѣть», что было принято первоначально во Франціи и заимствовано оттуда и другими государствами. Семь особъ составляется изъ презуса (президента) и шести ассесоровъ, именно: двухъ капитановъ, двухъ поручиковъ и двухъ прапорщиковъ, т. е. по два человѣка изъ каждаго оберъ-офицерскаго чина. По главѣ 50 первой части Воинскаго Устава соблюдается прежнее правило о назначеніи военнаго суда изъ тринадцати особъ, и кромѣ указанныхъ выше ассесоровъ изъ числа офицеровъ, полагается еще имѣть въ составѣ суда двухъ сержантовъ, двухъ капраловъ и двухъ или четырехъ рядовыхъ вмѣстѣ съ ефрейторами, т. е. шесть или восемь человѣкъ изъ нижнихъ чиновъ. Въ этомъ отношеніи постановленія упомянутой главы Воинскаго Устава сходятся съ постановленіями Крат. Арт., которыя, какъ было указано выше, находили примѣненіе на практикѣ, по именно: въ гвардейскихъ полкахъ и артиллеріи. Назначеніе нижнихъ чиновъ въ составъ военныхъ судовъ составляетъ замѣчательное явленіе, которое объясняется тѣмъ, что оно образовалось въ западной Европѣ во время господства наемныхъ войскъ (изъ ландскнехтовъ, швейцарцевъ и т. п.), вербуемыхъ изъ людей вольныхъ, въ средѣ которыхъ не было рѣзкаго различія между офицерами и нижними чинами, по ихъ личнымъ правамъ, образованію и умственному развитію. Различіе же это явилось потомъ, когда нижнихъ чиновъ начали набирать изъ лицъ однихъ низшихъ сословій, даже крѣпостныхъ людей, по обязательной повинности, а въ офицеры принимали только лицъ привилегированныхъ и болѣе образованныхъ сословій, поступавшихъ на службу по собственному желанію и пользовавшихся этимъ, какъ почетнымъ правомъ. Какъ видно изъ словъ Брандербургскаго генералъ-аудитора Шульце, въ концѣ XVII столѣтія, участіе нижнихъ чиновъ въ военныхъ судахъ почти вездѣ и въ западной Европѣ стало выходить изъ употребленія, прежде всего кажется во Франціи при Людовикѣ XIV, гдѣ могли быть призываемы одни сержанты и то за недостаткомъ офице-

ровъ. Устраненіе нижнихъ чиновъ изъ состава военныхъ судовъ послужило главною причиною къ его уменьшенію, что было сдѣлано, какъ мы увидимъ далѣе, съ сохраненіемъ въ военныхъ судахъ того же числа голосовъ, которое было прежде, посредствомъ замѣны порядка, принятаго и въ Краткомъ Артикулѣ, голосованія по классамъ чиновъ (curiatim), которыхъ было шесть, кромѣ предсѣдателя,—подачею голосовъ каждымъ изъ шести оставшихся въ военномъ судѣ ассессоровъ отдѣльно (viritim).

Аудиторы.

Въ виду того, что въ военныхъ судахъ (кригсрехтахъ) „обрѣтаются токмо офицеры, отъ которыхъ особливаго искуства въ правахъ требовать не можно; ибо они время свое обученіемъ воинскаго искусства, а не юристическаго провождаютъ; и того ради держатся при войскахъ генералъ, оберъ и полковые аудиторы, отъ которыхъ весьма требуется доброе искуство въ правахъ, и надлежитъ оным добрымъ быть юристамъ», «дабы при кригсрехтахъ накрѣпко смотрѣли и хранили, чтобъ процессы порядочно и надлежащимъ образомъ отправлялися, и хотя аудиторы при судѣ голосу въ приговорахъ не имѣютъ (чего ради оныхъ при судейскомъ столѣ и не сажаютъ, но обыкновенно при особливомъ столѣ, купно съ секретаремъ или протоколистомъ, ежели при томъ кто изъ сихъ опредѣлится, сидятъ), однако что надлежитъ оным и должны они всегда добрымъ порядкомъ, что за непристойно обрящутъ упоминать, или когда кого въ кригсрехтѣ въ разсужденіи погрѣшающаго усмотрятъ, тогда опаго къ правдѣ основательно приводить». Кромѣ того аудиторы должны были смотрѣть, чтобы «безъ разсмотрѣнія персонъ судили» и при разсмотрѣніи дѣла должны были быть посредниками между челобитчикомъ и отвѣтчикомъ. Слѣдовательно вообще аудиторы были юрисконсультами и блюстителями закона и вели самое дѣло на судѣ. Права и обязанности аудиторовъ разныхъ степеней въ частности были различны. Генералъ-аудиторъ былъ правителемъ военной канцеляріи и на него возлагалось веденіе переговоровъ съ непріятелемъ относительно размѣна плѣнныхъ (что было принято въ Швеціи и Даніи), но главнымъ образомъ обязанности его касаются военно-судной части и состоятъ въ веденіи дѣла на судѣ, очевидно генеральномъ, и составленіи приговора, и «конечное и послѣднее заключеніе отъ него зависитъ и оный долженъ генералитетству и прочимъ офицерамъ въ сумнительныхъ случаяхъ изъяснить, что всѣ народныя права и военные артикулы о томъ гласятъ»; онъ представляетъ генералу на утвержденіе постановленные военными судами приговоры и посылаетъ ихъ потомъ для исполненія. Кромѣ

того, о генералъ-аудиторѣ сказано еще мимоходомъ, что онъ «судитъ всѣ преступленія какого бы званія ни было», что представляется непонятнымъ потому, что въ Западной Европѣ лишь въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи генералъ-аудитору единолично предоставлялось сужденіе гражданскихъ маловажныхъ дѣлъ, но не дѣлъ о преступленіяхъ. Нравственныя качества, требуемыя отъ генералъ-аудитора, совпадаютъ съ тѣми, которыя указаны въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ воинскаго устава генерала Вейде 1698 г. Генералъ-аудитору даны были въ помощь генералъ-аудиторъ-лейтенантъ, извѣстное число оберъ-аудиторовъ, и въ его распоряженіи находился и писарь судебныхъ дѣлъ; о подчиненіи же ему аудиторовъ, состоявшихъ при частяхъ войскъ, не упомянуто, хотя зависимость ихъ отъ генералъ-аудитора должна была существовать, такъ какъ они опредѣлялись на должности центральнымъ военнымъ управленіемъ (военной канцеляріей), а не самими командирами частей войскъ, какъ это было въ Западной Европѣ. Положеніе генералъ-аудитора въ Западной Европѣ было различно, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оно было весьма высокимъ, такъ какъ генералъ-аудитору были иногда подчинены всѣ полицейскіе органы арміи, ему принадлежало предсѣдательство по нѣкоторымъ дѣламъ въ генеральномъ судѣ вмѣсто главнокомандующаго (въ Швеціи и императорскихъ войскахъ) и, наконецъ, онъ былъ даже почти независимъ отъ самого главнокомандующаго (въ Испаніи). По постановленія Воинскаго Устава о должности генералъ-аудитора составились вѣроятно преимущественно подъ вліяніемъ законовъ Пруссіи, гдѣ должность эта не имѣла особенно большого значенія. По свѣдѣніямъ, найденнымъ г. Розенгеймомъ, [1]) перваго генералъ-аудитора въ Россіи мы находимъ при Военной Канцеляріи въ 1712 году, именно И. В. Кикина, который управлялъ всѣми ея дѣлами въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ до 1716 г. и былъ помощникомъ генералъ-плениипотенціаръ-кригсъ-комиссара (князя Долгорукова), завѣдывая не только судною, но и строевою и хозяйственною частями («мундирнымъ строеніемъ»). Кромѣ генералъ-аудитора, при центральномъ военномъ управленіи, генералъ-аудиторы состояли еще иногда при арміяхъ, какъ это извѣстно напримѣръ относительно арміи фельдмаршала Шереметева въ 1715 г. (Глѣбовъ), и въ отрядѣ войскъ, въ томъ же году находившихся въ Померапіи подъ начальствомъ генерала Вейде (Крейцъ).

[1]) Указ. соч., стр. 368—369.

Генералъ-аудиторъ-лейтенанты были помощниками генералъ-аудиторовъ и исправляли ихъ должность за ихъ отсутствіемъ. Тѣ же обязанности лежали и на оберъ-аудиторахъ, находившихся при генералъ-аудиторѣ; когда же они состояли при частяхъ войскъ (отрядахъ), то къ нимъ обращались полковые аудиторы въ случаѣ затрудненій, встрѣченныхъ ими относительно примѣненія законовъ. Письмоводство въ управленіи генералъ-аудитора возлагалось на писаря судебныхъ дѣлъ, а въ военныхъ судахъ, преимущественно въ генеральныхъ, оно лежало на обязанности секретаря или протоколиста, «если таковые опредѣлятся». Наконецъ, что касается полкового аудитора, то, согласно описанію его должности въ части 3-й воинскаго устава, онъ долженъ былъ не только вести дѣло, но и записывать все, происходящее на судѣ, слѣдовательно былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлопроизводителемъ суда. Ему предписывалось, «буде же случатся какія дѣла, которыя бы ему вершить было трудно, то требовать совѣту у оберъ-аудитора и отъ него наставленія ожидать». О полковыхъ аудиторахъ упоминается уже въ краткомъ артикулѣ 1706 г., но соотвѣтствовавшіе имъ полковые шультгейсы, какъ мы видѣли, существовали въ Россіи еще въ первыхъ полкахъ, составленныхъ изъ иноземцевъ въ XVII столѣтіи, затѣмъ полковые аудиторы были положены въ полкахъ по табели 1711 г., но на практикѣ ихъ почти не встрѣчается, даже въ гвардіи, до самаго изданія Воинскаго устава Петра I.

Кромѣ аудиторовъ разнаго рода, въ Воинскомъ уставѣ мы находимъ слѣдующія должности, имѣвшія ближайшее отношеніе къ военно-судебной части:

Фискалы, которые учреждены въ гражданскомъ вѣдомствѣ еще въ 1708 г., положены были и въ войскахъ по табели 1711 г. *ФИСКАЛЫ.*

Одновременно съ установленіемъ этой должности, въ томъ же 1711 году были изданы «Артикулы фискальскіе», состоящіе изъ 9 статей. Это законоположеніе, не помѣщенное въ полномъ собраніи законовъ, было найдено г. Мышлаевскимъ [1]) въ сборникѣ распоряженій по коммиссаріатской части, которымъ былъ снабженъ назначенный въ 1712 году въ Финляндскій корпусъ оберъ-кригсъ-коммиссаромъ Квашнинъ-Самаринъ.

Согласно «Артикуловъ» фискалы должны были «обсервовать... (наблюдать), что прилежитъ къ высокому авантажу Его Царскаго Величества»,

---

[1]) См. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ, вып. IX, стр. XI.

а поэтому на ихъ обязанности лежало наблюденіе за исправными «заплатами» жалованья всѣмъ чинамъ, за огражденіемъ жителей отъ поборовъ, нижнихъ чиновъ—отъ частныхъ службъ, зашмуществомъ умершихъ военнослужащихъ. Фискалы должны были «добрую совѣсть имѣть и юстицію обсервовать... чтобы невиннаго въ услугѣ пребывающаго въ дистоноръ (безчестіе) не привесть»; въ случаѣ неисполненія умышленно обязанностей по «истигованію» (возбужденію дѣла), Артикулы угрожаютъ виновному лишеніемъ чести и жизни.

Что касается организаціи фискаловъ, то «Предложеніе Квашнину-Самарину» указываетъ, что въ каждомъ полку долженъ быть особливый фискалъ, выбранный изъ унтеръ-офицеровъ или прапорщиковъ.

По Воинскому уставу фискалы должны были состоять въ полкахъ и въ крѣпостяхъ, оберъ-фискалы – при дивизіяхъ, а при арміи—генералъ-фискалъ. Институтъ фискаловъ существовалъ въ Швеціи, Даніи и Голландіи, откуда онъ былъ заимствованъ Петромъ Великимъ. По словамъ Воинскаго устава—«фискалъ есть смотритель за каждымъ чиномъ, такъ ли всякой должностію истинною служитъ и въ прочихъ дѣлахъ, врученныхъ ему, поступаетъ». вслѣдствіе чего они обязаны были провѣдывать и доносить о преступленіяхъ, полковой фискалъ—полковому, а оберъ и генералъ-фискалъ—генеральному суду и на судѣ обличать, т. е. поддерживать обвиненіе: они обязаны были наблюдать за соблюденіемъ судами срока, положеннаго для разсмотрѣнія дѣлъ о личныхъ обидахъ, о нарушеніяхъ же казеннаго интереса фискалы должны были только сообщать коммиссаріату, на его усмотрѣніе. Кромѣ того фискаламъ предписывалось «самимъ ни до кого, и въ дѣла гласъ о себѣ имѣющія (т. е. по которымъ есть челобитчики), ни тайно, ни явно, не касаться» и тѣмъ болѣе, даже въ позывахъ къ суду, не позволять себѣ наносить кому либо оскорбленія. Фискалы не подвергаются наказанію, положенному въ законѣ доносителямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возводимое ими обвиненіе окажется неосновательнымъ, но фискалы могутъ подлежать въ этихъ случаяхъ только легкому взысканію за неосмотрительность и наказываются наравнѣ съ доносителями изъ частныхъ лицъ за доносенія, которыя будутъ признаны завѣдомо ложными.

КОМИССАРЫ. Генералъ-кригсъ-комиссаръ завѣдывалъ хозяйственною и инспекторскою частью въ арміи, вслѣдствіе чего на него возлагалось пре-

[1]) Мышлаевскій, стр. 82—83.

слѣдованіе нарушеній казеннаго интереса, обнаруживаемыхъ на инспекторскихъ смотрахъ, производимыхъ имъ самимъ или подчиненными ему комиссарами, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ взысканіе можетъ быть наложено самимъ Генералъ-Кригсъ-Комиссаромъ, иногда же онъ приказываетъ произвести только розыскъ; когда же дѣло подлежало разсмотрѣнію военнаго суда, то отъ Комиссаріата для поддержанія обвиненія могъ быть посланъ уполномоченный, въ качествѣ адвоката, назначаемый сообразно чину подсудимаго. Значеніе Генералъ-Кригсъ-Комиссара этимъ только и ограничивалось, хотя онъ соотвѣтствовалъ существовавшему въ Россіи при арміяхъ въ XVII столѣтіи начальнику раздачи жалованья, при которомъ собственно и состоялъ судъ для находившихся на службѣ въ арміи иноземцевъ. Относительно же Генералъ-Плениипотенціара (полномочнаго) Кригсъ-Комиссара, соотвѣтствовавшаго военному министру, слѣдуетъ замѣтить, что ему былъ непосредственно подчиненъ и Генералъ-Аудиторъ, состоявшій при Военной Канцеляріи.

Должность комиссаровъ, учрежденная также въ 1711 году, была опредѣлена изданными тогда же „Регламентами кригсъ-комиссарскими», напечатанными въ полномъ собраніи законовъ[1]), по увѣренію г. Мышлаевскаго[2]), съ значительными неправильностями противъ найденныхъ имъ «Регламентовъ кригсъ-комиссаріату». Въ регламентѣ комиссаріату 1710 г. (помѣщенномъ въ полномъ собраніи законовъ) говорится о преступленіяхъ начальниковъ по отношеніямъ ихъ къ подчиненнымъ и злоупотребленіяхъ, касающихся нарушеній казеннаго интереса, какъ со стороны военныхъ начальниковъ, такъ и комиссаровъ. Вообще въ регламентѣ сказано о тѣхъ преступленіяхъ, обнаруженіе которыхъ на инспекторскихъ смотрахъ и даже наложеніе за нихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказаній, преимущественно денежныхъ штрафовъ, было возложено на комиссаріатъ.

Интереснымъ представляется вопросъ о соотношеніи власти комиссаровъ и фискаловъ и о порядкѣ движенія слѣдственныхъ дѣлъ въ случаяхъ злоупотребленій — «братьи и кражѣ денегъ». Состоявшіе при полкахъ цалькомиссары по «инстигованію» фискаловъ вчинали дѣло. Комиссаръ «по протестаціи» доносилъ оберъ-кригсъ-комиссару, откуда уже дѣло направлялось «къ главному командующему» для «розыску» и для отсылки винов-

[1]) T. IV, № 2456.
[2]) Ibid., стр. XL

ныхъ къ «кригсрату», т. е. военному суду. Если убытокъ былъ великъ («знатный»), то надо было «отписываться съ главнымъ комиссаріатомъ».

Кромѣ того, оберъ-кригсъ-комиссары должны были «защищать и оборонять фискаловъ отъ нападенія офицеровъ и рядовыхъ, дабы фискалы... въ протестанціяхъ смѣлость имѣли и ни на комъ не отпускали».

Не менѣе важнымъ законодательнымъ памятникомъ о должности комиссаровъ является т. н. «Предложеніе къ прежнимъ статьямъ [1])», гдѣ подробно указанъ способъ отправленія военнаго правосудія комиссарами.

По полученіи протестованія, выписывалась изъ него краткая меморія, которая и присоединялась къ доношенію: затѣмъ меморія направлялась къ начальству чрезъ оберъ-аудитора. Послѣ разслѣдованія («инквизиціи») дѣло представлялось или въ главный комиссаріатъ, или въ кригсрехтъ. На судѣ оберъ-кригсъ-комиссаръ не могъ «мѣшаться» въ дѣло, а долженъ былъ слѣдить за правильностью веденія дѣла и «нѣтъ ли въ томъ какого (пристрастія) флатиру».

Если судъ присуждалъ виновнаго къ штрафу или вычету изъ жалованья, то «оную сентенцію оберъ-кригсъ-комиссаръ афирмовать (утвердить) долженъ», въ другихъ случаяхъ дѣло направлялось «до высокаго генералитета».

ПРОФОСЫ. Полковые профосы, существовавшіе въ первыхъ полкахъ, сформированныхъ въ XVII столѣтіи изъ иноземцевъ, упоминаются и въ уложеніи Шереметева (подъ названіемъ гевалтигеровъ) и въ краткомъ артикулѣ. Въ прежнее время на профосовъ или гевальдигеровъ возлагалось вообще преслѣдованіе нарушеній и поддержаніе обвиненія на судѣ, но по Воинскому Уставу они представляются только въ видѣ военно-полицейскихъ органовъ. Обязанности полкового профоса состоятъ главнымъ образомъ въ наблюденіи за чистотою въ лагерѣ, но онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи палочный карауль для охраненія и желѣза для скованія лицъ, подвергаемыхъ задержанію, и къ нему же присылаютъ офицеровъ для содержанія подъ арестомъ, но собственно подъ «нечестный карауль». Кромѣ того на профоса возлагается и исполненіе нѣкоторыхъ другихъ наказаній, напримѣръ: передача преступника палачу на мѣстѣ казни, нанесеніе удара по лицу тому, кто причинилъ такую же обиду другому, заявленіе отъ имени клеветника о томъ, что онъ солгалъ, при несогласіи послѣдняго сдѣлать

---

[1]) Мышлаевскій, Ibid, стр. 96—97.

это добровольно, раздѣваніе блудницъ при изгнаніи ихъ изъ лагеря и т. п. Сопротивленіе, оказанное профосу, по Воинскому артикулу, считается равнымъ съ нарушеніемъ дисциплины. Сами профосы подлежатъ, по Воинскому артикулу, наказанію за упускъ арестованныхъ. Полковые профосы находятся подъ начальствомъ Штабъ-Генералъ-Профоса, который однако не имѣетъ права наказывать ихъ самъ за неисполненіе ихъ обязанностей, но долженъ сообщить объ этомъ въ полки, т. е. ихъ командирамъ.

ГЕНЕРАЛЪ-ГЕВАЛЬДИГЕРЪ.

Генералъ-Гевальдигеръ или Румормейстеръ въ Швеціи, по уставу Густава Адольфа, были двумя различными должностными лицами, изъ которыхъ послѣдній былъ подчиненъ первому, и они были такими же военно-полицейскими органами во время похода, какъ Штабъ-Генералъ-Профосъ во время расположенія войска на мѣстѣ. Въ концѣ XVII столѣтія должность Генералъ-Гевальдигера или Румормейстера получила другой характеръ, что произошло подъ вліяніемъ французскаго военнаго права и существовавшей тамъ должности великаго прево (grand prévot) снабженнаго обширною карательною властью относительно преступленій, нарушающихъ порядокъ или безопасность арміи. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій Румормейстеру (Генералъ-Гевальдигеру) стали предоставлять право (въ Бранденбургѣ, потомъ въ Пруссіи и даже въ самой Швеціи при Карлѣ XI), въ случаѣ совершенія извѣстнаго рода преступленій, о строгомъ наказаніи которыхъ будетъ передъ тѣмъ объявлено въ войскѣ у пароля, не только задерживать, но и судить преступниковъ и приводить свои приговоры въ исполненіе, не исключая даже и смертной казни. Должность Генералъ-Гевальдигера или Румормейстера въ воинскомъ уставѣ описана недостаточно ясно, но изъ указаній на то, что Румормейстеръ ежедневно получалъ приказанія у пароля, имѣлъ право пойманныхъ преступниковъ, «если что подъ смертною казнью заказано», подвергать самъ смертной казни и наконецъ, что, въ случаѣ полученія Румормейстеромъ «жестокаго указа», при немъ должны были состоять священникъ и палачъ, присутствіе которыхъ было необходимо для исполненія смертныхъ приговоровъ, видно, что право постановлять эти приговоры предоставлялось Генералъ-Румормейстеру также по особому полномочію, указу, объявляемому у пароля: слѣдовательно Румормейстеръ по воинскому уставу долженъ былъ имѣть такое же значеніе, какъ въ Пруссіи и Швеціи.

«Инструкція Генералъ-Гевальдигеру [1])» 12 іюня 1714 года устанавливаетъ болѣе постоянныя правила его дѣятельности. По ст. 1 инструкціи ему принадлежала «власть и сила» преступниковъ брать за карауль, но ни наказывать, ни освобождать ихъ безъ разрѣшенія высшаго начальства онъ не могъ (ст. 2). По своему званію онъ соотвѣтствовалъ полковнику (ст. 40). Ему подчинялись: Румормейстеръ—съ двумя сержантами и дежурные полковые профосы (ст. 9 и 10), на которыхъ распространялась его дисциплинарная власть (стр. 12): на походѣ въ распоряженіе его командировалось по два человѣка отъ каждаго батальона (ст. 37); кромѣ того, «всякій командиръ» обязанъ былъ при надобности «воспомоществовать» ему и не «чинить въ чину ихъ помѣшательства» (ст. 38).

Инструкція предписывала «брать за карауль» виновныхъ въ слѣдующихъ случаяхъ: за отлучку солдатъ отъ судовъ [2]) далѣе ружейнаго («фузейнаго») выстрѣла (ст. 3), или послѣ пробитія вечерней зари (ст. 28) и за кражу (ст. 26). Полковой профосъ не могъ задерживать арестованнаго долѣе 30 часовъ, послѣ чего обязанъ былъ препроводить его къ генералъ-гевальдигеру или, въ случаѣ его отсутствія, одному изъ его подчиненныхъ (ст. 31). Гевальдигеръ обязанъ былъ имѣть объ арестованныхъ особую вѣдомость и слѣдить за «благосохраненіемъ» ихъ (ст. 33). Послѣ полученія арестованнаго генералъ-гевальдигеръ обязанъ былъ представить вѣдомость «дежуръ-генералу-маіору отъ дивизіи», который уже доносилъ воинскому начальнику (ст. 34), а затѣмъ о результатахъ этого сообщалъ для исполненія гевальдигеру (ст. 35).

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ гевальдигеру принадлежала власть не только предварительнаго арестованія, но и *исполненія наказанія* по его усмотрѣнію и назначенію, при чемъ предѣлы этой власти были очень широки, доходя иногда до смертной казни. Такъ, напримѣръ, инструкція ставитъ въ зависимость отъ усмотрѣнія генералъ-гевальдигера родъ и мѣру наказанія въ слѣдующемъ случаѣ: въ ст. 4—если въ сторонѣ отъ арміи будетъ пойманъ виновный въ разореніи, насиліи или грабежѣ, то гевальдигеръ «въ тѣхъ же мѣстахъ чинитъ наказанія безъ разсмотрѣнія персоны, не требуя иного свидѣтельства сверхъ того, что самъ то преступленіе

---

[1]) Арх. Мор. Мин., дѣла гр. Апраксина, № 252.—Мышлаевскій, указ. сочиненіе.

[2]) Инструкція касалась преимущественно генералъ-гевальдигера во флотѣ.

усмотритъ». Такія широкія полномочія гевальдигера имѣли мѣсто только въ случаяхъ чрезвычайныхъ.

Затѣмъ инструкція въ ст. 5 угрожаетъ наказаніемъ за игры въ карты и кости, въ ст. 19—за торговлю виномъ, въ ст. 25—за «продажу и пьянство» во время молитвы и за лихоимство и нечистоту лагеря (относительно профосовъ; ст. 12 и 23).

Генералъ-гевальдигеръ обязанъ былъ смотрѣть за исполненіемъ указовъ высшаго начальства (ст. 29) и наблюдать за маркитантами, ихъ документами (ст. 13), цѣною (ст. 15 и 22) и качествомъ продаваемыхъ ими продуктовъ (ст. 16), за установленіемъ таксы на припасы (ст. 17), за ихъ передвиженіемъ въ арміи и за состоящими при нихъ людьми (ст. 18): разъ въ недѣлю онъ осматривалъ квартиры полковъ, слѣдилъ—пѣтъ ли отсталыхъ и т. п.

Кромѣ довольствія, получаемаго отъ казны, генералъ-гевальдигеръ имѣлъ право пользоваться «за свои труды» отъ маркитантовъ—гарнцемъ пива отъ каждой бочки и однимъ фунтомъ мяса отъ каждой рогатой скотины (ст. 21).

Кромѣ судовъ обыкновенныхъ (генеральнаго и полковаго), по воинскому уставу былъ еще судъ скорорѣшительный (или состоятельный—Standrecht), о которомъ упоминается и въ кр. арт., при чемъ въ Западной Европѣ онъ былъ настоящимъ судомъ коллегіальнаго состава и отличался отъ обыкновенныхъ военныхъ судовъ только большею быстротою судопроизводства. Постановленія о скорорѣшительномъ судѣ въ воинскомъ уставѣ отличаются крайнею неясностью, такъ какъ, говоря о подсудности скорорѣшительному суду тѣхъ, «кто противъ данныхъ указовъ подъ смертнымъ наказаніемъ, что нагло, изъ злости учинитъ, и иные указы нарушитъ», Воинскій уставъ смѣшиваетъ скорорѣшительный судъ съ правомъ суда, предоставленнымъ Румормейстеру, такъ что объ формы процесса оказываются какъ будто тождественными между собою. Относительно производства дѣлъ воинскій уставъ говоритъ, что въ скорорѣшительномъ судѣ «преступникъ при остановкѣ онаго полка или роты безъ всякихъ обстоятельствъ и допросовъ, черезъ священника токмо исповѣдався, и потомъ того часу предъ всѣми повѣшенъ или разстрѣленъ имѣетъ быть». Скорорѣшительный судъ въ Западной Европѣ вовсе не произошелъ отъ суда длиннаго копія (der langen Spiesse), который былъ судомъ корпоративнымъ, вродѣ круговъ у казаковъ, но требовавшимъ многихъ формальностей, исполненіе которыхъ было

сопряжено съ большими неудобствами. Предположеніе это кромѣ того опровергается еще тѣмъ, что скорострѣльный судъ съ судомъ длиннаго копья при Карлѣ V и позже въ XVII столѣтіи существовали одновременно. Въ воинскомъ уставѣ ничего не упоминается о духовныхъ военныхъ судахъ, существовавшихъ во многихъ протестантскихъ государствахъ, изъ которыхъ Петромъ Великимъ была заимствована большая часть его военно-уголовныхъ постановленій.

ЗНАЧЕНІЕ ВОЕННАГО НАЧАЛЬСТВА ВЪ ОТПРАВЛЕНІИ ПРАВОСУДІЯ.

Въ заключеніе изложенія постановленій о судоустройствѣ по воин. уставу остается сказать о значеніи относительно отправленія правосудія военнаго начальства. Военные начальники пользуются правомъ наложенія дисциплинарныхъ взысканій, хотя на этотъ счетъ и не было категорическаго постановленія, подобнаго тому, которое мы находимъ въ Краткомъ Артикулѣ. Затѣмъ военные начальники обязаны были объявлять о преступленіяхъ своихъ подчиненныхъ, для привлеченія ихъ къ отвѣтственности по суду. Самая же передача дѣла въ военный судъ должна была принадлежать вѣроятно власти высшаго („высокаго") начальства (т. е. главнокомандующаго), которое только одно имѣло право учреждать военный судъ для разсмотрѣнія даннаго дѣла, такъ какъ постоянныхъ военныхъ судовъ не существовало. О главнокомандующемъ (аншефѣ) сказано, что онъ долженъ избѣгать „похлѣбства" (т. е. снисходительности), состоящаго въ томъ, что „ставя въ милосердіе, еже виннымъ легко судить, или по случаю иныхъ и весьма свободныхъ отъ суда имѣть, дабы тѣмъ отъ людей любовь получить (т. е. исканіе популярности). Но таковый храмину свою на пескѣ созидаетъ, безъ твердаго основанія и всегда готова къ паденію» и потому ему рекомендуется за прегрѣшенія" „накрѣпко и со усердіемъ наказывать": онъ долженъ также „смотрѣть, чтобы военные суды право отправлялися, не маня никому, ни посягая на кого". Кромѣ того, одному главнокомандующему принадлежитъ право утвержденія приговоровъ военныхъ судовъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже. Исполненіе приговоровъ совершается, какъ видно, по распоряженію военнаго начальства Наконецъ начальнымъ людямъ (по вѣроятно собственно офицерамъ) дается право наложенія наказанія безъ суда, по предоставленной имъ въ этихъ случаяхъ чрезвычайной власти, а именно: въ случаѣ бунта, сопротивленія къ возвращенію въ строй и т. п.

ПОРЯДОКЪ СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Воинскій уставъ высказываетъ, какъ общее правило, что не дозволяется „никого не точію наказывать, ниже штрафовать безъ фергерунга и воинскаго суда" (кригсрехта), причемъ подъ фергерунгомъ или фергеромъ (Verhör),

онъ разумѣетъ собственно слушаніе дѣла, а подъ военнымъ судомъ (кригсрехтомъ) одно лишь постановленіе рѣшенія. Но существованіе такого правила не исключаетъ всетаки права наложенія взысканій безъ суда въ дисциплинарномъ порядкѣ, въ дѣлахъ маловажныхъ, и даже примѣненія тяжкихъ наказаній, по усмотрѣнію начальства, въ случаяхъ чрезвычайныхъ. Въ виду отсутствія военныхъ судовъ постояннаго состава и назначенія ихъ для разсмотрѣнія каждаго дѣла особо, созывъ военныхъ судовъ совершается посылкою „указа“ отъ „высокаго“ (высшаго) начальства къ лицу, избранному имъ президентомъ (презусомъ) суда по данному дѣлу. Вмѣстѣ съ этимъ президенту сообщаются и имена ассесоровъ или же выборъ ихъ предоставляется его собственному усмотрѣнію, что дѣлается отчасти понятнымъ, принявъ во вниманіе, что для предсѣдательствованія въ военномъ судѣ назначаются иногда старшіе начальники: въ полковомъ—полковникъ, а въ генеральномъ—самъ фельдмаршалъ. Время и мѣсто собранія суда объявляется наканунѣ у пароля, или же ассесоры увѣдомляются о томъ полковымъ адъютантомъ; законъ предостерегаетъ ихъ, чтобы они были трезвы, и требуетъ, чтобы судъ собирался рано по утру. За несвоевременное прибытіе въ военный судъ ассесоры подвергаются денежному штрафу. Собранный военный судъ размѣщается слѣдующимъ образомъ: президентъ (презусъ) въ вышемъ мѣстѣ садится, ассесоры офицеры—по своимъ рангамъ (чинамъ), аудиторъ садится въ нижнемъ мѣстѣ при судѣ или же по лѣвую сторону президента, во всякомъ случаѣ не при судейскомъ столѣ, а около секретаря или протоколиста, если они были, „дабы онъ оттоль лучше записку смотрѣть могъ“. Унтеръ-офицеры и рядовые, по воинскому уставу, принимающіе участіе въ судѣ, должны находиться въ военномъ судѣ стоя. При разсмотрѣніи дѣлъ о преступленіяхъ, за которыя можетъ быть назначена смертная казнь, по главѣ 50 первой части Воинскаго устава, на столѣ у президента должны лежать обнаженная шпага или мечъ и бѣлый посохъ, послѣднее „въ знакъ чистой правости, а мечъ злому въ отомщеніе“. Открывая засѣданіе суда, президентъ объявляетъ о дѣлѣ, для разсмотрѣнія котораго судъ созванъ, уговариваетъ присутствующихъ въ судѣ, „чтобъ при отправленіи дѣла памятовали свою совѣсть“ и кромѣ того „что при судѣ случится, хранили бы тайно“, изъ чего видно, что засѣданія военныхъ судовъ не были публичны. Послѣ этого чрезъ адъютанта, который „къ суду для услуженія опредѣленъ“, вводятся челобитчикъ и отвѣтчикъ (стороны), которые должны заявить суду о тѣхъ судьяхъ, которые имъ кажутся „по-

дозрительны", т. е. объ отводѣ судей. Отводъ допускается не только по указаннымъ въ законѣ, но и по другимъ причинамъ, „о которыхъ разумный судья самъ разсудить можетъ, ибо всѣхъ причинъ подробно въ правахъ описать не можно». Степень уважительности отвода разсматривается судомъ въ отсутствіи отводимаго судьи и лица, предъявившаго отводъ, и рѣшеніе суда по этому вопросу объявляется затѣмъ имъ обоимъ, причемъ за неосновательный отводъ, собственно по вымышленной причинѣ, положено подвергать наказанію, такъ какъ заявленіе объ отводѣ „зѣло осторожно и доказательно имѣетъ быть". Затѣмъ идетъ приводъ судей къ присягѣ по тексту, помѣщенному въ законѣ, читаемому аудиторомъ; о присутствіи же для этого священника не говорится. Лица, которыя „всегда или по часту" принимаютъ участіе въ военныхъ судахъ, и всѣ судьи, въ случаѣ маловажности дѣла, не приводятся къ присягѣ, а лишь текстъ ея прочитывается аудиторомъ для напоминанія объ ней. Послѣ присяги судей президентъ уговариваетъ стороны, чтобы онѣ свое дѣло „съ воздержаніемъ и вкратцѣ" доносили и тогда, говоритъ законъ, начнется процессъ или тяжба. Въ Кр. из. процессовъ сказано, что процессъ можетъ быть двоякій: 1) „Когда челобитчикъ, который на отвѣтчика, учиненнаго ради преступленія, предъ судомъ жалобу приноситъ, и со онымъ только процессъ имѣетъ" и 2) „когда судья, ради своего чина, по должности судебной вопросъ и розыскъ чинитъ, гдѣ, какимъ образомъ, какъ и отъ кого такое учинено преступленіе", слѣдовательно законъ различалъ уже процессы обвинительный и слѣдственный, хотя, какъ говорится далѣе „токмо при обоихъ процессахъ порядокъ одинъ есть, какъ въ рѣчахъ, въ отвѣтѣ, доказахъ и прочемъ". Изъ совокупности постановленій Кр. из. пр. оказывается, что указанная въ немъ форма процесса была смѣшанною, хотя и имѣла преимущественно характеръ обвинительный, подобно своему образцу Каролинѣ, допуская широкое участіе сторонъ въ производствѣ дѣла· примѣненіе состязательнаго начала (согласно тексту присяги, судъ долженъ былъ рѣшать дѣло по челобитью и отвѣту, обязанность же аудитора, какъ уже сказано, состояла въ томъ, чтобы быть посредникомъ между челобитчикомъ и отвѣтчикомъ и т. п.). Въ военныхъ судахъ былъ принятъ одинаковый порядокъ для производства дѣлъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, которыхъ было въ нихъ вѣроятно больше, поэтому въ процессъ военныхъ судовъ неминуемо долженъ былъ войти и элементъ слѣдственный и допущена была пытка, подобно тому, какъ это случилось въ судахъ общихъ, въ которыхъ со вве-

деніемъ по закону 21-го Февраля 1697 г. для всѣхъ дѣлъ розыска, вмѣсто „судовъ“ и „очныхъ ставокъ“, допущено было примѣненіе очистительной присяги, составлявшей принадлежность процесса обвинительнаго. Вопреки тому, что мы видимъ въ Кр. из. пр., глава 50-я первой части Воинскаго Устава, судя по тѣмъ краткимъ указаніямъ, которыя въ ней находятся относительно производства дѣлъ, придерживается процесса слѣдственнаго, потому что она говоритъ только о допросѣ подсудимаго, производимомъ аудиторомъ, и объ участіи въ дѣлѣ сторонъ не упоминается. Такой порядокъ (слѣдственный) вѣроятно примѣнялся къ дѣламъ о преступленіяхъ по службѣ и важнѣйшихъ уголовныхъ преступленіяхъ (прежнихъ дѣлахъ губныхъ). При производствѣ дѣлъ въ военныхъ судахъ (кригсрехтахъ), по Кр. из. пр. „болѣе смотрятъ на самое дѣло (существо его), нежели на краснословіе и лѣпоту процессовъ“, т. е. излишнія обрядности, служащія для придачи большей торжественности, такъ какъ въ военныхъ судахъ дѣла должны были производиться сокращеннымъ порядкомъ, „отложа всякую пространность“. Для разсмотрѣнія дѣлъ объ обидахъ положенъ срокъ, отъ 4—6 недѣль, о чемъ было сказано въ патентѣ о поединкахъ, и положено дѣлать вычетъ изъ жалованья съ виновныхъ „на столько времени, сколько они за шесть недѣль протянутъ“, фискаламъ же предписывается „донесеніемъ (по этому предмету) не умедлять“.

Процессъ въ военныхъ судахъ раздѣляется на три части.

Первая часть процесса «начинается отъ повѣщанія и простирается до отвѣтчикова отвѣта». *ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА.*

Повѣщаніе состоитъ въ сообщеніи отвѣтчику о сущности поданной на него жалобы и увѣдомленіи обѣихъ сторонъ о времени явки въ судъ, потому что необходимо, чтобы, «по правамъ натуральнымъ» (т. е. естественному праву) каждый былъ допущенъ «къ оборонѣ своей и оправданію». Челобитчикъ долженъ обращаться съ своимъ заявленіемъ въ тотъ судъ, въ которомъ «вѣдомъ» отвѣтчикъ, въ противномъ случаѣ позывъ остается безъ всякаго дѣйствія. Прежде, какъ видно изъ указовъ 1699 г. и 1700 г., для соблюденія этого правила подсудности, въ случаѣ подачи жалобы на отвѣтчиковъ, находящихся въ походѣ, велѣно было самихъ челобитчиковъ высылать въ армію подъ военный судъ. Хотя въ Кр. из. пр. и говорится объ обращеніи челобитчиковъ и фискаловъ прямо въ суды, но такъ какъ военные суды не были постоянными, то на практикѣ приходилось вѣроятно подавать свое заявленіе тѣмъ начальникамъ, которые имѣли право

созывать военный судъ. Подсудимые, находившіеся подъ арестомъ, очевидно, подлежали приводу въ судъ, арестованіе же обвиняемыхъ допускается только при достаточности подозрѣнія («зело осторожно поступать и не вскорѣ за арестъ взять»); относительно же нижнихъ чиновъ сказано, что они подвергаются аресту при совершеніи ими всякаго рода преступленій.

САЛЬВЪ-КОНДУКТЪ.

Когда же обвиняемые находятся въ такихъ мѣстахъ, откуда ихъ взять невозможно, то, для обезпеченія ихъ явки въ судъ, имъ можетъ быть выданъ такъ называемый сальвъ-кондуктъ, свободный отпускъ или безопасная грамота, что было принято въ Германіи съ цѣлью вызова такихъ обвиняемыхъ, которые могутъ служить для обличенія другихъ болѣе важныхъ соучастниковъ и для предупрежденія перехода на сторону непріятеля. Безопасная грамота эта дается обыкновенно высшимъ правительствомъ государства, но выдача ея предоставляется и главнокомандующему, во избѣжаніе того, «чтобы бѣглый отъ долгаго замедленія къ непріятелю не ушелъ, отъ чего злыя слѣдованія почасту происходятъ». Въ грамотѣ назначается обвиняемому опредѣленный срокъ, до истеченія котораго обвиняемый, явившись въ судъ, оставляется на свободѣ и можетъ свободно отъ суда отлучиться. Личность получившаго безопасную грамоту находится подъ особою охраною закона, вслѣдствіе чего, за причиненіе ему обиды, можетъ быть назначена даже смертная казнь. Само правительство, по закону, обязано соблюдать безопасную грамоту, даже въ случаѣ совершенія обвиняемымъ другихъ преступленій, по которымъ ему этой грамоты дано не было (вопреки порядку, принятому въ западной Европѣ). Законъ требуетъ однако, чтобы получившій сальвъ-кондуктъ велъ себя хорошо и воспрещаетъ ему ѣздить окольными путями и имѣть при себѣ оружіе. О выдачѣ безопасной грамоты говорится въ воин. артикулѣ спеціально относительно случая побѣга цѣлыхъ частей войскъ съ поля сраженія, причемъ о вызовѣ ихъ въ генеральный военный судъ объявляется посредствомъ публичнаго барабаннаго боя и трубнаго звука три раза въ теченіе девяти недѣль, послѣ чего судъ разсматриваетъ дѣло о всѣхъ обвиняемыхъ. Касательно тѣхъ изъ нихъ, которые явятся и не оправдаются, если они получили сальвъ-кондуктъ, то онъ «непарушимо содержанъ быти имѣетъ», хотя «приговоръ противъ оныхъ будетъ учиненъ и въ ономъ наказаніе, которое они заслужили, означено», тѣ же изъ обвиняемыхъ, которые не явятся на судъ, осуждаются заочно къ шельмованію и конфискаціи и по поимкѣ подвергаются смертной казни,

вѣроятно безъ новаго разсмотрѣнія дѣла, «безъ процессу», какъ это установлено относительно заочнаго осужденія лицъ, перебѣжавшихъ къ непріятелю, что̀ въ этомъ случаѣ и предполагается.

СТОРОНЫ ВЪ ПРОЦЕССѢ.

Сторонами въ процессѣ были челобитчикъ и отвѣтчикъ, которые пользовались правомъ посылать вмѣсто себя полномочныхъ или адвокатовъ. Однако это допускалось только въ случаѣ болѣзни или другихъ важныхъ причинъ, когда челобитчикъ или отвѣтчикъ не могли явиться въ судъ сами, слѣдовательно участіе въ процессѣ черезъ полномочныхъ лицъ или адвокатовъ дозволялось только въ видѣ исключенія. Свое нерасположеніе къ адвокатамъ Кр. из. пр. объясняетъ тѣмъ, что они въ военныхъ судахъ «своими непотребными пространными приводами судью болѣе утруждаютъ —и оное дѣло толь паче къ вящшему пространству, нежели къ скорому приводятъ окончанію». Въ «розыскныхъ» же дѣлахъ (вѣроятно уголовныхъ) употреблять вмѣсто себя адвокатовъ запрещается, но это относится однако къ одному только отвѣтчику, такъ какъ при этомъ прибавлено: «принужденъ отвѣтчикъ отвѣтствовать своей особою», т. е. лично, что̀ и понятно при томъ значеніи, которое придавалось сознанію обвиняемаго и допущенію употреблять относительно его пытку.

СЛУШАНІЕ ДѢЛА.

Слушаніе дѣла (фергеръ), по Кр. из. процессовъ, начинается съ обмѣна возраженій между сторонами, который производится преимущественно устно. Прежде всего челобитчикъ долженъ былъ, въ присутствіи отвѣтчика, «жалобу свою кратко и ясно приносить», послѣ чего отвѣтчикъ обязанъ былъ „тогожъ часу явственно отвѣтствовать“. Въ „пространныхъ дѣлахъ“ дозволяется представлять въ судъ письменную жалобу, и для подачи письменнаго отвѣта на нее, судъ дастъ краткій срокъ и затѣмъ въ теченіе его челобитчикъ можетъ «учинить противный отвѣтъ» (т. е. подать возраженіе), а отвѣтчикъ послѣ этого, въ свою очередь, равнымъ же образомъ „отвѣтствовать“ (т. е. подать опроверженіе), а болѣе сего обоимъ имъ не позволяется. Такой порядокъ предварительной подготовки дѣла, посредствомъ подачи состязательныхъ бумагъ въ числѣ четырехъ, сходенъ съ принятымъ въ настоящее время въ уставѣ гражд. судопроизводства. Слѣдствія предварительнаго, какъ акта, отдѣльнаго отъ разсмотрѣнія дѣла на судѣ, по Кр. из. пр. не было и хотя въ Западной Европѣ, большею частію (особенно въ Пруссіи), было принято назначать двѣ различныя коммиссіи для слушанія военно-суднаго дѣла (Verhör) и для постановленія по немъ приговора (Kriegsrecht), но въ Россіи, при Петрѣ Великомъ производство фергеровъ

и кригерехтевъ возлагалось всегда на одну и ту же комиссію суда, какъ видно изъ закона и дошедшихъ до насъ подлинныхъ дѣлъ. Послѣ обмѣна возраженій, предметъ дѣла (иска) считается установленнымъ и никто не можетъ предлагать новыхъ пунктовъ (т. е. обвиненій) или новыхъ „приводовъ“ (доводовъ), подъ опасеніемъ, если они будутъ приняты, недѣйствительности приговора. Дальнѣйшій ходъ дѣла зависитъ отъ того, признаетъ ли отвѣтчикъ справедливость принесенной на него жалобы. Если онъ „весьма повинится, то судъ приступаетъ прямо къ составленію приговора, что вполнѣ согласно съ обвинительнымъ характеромъ процесса. Впрочемъ, какъ будетъ указано ниже, собственное признаніе считается дѣйствительнымъ и ведетъ непосредственно къ постановленію приговора лишь при извѣстныхъ условіяхъ, изъ чего можно вывести, что подъ признаніемъ отвѣтчика, указаннымъ въ первой части процесса, разумѣется вѣроятно то признаніе, которое дѣлается въ дѣлахъ гражданскихъ, въ которыхъ оно имѣетъ безусловное значеніе и въ настоящее время, постановленія же о собственномъ признаніи (во второй части процесса), какъ о родѣ доказательства, вѣроятно относятся къ дѣламъ собственно уголовнымъ. Если же отвѣтчикъ „весьма запрется“ или хотя и признаетъ дѣйствительность фактовъ, указанныхъ въ жалобѣ, но укажетъ на обстоятельства, по которымъ дѣло представляется въ другомъ видѣ, то судъ „розыскиваетъ“ (т. е. изслѣдуетъ дѣло) посредствомъ „доказанія“, т. е. приступаетъ къ разсмотрѣнію доказательствъ, что составляетъ предметъ второй части процесса.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА.

Въ началѣ изложенія хода процесса во второй части его говорится, что обѣ стороны приводятъ доказательства, «изъ которыхъ правда познается», т. е. ведутъ между собою состязаніе. На челобитчикѣ лежитъ обязанность доказать взводимое имъ обвиненіе, причемъ, если онъ этого не исполнитъ, а между тѣмъ самое обвиненіе принадлежитъ къ числу тяжкихъ, то онъ подлежитъ наказанію согласно «Уложенію», подъ которымъ разумѣется вѣроятно не Соборное Уложеніе, а уложеніе Карла V (Carolina). Впрочемъ челобитчикъ, по воинскому артикулу, подвергается наказанію и въ томъ случаѣ, когда предъявитъ бездоказательное обвиненіе относительно нанесенія ему личной обиды. Если дѣло было начато по поводу ходившихъ злыхъ слуховъ, то огласившій ихъ долженъ доказать ихъ справедливость, въ противномъ случаѣ онъ подлежитъ наказанію. Когда же, съ цѣлью повредить чести другого лица, обвиненіе его будетъ сдѣлано въ распространяемомъ въ публикѣ анонимномъ письмѣ, называемомъ паскви-

лемъ, то пасквилянтъ отвѣчаетъ, смотря по тому, въ какомъ преступленіи онъ хотѣлъ обвинить, и наказывается даже и въ томъ случаѣ, когда обвиненіе окажется справедливымъ «за то, что истиннымъ путемъ не пошелъ, чтобы погрѣшеніе другого объявить». Самый же пасквиль сжигается подъ висѣлицею рукою палача. Въ отличіе отъ другихъ доносителей, фискалы, какъ должностныя лица, не подлежатъ наказанію, когда взведенное ими обвиненіе останется недоказаннымъ, и могутъ быть подвергнуты только легкому взысканію за одну лишь неосмотрительность, о чемъ было сказано выше. Точно также извѣстители, т. е. тѣ лица, которыя, не обличая кого либо явно въ совершеніи преступленія, т. е. не являясь по дѣлу частными обвинителями, лишь сообщаютъ начальству въ тайнѣ объ извѣстныхъ имъ признакахъ преступленія, не подвергаются наказанію за бездоказательность своего извѣщенія. Челобитчикъ не можетъ для доказательства справедливости взводимаго имъ обвиненія быть допущенъ къ присягѣ, хотя бы онъ о томъ и просилъ, такъ какъ «буде они оба будутъ присягать, то правда на сторонѣ отвѣтчика быть имѣетъ». На отвѣтчикѣ лежитъ обязанность опровергать выставленныя противъ него обвиненія, посредствомъ приведенія своихъ доводовъ и доказательствъ, причемъ, если челобитчикъ представитъ нѣкоторыя доказательства, которыхъ отвѣтчикъ опровергнуть будетъ не въ состояніи, то тогда обращаются къ крайнимъ средствамъ—очистительной присягѣ или пыткѣ, какъ мы увидимъ ниже.

СУДЕБНЫЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

Роды судебныхъ доказательствъ, по Кр. из. пр., были: 1) «Своевольное признаніе», названное такъ вѣроятно въ отличіе отъ признанія, получаемаго посредствомъ пытки. 2) Свидѣтели. 3) Письменныя доказательства. 4) Улики. Затѣмъ къ числу доказательствъ принадлежатъ и составляютъ послѣднія средства для открытія истины: очистительная присяга и пристрастный допросъ или пытка. «Собственное признаніе есть лучшее свидѣтельство всего свѣта» и ведетъ къ постановленію приговора, не требуя дальнѣйшаго представленія доказательствъ, причемъ для дѣйствительности его необходимо, чтобы самое событіе преступленія не подлежало никакому сомнѣнію, чтобы признаніе было сдѣлано добровольно и непремѣнно въ судѣ и наконецъ, чтобы не было основанія сомнѣваться въ его достовѣрности; но постановленія эти относительно собственнаго признанія, какъ было уже упомянуто, должны относиться именно къ дѣламъ уголовнымъ, а не къ гражданскимъ искамъ. Свидѣтели были самымъ важнымъ и наиболѣе употребительнымъ родомъ доказательствъ, при отсутствіи

сознанія отвѣтчика, вслѣдствіе чего Кр. из. пр. говоритъ объ нихъ особенно подробно. Въ постановленіяхъ о свидѣтеляхъ перечислены сначала причины, по которымъ вообще къ свидѣтельству не допускаются (о свидѣтеляхъ «негодныхъ и презираемыхъ»). Причины эти, указанныя въ 17 пунктахъ, могутъ быть сведены въ три группы. Къ первой принадлежатъ: 1) Опороченные судомъ разнаго рода преступники, въ томъ числѣ прелюбодѣи, которые «самому Богу данную клятву нарушили», отлученные отъ церкви, «которые за басурмановъ почитаются», и не бывшіе у святого причастія, такъ какъ они не могутъ давать показаній подъ присягою, изъ чего и упоминанія о басурманахъ можно заключить, что въ судахъ принималось свидѣтельство однихъ только христіанъ, что̀ объясняется простымъ заимствованіемъ постановленій на этотъ счетъ изъ Западной Европы, гдѣ почти не существовало не христіанскихъ подданныхъ или же это было принято для того, что бы устранить отъ свидѣтельства раскольниковъ. 2) Лица заинтересованныя, именно: свидѣтели въ собственномъ дѣлѣ, лица подкупленныя къ свидѣтельству, состоящія съ участвующими въ дѣлѣ въ родствѣ, дружбѣ или враждѣ въ данное время или, по мнѣнію юристовъ, говоритъ законъ, когда они бывали даже во враждѣ прежде, и 3) малолѣтніе, недостигшіе 15 лѣтъ, и лица, свидѣтельствующія по слуху отъ другихъ. Отводъ свидѣтелей дѣлается по всѣмъ этимъ причинамъ, по заявленію стороны, для чего свидѣтели, до ихъ допроса, предъявляются сторонѣ, противъ которой они представлены, что называется очною между ними ставкою. Въ случаѣ сомнѣнія относительно того, подлежитъ ли свидѣтель отводу, до рѣшенія этого вопроса, отводимый свидѣтель допрашивается безъ присяги, какъ это принято и въ настоящее время. Кромѣ означеннаго случая, свидѣтели должны быть непремѣнно приведены къ присягѣ до ихъ допроса, хотя показанія ихъ считаются наравнѣ съ данными подъ присягою, если только послѣ дачи показанія присяга будетъ принята въ тотъ же самый день. Показаніе, данное безъ присяги, не имѣетъ никакой силы; отъ самаго принятія присяги никто изъ свидѣтелей не освобождается, «хотя бы и архіепископъ былъ», что было въ явномъ противорѣчіи съ русскимъ общимъ уголовнымъ законодательствомъ, такъ какъ по Соборному Уложенію духовныя лица допрашивались безъ присяги («по священству и по иноческому обѣщанію»). Впрочемъ, какъ и теперь, дозволялось освобождать отъ присяги съ согласія обѣихъ сторонъ. Допросъ свидѣтелей начинается не иначе, какъ по полученіи отвѣта со стороны от-

вѣтчика, т. е. именно послѣдняго его отвѣта (опроверженія), по окончаніи первой части процесса, за исключеніемъ того случая, когда свидѣтель сильно заболѣетъ или собрался въ дальній путь, тогда онъ могъ быть допрошенъ и ранѣе, и данное имъ въ этомъ случаѣ показаніе называется свидѣтельствомъ всегданней памяти. Допросъ производится въ самомъ судѣ, въ присутствіи сторонъ и только во-первыхъ—свидѣтели, находящіеся въ такомъ отдаленіи отъ суда, что имъ «безъ великой трудности явиться невозможно», допрашиваются (кѣмъ не сказано) по посланнымъ пунктамъ, въ присутствіи сторонъ или уполномоченныхъ отъ нихъ, и во-вторыхъ—допросъ на дому производится больнымъ, знатнымъ лицамъ и дворянкамъ, для чего къ нимъ отправляется одинъ изъ ассесоровъ вмѣстѣ съ секретаремъ. Письменныя же показанія свидѣтелей не имѣютъ силы до тѣхъ поръ, пока не будутъ признаны лично въ судѣ и подтверждены присягою. Свидѣтели допрашиваются вообще порознь, но могутъ быть поставлены судьею и на очную ставку между собою. Сначала всегда допрашиваются свидѣтели и представляются другія доказательства со стороны челобитчика, а потомъ уже тѣ, которые указаны или представлены отвѣтчикомъ. Обѣимъ сторонамъ дозволяется указывать новыхъ свидѣтелей во время производства дѣла для опроверженія доводовъ противной стороны, но на представленіе ихъ, по усмотрѣнію суда, назначается извѣстный срокъ. Свидѣтель, призванный къ допросу, долженъ былъ явиться и давать показанія, въ случаѣ же отказа отъ исполненія своей обязанности, свидѣтель могъ быть принужденъ къ этому судьею, что на практикѣ вѣроятно вело къ пыткѣ свидѣтелей, по распоряженію судьи, который всегда могъ предположить, что свидѣтель не говоритъ всего того, что онъ знаетъ по дѣлу. Но обязанность свидѣтельства вѣроятно относилась только къ дѣламъ, начинаемымъ по усмотрѣнію суда или донесеніямъ фискаловъ. Каждый свидѣтель долженъ показывать только то, что ему лично извѣстно по дѣлу, а не по слуху отъ другихъ, такъ какъ послѣдняго рода свидѣтели не должны быть допускаемы. За дачу свидѣтелемъ ложнаго показанія подъ присягою, законъ грозитъ весьма строгими наказаніями, какъ за клятвопреступленіе, о чемъ было сказано при разсмотрѣніи постановленій Воинскаго Артикула. Значеніе свидѣтельскихъ показаній для исхода дѣла зависитъ отъ ихъ числа и качества, о чемъ сказано: «кто лучшихъ и болѣе свидѣтелей на своей сторонѣ имѣетъ, которые правду сущую обстоятельствами доказать могутъ, тому и повѣрится». Какое именно число свидѣ-

телей необходимо для постановленія рѣшенія согласно ихъ показаніямъ, въ Кр. из. пр. не указано, но изъ того, что показаніе одного свидѣтеля считается недостаточнымъ, можно видѣть, что для этого требуется показаніе не менѣе двухъ свидѣтелей. Такого рода правило было принято въ Западной Европѣ, на основаніи каноническаго права, именно словъ евангелиста Матоея и Апостола Павла, что «при устѣхъ двою и трою станетъ всякъ глаголъ», было выражено въ Каролинѣ и строго примѣнялось на практикѣ (Карпцовымъ и другими юристами). При опредѣленіи относительнаго достоинства свидѣтелей «лучшими», изъ нихъ признаются: «свидѣтель мужска пола паче женска, знатный паче худаго, ученый—неученаго и духовный—свѣтскаго». Кр. из. пр. не придаетъ особеннаго значенія показаніямъ свидѣтелей, на которыхъ была сдѣлана ссылка изъ виноватаго, т. е. показаніямъ которыхъ сторона, согласно заявленію ея, придаетъ полную вѣру, и показаніямъ свидѣтелей, допрошенныхъ по общей ссылкѣ обѣихъ сторонъ, какъ это было принято въ Соборномъ уложеніи. Особымъ видомъ является, указанное въ Воинскомъ Артикулѣ, свидѣтельство медиковъ экспертовъ, на которыхъ возлагается, въ случаѣ смерти кого либо послѣ полученія побоевъ, опредѣлить «смерть всеконечно ли отъ битья приключилась», причемъ медики должны «вразъ» тѣло и свое заключеніе («свидѣтельство») о причинѣ смерти изложить письменно, подать его въ судъ и подтвердить присягою.

Свидѣтельство посредствомъ повальнаго обыска, бывшаго однимъ изъ самыхъ употребительныхъ доказательствъ въ русскомъ правѣ, не было указано въ Кр. из. пр., что отъ части могло происходить и отъ того, что примѣненіе повальнаго обыска въ то время и въ гражданскомъ вѣдомствѣ вызывало нареканія, какъ это видно изъ отзыва объ этомъ современника крестьянина Посошкова («въ повальныхъ обыскахъ самъ сатана сидитъ, а Божья правды ни слова нѣтъ») и наконецъ вѣроятно потому, что свѣдѣнія о поведеніи обвиняемаго, служащаго въ регулярной арміи, могли быть получены отъ его военнаго начальства.

Третьимъ родомъ доказательствъ были письменные документы, которые тогда имѣли значеніе почти исключительно въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ какъ Кр. из. пр. говоритъ лишь о тѣхъ изъ нихъ, по силѣ которыхъ «одинъ изъ нихъ имѣетъ право отъ другаго что нибудь претендовать». Оно различаетъ между письменными доказательствами такіе документы, которые составлены съ вѣдома или чрезъ посредство судьи или

властей и записаны въ офиціальныя книги или же напротивъ—составлены непосредственно самими сторонами. Документы перваго рода имѣютъ безусловную силу, а послѣдніе только въ случаѣ признанія ихъ дѣйствительности тою стороною, противъ которой они предъявлены. Среднее между ними мѣсто занимаютъ купеческія книги, которыя могутъ получить характеръ полнаго доказательства только при извѣстныхъ условіяхъ. Купеческій же счетъ, подписанный должникомъ, считается «совершеннымъ доказомъ».

Въ Кр. из. пр. въ числѣ доказательствъ мы находимъ и улики, т. е. *УЛИКИ.* признаки, по которымъ можно предположить возможность совершенія преступленія со стороны извѣстнаго лица, названными «причинами подозрѣнія», которыя составляютъ всегда доказательства несовершенныя. Къ уликамъ относятся въ нѣкоторыхъ случаяхъ и тѣ роды доказательствъ, которые поименованы выше (признаніе, сдѣланное внѣ суда, показаніе одного свидѣтеля и т. п.), но кромѣ того къ нимъ принадлежатъ случаи, когда отвѣтчикъ бѣжать вознамѣрится, если онъ съ другими злодѣями въ компаніи былъ, если онъ прежде совершалъ уже преступленія подобнаго рода, когда на потерпѣвшаго отъ преступленія грозился и если отвѣтчикъ дастъ передъ судомъ сбивчивыя и разнорѣчивыя показанія.

Къ числу у л и к ъ можетъ быть отнесена, хотя и не указана между ними, н а р о д н а я м о л в а, злой слухъ, относительно котораго законъ предписываетъ удостовѣриться, не вымышленъ ли онъ отъ злыхъ людей и, какъ мы видѣли, требуетъ отъ огласившихъ его представленія доказательствъ его справедливости; «но буде во всемъ народѣ подтвержденіе свое имѣетъ и достовѣрности подобно есть». Между уликами мы не находимъ поличнаго, которому у насъ придавалось всегда особенное значеніе.

При отсутствіи совершенныхъ доказательствъ, но въ томъ случаѣ, когда *ОЧИСТИТЕЛЬНАЯ ПРИСЯГА.* имѣются «полуявныя основанія», прибѣгаютъ къ о ч и с т и т е л ь н о й п р и с я г ѣ, даваемой всегда отвѣтчику, а не челобитчику, именно съ цѣлью очистить его отъ подозрѣнія, такъ какъ принявшій присягу отвѣтчикъ освобождается затѣмъ отъ всякаго обвиненія. Хотя въ концѣ Кр. из. пр. говорится о возможности допущенія къ присягѣ обѣихъ сторонъ, но это можетъ быть объяснено только неточностью редакціи. Судъ не можетъ торопиться принужденіемъ отвѣтчика къ очистительной присягѣ, такъ какъ прежде слѣдуетъ «всемѣрно трудитися чрезъ иные способы правды извѣдать» и предлагать присягу отвѣтчику, когда имѣющееся противъ него подозрѣніе уже отчасти очищено (напр.

показаніемъ одного свидѣтеля) и онъ имѣется только въ полуподозрѣніи. Если же отвѣтчикъ откажется отъ принятія присяги, то признается виновнымъ и приговаривается къ наказанію, хотя при этомъ, какъ сказано въ Кр. из. пр., «въ смертныхъ дѣлахъ пристойнымъ наказаніемъ его наказать опасайтеся; ибо лучше 10 виновныхъ освободить, чѣмъ одного невиннаго къ смерти приговорить». Правило это, заимствованное Петромъ Великимъ изъ шведскаго военнаго устава (1683 г.), имѣло самое ограниченное значеніе, касаясь собственно примѣненія смертной казни, какъ наказанія тяжкаго и непоправимаго въ случаѣ судебной ошибки. Замѣчаніе же г. Розенгейма[1]) о томъ, что знаменитая фраза («лучше освободить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго»), приписываемая Екатеринѣ II, была произнесена впервые Петромъ Великимъ, оказывается совершенно невѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что, какъ замѣчаетъ профессоръ Кистяковскій[2]), фраза эта была произнесена еще однимъ изъ римскихъ императоровъ. Усмотрѣвъ, при доставленіи отвѣтчику очистительной присяги, что онъ хочетъ совершить клятвопреступленіе, судья не долженъ допускать къ ней, а между тѣмъ, если представляющіяся противъ отвѣтчика доказательства недостаточны для его обвиненія, то «пристойнѣе есть оное дѣло предать волѣ Божіей и положиться въ ономъ весьма на Бога, пока само не объявится». Но однако «въ многихъ мѣстахъ», какъ говоритъ Кр. из. пр., когда важныя злодѣйства происходятъ, и «отвѣтчикъ подозрѣніемъ или полу-доказаніемъ отягченъ», то «отставя присягу» прибѣгаютъ къ пыткѣ. Особыя правила объ очистительной присягѣ существовали въ Воинскомъ Артикулѣ относительно преступленій обольщенія, при чемъ очистительная присяга могла быть предложена обвиняемому лишь въ томъ случаѣ, когда были доказательства не только вступленія его въ связь, но и доказательства даннаго имъ обѣщанія на женитьбу; въ противномъ случаѣ отвѣтчикъ вѣроятно освобождался отъ обвиненія даже безъ привода его къ присягѣ. Если же обвиняемый въ обольщеніи не захочетъ присягать, «то долженъ онъ на чреватой жениться», такъ какъ виновность его считается тогда вполнѣ доказанной. Когда же обвиняемый и пожелаетъ принять очистительную присягу, но «доказательства и признаки, что онъ обѣщалъ жениться велики и

---

[1]) Указ. сочиненіе, стр. 155.
[2]) Жур. гр. и уг. права, 1879 г.

сильны суть», то, «опасаясь нарушенія присяги, болѣе надлежитъ опаго къ супружеству принуждать, нежели присягою поступать» вмѣсто того, чтобы, какъ это было принято вообще въ такихъ случаяхъ, обращаться къ пыткѣ или предавать дѣло волѣ Божіей.

ПЫТКА.

Пытка состояла въ томъ, что судья посредствомъ мученій стремился принудить къ сознанію въ преступленіи того, который не хочетъ повиниться добровольно, несмотря на имѣющееся противъ него подозрѣніе. Пытка, по Кр. из. пр., отличалась отъ пристрастнаго разспроса, на что указываетъ самое заглавіе главы VI части второй: «О разспросѣ съ пристрастіемъ и о пыткѣ» и первая статья этой главы, говорящая собственно о пристрастномъ разспросѣ, происходившемъ «предъ пыткою», согласно порядку, принятому въ западной Европѣ, гдѣ подъ пристрастнымъ допросомъ (territio) разумѣли только стращаніе пыткою, принось орудій ея, даже причиненіе легкихъ мученій. Поводомъ къ пыткѣ должны служить важные поводы и совершенное подозрѣніе (какъ напримѣръ показаніе свидѣтеля-очевидца самаго преступленія и т. п.), но вопреки господствовавшему взгляду въ нѣмецкой судебной практикѣ, по Кр. из. пр. пытка допускалась и на основаніи оговора, когда при томъ объ обвиняемомъ «злой слухъ проходитъ» (молва), при чемъ, какъ говоритъ законъ, «и права повелѣваютъ никого по оговору отъ другихъ къ пыткѣ не приводить». Впрочемъ по Кр. из. пр. дозволяется также подвергать пыткѣ и по одной только народной молвѣ, если она имѣетъ «подобіе истины»: наконецъ, какъ видно изъ примѣчанія къ табели о рангахъ, пытка употреблялась и при одномъ оговорѣ, называвшемся въ русскомъ законодательствѣ общемъ «языцною молкою», которая прежде могла вести только къ повальному обыску, отъ результата котораго зависѣло рѣшеніе вопроса о приводѣ къ пыткѣ. Вообще же пытка допускается только въ «дѣлахъ видимыхъ, когда есть преступленіе», т. е. при несомнѣнности событія преступленія. Затѣмъ говорится, что въ гражданскихъ дѣлахъ «прежде пытать неможно, пока злое дѣйство наружѣ не объявится», за исключеніемъ большихъ и важныхъ гражданскихъ дѣлъ, въ которыхъ даже когда свидѣтель «въ сказкѣ своей обробѣетъ, или смутится или въ лицѣ измѣнится, то пытанъ бываетъ». При этомъ подъ словомъ гражданскія дѣла Кр. из. пр. вовсе не разумѣетъ, какъ это обыкновенно думаютъ, дѣлъ исковыхъ, имущественныхъ (неуголовныхъ), а понимаетъ подъ этимъ названіемъ дѣла гражданскія общія (bürgerliche Sachen), въ отличіе отъ дѣлъ воинскихъ. Это видно изъ приведенныхъ выше словъ той

же статьи, въ которыхъ сказано о зломъ дѣйствіи «въ гражданскихъ дѣлахъ», т. е. о преступленіяхъ общихъ, а не гражданскихъ искахъ. Для дѣлъ о важнѣйшихъ общихъ преступленіяхъ понятно, что могло быть сдѣлано исключеніе и допущена даже пытка свидѣтелей, но установленіе такого правила для однихъ лишь дѣлъ гражданскихъ-исковыхъ не имѣло бы никакого основанія. Впрочемъ, какъ было указано выше, къ пыткѣ свидѣтелей вело вѣроятно и право суда принуждать ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ дачѣ показаній. Отъ пытки освобождаются: «шляхта (дворяне), служители высокихъ чиновъ, беременныя жены, старики и недоросли», за исключеніемъ однако дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ и убійства, относительно которыхъ они могутъ быть пытаны, «однакожъ съ подлинными о томъ доводами». Солдаты и офицеры, обвиняемые въ важныхъ преступленіяхъ, согласно Воинскому Артикулу, могутъ быть пытаны «какъ и прочіе злодѣи, въ чемъ нѣсть сумнѣнія»; о допущеніи же пытки для людей чиновныхъ говорится въ примѣчаніи къ табели о рангахъ. Вообще, если кто изъ лицъ, находящихся на службѣ, будучи подвергнутъ пыткѣ, окажется впослѣдствіи невиновнымъ, то для полнаго возстановленія его чести надъ военнымъ исполняется тотъ же обрядъ, который былъ установленъ для лицъ, подвергавшихся прежде шельмованію, состоявшій въ публичномъ возложеніи знамени, согласно Воинскому Артикулу, а чиновникамъ положено было выдавать въ этомъ случаѣ особую грамоту, согласно примѣчанію къ табели о рангахъ. Порядокъ производства пытки, если ей подлежитъ нѣсколько человѣкъ, состоитъ въ томъ, что сначала пытаютъ тѣхъ, на которыхъ имѣется больше подозрѣнія, и тѣхъ, отъ которыхъ легче можно узнать истину, вслѣдствіе чего, при одинаковости представляющихся противъ нихъ доказательствъ, предписывается пытать сына прежде отца, а жену прежде мужа. Степень жестокости пытки зависѣла отъ степени важности преступленія и физическихъ и нравственныхъ качествъ лицъ, подлежащихъ пыткѣ, такъ что тѣхъ, которые «деликатнаго тѣла и честные», предписывается пытать легче, а «безстыдныхъ, твердыхъ и упрямыхъ—жесточае». За нарушеніе этихъ правилъ судья подлежитъ наказанію и уплатѣ за причиненныя напрасно мученья, и если отъ жестокой пытки послѣдуетъ смерть, то наказаніе ему можетъ доходить до смертной казни. При производствѣ пытки, «судья усмотря подобіе правды», обязанъ прекратить ее. Въ Кр. из. пр. не говорится, чтобы качество пытки усиливалось при повтореніи ея, хотя это было принято въ Россіи въ XVII

столѣтіи, какъ видно изъ словъ Котошихина и указа 1673 г. 23 октября. Повтореніе пытки допускалось по Кр. из. пр. только при возникновеніи новаго подозрѣнія и когда пытанный повинится, а потомъ опять отречется, утверждая, что сознаніе его было вынуждено лишь пыткою, при чемъ онъ можетъ быть пытанъ до трехъ разъ; послѣ этого, если обвиняемый все-таки не сознается, то взявъ отъ него полное число порукъ и подписку въ томъ, что онъ ни на комъ не будетъ отмщать причиненныя ему истязанія, предписывается освобождать обвиняемаго, но «отъ подозрѣнія его весьма не уволить». Для постановленія же обвинительнаго приговора, сознанія, сдѣланнаго на пыткѣ или пристрастномъ допросѣ («устрашась оной») недостаточно, но требуется еще, чтобы преступникъ подтвердилъ свое сознаіе на допросѣ чрезъ нѣсколько дней, «когда болѣзнь минется».

Очистительная присяга и пытка по Кр. из. пр. были обѣ крайними средствами для узнанія истины въ дѣлѣ, но при невыработанности теоріи формальныхъ доказательствъ и такъ какъ въ каждомъ дѣлѣ, даже при собственномъ сознаніи обвиняемаго, всегда могло являться сомнѣніе, то къ присягѣ и пыткѣ должны были прибѣгать весьма часто. Но употребленіе того или другого изъ этихъ средствъ зависѣло какъ отъ рода дѣла, такъ и отъ степени подозрѣнія, представляющагося противъ подсудимаго, такъ что присяга была, по всей вѣроятности, принята для дѣлъ уголовныхъ, преимущественно менѣе важныхъ, имѣвшихъ частный характеръ, и дѣлъ гражданскихъ, хотя она допускалась иногда и въ дѣлахъ, по которымъ могъ быть постановленъ смертный приговоръ,—а пытка большею частью въ дѣлахъ уголовныхъ, наиболѣе важныхъ, имѣвшихъ публичный характеръ. Кромѣ того присяга употреблялась, повидимому, въ случаяхъ, когда доказательства противъ обвиняемаго были слабы, когда онъ уже нѣсколько очистился отъ подозрѣнія и имѣется только «въ полуподозрѣніи», а пытка употреблялась при существованіи доказательствъ болѣе сильныхъ, именно «подозрѣнія» или «полуподозрѣнія» и даже когда судья, при допущеніи къ очистительной присягѣ въ дѣлахъ о важныхъ преступленіяхъ, найдетъ, что обвиняемый готовъ принять ее ложно.

Изъ обозрѣнія доказательствъ, приводимыхъ въ Кр. из. пр., видно, что, несмотря на преимущественно обвинительный характеръ процесса, усилія судьи въ значительной степени были направлены къ полученію сознанія подсудимаго, посредствомъ допроса его. По главѣ 50 первой части Воин. устава, допросъ подсудимаго, повидимому, игралъ въ процессѣ

еще большую роль. Онъ производился «по изображеннымъ отъ аудитора артикуламъ» (вопроснымъ пунктамъ), что было принято еще прежде въ Краткомъ Артикулѣ («оказуетъ подозрные вопросы»), будучи заимствованъ изъ западной Европы, гдѣ въ Германіи назывался: «die artikulirte Vernehmung» — допросомъ по пунктамъ, съ котораго начиналось всегда производство дѣла въ порядкѣ слѣдственномъ (инквизиціонномъ). Согласно многихъ частей Воинскаго устава, все происходившее на судѣ должно было быть, подъ наблюденіемъ аудитора, записываемо протоколистомъ или секретаремъ, что примѣнялось вѣроятно только въ генеральныхъ или верхнихъ военныхъ судахъ, гдѣ обязанности эти могъ исполнить состоявшій при генералъ-аудиторѣ писарь судебныхъ дѣлъ: въ полковыхъ же или нижнихъ военныхъ судахъ обязанности эти лежали на полковомъ аудиторѣ, который долженъ былъ все, «что донесено будетъ, истинно записать».

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА.

Третью часть процесса составляетъ постановленіе сентенца или приговора, которое называлось собственно «кригерехтомъ» и совершалось по окончаніи слушанія дѣла, т. е. «фергера». Приговоръ постановляется по «вящшимъ голосамъ», т. е. по большинству голосовъ, при чемъ самое голосованіе происходитъ подачею голосовъ членами военнаго суда, начиная съ младшаго («снизу»), и не по классамъ чиновъ, какъ это было принято въ Краткомъ Артикулѣ, а всякимъ судьею отдѣльно. Каждый изъ членовъ можетъ измѣнить поданное имъ мнѣніе, но только до объявленія приговора и указавъ на причину этой перемѣны. Если большинства голосовъ не составится, то приговоръ постановляется согласно мнѣнію, на сторонѣ котораго будетъ президентъ (презусъ). Аудиторы, хотя и присутствуютъ при голосованіи, но сами при этомъ голоса не имѣютъ, а должны, «когда кого въ кригерехтѣ въ разсужденіи погрѣшающаго досмотрятъ, тогда онаго къ правдѣ основательно приводить» и кромѣ того вообще давать разъясненія относительно законовъ: если же они сами, собственно полковые аудиторы, встрѣтятъ сомнѣнія въ этомъ отношеніи, то обязаны «требовать совѣта и ожидать наставленія» отъ оберъ-аудитора или вѣроятно и генералъ-аудитора. При постановленіи приговора, судъ долженъ былъ руководствоваться теоріей формальныхъ доказательствъ, т. е., опредѣляя силу и значеніе разнаго рода доказательствъ не по внутреннему убѣжденію, а по указанію самаго закона, хотя теорія формальныхъ доказательствъ не была еще въ то время выработана окончательно, такъ какъ при обширномъ примѣненіи пытки и очистительной присяги

ПРИГОВОРЫ.

въ этомъ и не предстоялo особенной надобности. Самые приговоры могли быть: 1) Обвинительными, когда противъ обвиняемаго представлялись по дѣлу доказательства совершенныя, какъ-то: собственное сознаніе, показанія не менѣе двухъ свидѣтелей, письменные документы извѣстнаго рода или когда обвиняемый признавалъ себя виновнымъ на пыткѣ или отказывался отъ принятія очистительной присяги, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ онъ все-таки не могъ быть подвергнутъ смертной казни, и 2) оправдательные приговоры, которые постановлялись, очевидно, при отсутствіи подозрѣнія, а также когда обвиняемый очистится отъ подозрѣнія посредствомъ принятія присяги. Но если судъ не допускалъ обвиняемаго къ предложенной ему сначала очистительной присягѣ, изъ опасенія, что онъ приметъ ее ложно, то дѣло «предавалось волѣ Божіей, пока само не объявится». Это было какъ бы равносильно прекращенію преслѣдованія, которое не отличалось на практикѣ отъ оправдательнаго приговора, не имѣвшаго тогда такого значенія, какъ въ настоящее время, и допускавшаго всегда возобновленіе судебнаго преслѣдованія. Среднее мѣсто между оправданіемъ и обвиненіемъ занимаетъ такое положеніе обвиняемаго, когда онъ, будучи подвергаемъ пыткѣ, все-таки не призналъ себя виновнымъ, причемъ предписывается, взявъ отъ него полное число порукъ, «чтобъ ему всегда, когда потребенъ въ судъ явится», «освободить, токмо отъ злодѣйства весьма не уволить, понеже временемъ новыя могутъ явиться подозрѣнія». Изъ этого впослѣдствіи образовался третій родъ приговоровъ съ оставленіемъ въ подозрѣніи болѣе или менѣе сильномъ. Приговоры эти стали особенно часты съ отмѣною пытки, такъ какъ они были постановляемы съ того времени въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ прежде примѣнялось это крайнее средство узнанія истины въ дѣлѣ. Приговоръ составляется аудиторомъ или секретаремъ и долженъ заключать въ себѣ «обстоятельства и фундаментъ, по чему приговоръ опредѣленъ», т. е. мотивы его и кромѣ того, согласно главѣ 50 первой части Воинскаго Устава, въ немъ должны быть выписаны и относящіеся къ дѣлу законы. Приговоръ подписывается всѣми судьями, послѣ чего, какъ сказано о полковомъ аудиторѣ, онъ долженъ «кругомъ приговора узлами очертить, чтобы невозможно было ничего приписать». Это вѣроятно составляло скрѣпу приговора, о чемъ говорится въ датской военно-судебной инструкціи, изъ которой заимствованы постановленія о полковомъ аудиторѣ. Послѣ подписи приговора, хотя бы однимъ президентомъ и аудиторомъ, онъ объявляется секретаремъ публично

«въ сѣдящемъ судѣ», въ присутствіи обѣихъ сторонъ. По главѣ 50 первой части Воинскаго Устава, предписывается немедленно по подписаніи смертнаго приговора (сентенціи), слѣдовательно еще до его объявленія, «осужденнаго сковать, какого бы онъ рангу ни былъ, дабы вѣдая о сентенціи не ушелъ». Постановленные военными судами приговоры не могутъ быть обращены къ исполненію безъ конфирмаціи ихъ со стороны высшаго начальства (именно фельдмаршала или командующаго генерала), которая повидимому требуется только относительно приговоровъ по дѣламъ уголовнымъ. О конфирмаціи приговоровъ генеральнаго военнаго суда сказано, что она требуется лишь «въ пристойныхъ дѣлахъ», слѣдовательно не всегда, и очевидно не относится къ гражданскимъ дѣламъ, разсматриваемымъ генеральнымъ судомъ въ качествѣ второй инстанціи. Приговоры полкового (низшаго) военнаго суда по Кр. из. пр. подлежатъ конфирмаціи въ «пыточныхъ дѣлахъ», подъ которыми разумѣлись или такія дѣла, при производствѣ которыхъ приходилось прибѣгать къ пыткѣ при недостаточности доказательствъ, т. е. дѣла сомнительныя, или же скорѣе дѣла, по которымъ допускалось вообще производство пытки, т. е. собственно дѣла уголовныя, въ виду того, что приговоры по этимъ дѣламъ не подлежали больше никакой повѣркѣ, такъ какъ переноса ихъ на апелляцію не допускалось. Подсудимому предоставлено было право обращаться къ конфирмующему начальнику съ жалобою («просительнымъ письмомъ») на приговоръ низшаго (полковаго) суда, «когда онъ видимо себя отягченно помнитъ», но въ случаѣ признанія ея несостоятельности, проситель подлежалъ наказанію. Приговоры, поступавшіе на конфирмацію къ фельдмаршалу или командующему генералу, по всей вѣроятности, докладывались ему состоявшимъ при немъ генералъ или оберъ-аудиторомъ, которые отсылали приговоръ по его утвержденіи для исполненія. Власть конфирмующаго начальника состоитъ въ томъ, что онъ «какое мнѣніе свое на оное (т. е. рѣшеніе военнаго суда) объявитъ, прибавитъ или убавитъ, по тому и экзекуція отправлена быть имѣетъ». Вслѣдствіе такого постановленія, на практикѣ, какъ говоритъ г. Розенгеймъ [1]), «власть конфирмующаго начальства была безгранична и рѣдко стѣснялась даже ссылкою на законъ», такъ что приговоръ военнаго суда почти не имѣлъ никакого значенія. Всѣ военно-судныя дѣла объ офице-

КОНФИРМАЦІЯ ПРИГОВОРОВЪ.

[1]) Указ. сочиненіе, стр. 86—89.

рахъ отсылаются, согласно 50 главѣ первой части Воинскаго Устава, погодно въ военную коллегію, «гдѣ о томъ надлежитъ держать порядочный протоколъ». Это представленіе военно-судныхъ дѣлъ въ военную коллегію было установлено не для повѣрки правильности приговоровъ, производства высшей ревизіи приговоровъ, а для одного лишь храненія и отчетности.

АППЕЛЯЦІЯ.

Въ гражданскихъ дѣлахъ, разсматриваемыхъ въ нижнихъ (полковыхъ) военныхъ судахъ, допускается аппеляція, состоящая въ переносѣ дѣлъ по жалобамъ сторонъ на разсмотрѣніе вышняго (генеральнаго) военнаго суда. Никакого срока на подачу жалобы не указано. По выслушаніи аппеляціонной жалобы, которая должна отличаться краткостью, вышній военный судъ требуетъ отвѣта отъ противной стороны, допуская такимъ образомъ продолженіе состязанія сторонъ, и затѣмъ, на основаніи правилъ, указанныхъ въ законѣ, самъ постановляетъ приговоръ, который считается уже окончательнымъ, «твердо содержанъ имѣетъ быть», слѣдовательно конфирмаціи не подлежитъ. Поводы къ отмѣнѣ приговора, «причины, по которымъ онъ можетъ быть опороченъ», исчислены въ шести пунктахъ. Первые три повода состоятъ въ нарушеніи важнѣйшихъ формъ обвинительнаго процесса, именно, когда судья постановилъ рѣшеніе по такимъ «пунктамъ», по которымъ не было истребовано объясненія отъ противной стороны (отвѣтчика) или которые вовсе не были предметомъ иска. Слѣдующій поводъ — недопущеніе обѣихъ сторонъ къ присягѣ, если онѣ того пожелаютъ, непонятенъ, такъ какъ очистительная присяга предлагается судомъ и притомъ лишь одному отвѣтчику, а не челобитчику. Затѣмъ, «когда приговоръ противугласящійся» и послѣдній поводъ, «когда оный нагло противъ правъ есть». Явное нарушеніе закона («противъ правъ есть») составляетъ кассаціонный поводъ по закону и въ настоящее время, а противорѣчивость приговора («когда онъ противугласящійся») является таковымъ на практикѣ. Вообще же всѣ причины, къ отмѣнѣ приговора здѣсь указанныя, носятъ на себѣ характеръ формальныхъ нарушеній, кассаціонныхъ поводовъ. Наконецъ, что касается исполненія приговоровъ, то въ Кр. из. пр. объ этомъ не говорится, но въ другихъ частяхъ воинскаго устава упоминается о томъ, что смертная казнь, шельмованіе и наказанія тѣлесныя (опредѣленныя судомъ) исполняются публично (по главѣ «О экзекуціи и вершеніи»), причемъ то мѣсто, гдѣ это происходитъ, оцѣпляется войсками. Затѣмъ въ главѣ 50 первой части Воинскаго Устава сказано, что

ИСПОЛНЕНІЕ ПРИГОВОРОВЪ.

смертная казнь исполняется передъ фронтомъ полка, причемъ преступникъ, «по приказу маіорскому или адъютантскому, ружья своего, такожде и мундиру черезъ корпорала лишенъ и потомъ палачу для экзекуціи профосомъ отданъ бываетъ».

Но все это касается собственно смертной казни, посредствомъ повѣшенія или отсѣченія головы. О томъ же самомъ говорится еще и въ воинскомъ артикулѣ, именно, что если палачъ однимъ разомъ головы не отсѣчетъ, или при повѣшеніи веревка оборвется, то палачъ долженъ продолжать исполненіе казни до ея окончанія, что вѣроятно было постановлено въ виду существованія прежде противуположнаго правила не столько въ законѣ, сколько въ обычаѣ. Передъ казнью, даже въ случаѣ, когда она назначается по приговору скорострѣлительнаго суда (по главѣ 50-й, первой части Воинскаго устава) или Генералъ-Румормейстера (въ описаніи его должности), преступникъ допускается всегда къ причащенію, для чего при Румормейстерѣ, снабженномъ правиломъ примѣненія смертной казни, полагается не только палачъ, но и священникъ.

Когда полагалось заочное шельмованіе и прибитіе имени къ висѣлицѣ, какъ символическая казнь для отсутствующихъ, то по поимкѣ они передавались въ полкъ для повѣшенія «на первомъ древѣ», т. е. безъ исполненія всякихъ формальностей. Кромѣ смертной казни, шельмованіе, кнутъ, наказанія посмертныя и даже сожженіе пасквиля исполнялись палачемъ. Объ исполненіи же содержанія подъ арестомъ и нѣкоторыхъ другихъ наказаній со стороны профосовъ было сказано выше. Относительно разстрѣлянія (аркебузированія) и наказанія шпицрутенами, которыя исполнялись самими товарищами осужденнаго, не было въ Воинскомъ уставѣ никакихъ опредѣленныхъ правилъ.

ПЕРЕСМОТРЪ ВОИНСК. УСТАВА ПЕТРА В.

Вскорѣ послѣ изданія Морскаго устава 1720 г., первоначально, главнымъ образомъ, для согласованія съ нимъ, «чтобы судъ и экзекуція въ подобныхъ випахъ были сходны», Петръ Великій возымѣлъ мысль пересмотрѣть Воинскіе Артикулы и Краткое изображеніе процессовъ, что и было возложено указомъ 8-го февраля 1721 г. на нѣсколькихъ лицъ: генераловъ Бона и Матюшкина, четырехъ полковниковъ русскихъ Есипова, Сукина, Болтина и Нестрикова, четырехъ изъ иноземцевъ и Генералъ-Аудиторъ-Лейтенанта Центарови. Въ томъ же указѣ относительно постановленій Воинск. Артикула и Краткаго изображенія процессовъ повелѣно было

«и чего будетъ недовольно, то усматривая лучшаго, пополнять и исправлять тѣ статьи изъ иностранныхъ правъ европейскихъ, изъ которыхъ приличнѣе, тако же и по разсужденіямъ примѣнять ко всѣмъ случаямъ» [1]), вслѣдствіе чего тогда же поручено было купить за границею и прислать уставы цесарскіе, французскіе и шведскіе, кромѣ того приказано было пріобрѣсти для комиссіи и одинъ экземпляръ Соборнаго уложенія, вѣроятно также для согласованія съ нимъ Воинскаго Артикула и краткаго изображенія процессовъ. Самый пересмотръ долженъ былъ производиться такимъ образомъ, чтобы назначеннымъ лицамъ, «которые артикулы не будутъ требовать исправленія, тѣ только слушать, а которые надлежитъ чѣмъ пополнить или исправить, и тое справку поставя на мѣрѣ, написать особо и слушать того въ Военной Коллегіи и ежели что отъ Коллегіи рѣшать будетъ невозможно и по тѣмъ статьямъ о конфирмаціи докладывать Царскому Величеству и начать оное дѣло кончая съ девятаго числа настоящаго февраля». т. е на другой день по воспослѣдованіи указа. Но, какъ видно изъ указа 1730 года, которымъ учреждена комиссія (объ улучшеніи войска) подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала Миниха, артикулы были исправлены, но «въ дѣйство непроизведены». Труды комиссіи 1721 г. до насъ не дошли.

ОТДѢЛЬНЫЯ УЗАКОНЕНІЯ.

Кромѣ цѣлыхъ военно-уголовныхъ уставовъ, въ XVIII столѣтіи, въ теченіе царствованія Петра Великаго, подобно тому, какъ и въ XVII вѣкѣ, было издано не мало отдѣльныхъ узаконеній и распоряженій, заключавшихъ въ себѣ постановленія военно-уголовнаго характера относительно преступленій и наказаній. Узаконенія и распоряженія эти, дошедшія до насъ, носили разныя названія: статей или артикуловъ, пунктовъ, инструкцій и наконецъ регламентовъ и указовъ, причемъ статьи, пункты и инструкціи находятся только въ сборникахъ историческихъ матеріаловъ или въ архивныхъ дѣлахъ (въ особенности въ ручныхъ или записныхъ книгахъ для офицера, которыя велись прежде) и приведены, или даже приложены, большею частію къ книгѣ г. Розенгейма [2]); регламенты же и указы помѣщены въ Полномъ Собраніи законовъ. *Статьями или артикулами.* повидимому, *СТАТЬИ.* назывался вообще въ самомъ началѣ XVIII столѣтія рядъ постановленій, касавшихся однихъ нижнихъ чиновъ, къ числу которыхъ относятся упомянутыя выше (стр. 26-28) «Статьи воинскія», составленныя, вѣроятно, генераломъ Вейде, и «Солдатскія права», выданныя генералу Автомону

[1]) Московское отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба, оп. 3. св. 15, № 38.
[2]) Розенгеймъ, указ. соч. стр. 198—200.

Головину. По всей вѣроятности объ артикулахъ такого рода упоминается въ указахъ, изданныхъ до появленія Воинскаго и Краткаго артикуловъ, въ которыхъ, напримѣръ, въ 1705 г. говорится о наказаніяхъ бѣглыхъ солдатъ «по артикулу» [1]).

НАКАЗЫ.

Другого рода узаконенія и распоряженія состоятъ въ *наказахъ* или инструкціяхъ, даваемыхъ для руководства военнымъ начальствующимъ лицамъ, съ указаніемъ и отвѣтственности за нарушеніе предписаннаго ими. Къ числу наказовъ принадлежатъ, напримѣръ, *Пункты командующимъ надъ каждымъ батальономъ*, [2]) данные 4-го марта 1706 г., состоящіе всего изъ 5-ти пунктовъ, въ которыхъ за самовольную отлучку и отпускъ людей безъ разрѣшенія положена смертная казнь: затѣмъ предписывается собираться по сигналу (тревогѣ) въ теченіе получаса и всегда имѣть въ готовности провіантскій и фуражный запасъ, при чемъ, за неисполненіе этихъ постановленій въ первый разъ опредѣлены галеры, а во второй разъ—смертная казнь: наконецъ сказано еще и о нѣкоторыхъ правилахъ относительно сбереженія оружія и пороха, но никакого наказанія за ихъ нарушеніе не назначено. Къ тому же роду постановленій относится и носящія названіе инструкцій, которыя были даваемы въ военное время главнокомандующимъ или начальникамъ отрядовъ, какъ напр. инструкція фельдмаршалу Шереметеву, данная предъ выступленіемъ его съ арміею въ Померанію [3]), въ 1711 г. и Царевичу Алексѣю Петровичу, 18 октября 1711 г., данная при отправленіи его съ отрядомъ въ Польшу для устройства магазиновъ [4]). Въ обѣихъ инструкціяхъ говорится о главнѣйшихъ преступленіяхъ противъ мѣстныхъ жителей, за которыя большею частью положена смертная казнь.

Къ наказамъ же слѣдуетъ причислить: Указъ о запрещеніи собираться въ «*Соединительные совѣты или круги*» и подачи коллективныхъ жалобъ, который, признавая поступки эти равносильными бунту, грозитъ за нихъ смертною казнью, такъ какъ указъ этотъ, по мнѣнію Востокова. [5]) составляетъ часть наказа, даннаго Петромъ Великимъ для руководства полковнику Боуру.

---

[1]) Указ. соч. стр. 351 368.
[2]) Записныя тетради Петра В. 1704, 1705 и 1706 г., изд. 1794 стр. 107 и 108
[3]) Главный Государственный Архивъ, Каб. Дѣла, Отд. II, кн. 53, № 593
[4]) Дѣянія Петра В., Голикова, т. IV, стр. 26.
[5]) Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Московскаго Румянцевскаго Музея 1842 г.

Наконецъ послѣдняго рода узаконенія и распоряженія заключаютъ въ себѣ постановленія, объявленныя для общаго руководства. *ОБЩІЯ УЗАКОНЕНІЯ.*

Къ нимъ принадлежали *Статьи, состоявшіяся на Преображенскомъ Генеральномъ дворѣ* 22 декабря 1700 г. [1]), въ которыхъ говорится о наказаніи кнутомъ за пьянство и зернь, когда кто попадется въ нихъ во второй разъ, и положено за побѣгъ со сносомъ или хотя и безъ сноса оружія подвергать смертной казни, «чтобы другимъ было неповадно»; въ случаѣ же «вольной явки изъ бѣговъ» наказывать по разсмотрѣнію, а за явку въ нѣтяхъ по притворной болѣзни «чинить что достоинъ». Слѣдовательно, начиная съ перваго года XVIII столѣтія и потомъ, какъ увидимъ, во все остальное время царствованія Петра Великаго, тянется *длинный рядъ указовъ*, направленныхъ, подобно тому, какъ это было и прежде, къ преслѣдованію *самовольнаго оставленія службы (дезертирства) или неявки на службу (нѣтчества)*. [2]) «Зло это должно было усилиться, какъ справедливо замѣчаетъ г. Розенгеймъ [3]), вслѣдствіе того, что въ войскахъ нашихъ была введена регулярная организація, со всѣми строгостями воинской дисциплины, субординаціи и порядка, съ тяжелымъ фронтовымъ обученіемъ, съ безсрочностью военной службы». Побѣги и неявки на службу такъ были распространены, что бывали случаи побѣга цѣлыхъ ротъ (1719 г.) и число бѣжавшихъ изъ арміи доходило до 20 т. человѣкъ (1710 г.), число же нѣтчиковъ было весьма значительно, иногда въ какомъ либо мѣстѣ никто не являлся въ назначенный срокъ. Уклоненіе отъ службы, сильно распространенное, ослабляло силу арміи, столь необходимую для борьбы съ двумя могущественными противниками (шведами и турками). Кромѣ того, оно представляло еще большій вредъ въ томъ отношеніи, что бѣглые и нѣтчики, какъ говорится о томъ въ указѣ 1719 года, пристава́ли весьма часто къ разбойничьимъ шайкамъ, которыя нападали иногда на цѣлые города и вступали съ посылаемыми противъ нихъ военными командами въ формальный бой, и наконецъ лица, уклоняющіяся отъ службы, уходили нерѣдко на окраины, на Донъ и Яикъ, пополняя въ казачьихъ войскахъ ряды голытьбы, *УКЛОНЕНІЕ ОТЪ СЛУЖБЫ.*

---

[1]) П. С. З., т. IV, №№ 1819 и 1820.

[2]) П С. З.. т. III, №№ 1555, 1616; т. IV, №№ 1820, 2019, 2031, 2042, 2048, 2095, 2159, 2199, 2329, 2337, 2385, 2467; т. V. №№ 2700. 2764, 2875, 2885, 2900, 2928, 3010, 3134, 3445, 3477; т. VI, №№ 3496, 3599, 3631, 3654, 3696, 3803, 3810, 3816, 3820, 3825. 3859. 3874, 3897, 3924, 3926, 3996, 4063; т. VII, №№ 4226, 4299, 4243, 4295, 4533, 4641.

[3]) Указ. соч., стр. 213.

которая была всегда причиною опасныхъ для Россіи казачьихъ возстаній (Булавинскаго бунта и. т. п.). Правительство принимало самыя энергичныя мѣры для предупрежденія побѣговъ; такъ напр., въ 1700 г. въ упомянутыхъ статьяхъ, состоявшихся на Преображенскомъ Генеральномъ дворѣ, установлена съ этою цѣлью круговая порука между каждыми 50-ю рекрутами. Затѣмъ, какъ видно изъ указа 1705 г., что въ случаѣ побѣга рекрута «со станціи или изъ службы» полагалось взыскивать 20 руб., какъ и прежде, въ XVII столѣтіи, или брать другого рекрута съ помѣщика, которымъ онъ былъ сданъ на службу, что было отмѣнено лишь въ 1717 г., когда Сенатъ призналъ, что ихъ побѣгу помѣщики ихъ не виноваты [1]). Кромѣ того до 1710 г. существовала отвѣтственность поручителей за принятыхъ на службу рекруть, именно ихъ родственниковъ и свойственниковъ [2]), хотя, какъ сказано въ указѣ 1710 г., они за рекрутъ «неволею поручились» и «про побѣгъ не вѣдаютъ и гдѣ они живутъ не знаютъ». Отвѣтственность поручителей этихъ состояла въ томъ, что ихъ брали въ службу вмѣсто бѣжавшихъ или переселяли цѣлыми семействами въ новопостроенные города (1709 г.). Наконецъ въ 1712 г. въ пунктахъ, написанныхъ Петромъ Великимъ собственноручно, повелѣно было взыскивать за каждаго бѣглаго въ части войскъ цѣну со всѣхъ начальниковъ его и товарищей, сообразно ихъ чину и званію, напр. съ полковника 1 р. 50 к. за каждаго подчиненнаго ему солдата, а съ простого солдата по 1 коп. за каждаго солдата того же капральства. Какъ видно изъ указа 1712 года [2]), введено даже клейменіе рекруть на лѣвой рукѣ посредствомъ накаливанія формы креста и натиранія потомъ порохомъ. Полагаемыя за уклоненія отъ службы наказанія измѣнялись при Петрѣ Великомъ нѣсколько разъ, при чемъ и строгость ихъ то увеличивалась, то уменьшалась. Относительно побѣга, какъ мы видѣли, въ указѣ 22 декабря 1700 года полагалась смертная казнь, которая не примѣнялась только въ случаяхъ добровольной явки; но 19 января 1705 года предписано подвергать смертной казни повѣшеніемъ только одного изъ трехъ бѣжавшихъ, которые будутъ пойманы; остальныхъ же ссылать въ вѣчную каторжную работу. 24 августа того же года положено казнить смертью только зачинщиковъ побѣга и десятаго по жребію (т. е. decimalia). Какъ было приведено выше, смертная казнь за побѣгъ полагалась по краткому

[1]) Филипповъ, О наказаніи по законодательству Петра Великаго, Москва, 1891 г. 214. См. П. С. З. т. IV, № 2467.

[2]) Тамъ же, стр. 209—210.

артикулу 1706 г. и по Воинскому артикулу 1716 г., а по дополнительному указу 1717 г. (16 декабря) она не примѣнялась только къ рекрутамъ. Въ Инструкціи полевымъ командамъ, посланнымъ для искорененія разбойничества [1]) въ 1719 году, предписывается бѣглыхъ солдатъ, пойманныхъ въ разбояхъ, немедленно колесовать, виновныхъ только въ побѣгахъ наказывать по Воинскому Артикулу, тѣхъ же изъ нихъ, которые явятся добровольно, «безъ наказанія отправлять за провожатыми въ военную коллегію, велѣть имъ публично въ томъ вину принесть и, чтобъ впредь не бѣгать— присягать».

Что же касается нѣтчиковъ, то они за все это время, подобно тому, какъ и прежде, наказывались слабѣе бѣжавшихъ, но иногда и наравнѣ съ ними. Такъ какъ нѣтчики были владѣльцами помѣстій или вотчинъ, то наказанія, для нихъ назначенныя, имѣютъ, большею частію, имущественный характеръ. Наказаніе за нѣтчество въ 1707 году усилено назначеніемъ большого денежнаго штрафа, батоговъ, ссылки въ Азовъ и конфискаціи имѣній (сообразно знатности лица и времени явки на службу [2]), въ слѣдующемъ же 1708 году, напротивъ, наказаніе смягчено и ограничено простымъ денежнымъ штрафомъ и батогами [3]). Преступленія нѣтчества ни въ кратковъ, ни въ Воинскомъ артикулахъ не было предусмотрѣно. Съ 1720 г. строгость наказаній за нѣтчество начинаетъ значительно увеличиваться и онѣ состоятъ въ вѣчной каторжной работѣ съ вырываніемъ поздрей, а въ 1721 году даже въ смертной казни [4]); въ 1722 году опредѣлено, что имена отсутствующихъ должны быть прибиты къ висѣлицѣ, и затѣмъ лица эти могутъ быть убиты каждымъ. Но на ряду съ этимъ, начиная съ 1720 года, стали появляться и указы объ оставленіи безъ наказанія тѣхъ, не только нѣтчиковъ, но и бѣглыхъ, которые явятся сами къ извѣстному сроку: по случаю же Ништадтскаго мира и наконецъ во время предсмертной болѣзни Петра Великаго въ ноябрѣ 1724 г. была объявлена общая амнистія, касавшаяся преимущественно лицъ, уклонявшихся отъ службы [5]). Укрыватели и недоносители подвергались обыкновенно денежному штрафу или же конфискаціи, но также нерѣдко и личнымъ наказаніямъ, доходившимъ до

---

[1]) П. С. З., т. V. № 3477.
[2]) П. С. З., т. IV, № 2157.
[3]) П. С. З. т. IV, № 2199.
[4]) П. С. З., т. IV. № 3803.
[5]) П. С. З., т. VII, № 4641.

смертной казни, даже колесованіемъ. Денежной отвѣтственности подлежали за допущеніе пѣтчества губернаторы и другія мѣстныя власти. О взысканіи же штрафовъ, какъ бы за попустительство побѣговъ, съ военныхъ начальниковъ и товарищей бѣжавшаго было сказано выше. Доносители относительно пѣтчиковъ поощрялись попрежнему отдачею части или даже иногда всего описаннаго у послѣднихъ имѣнія, а за донесеніе и представленіе бѣглыхъ положено выдавать денежное вознагражденіе, въ размѣрѣ нѣсколькихъ рублей, взыскиваемыхъ съ укрывателей бѣжавшаго.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ О НАКАЗАНІЯХЪ.

Относительно постановленій о наказаніяхъ еще въ царствованіе Петра Великаго произошли довольно важныя измѣненія. По указу 16-го августа 1720 г. присужденный къ вѣчной каторжной или галерной работѣ считался для своего семейства «яко бы умре», и съ 1723 года въ указахъ появилась и стала примѣняться въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣна смертной казни «натуральной» — смертною казнью политическою, которая не была опредѣлена съ точностью, но состояла обыкновенно въ положеніи на плаху, наказаніи кнутомъ и вѣчной каторжной работѣ съ лишеніемъ всего имущества [1]). Вѣчная работа эта сопровождалась вырѣзываніемъ ноздрей, въ качествѣ клейменія, о чемъ въ указѣ 15-го января 1723 г. сказано, что Его Величество, усмотрѣвъ, что у каторжныхъ невольниковъ, которые присланы въ вѣчную работу, ноздри вынуты малозначно, „вслѣдствіе чего повелѣвается вынимать (имъ) ноздри до конца», чтобы, когда «случится имъ сбѣжать, утаиться имъ было неможно» [2]). Наказаніе это, въ соединеніи съ каторжной работой срочной было положено, по указу 23 февраля 1720 г., за лживую присягу взамѣнъ отрубленія двухъ пальцевъ, опредѣляемаго Воинскимъ Артикуломъ. Тѣ лица, у которыхъ ноздри вынуты или клейма положены, какъ видно изъ указа 4-го ноября 1721 г., дарующаго всеобщее прощеніе, по случаю заключенія Ништадтскаго мира, все-таки не могли быть приняты вновь на службу. Въ изданномъ вскорѣ послѣ этого указѣ 15-го марта 1721 г. [3]) сказано, что наказаніе кнутомъ для офицеровъ и солдатъ должно быть назначаемо лишь вмѣстѣ съ присужденіемъ ихъ къ вѣчной работѣ, «приговоренныхъ же (къ каторгѣ) на урочные годы гонять шпицрутенъ, а кнутомъ не бить», потому что, какъ объясняется въ Указѣ, «ежели по прошествіи урочныхъ лѣтъ оные освободятся, то за такимъ порокомъ, что были

[1]) Филиппов, указ. соч. стр. 178.
[2]) Филиппов, стр. 334.
[3]) Филиппов, стр. 272.

въ катскихъ рукахъ (въ рукахъ палача), невозможно ихъ въ прежнюю употреблять службу». Въ Генеральномъ Регламентѣ коллегій 20-го февраля 1720 г. (глава 53 и толкованіе къ ней) говорится въ видѣ общаго правила о недозволеніи принимать въ службу шельмованныхъ или которые въ публичномъ мѣстѣ наказаны или хотя бы обнажены были, вслѣдствіе чего, какъ видно изъ указа 20-го февраля 1722 года, когда освобожденные отъ каторжныхъ работъ офицеры, подвергнутые наказанію кнутомъ, отбывшіе наказаніе во временной работѣ и даже осужденные къ вѣчной работѣ, но безъ наложенія клеймъ, явились на смотры, то они не были допущены въ службу безъ полученія «публичнаго прощенія», относительно котораго должно было послѣдовать особое распоряженіе со стороны Сената. Но черезъ два года послѣ этого, въ 1724 году, по представленію Адмиралтействъ-коллегіи, въ вѣдѣніи которой находился галерный флотъ, относительно опредѣленія вновь на службу тѣхъ, которые отбыли опредѣленный имъ срокъ, изъ которыхъ нѣкоторые были при осужденіи ихъ наказаны кнутомъ, послѣдовалъ указъ: «битыхъ кнутомъ — прикрывать флагомъ», какъ это было принято въ морскомъ уставѣ и соотвѣтствовало покрыванію знаменемъ по Воинскому уставу, и затѣмъ опредѣлять въ службу, а небитыхъ кнутомъ—опредѣлять въ службу «попрежнему», при чемъ постановлено, какъ и въ военномъ вѣдомствѣ, по упомянутому выше, указу 15-го марта 1721 г., во избѣжаніе загрудненій на этотъ счетъ, впредь военнослужащихъ, ссылаемыхъ во временную каторжную работу, наказывать кошками, а не кнутомъ [1]).

ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ СУДОУСТРОЙСТВѢ И СУДОПРОИЗВОДСТВѢ.

Относительно состоянія военнаго судоустройства и судопроизводства въ царствованіе Петра Великаго извѣстно, что о военныхъ судахъ или кригерехтахъ западно-европейскаго характера, отличающихся коллегіальнымъ составомъ и нѣкоторою отдѣльностью отъ администраціи, встрѣчаются указанія въ первые годы XVIII ст. (напримѣръ 1705 г.). Суды эти были узаконены краткимъ артикуломъ 1706 г. и существованіе ихъ было окончательно упрочено съ появленіемъ Воинскаго Устава и Краткаго изображенія процессовъ. Наряду съ этимъ новымъ порядкомъ, долго еще примѣнялся и прежній приказный порядокъ суда, даже и послѣ 1716 г. Въ самомъ началѣ XVIII ст. военно-служащіе были подсудны слѣдующимъ *приказамъ и канцеляріямъ*: Приказу Военныхъ дѣлъ (потомъ Военной кан-

[1]) Филипповъ, стр. 273 – 274.

целяріи), образованному изъ нѣсколькихъ приказовъ, завѣдывавшихъ различными разрядами войскъ, Артиллерійскому приказу (или канцеляріи), замѣнившему прежній Пушкарскій приказъ, Преображенскому приказу, канцеляріямъ: Подрядной и Полицеймейстерской и т. п. [1]).

Нѣкоторые изъ этихъ приказовъ или канцелярій не имѣли исключительно военнаго характера, но завѣдывали вмѣстѣ съ тѣмъ различными отраслями государственнаго управленія. Въ приказѣ же Военныхъ дѣлъ, по словамъ г. Розенгейма [2]), состоялъ военный судья, называемый иногда и главнымъ военнымъ судьею, которымъ былъ, напримѣръ, боярин Тихонъ Стрѣшневъ. Изъ числа приказовъ и канцелярій сохранили свою юрисдикцію до самаго конца царствованія Петра Великаго только Артиллерійская канцелярія—касательно лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ артиллерійскому дѣлу, Преображенскій приказъ—относительно войскъ гвардіи, Полицеймейстерская канцелярія (въ которую сама Военная коллегія «за учиненіе ей афронта» послала однажды для наказанія солдатъ, пришедшихъ въ коллегію для взятія оттуда силою комиссара Никифорова) и Подрядная канцелярія по дѣламъ о казнокрадствѣ, возбужденнымъ доношеніями фискаловъ, но только до передачи этихъ дѣлъ въ вѣдѣніе Сената въ 1723 г. Съ изданіемъ Воинскаго устава, какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ г. Розенгеймомъ, въ столицахъ нижніе чины бывали подсудны, вмѣсто военныхъ судовъ, разнымъ административнымъ учрежденіямъ, по повидимому только въ то время, когда лица эти не находились въ своихъ частяхъ войскъ. Они судились тогда въ этихъ учрежденіяхъ за различныя преступленія (воровство, дѣланіе фальшивой монеты, причиненіе обидъ и т. п.) и по нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ, но главнымъ образомъ судились за побѣги и неявку на службу. Производство подобнаго рода дѣлъ возлагалось сначала на разныя комиссіи, состоявшія подъ предсѣдательствомъ гвардейскихъ офицеровъ, но затѣмъ около 1717 г. оно было сосредоточено въ упомянутой выше Подрядной канцеляріи, находившейся подъ начальствомъ гвардіи капитана, полковника Кошелева, имѣвшей, судя по ея названію, собственно хозяйственное значеніе. По самому характеру дѣлъ объ уклоненіи отъ службы, производство ихъ должно было имѣть розыскной характеръ и на практикѣ состояло изъ допроса подсудимаго, съ употребле-

[1]) Розенгеймъ стр. 79 и сл.
[2]) Тамъ же.

ніемъ пытки по усмотрѣнію начальникъ приказа, который, «слушавъ распросныхъ рѣчей», единолично постановлялъ потомъ и приговоръ, назначая въ немъ наказанія до каторжной работы включительно. Приговоры эти, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые были постановлены относительно нижнихъ чиновъ гвардіи, подвергались иногда какъ бы предварительному исполненію, до возвращенія изъ похода начальника гвардейскихъ войскъ, князя Василія Владиміровича Долгорукова, которому они и представлялись тогда на окончательное утвержденіе. На подрядную же канцелярію, согласно указу 11 апрѣля 1719 года, было возложено и приготовленіе аудиторовъ изъ русскихъ недорослей, что не было приведено въ исполненіе вслѣдствіе совершенной неподготовленности для обученія молодыхъ людей, присланныхъ для этого военной коллегіей. Судъ надъ военно-служащими, пребывавшими въ губерніяхъ въ отсутствіи отъ своихъ частей войскъ, возлагался иногда на офицеровъ, командированныхъ, по распоряженію командующихъ генераловъ, для искорененія разбоевъ и поимки бѣглыхъ людей вообще. Офицеры эти, замѣнявшіе прежнихъ сыщиковъ, согласно указу 1719 года, имѣли право подвергать пойманныхъ ими бѣглыхъ солдатъ за побѣгъ и совершенныя во время нахожденія въ бѣгахъ другія преступленія — смертной казни, даже колесованію.

ЗНАЧЕНІЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГІИ.

Главное измѣненіе въ судоустройствѣ, установленномъ Воинскимъ уставомъ (въ обширномъ смыслѣ), состояло въ томъ, что Военная Коллегія, замѣнившая въ 1717 году Военную канцелярію, получила значеніе высшаго военно-судебнаго мѣста. Вскорѣ послѣ учрежденія Военной Коллегіи, указомъ 5-го марта 1719 г. [1]) повелѣно было присылать ей приговоры военныхъ судовъ въ смертныхъ винахъ, которые не могли быть конфирмованы командующими генералами, причемъ приговоры эти относительно нижнихъ чиновъ Военная Коллегія утверждала сама, а относительно офицеровъ представляла на Высочайшую конфирмацію. Но затѣмъ 11 ноября 1724 г. [2]), для ускоренія производства дѣлъ, права Военной Коллегіи и командующихъ генераловъ въ отношеніи конфирмаціи приговоровъ были расширены тѣмъ, что опредѣлено было на будущее время представлять въ Военную Коллегію только приговоры объ офицерахъ, причемъ приговоры эти касательно оберъ-офицеровъ Военная Коллегія утверждала собственною властью, а лишь о

---

[1]) П. С. З. т. V, № 3316.
[2]) П. С. З. т. VII, № 4589.

лицахъ высшихъ чиновъ она должна была представлять на Высочайшее усмотрѣніе; смертные же приговоры о нижнихъ чинахъ подлежали съ тѣхъ поръ утвержденію самихъ командующихъ генераловъ [1]). Въ Военной Коллегіи сосредоточивалась отчетность по военно-судебнымъ дѣламъ объ офицерахъ, о чемъ было сказано въ главѣ 50-й первой части Воинскаго устава, на основаніи которой положено было эти приговоры, по ихъ исполненіи, погодно присылать въ Военную Коллегію, гдѣ и составлять о нихъ «порядочный протоколъ». О томъ же говорится и въ данной въ 1719 г. Инструкціи генералу князю Трубецкому, посланному въ 1719 г. для осмотра кавалерійскихъ полковъ и принятія начальства надъ ними [2]). По Трубецкой обязывался приговоры объ офицерахъ не «въ смертныхъ винахъ», конфирмованные имъ самимъ, присылать въ Военную Коллегію «ради свидѣтельства», т. е. уже какъ бы и для повѣрки правильности этихъ приговоровъ. Военной Коллегіи, какъ мы видѣли выше, было поручено въ 1721 г. обсужденіе тѣхъ статей Воинскихъ Артикуловъ и краткаго изображенія процессовъ, которыя, по мнѣнію лицъ, занимавшихся ихъ пересмотромъ, требовали дополненія или измѣненія. Наконецъ Военная Коллегія имѣла наблюденіе вообще за правильнымъ производствомъ военно-судныхъ дѣлъ. Усматривая изъ разсмотрѣнія присылаемыхъ ей дѣлъ неправильности въ ихъ производствѣ, Военная Коллегія, указомъ отъ 21 іюня 1721 г. [3]), разъясняетъ и потверждаетъ:

1) Что всѣ допросы слѣдуетъ читать и заручать тѣми, съ кого они сняты: 2) прежде составленія сентенціи спрашивать подсудимыхъ, не имѣютъ ли они чего либо прибавить, и если имѣютъ, то принять и выслушать. Затѣмъ 3) составить изъ дѣла экстрактъ, въ которомъ выписать лишь вины, и, до голосованія, прочесть его по пунктамъ подсудимому, спрашивая по каждому пункту, признаетъ ли онъ себя виновнымъ. Если при этомъ подсудимый вспомнитъ что либо служащее къ его оправданію, и это показаніе будетъ заслуживать вѣры, то судъ долженъ принять и разсмотрѣть его. Когда экстрактъ будетъ прочтенъ и выслушанъ подсудимымъ, тогда велѣть ему подписать его и потомъ уже вершить по артикуламъ и процессамъ. Послѣ этого экстрактъ съ сентенціею, за рукою президента и аудитора, представляется

---

[1]) П. С. З, т. V, № 3404, т. VI, № 3806.
[2]) Моск. Отд. Об. Арх. Гл. Штаба, Дѣла Приказн. Повытья, кн. 2, л. 659—665
[3]) П. С. З, т. VI, № 3806.

аншефу (т. е. командующему генералу), который съ своей конфирмаціей посылаетъ ихъ, въ подлежащихъ случаяхъ, на окончательную конфирмацію Военной Коллегіи, безъ подлиннаго дѣла. Затѣмъ всѣ подлинныя дѣла объ офицерахъ, по окончаніи года, должны быть присылаемы въ Военную Коллегію одновременно.

Дѣлопроизводство по военно-судной части въ Военной Коллегіи сосредоточивалось въ особой *аудиторской экспедиціи*, которою завѣдывалъ состоявшій при Военной Коллегіи Генералъ-аудиторъ или Генералъ-аудиторъ-Лейтенантъ, и въ которой находилось нѣсколько оберъ-аудиторовъ и аудиторовъ [1]).

АУДИТОРЫ И ФИСКАЛЫ

Въ положеніи аудиторовъ и фискаловъ въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія послѣдовали большія измѣненія. По штату 1711 г. генералъ-аудиторы, судя по размѣру опредѣленнаго имъ содержанія (такъ какъ рангова имъ тогда еще не было указано), стояли наравнѣ съ высшими чинами штаба арміи, полковые аудиторы даже нѣсколько выше чиновъ полкового штаба, наравнѣ съ капитанами, что было вѣроятно заимствовано изъ положенія, существовавшаго въ императорскихъ (цесарскихъ) войскахъ. По согласно штату 1720 г. по окладу содержанія и назначенному имъ рангу (генералъ-аудитору — подполковника, генералъ-аудиторъ-лейтенанту — маіора и оберъ-аудитору — капитана), аудиторы высшихъ званій значительно понижены противъ соотвѣтствовавшихъ имъ прежде должностей въ войскахъ и ихъ штабахъ, полковымъ же аудиторамъ ранга даже вовсе не назначено и, по размѣру содержанія, они поставлены ниже прапорщика и лишь немного выше полкового писаря. Только въ артилеріи, въ которой положенъ всего одинъ аудиторъ, ему назначенъ рангъ поручика. Указанные выше ранги для аудиторовъ высшихъ званій помѣщены были и въ Табели о рангахъ, а о полковыхъ аудиторахъ въ Табели вовсе не упомянуто. Оставленіе полковыхъ аудиторовъ безъ всякаго ранга произошло, кажется, не столько по указанной Розенгеймомъ причинѣ – недостатку способныхъ людей для замѣщенія этой должности, при чемъ пришлось, по необходимости, обратиться къ замѣщенію ея писарями и унтеръ-офицерами, но скорѣе вслѣдствіе заимствованія такого постановленія изъ Пруссіи, гдѣ незадолго передъ тѣмъ, именно въ 1712 г., полковые аудиторы были также выключены изъ офицерской семьи и отнесены къ чинамъ унтеръ-штаба. Это явленіе Фрицціусъ (прус-

[1]) П. С. З., V, № 3338.

скій генералъ-аудиторъ 1818 г. [1]) объясняетъ тѣмъ, что въ началѣ XVIII столѣтія на офицерскія должности въ Пруссіи стали назначаться одни только дворяне, какъ лица, признаваемыя наиболѣе способными для командованія надъ солдатами, избираемыми изъ крѣпостныхъ крестьянъ дворянскихъ имѣній. Полковые аудиторы принадлежали обыкновенно къ лицамъ средняго сословія и потому должны были, вмѣстѣ съ пасторами и врачами, занять среднее положеніе между офицерами и нижними чинами, въ такъ называемомъ унтеръ-штабѣ полка. Пониженіе же должности полковыхъ аудиторовъ должно было неминуемо оказать соотвѣтственное вліяніе и на положеніе пополняемыхъ изъ нихъ высшихъ аудиторскихъ должностей. По штату 1711 года третья часть аудиторовъ назначалась изъ иноземцевъ, которымъ положенъ даже болѣе, чѣмъ двойной, окладъ содержанія противъ аудиторовъ изъ русскихъ. Иноземцами этими были по преимуществу нѣмцы и плѣнные шведы, но Петръ Великій особенно старался привлечь на эти должности, даже именно высшихъ званій, чеховъ, которые, какъ говорится въ указѣ 3 мая 1719 года [2]), «юристъ-пруденціи, а такожъ и словенскому языку искусны»: къ числу чеховъ принадлежалъ и упомянутый нами генералъ-аудиторъ-лейтенантъ, впослѣдствіи генералъ-аудиторъ Центаровій. Тѣмъ же указомъ предписывалось посылать къ нимъ, чехамъ, за границу «для обученія пять человѣкъ изъ русскихъ шляхетскихъ дѣтей». Мѣра эта была принята вскорѣ послѣ указанной выше неудавшейся попытки приготовленія аудиторовъ изъ русскихъ дворянскихъ недорослей въ Подрядной канцеляріи. Вопреки тому, что мы видѣли относительно аудиторовъ, съ положеніемъ фискаловъ высшихъ званій въ то же самое время произошло совершенно обратное явленіе. Ранги этимъ фискаламъ, назначенные еще въ Воинскомъ уставѣ; генералъ-фискалу — подполковника и оберъ-фискалу — младшаго маіора, были даже повышены и даны ранги генералъ-фискалу или оберъ-фискалу Военной Коллегіи полковника, а оберъ-фискаламъ, состоящимъ при дивизіяхъ, — подполковника. Послѣдовавшій объ этомъ указъ 22 февраля 1723 г. [3]) мотивируетъ это измѣненіе тѣмъ, что въ началѣ фискалы выбирались «изъ самыхъ нижнихъ людей безъ свидѣтельства» и изъ числа оберъ-фискаловъ нѣкоторые оказались виновными «въ великихъ преступ-

---

[1]) Friccius, Geschichte des deutschen insbesondere des preussischen Kriegsrechts, Berlin, 1868.

[2]) Моск. Отд. Об. Арх. Гл. Шт., дѣла прик. Повытья, кн. 1, л. 49—58; Оп. 3, св. 15, № 39, л. 33.

[3]) П. С. З., т. VII, ст. 4170.

леніяхъ и злодѣйствахъ» (что сказано по поводу дѣла о ярославскомъ оберъ-фискалѣ Нестеровѣ, который за злоупотребленія свои былъ подвергнутъ смертной казни), вслѣдствіе чего на эти высшія фискальскія должности были потомъ «опредѣлены (лица) изъ знатныхъ офицеровъ». Должностей же полковыхъ фискаловъ въ штатѣ 1720 г., въ Табели о рангахъ и приведенномъ выше указѣ 22 Февраля 1723 года не указано [1]), такъ что съ ними случилось то же самое, что и съ полковыми аудиторами, но по окладу содержанія они все-таки были поставлены теперь нѣсколько выше этихъ послѣднихъ.

Кромѣ военныхъ судовъ, собираемыхъ для разсмотрѣнія каждаго дѣла, въ полкахъ, при Петрѣ Великомъ былъ учрежденъ въ Москвѣ постоянный нижній военный Судъ, вѣроятно согласно постановленіямъ 50-й главы первой части Воинскаго устава. Судъ этотъ, какъ видно изъ указа 1723 г. [2]), занимался преимущественно разсмотрѣніемъ дѣлъ объ уклонявшихся отъ службы военнослужащихъ, пойманныхъ въ Москвѣ или вблизи ея, и состоялъ въ 1725 г. изъ члена отъ Военной Коллегіи, въ чинѣ бригадира, въ качествѣ президуса, двухъ ассессоровъ изъ числа полковниковъ и оберъ-аудитора. По своему составу онъ близко подходилъ къ генеральному военному суду, и только число ассессоровъ въ немъ было меньше, чѣмъ ихъ полагалось въ военныхъ судахъ вообще.

СУДЪ ОБЩЕСТВА ОФИЦЕРОВЪ.

При Петрѣ Великомъ появилось въ войскахъ нѣчто въ родѣ *суда общества офицеровъ*. Начиная съ 1714 г. былъ введенъ въ полкахъ порядокъ производства въ чины по баллотировкѣ самихъ офицеровъ, изъ числа старшихъ кандидатовъ. Какъ бы въ соотвѣтствіе съ этимъ, указомъ 25 іюля 1721 г. [3]) повелѣно было: «если гдѣ въ полевыхъ и гарнизонныхъ полкахъ явится офицеръ, которому за шумствомъ и другими непорядочными поступками въ службѣ быть невозможно, и такихъ свидѣтельствовать всѣмъ того полка штабъ и оберъ-офицерамъ по совѣсти и подъ присягою, и такія свидѣтельства заручить имъ, обстоятельно описывая ихъ шумство и другіе непотребные поступки, и потомъ каждому аншефу (командующему генералу) такое подлинное свидѣтельство при своемъ донесеніи представлять для рѣшенія въ Военную Коллегію». Но отобраніе такого рода свидѣтельствъ отъ всѣхъ офицеровъ подъ присягою, безъ постановленія ими какого-либо рѣшенія по большинству голосовъ, показываетъ, что учрежде-

[1]) П. С. З, т. VI, № 3890.
[2]) П. С. З, т. VII, № 4166.
[3]) П. С З., т. VII, № 3807.

ніе это имѣло скорѣе характеръ повальнаго обыска, чѣмъ суда офицерской корпораціи полка (существующаго въ настоящее время), тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ подлинныхъ дѣлъ, найденныхъ г. Розенгеймомъ, самыя преслѣдованія въ этихъ случаяхъ возбуждались всегда непосредственнымъ начальствомъ или Военной Коллегіей. Въ концѣ своего царствованія Петръ Великій Плакатомъ о сборѣ подушныхъ денегъ, отъ 24 іюня [1]) и *инструкціей о должности полковника 26 іюня 724 г.* [2]) возложилъ на полковыхъ командировъ наблюденіе за мѣстною администраціею вообще, главнымъ же образомъ по сбору подушныхъ денегъ, предназначенныхъ на содержаніе войска, а также и надъ жителями того района, въ которомъ былъ расположенъ полкъ. Этими узаконеніями полковникамъ предоставлено было вмѣстѣ съ тѣмъ и право судить и наказывать мѣстныхъ обывателей, по жалобамъ на нихъ военно-служащихъ, за причиненныя имъ обиды, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ судѣ надъ крестьяниномъ участвовалъ земскій коммисаръ, а въ судѣ надъ дворяниномъ—двое мѣстныхъ дворянъ. Но право полковничьяго суда не распространялось на криминальныя (т. е. высшія уголовныя, губныя) дѣла о мѣстныхъ жителяхъ, которыя передавались въ надворные суды, и на посадскихъ людей въ городахъ, имѣвшихъ магистраты, въ которыхъ дѣла объ этихъ лицахъ по жалобамъ на нихъ военно-служащихъ должны были разсматриваться при участіи въ судѣ двухъ офицеровъ въ качествѣ депутатовъ. Въ случаѣ же сужденія военно-служащихъ за причиненіе обидъ мѣстнымъ жителямъ, для присутствованія въ судѣ назначается два депутата отъ земства, вслѣдствіе чего военный судъ послѣдняго рода, по своему составу, имѣетъ характеръ *суда смѣшаннаго*. Что касается *военной подсудности*, то въ *Генеральномъ Регламентѣ* 28 Февраля 1720 г. было сказано, что «подчиненные воинскіе служители Сухопутной и Адмиралтейской Коллегіи, каждый въ своей коллегіи въ присутствіи своихъ должностей судимы да будутъ; въ партикулярныхъ же дѣлахъ между собою всякаго чина люди въ юстицъ-коллегіи и въ подчиненныхъ мѣстахъ судимы и штрафованы да будутъ.» На практикѣ же при Петрѣ В. военнослужащіе судились въ военныхъ судахъ не по однимъ преступленіямъ по службѣ, но по всѣмъ уголовнымъ и даже многимъ гражданскимъ дѣламъ ихъ между собою, какъ это было при-

СМѢШАННЫЕ СУДЫ.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ.

---

[1]) П. С. З., т. VII, № 4533.
[2]) П. С. З., т. VII, 4535.

нято въ Россіи прежде и существовало тогда въ Германскихъ государствахъ. Дѣла о казнокрадствѣ, хотя бы и со стороны военно-служащихъ, согласно указу 1721 г. (7-го Марта [1]), стали подлежать разсмотрѣнію сената, а по указу 1723 г. (28 Іюня [2]), вмѣстѣ съ подчиненіемъ комиссаріата Военной Коллегіи, предписано было судить комиссаровъ за преступленія по ихъ службѣ въ сенатѣ по прежнему, но съ участіемъ при этомъ двухъ депутатовъ отъ Военной Коллегіи. Въ томъ же 1723 г. (30 Ноября [3]) было разъяснено, что отставные военнослужащіе должны судиться въ судахъ гражданскаго вѣдомства на общемъ основаніи, хотя незадолго передъ тѣмъ въ одномъ указѣ было упомянуто о подсудности этихъ лицъ нижнему военному суду въ Москвѣ. Наконецъ относительно порядка производства дѣлъ, кромѣ приведеннаго выше указа Военной Коллегіи отъ 24 Іюня 1721 г., заслуживаетъ вниманія послѣдовавшій 5-го Ноября 1723 г. *Указъ о формѣ суда* [4]), дѣйствіе котораго распространялось и на военные суды, такъ какъ онъ былъ разосланъ Военной Коллегіей во всѣ подчиненныя ей мѣста 26 Ноября того же года. Указу этому, какъ извѣстно, приписываютъ весьма важное значеніе въ исторіи нашего судопроизводства общаго, потому что онъ означаетъ возвратъ нашего законодательства къ обвинительнымъ началамъ въ процессѣ, которыхъ въ законѣ 5 Ноября 1723 г. находится больше, чѣмъ въ краткомъ изображеніи процессовъ. Но съ другой стороны, въ законѣ этомъ обращаетъ на себя вниманіе большее сравнительно съ прежнимъ развитіе письменности, увеличеніе сложности формъ въ процессѣ и недозволеніе отвѣтчику присылать вмѣсто себя повѣреннаго. По указу о формѣ суда: 1) челобитную слѣдуетъ писать по пунктамъ и давать съ челобитной прежде суда списокъ отвѣтчику; 2) при выдачѣ списка отъ отвѣтчика отбирается подписка (реверсъ) о явкѣ въ судъ въ положенный срокъ и затѣмъ, если онъ въ теченіе недѣли со времени истеченія этого срока не явится, то призывается съ барабаннымъ боемъ, а въ случаѣ вторичной неявки предписывается обвинять заочно. Отвѣтчикъ долженъ былъ являться въ судъ лично, потому что только о челобитчикахъ сказано, что могутъ присылать вмѣсто себя въ судъ кого хотятъ, и 3) объясненія обѣихъ сторонъ, даваемыя ими на судѣ, записываются въ двухъ

[1]) П. С. З., т. VI, № 3756.
[2]) П. С. З., т. VII, № 4257.
[3]) П. С. З., т. VII, № 4375.
[4]) Кавелинъ, цит. сочиненіе.

различныхъ тетрадяхъ и разсмотрѣніе дѣла производится по обстоятельствамъ, относящимся къ каждому пункту отдѣльно, 4) когда стороны по какому нибудь пункту не имѣютъ ничего больше добавить, то удостовѣряютъ это своимъ рукоприкладствомъ. Наконецъ, 5) когда все дѣло будетъ разсмотрѣно, то слѣдуетъ сдѣлать изъ него выписку по пунктамъ и по прочтеніи ея челобитчику и отвѣтчику предложить подписать ее. Такой порядокъ судопроизводства долженъ былъ примѣняться ко всѣмъ дѣламъ, «не толкуя, что та форма суда къ тому служитъ, а къ другому не служитъ»; лишь только по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ и злодѣйствѣ, подъ которымъ разумѣлись важнѣйшія преступленія противъ вѣры, убійства, разбой и татьба, приказано было «списковъ съ поданныхъ челобитенъ (отвѣтчикамъ) не давать, а разспрашивать ихъ, какъ злодѣевъ». По поводу возникшаго вопроса о степени обязательности примѣненія въ военныхъ судахъ указа о формѣ суда, вслѣдствіе донесенія объ этомъ Петербургскаго коменданта Бахметова, предсѣдательствовавшаго въ состоявшей при немъ военно-судной коммиссіи, указомъ 30 Ноября 1724 г. было разъяснено, что «форма суда» обязательна и для военныхъ судовъ, поэтому предписывалось для содержанія фергеровъ и кригсрехтовъ имѣть пропишныя тетради, по «сроки по той формѣ давать отвѣтчикамъ только въ истцовыхъ между ими партикулярныхъ дѣлахъ, окромѣ фискальскихъ и доносителей доношеній, касающихся интересу Е. И. Величества, понеже въ той формѣ упоминается больше о челобитчикахъ и отвѣтчикахъ», изъ чего видно, что указъ о формѣ суда долженъ былъ примѣняться въ военныхъ судахъ только къ дѣламъ гражданскимъ. Остальныя же дѣла производились по краткому изображенію процессовъ и по главѣ 50-й первой части Воинскаго устава.

ПОСОШКОВЪ О ВОЕН. СУДОУСТРОЙСТВѢ.

Знаменитый крестьянинъ Иванъ Посошковъ, живший въ царствованіе Петра Великаго, между прочимъ написалъ замѣчательное по своей глубинѣ сочиненіе «О скудости и о богатствѣ, отъ чего приключается скудость и отъ чего гобзовитое богатство умножается» [1]). Въ немъ среди другихъ важныхъ бытовыхъ и государственныхъ вопросовъ много мѣста удѣлено также и военному суду, при чемъ авторъ передаетъ, съ одной стороны, фактическія данныя того времени, съ другой — указываетъ на необходимость реформы военнаго процесса и судоустройства.

---

[1]) Издано Погодинымъ, Москва, 1842 г. См. стр. 4, 33, 35, 42,—43.

По мнѣнію Посошкова развитіе преступности солдатъ является результатомъ нижеслѣдующаго:

«Военный людъ—стѣна и твердое забрало царству, а командиры ихъ и судьи военнаго правленія не имутъ попеченія о нихъ, чтобы они ни голодны, ни холодны были, по всѣмъ бы довольны; зѣло бо о нихъ слышно, что отъ недостатку великую нужду подъемлютъ; ибо инымъ солдатамъ на мѣсяцъ и по десяти алтынъ не приходитъ, то чѣмъ ему прожить, гдѣ ему взять шубу или рукавицы и иныя потребности. такожде и харчи на что ему купить? и въ такой скудости живучи, какъ ему и не своровать, и какъ ему изъ службы не збѣжать? нужда не токмо къ бѣжанію принудитъ, но измѣнить готовъ будетъ; а измѣня и ратникомъ на своихъ будетъ».

Вмѣстѣ съ этимъ Посошковъ указываетъ на то, что военный судъ недоступенъ для очень многихъ:

«...И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что и исчислить ихъ не можно; а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ... ...а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать его: понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей: не токмо простолюдинъ доступить по нему, но и военный человѣкъ не на равнаго себѣ нескоро судъ сыщетъ».

Посошковъ также указываетъ и способы реформы: разсказавъ о двухъ случаяхъ, происшедшихъ съ нимъ, и объ обидахъ, нанесенныхъ ему двумя офицерами, онъ заявляетъ:

«И я, аще не весьма послѣдній человѣкъ, а суда не сыскалъ. Какъ же сыщетъ судъ кто мизерніе меня? Только что о обидахъ своихъ жалуйся на служивой чинъ Богу». Чтобы выйти изъ этого состоянія, Посошковъ совѣтуетъ: «А аще учиненъ будетъ судъ равный, каковъ простолюдину, таковъ и безъ понаровки и офицеру; то и нехотя всю прыткость свою отложатъ, и будутъ ко всякому чину склонны, и не токмо на квартирахъ, но и на пути по прежнему никого обидить не будутъ».

«А буде кой солдатъ или драгунъ и отъ довольной сытости да станетъ плутать, изъ службы сбѣжитъ, то поймавъ его разспросить. отъ чего онъ бѣжалъ? И буде нехотя служитъ. то учинить ему смертная казнь, или вмѣсто смертныя казни наложить ему на лбу херъ или иной какой знакъ. чтобы онъ всякому знатенъ былъ, что онъ бѣглецъ: то уже тотъ впредь не побѣжитъ, потому что за такимъ знакомъ никто его на дворъ не пуститъ и ни къ какой его работѣ нигдѣ не пріимутъ, и гдѣ кто его не увидитъ, аще не при полкѣ. то поймать его можетъ, и связавъ, отослать къ суду: а судъ ему уже смертенъ.

А буде же пойманный солдатъ скажетъ, что бѣжалъ онъ отъ обиды офицера своего, то надлежитъ разыскать: и буде обида будетъ явна, то надлежитъ дать кара офицеру, а солдата отъ хера свободить; многіе бо

солдаты и драгуны на офицеровъ своихъ жалуются, что великія имъ обиды чинятъ, а управы на нихъ не сыщутъ.

И ради общежительства любовнаго ище Великій нашъ Монархъ повелитъ судъ устроити единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, такожъ и офицеру, ничимъ же отмѣненъ, и полковнику, и генералу,—и чтобъ и судъ учинить близостной, чтобъ всякому и низкочинному человѣку легко бы его доступать, како на простолюдина, такъ и на служиваго,—то по таковому уставу не то что офицеровъ, солдатъ изобижать, но и земледѣльцевъ не будутъ обидить. Ище увидятъ прямой правый судъ, то всю прежнюю свою гордость и озорничество и обиды всѣ отложатъ, и будутъ со всѣми чинами любовно обходиться, и на квартирахъ будутъ стоять смирно, и чего имъ не указано, не станутъ того дѣлать, и указы Его Императорскаго Величества не станутъ ничтожить; ибо тѣжъ люди, да вси измѣнятся. И за то всякому чину будутъ милы, и въ квартирномъ столпѣ вси будутъ имъ рады, яко свойственникамъ. Сей же судъ, мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолюдину о обидѣ своей на солдата у солдатажъ милости просить, а на офицера у офицеражъ. Старая пословица есть: еже воронъ ворону глаза не выклюетъ! Сіе бо есть явное дѣло, что солдатъ на солдата никогда не почнетъ, а офицеры и давно не промѣняютъ своего брата и на солдата, а не то что на простолюдина; всегда бо свой своему по неволѣ другъ, и нельзя имъ другъ другу и не паровить: потому нынѣ тотъ винепъ, а на иной день будетъ и онъ винепъ. И потому не можно имъ праваго суда на своего брата изнести. А ище судъ будетъ по нынѣшнему и разный, служивымъ особливый, а прочимъ чинамъ особливые жъ, да будутъ единой главной конторѣ подсудны и во всемъ послушными, то можетъ правда установится.

СТРАЛЬЗУНДСКАЯ КОНВЕНЦІЯ.

Наконецъ, къ царствованію Петра Великаго относится одинъ документъ, рисующій военную юстицію того времени при международныхъ отношеніяхъ съ иностранными государствами. Такъ, $^{7}/_{18}$ сентября 1771 г.[1]) въ лагерѣ подъ Стральзундомъ была заключена конвенція между русскимъ, датскимъ и польскимъ дворами, которая между прочимъ устанавливала:

1) Смертную казнь за фуражировку въ неотведенныхъ для того мѣстахъ, власть «отданія подъ судъ» виновнаго принадлежала сторонѣ, права которой были нарушены этими дѣйствіями.

2) На случай «наче чаянія» ссоръ между военнослужащими двухъ разныхъ націй, третья нація назначала судъ, рѣшенія котораго не подлежали обжалованію.

3) Въ цѣляхъ устраненія подозрѣній относительно того, что одна нація желаетъ имѣть какія-либо преимущества противъ другихъ, конвенція

---

[1]) П. С. З., т. IV, № 2423.

постановила, что Главный инспекторъ датской арміи будетъ ходить дозоромъ около арміи прусской и наказывать прусскихъ солдатъ, виновныхъ въ «распутствахъ и безпорядкахъ», то же самое будетъ дѣлать и прусскій инспекторъ относительно датскихъ войскъ. Если бы въ производствѣ безпорядковъ было найдено не одно, а нѣсколько лицъ, то инспекторъ приказываетъ имъ бросить жребій и наказываетъ того, на кого жребій палъ; если виновныхъ нѣсколько и они разныхъ націй, то жребій бросается отдѣльно для солдатъ тѣхъ и другихъ націй.

Такимъ образомъ на основаніи всего вышеизложеннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

ВЫВОДЫ.

1) Царствованіе императора Петра I, въ отношеніи военно-уголовнаго законодательства, отличается многочисленностью и разнообразіемъ какъ цѣлыхъ систематическихъ сборниковъ военно-уголовныхъ законовъ, такъ и отдѣльныхъ законодательныхъ постановленій, касающихся матеріальныхъ или формальныхъ уголовныхъ законовъ.

2) Въ эту эпоху русская армія получаетъ первый Воинскій Уставъ, предназначенный только для арміи и содержащій въ себѣ постановленія о преступленіяхъ и наказаніяхъ не только воинскихъ, но и общихъ, равно и о порядкѣ отвѣтственности военнослужащихъ и о производствѣ военныхъ судовъ.

3) Наказанія въ эту эпоху увеличиваются не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи: увеличивается число случаевъ примѣненія смертной казни, самое исполненіе казни отягчается присоединеніемъ членовредительныхъ придатковъ и появляются тяжкія тѣлесныя наказанія.

4) Преступныя дѣянія, въ отношеніи ихъ состава, получаютъ болѣе точное законодательное опредѣленіе.

5) Подсудность военнослужащихъ военнымъ судамъ положительно устанавливается.

6) Военные суды раздѣляются на инстанціи по предметной и личной подсудности.

7) Къ отправленію военно-судебной дѣятельности въ той или другой формѣ привлекается много должностныхъ лицъ, обязанности которыхъ положительно разграничиваются закономъ. таковы: аудиторы, фискалы, комиссары и т. п.

8) Въ отправленіи военно-судебной власти военное начальство получаетъ значительныя полномочія.

9) Изъ постановленія Краткаго Изображенія Процессовъ вытекаетъ, что указанная въ немъ форма процесса была смѣшанною, хотя и имѣла преимущественно характеръ обвинительный, допуская широкое участіе сторонъ въ производствѣ дѣла.

10) Въ военныхъ судахъ былъ принятъ одинаковый порядокъ для производства дѣлъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, при чемъ процессъ раздѣлялся на три части.

11) Особенное значеніе получаютъ конфирмаціи приговоровъ начальствомъ, благодаря чему постановленія Воинскаго Устава фактически зачастую бездѣйствовали.

12) Законодательство Петра Великаго, хотя и было въ большинствѣ случаевъ составлено на основаніи иностранныхъ источниковъ, тѣмъ не менѣе дѣйствовало безъ особенно значительныхъ измѣненій до второй половины XIX столѣтія.

ГЛАВА III.

Эпоха преемниковъ Петра Великаго.

ИЗЪ ЧИСЛА ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго при Императрицѣ Аннѣ въ 1730 г. была сдѣлана новая попытка пересмотра военноуголовныхъ законовъ. Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала Миниха, учрежденной тогда для улучшенія состоянія арміи, поручено было разсмотрѣть также и артикулы, составленные въ концѣ царствованія Петра Великаго, и представить ихъ затѣмъ на Высочайшее утвержденіе. Но труды комиссіи Миниха собственно въ этомъ отношеніи остались безъ всякаго результата. Какъ видно изъ наказа комиссіи для составленія новаго уложенія, Екатерина II предполагала заняться впослѣдствіи приведеніемъ въ порядокъ военныхъ постановленій, что̀ не осуществилось вслѣдствіе неудачи постигшей тогда даже составленіе новаго уложенія общаго.

ПЕРЕСМОТРЪ В.-У. ЗАКОНОВЪ.

Въ Высочайшемъ указѣ 1730 года въ пунктѣ 15 говорилось: «понеже еще при жизни блаженнѣйшія памяти Государя Дяди Нашего Императора Петра Великаго сочинены новые военные артикулы, которые до сего времени въ дѣйство не произведены, того ради имѣетъ комиссія оные артикулы такожде разсмотрѣть, чтобы могли потомъ, по полученіи Нашей Всемилостивѣйшей конфирмаціи, публикованы и въ дѣйство произведены быть».

По опредѣленію воинской комиссіи 11 октября 1730 года [1]), предварительное разсмотрѣніе вновь сочиненныхъ артикуловъ было поручено барону Гюйссену и генералъ-аудитору Центарови, «который у сочиненья тѣхъ артикуловъ былъ».

Это было вызвано тѣмъ, что «по слушанію воинской комиссіи оныхъ артикуловъ первыхъ двухъ главъ нѣкоторые артикулы явились изъ указовъ приличныхъ не выполнены». 13-го апрѣля 1731 г. комиссія посылала въ Сенатъ доношеніе и просила, «дабы повелѣно было оные изъ военной коллегіи артикулы послать въ Санктъ-Петербургъ», во исполненіе чего артикулы были отправлены съ генералъ-аудиторомъ Центарови, который «повиненъ былъ» объявить комиссіи при разсмотрѣніи артикуловъ, «съ чего что въ тѣ артикулы написано».

Однако, и по исправленіи артикуловъ, цѣль комиссіи достигнута не была и 31-го мая 1732 г. графъ Минихъ, предсѣдатель этой комиссіи, доносилъ Государынѣ [2]), что «о воинскомъ артикулѣ въ той комиссіи разсужденія не учинено», почему и просилъ, въ виду отсутствія по дѣламъ службы «комиссскихъ членовъ», передать дѣло разсмотрѣнія артикуловъ въ военную коллегію, «гдѣ я нынѣ присутствіе имѣю», добавлялъ Минихъ.

Какъ видно изъ дѣлъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба [3]), при Минихѣ «были сочинены»: одинъ русскій и два нѣмецкихъ артикула, къ сожалѣнію, до насъ не дошедшіе.

Новая комиссія для пересмотра артикуловъ учреждается уже въ царствованіе Елисаветы Петровны въ 1754 году [4]).

Первое ея засѣданіе для разсмотрѣнія плана артикуловъ состоялось въ среду 3 мая 1755 года, когда былъ заслушанъ «планъ о воинскомъ про-

---

[1]) Москов. Архивъ Мин. Юстиціи, № 18380, стр. 1087.
[2]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, № 392/18.
[3]) Оп. 121, св. 14, № 12.
[4]) Моск. От. Общ. Арх. Гл. Шт. Оп. 121, св. 51

цессѣ», 4 мая комиссія слушала «по плану о воинскомъ артикулѣ и имѣла разсужденіе, на какомъ основаніи оному быть». Этому вопросу, кромѣ того, было посвящено еще два засѣданія—5 и 10 мая, а къ 15 мая въ числѣ сотрудниковъ комиссіи встрѣчается оберъ-аудиторъ Рубцовъ, «находящійся при сочиненіи военнаго артикула и процесса».

Затѣмъ засѣданія прекращаются до 7-го іюля, когда комиссія постановила: по плану надлежащіе пункты сочинять, согласно съ какою-то «записною коллежскаго разсужденія», вѣроятно относящагося къ 1730 году.

Работы комиссіи выразились въ слѣдующемъ: она приняла за основаніе своихъ работъ планъ военной коллегіи и въ нѣкоторые изъ артикуловъ по плану внесла измѣненія—далеко несущественныя и чисто-формальнаго свойства (см. въ приложеніи).

Дальнѣйшая судьба комиссіи намъ неизвѣстна, кромѣ лишь того, что закрытіе ея послѣдовало въ 1759 году, а также и того, что въ составленіи новыхъ артикуловъ принималъ видное участіе подполковникъ (впослѣдствіи генералъ-майоръ) Степанъ Языковъ; этимъ послѣднимъ было составлено: «о порядкѣ военнаго суда и происхожденіи всего процесса»—въ 14 главахъ и 7 главъ воинскихъ артикуловъ: I—о страхѣ и службѣ Божіей, II—о богохульствѣ и преступленіяхъ въ законѣ, III—объ оскорбленіи Величества, IV—о бунтѣ и измѣнѣ, V—о сказывающихъ слово и дѣло, VI—о нечиненіи присяги, VII—о поданіи челобитныхъ или допошеній—мимо команды: остальныя главы были «вчернѣ», а всего было до 500 артикуловъ [1].

Столь же мало плодотворною явилась и Екатерининская комиссія 1762 года. Въ инструкціи, данной ей 5 ноября того же года, значилось (пунктъ 20-ый), что «по прошествіи столь великаго времени и знатной перемѣны въ правахъ и воспитаніи народа, послѣ изданія въ войско наше содержащагося въ немъ устава, артикуловъ и процесса, весьма видимымъ образомъ требуется въ тѣхъ быть поправленію и пополненію» [2]).

Во исполненіе этого пункта всѣ дѣла прежде бывшихъ комиссій были переданы генералъ-мадору Грану для составленія воинскаго артикула. Грань приступилъ было къ работѣ и «изъ того нѣсколько и сочинилъ, но, за отбытіемъ комиссіи изъ Москвы и за отлучкой его къ командѣ, всего окончить не могъ».

---

[1]) Моск. От. Об. Арх. Гл. Шт., Оп. 121, св. 13, № 12.
[2]) Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт., Оп. 121, св. 14, № 12.

Вслѣдствіе этого 20 марта 1764 года предсѣдатель комиссіи, баронъ Томасъ фонъ-Деццъ, съ соизволенія Государыни, доставилъ генералъ-маіору Яковлеву опредѣленіе комиссіи, въ силу котораго ему предписывалось «сочинить весь воинскій процессъ (вѣроятно и артикулы), по главамъ, и для настоящаго каждой изъ нихъ утвержденія, для общаго съ комиссіей разсужденія и положенія, входить въ оную безъ всякаго упущенія времени... учинять... непремѣнное и скорое исполненіе.»

Несмотря, однако, на все это, трудъ остался не оконченнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ матеріалы, посланные составителю, куда-то исчезли. Матеріалы эти таковы:

1. Планъ военныхъ артикуловъ въ сводѣ.
2. Черныя дѣла оберъ-аудитора Микѣшина.
3. Новосочиненный при военной коллегіи процессъ, у котораго три главы переправлены и переписаны набѣло.
4. Планъ военныхъ артикуловъ подполковника Языкова.
5. Записка военной коллегіи.
6. Планъ военныхъ артикуловъ, военной коллегіей апробованный.
7. Выписка сепаратныхъ указовъ, присланныхъ изъ военной коллегіи.
8. Прежде военной коллегіей сочиненные артикулы и набѣло переписанные 28-мь главъ, а 29-ая вчернѣ. При томъ же и ремарки г.-м. Грана.
9. Записки и дѣла военной коллегіи 730 года.
10. Россійскіе
11. Нѣмецкіе
12. } при Минихѣ сочиненные артикулы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ составителю были доставлены: указная книга съ 725 по 730 годъ, Морской уставъ, Уложенье и Воинскій уставъ съ Артикуломъ Военнымъ.

ИЗМѢНЕНІЯ В. УСТАВА.

Измѣненія въ примѣненіи уголовныхъ постановленій Воинскаго Устава въ обширномъ смыслѣ за все это время происходили, съ одной стороны — вслѣдствіе изданія законовъ, спеціально предназначенныхъ для военнаго вѣдомства, или же законовъ, имѣвшихъ общій обязательный характеръ, или наконецъ такихъ, которые, будучи изданы первоначально для одного вѣдомства гражданскаго, впослѣдствіи были распространены и на вѣдомство военное. Съ другой стороны измѣненія въ примѣненіи военно-уголовныхъ законовъ происходили не только путемъ законодательнымъ, но въ значительной мѣрѣ и посредствомъ практики.

МАТЕРІАЛЬНЫЕ В.-У. ЗАКОНЫ.

Изданные въ послѣдшія три четверти XVIII столѣтія матеріальные уголовные законы вообще и военно-уголовные законы были направлены

къ смягченію дѣйствія постановленій Воинскихъ Артикуловъ и Соборнаго Уложенія. Узаконенія, имѣющія такой характеръ, стали появляться особенно часто со второй половины XVIII вѣка. Въ 1753 г. 18 іюня и 1754 г. 30 Сентября указами императрицы Елизаветы [1]) пріостановлено было примѣненіе смертной казни, съ замѣною ея смертью политической, наказаніемъ кнутомъ, ссылкой въ вѣчную каторжную работу, съ вырѣзаніемъ ноздрей. При этомъ смертная казнь не была отмѣнена окончательно, какъ это полагаютъ и составители Уложенія о наказаніяхъ 1845 г., которые указываютъ во-первыхъ на извѣстные случаи примѣненія этого наказанія при Екатеринѣ II (по дѣламъ поручика Мировича, Пугачева и Перфильева и объ умерщвленіи въ Москвѣ во время чумы преосвященнаго Амвросія [2]) и во-вторыхъ находятъ, что приведенными указами Елизаветы Петровны запрещено было приговаривать къ смертной казни лишь низшимъ судамъ и что по этому указы эти не могли относиться къ неподлежавшимъ разсмотрѣнію низшихъ судовъ преступленіямъ государственнымъ (противъ первыхъ двухъ пунктовъ). Смертная казнь «натуральная», а не «политическая» назначалась военными судами и несомнѣнно примѣнялась иногда на практикѣ въ военное время. Это видно изъ одного указанія, сдѣланнаго профессоромъ Костомаровымъ, именно, что во время послѣдней войны съ Польшею, предшествовавшей ея послѣднему раздѣлу, находившіеся прежде на службѣ въ Литовскихъ войскахъ, 202 нижнихъ чина, бѣжавшихъ изъ русскихъ войскъ, куда они были зачислены, для присоединенія къ арміи Косціушки, будучи пойманы, подвергнуты въ Кіевѣ смертной казни, всѣ поголовно, даже колесованы (см. Конецъ Рѣчи Посполитой, Спб. 1865 г.). Членовредительныя тѣлесныя наказанія, имѣвшія самостоятельное значеніе, вѣроятно, рѣдко примѣнялись въ военно-судномъ вѣдомствѣ. Наказанія эти окончательно вышли изъ употребленія лишь подъ вліяніемъ Наказа Екатерины II, признававшей въ немъ «всякое уродованіе тѣла противнымъ человѣчеству». По указу же 1 Января 1782 г. и военнымъ судамъ предписано было, при сужденіи о преступленіяхъ и назначеніи наказаній, руководствоваться общими началами этого наказа, назначая наказанія по мѣрѣ вины и

[1]) П. С. З., т. XIV, № 10306; т. XIII, № 10113; т. XIV, № 10113.

[2]) Впрочемъ, тогда, въ 1771 году, въ Москвѣ за ограбленіе вымершихъ домовъ положено было казнить на мѣстѣ, ибо, какъ сказано, въ крайнихъ обстоятельствахъ и крайнія мѣры принимаются Св. узак. по в. с. ч., 2 ч., указы 12 окт. и 23 ноября 771.

замѣняя жестокіе виды наказаній другими, «по роду преступленій свойственными» [1]). Жалованной грамотой дворянству [2]) и Городовымъ положеніемъ 1785 года, дворяне и купцы первыхъ двухъ гильдій были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Въ жалованной грамотѣ были указаны слѣдующія преступленія, влекущія за собою лишеніе дворянства: нарушеніе клятвы, измѣна, разбой, воровство всякаго рода, лживые поступки и преступленія, за кои по законамъ имѣетъ слѣдовать лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, очевидно, для лицъ, отъ него неизъятыхъ, при чемъ приговоры судовъ о лишеніи дворянина его званія или жизни должны быть представляемы на Высочайшее утвержденіе.

МАНИФЕСТЪ О ПОЕДИНКАХЪ.

«Манифестъ о поединкахъ» 21 апрѣля 1787 [3]) года представляетъ собою замѣчательный памятникъ русскаго законодательства, составленный совершенно самостоятельно, хотя и не безъ вліянія философіи гуманистовъ XVIII столѣтія.

Во введеніи манифестъ перечисляетъ всѣ мѣры и распоряженія правительства, принятыя въ цѣляхъ поднятія понятій о чести въ дворянскомъ сословіи, именно жалованную грамоту 1785 г., которая дала дворянскому сословію рядъ исключительныхъ правъ: право судиться лицами себѣ равными, исключать порочныхъ лицъ изъ своей среды и т. п. Хотя по словамъ Манифеста, отъ такихъ мѣръ и слѣдовало ожидать «желаемыхъ плодовъ», однако въ средѣ дворянъ и военныхъ людей существовалъ зловредный обычай кровавое и самовольное мщеніе въ дѣлахъ личной чести. Такое явленіе въ Россіи, въ которой употребляли оружіе только для защиты общаго дѣла, Манифестъ объясняетъ простымъ заимствованіемъ отъ «временъ варварскихъ», т. е. среднихъ вѣковъ, къ которымъ въ концѣ XVIII ст. относились съ особеннымъ пренебреженіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ, что и «допынѣ вопль народовъ, отягощенныхъ игомъ зловреднаго обычая... ссылался съ нѣкимъ восхищеніемъ на Россійскіе нравы и обычаи», отличающіеся храбростью и прощеніемъ. Въ виду этого Манифестъ восклицаетъ: «да умолкнутъ своевольныя толкованія въ дѣлѣ, въ коемъ гласъ закона Божія соединяется со гласомъ установленій военныхъ и гражданскихъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается

---

[1]) П. С. З., Т. XXI, № 15313.
[2]) П. С. З., Т. XXII, № 16187.
[3]) П. С. З., т. XXII, № 16535.

послѣдовать примѣру законодателей, вычеркнувшихъ строгіе законы объ оскорбленіи Величества.

По своему содержанію Манифестъ, стремясь къ запрещенію въ собственномъ дѣлѣ дѣлаться судьею, воспрещаетъ вызывать и выходить на драку или т. наз. поединокъ, а также и упрекать лицо, повинующееся закону и отказывающееся отъ этого.

Манифестъ даетъ въ руководство «правила правоученія» и опредѣляетъ понятіе обиды: словами, письмомъ и дѣйствіемъ—собственно насильственнымъ или угрозой; что же касается брани заочной, то «да обратится она въ поношеніе тому, кто ее произнесъ». За обиды допускается требовать наказанія или взысканія денегъ за безчестье. Искъ погашается за примиреніемъ противниковъ, за взаимностью обидъ и вслѣдствіе протеченія давности (1 и 2 года).

Интереснымъ представляется порядокъ примиренія ссорящихся съ цѣлью предупрежденія поединка.

Всякій, услыхавшій о ссорѣ, долженъ примирять противниковъ «дружелюбно» и стать посредникомъ, а при неуспѣхѣ предлагать избрать имъ по одному надежному человѣку, которые въ теченіе одного и не далѣе 3-хъ дней прекращаютъ ссору и именемъ закона запрещаютъ драку: если же есть «опасеніе о поведеніи ссорящихся», то избранныя лица обязаны увѣдомить о томъ начальство; за неисполненіе этого они отвѣчаютъ за соучастіе въ поединкѣ. Въ свою очередь начальство военное или гражданское обязано развести ссорящихся и дать имъ присмотръ, чтобы поединокъ не могъ состояться.

Вызовъ на поединокъ является нарушеніемъ судейской власти, вслѣдствіе чего съ виновнаго взыскивается судейское безчестье—жалованье по чину судьи, которому подсудно дѣло, а впредь до уплаты онъ заключается подъ стражу.

Отвѣтственность противниковъ за совершеніе поединка опредѣляется не самостоятельно, а собственно послѣдствіями поединка, т. е. какъ за убійство, нанесеніе ранъ и увѣчій. Подвергаются наказанію и примирители, посредники, секунданты и находившіяся хотя бы и случайно при ссорѣ, какъ соучастники.

За отказъ отъ избранія посредниковъ опредѣляется исключеніе изъ службы, изъ дворянскаго общества, «изъ бесѣдъ и собраній». Лишеніе дворянства, чиновъ и ссылка на вѣчное житье въ Сибирь грозитъ начав-

шему драку, вопреки уговору посредниковъ, или за повтореніе ссоръ. Лишеніе имущества и прибитіе имени къ висѣлицѣ назначается неявившемуся по повѣсткѣ въ судъ.

Въ заключеніе Манифестъ снова увѣщеваетъ гражданъ жить мирно, а находящихся на службѣ—военной или гражданской—оказывать послушаніе начальству, а послѣднихъ поддерживать воввѣренныхъ имъ частяхъ порядокъ и дисциплину.

Точно также воспрещается лицу, находящемуся или находившемуся на службѣ вызывать настоящаго или бывшаго начальника и сему послѣднему выходить на поединокъ по дѣлу касательно взысканія по службѣ и вообще начальника, хотя бы и по частнымъ дѣламъ подъ угрозою преданія суду, такъ какъ «подчиненность или дисциплина есть душа всякой службы, паипаче же военной».

УКАЗЫ ОБЪ УКЛОНЕНІИ ОТЪ СЛУЖБЫ.

Затѣмъ, изданные за все разсматриваемое время указы касаются преимущественно уклоненія отъ службы, въ особенности со стороны рекрутъ, и обращенія съ ними. Указомъ 23 января 1739 г.[1]) положено пойманныхъ изъ бѣговъ нижнихъ чиновъ, прослужившихъ менѣе года, за первый побѣгъ наказывать шпицрутенами, а за послѣдующіе побѣги по Воинскому Артикулу. По генеральному учрежденію о наборѣ рекрутъ 1766 г.[2]) за драку, пьянство, картежную игру и прочія «продерзости» рекрутъ могъ быть наказанъ батогами «по винѣ смотря», по усмотрѣнію начальниковъ партій, за совершеніе же побѣговъ онъ предавался суду, а въ случаѣ добровольной явки «въ разсужденіе того, что къ дальнимъ и дѣйствительнымъ побѣгамъ намѣренія не имѣлъ», наказывается начальниками батогами или тростью «въ обыкновенной пропорціи», но начальникамъ за несправедливое и жестокое обращеніе съ ними полагается лишеніе жалованья за треть, отнятіе старшинства и лишеніе чиновъ на время или навсегда, въ особенности когда послѣдствіемъ такового обращенія будетъ побѣгъ опыхъ.

Относительно членовредительства, по закону 24 марта 1727 г.,[3]) за отсѣченіе пальцевъ съ цѣлью уклониться отъ службы полагалась смертная казнь черезъ десятаго человѣка и вѣчная каторга съ вырѣзаніемъ ноздрей, назначенная въ Воинскомъ Артикулѣ. Но по упомянутому выше генераль-

---

[1]) П. С. З., т. X, № 7740.
[2]) П. С. З., т XVII. № 12748.
[3]) П. С. С., т. VII. № 5050.

ному учрежденію о наборѣ рекрутъ 1766 г., членовредителямъ опредѣляется: если они остались годными къ строевой службѣ—наказаніе шпицрутенами три раза черезъ 500 человѣкъ, въ противномъ случаѣ—плети пенадію и вѣчная каторга.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПО СЛУЖБѢ

Въ Провіантскихъ регулахъ 1758 года [1]) содержались также постановленія о наказуемости совершаемыхъ смотрителями магазиновъ подлоговъ по службѣ, записи въ книгѣ продуктовъ еще не поступившихъ и принятія денегъ вмѣсто продуктовъ, за что смотрители подлежатъ отвѣтственности по Воинскому Артикулу и взысканію казеннаго убытка вдвое, а подрядчики въ этихъ случаяхъ подвергаются уплатѣ означеннаго убытка впятеро и отдаются въ солдаты или профосы. Наконецъ, служащіе въ провіантскихъ магазинахъ вахтеры, которые подпишутъ неправильные акты, не донесутъ о томъ по начальству и «сами къ тому сообщники и интересованы явятся», наказываются батогами, а вахтеры унтеръ-офицерскаго званія лишаются онаго до выслуги. Указомъ 3 апрѣля 1781 года [2]) преступленіе воровства раздѣлено на кражу, мошенничество и грабежъ, при чемъ положенныя за воровство наказанія значительно смягчены и отмѣнено примѣненіе строгаго тѣлеснаго наказанія, установленнаго Воинскимъ Артикуломъ за маловажныя кражи денегъ или вещей цѣною менѣе 20-ти рублей.

ФОРМАЛЬНЫЕ В.-У. ЗАКОНЫ.

Что касается воен.-угол. законовъ формальныхъ, то относительно судоустройства въ нихъ произошли слѣдующія измѣненія: въ 1771 г. при Екатеринѣ II былъ учрежденъ постоянный кригсрехтъ въ Петербургѣ подобно нижнему военному суду, существовавшему со временъ Петра Великаго въ Москвѣ. Постоянный кригсрехтъ долженъ былъ состоять подъ вѣдѣніемъ начальника Петербургской дивизіи (понимая ее въ смыслѣ войскъ, находившихся въ Петербургѣ), асессоры въ него назначались изъ полковъ и аудиторы также, но по извѣстной очереди. Кромѣ судовъ обыкновеннаго состава, были установлены спеціальные военные суды, во-первыхъ, еще въ послѣдній годъ царствованія Елизаветы, для дѣлъ о чинахъ горнаго вѣдомства, которые получили въ томъ году (1761 г.) военные чины и во всемъ приравнены къ военно-служащимъ. Военные суды по дѣламъ объ этихъ лицахъ должны были составляться изъ однихъ горныхъ офицеровъ въ томъ числѣ ихъ, которое случится на мѣстѣ. Во-вторыхъ въ 1767 г.—для

---

[1]) П. С. З., т. XIV, № 10788.
[2]) П. С. З., т. XXI, № 15147

дѣлъ о преступленіяхъ землемѣровъ, за преступленія, совершенныя ими во время производства генеральнаго межеванія, при чемъ военный судъ въ этихъ случаяхъ составлялся подъ предсѣдательствомъ одного изъ чиновъ военнаго вѣдомства и съ назначеніемъ асессорами строевыхъ офицеровъ, командированныхъ изъ полковъ. Наконецъ, въ-третьихъ — смѣшанные военные суды, установленные, какъ мы видѣли, въ 1724 г., хотя и были отмѣнены уже при Екатеринѣ I въ 1726 г., но при Екатеринѣ II они появились снова, по инструкціи полковнику пѣхотнаго полка 1764 г.[1]) По этой инструкціи во время производства суда надъ военно-служащими, за причиненіе ими обидъ мѣстнымъ жителямъ, присутствуютъ въ военно-судной комиссіи, на правахъ ея членовъ, два депутата изъ земскихъ людей, точно такъ же, какъ при нанесеніи обиды военнослужащему кѣмъ либо изъ мѣстныхъ жителей, въ судѣ надъ ними, происходящемъ въ надворномъ судѣ или магистратѣ, принимаютъ участіе два офицера, командированные для этого военнымъ начальствомъ. Высшимъ военно-судебнымъ мѣстомъ во все время оставалась Военная Коллегія, которой принадлежала конфирмація приговоровъ не только военныхъ судовъ, но и общихъ, когда они разсматривали дѣла о преступленіяхъ военно-служащихъ, какъ это мы увидимъ ниже. Затѣмъ Военная Коллегія имѣла наблюденіе за правильнымъ производствомъ военно-судныхъ дѣлъ и въ ней сосредоточивалась отчетность по военно-судной части. Власть Военной Коллегіи распространилась постепенно на хозяйственныя учрежденія: комиссаріатскую и провіантскую часть, затѣмъ на артиллерію, инженеровъ и казачьи войска. Должность прокурора Военной Коллегіи, подобно тому, какъ и въ другихъ коллегіяхъ, была уничтожена неизвѣстно когда, вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго, но возстановлена въ началѣ царствованія Императрицы Анны. Какъ видно изъ указовъ 1792 г. и 1794 г. прокуроръ военной коллегіи, по порученію генералъ-прокурора, требовалъ отъ нея распоряженія о доставленіи ему отъ войскъ свѣдѣній о подсудимыхъ.

ПОЛОЖЕНІЕ АУДИТОРОВЪ.

Положеніе аудиторовъ подверглось за это время слѣдующимъ измѣненіямъ. Первоначально въ виду того, что по табели о рангахъ и штату 1720 г. имъ не было положено никакого ранга, въ полковые аудиторы стали назначаться командирами полковъ грамотные фельдфебеля, унтеръ-офицеры и писаря, произведенные большею частію изъ солдатскихъ дѣтей,

---

[1]) П. С. З., т. XVI, № 12289.

получившихъ образованіе въ учрежденныхъ для нихъ гарнизонныхъ школахъ. Въ 1728 г. было разъяснено, что полковые аудиторы, наравнѣ съ завѣдующими обозами и квартирмейстерами (входившими въ составъ унтеръ-штаба), должны считаться все-таки въ офицерскомъ званіи. Въ половинѣ XVIII вѣка (1752 или 1754 г.) Военной Коллегіей постановлено назначать въ полковые аудиторы изъ старшихъ прапорщиковъ и только при недостаткѣ ихъ изъ младшихъ, и затѣмъ уже по прежнему, изъ писарей и унтеръ-офицеровъ; при этомъ было разъяснено, что полковые аудиторы считаются въ рангѣ подпоручиковъ и что допускается даже ихъ дальнѣйшее производство въ чины, наравнѣ со всѣми другими офицерами.

Въ 1762 г. относительно спеціальныхъ родовъ оружія (артиллеріи и инженеровъ), по представленію генералъ-фельдцейхмейстера графа Шувалова, было положено также считать аудиторовъ въ рангѣ подпоручика, хотя прежде имъ предоставленъ былъ рангъ поручика, и дать имъ право дальнѣйшаго производства, подъ тѣмъ только условіемъ, что они не могутъ быть произведены въ чины капитана артиллеріи и капитанъ-поручика инженеровъ, безъ предварительнаго перевода въ строй, для освѣженія своего знакомства съ строевой службой. Но въ томъ же году, со вступленіемъ на престолъ Императора Петра III, изъ подражанія прусскимъ порядкамъ, полковыхъ аудиторовъ приказано было назначать не изъ дворянъ, запрещено имъ носить офицерскій знакъ, шарфъ и темлякъ и предписано полковыхъ аудиторовъ не производить въ военной службѣ выше чина подпоручика, но дана возможность дальнѣйшаго ихъ повышенія лишь посредствомъ перехода въ гражданскую службу.

Интересно отмѣтить, что въ 1745 г. генералъ-аудиторъ Центарови предлагалъ Военной Коллегіи нижеслѣдующій проектъ объ аудиторахъ: «Хотя въ Аудиторскіе чины такихъ надлежало опредѣлять, которые не токмо Россійской Имперіи въ правахъ и въ в. артикулахъ, но и въ чужестранныхъ искусны были, понеже многія такія дѣла и причины приходятъ, которыя Росс. царства въ правахъ и в. артикулахъ не обрѣтаются, т. ч. надлежитъ чужестранныхъ царствъ права и в. артикулы пересмотрѣть и тамъ искать, какъ бы приключившееся дѣло могло рѣшено быть, ибо аудиторская должность есть то смотрѣть, что процессъ не токмо по силѣ воен. процесса и обыкновенія произвожденъ былъ, но и в. артикулы, ежели дѣло какое сумнительное приходитъ кригерехтъ извести и на то смотрѣть, чтобы дѣло по важности и обстоятельству рѣшено и сентенція написана была. Однако, понеже здѣсь такихъ людей довольно не имѣется, чтобы оныя при всѣхъ полкахъ отъ Е. И. В. арміи какъ Аудиторы могли опредѣлены быть.

Того рода мое покорное мнѣніе есть, которое я царственной Военной Коллегіи высокому разсужденію предлагалъ—въ Аудиторскіе чины надлежитъ опредѣлять:

1) Изъ прапорщиковъ, которые во отправленіи сего дѣла бывали и въ томъ искусны,

2) изъ полковыхъ писарей, понеже ихъ отправленіе у судящихъ дѣлахъ происходитъ и они много разъ въ полкахъ при кригсрехтахъ за аудиторовъ правятъ;

3) изъ канцеляристовъ, которые при госуд. В. Кол., и особливо изъ тѣхъ, кои при отправленіи Г.-Аудиторскихъ дѣлъ обрѣтаются и порядочно и съ должнымъ прилежаніемъ себя производя, понеже они при тѣхъ дѣлахъ долгое время были и ихъ отправляли; сверхъ того, что они и многихъ государственной Военной Колегіи приходящихъ криминальныхъ или смертныхъ и прочихъ важныхъ дѣлъ экстракты сочиняютъ и тѣмъ себѣ практику и искусство получили;

4) и изъ генеральныхъ писарей, которые у ген.-аншефтахъ обрѣтаются, понеже изъ нихъ и такимъ судейскимъ дѣламъ отъ генералитета опредѣляются такожде,

5) генеральные писаря, которые при ген.-лейтенантахъ и ген.-маіорахъ, кои команды имѣютъ и обрѣтаются въ судейскихъ дѣлахъ опредѣлены и въ тѣхъ искусны суть и въ сержанты или и другіе унт.-офицеры опредѣлены. А понеже въ тотъ чинъ рангъ надлежитъ опредѣленъ быть, что они, которые въ томъ чину опредѣлены и свою должность съ прилежностью отправляли и какъ могутъ они по высокому государственной В. Коллегіи разсужденію, а именно которые изъ прапорщиковъ, то могутъ они въ настоящей аудиторскій рангъ опредѣлены быть, а которые изъ полковыхъ писарей годъ въ прапорщичьемъ рангѣ, а по прошествіи года въ настоящемъ чину, которые изъ сержантовъ и коллежскихъ канцеляристовъ или изъ генеральныхъ писарей, при генералахъ-аншефтахъ полтора года въ прапорщичьей рангъ, а по прошествіи время въ пастоящемъ рангѣ.

А что касается до даннаго произвожденія, то я Государственной Военной Коллегіи высокому разсужденію предлагаю, что они могутъ въ томъ характерѣ или чинѣ три года быть, а не болѣе, понеже той чинъ не токмо всякаго труда и прилежанія требуетъ и другіе отъ того чину станутъ себя воздерживать поступать, хотя и не станетъ, а по прошествіи 3-хъ годовъ могутъ они по старшинству съ прочими произвождены быть.

А ежели между Аудиторовъ также будутъ, которые чрезъ свой прилежный трудъ и практику себя достойно учинятъ, то они оберъ-аудиторскую должность править могутъ, то они могутъ противъ поручиковъ и прочихъ об.-офицеровъ выбраны быть, понеже они къ тому дѣлу больше искусны и себя трудили, нежели другіе.

Тако такимъ же образомъ можетъ по выскому гос. В. Коллегіи разсужденію произвожденіе чиновъ отъ об.-аудит. до генер.-ауд.-лейт., а ген.-ауд.-лейт. до генер.-Аудитора учинится, однако никто выше показанныхъ

трехъ чиновъ произведены быть, ежели они отъ генер.-аудитора не свидѣтельствованы, что онъ въ томъ чину былъ доволенъ и можетъ онъ ее править, ибо сіе принадлежитъ г.-Аудитору» (М.О.О.А.Г.III., Оп. 121, св. 32, № 15).

Что же касается высшихъ аудиторскихъ должностей, то положеніе ихъ почти не измѣнилось противъ прежняго. Генералъ-аудиторами назначались съ 1752 г., послѣ иноземца Центарови, строевые офицеры, при чемъ они не всегда оставались въ чинѣ подполковника, а получали иногда чины полковника и даже бригадира, и затѣмъ для полученія слѣдующихъ чиновъ переходили на службу въ гражданское вѣдомство. Замѣщеніе высшихъ аудиторскихъ должностей предположено было производить вѣроятно преимущественно изъ числа офицеровъ, окончившихъ курсъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ (впослѣдствіи съ 1766 г. получившаго названіе Императорскаго Шляхетнаго корпуса). Въ корпусѣ этомъ, при самомъ его учрежденіи по предложенію комиссіи Миниха, въ 1732 г.[1]) было обращено особенное вниманіе на преподаваніе юридическихъ наукъ, преимущественно, впрочемъ, тѣмъ изъ кадетъ, которые оказываются неспособными къ строевой службѣ, но и для остальныхъ кадетъ признавалось нужнымъ знаніе не только военныхъ, но и общихъ законовъ и римскаго права, потому что, какъ сказано въ уставѣ этого корпуса 1766 г., свѣдѣнія офицера не должны ограничиваться тѣмъ, чтобы солдатъ дѣлать пріемы ружьемъ обучать, но ему можетъ случиться «судить въ животѣ и смерти», и нужно, чтобы окончившій курсъ въ корпусѣ былъ «въ состояніи поправлять и исполнять должность генералъ-аудитора». Для обученія юридическимъ наукамъ въ корпусѣ съ самаго его основанія полагался профессоръ «юристъ» и адъюнктъ къ нему, которые пользовались такимъ авторитетомъ, что по инструкціи, данной въ наказѣ Екатериной II генералъ прокурору, предписывается встрѣченныя сомнѣнія, при составленіи новаго уложенія, разрѣшать на консультаціи или обращаться за ихъ разъясненіемъ въ Академію Наукъ, Университетъ или въ «Юридическое отдѣленіе» Шляхетнаго корпуса. Для практическаго же ознакомленія съ производствомъ военно-судныхъ дѣлъ, кадетамъ дозволялось присутствовать на засѣданіяхъ судовъ и даже принимать участіе, въ качествѣ дѣлопроизводителей, въ судѣ, на подобіе военнаго, собираемомъ при корпусѣ подъ предсѣдательствомъ полицеймейстера его. Наконецъ относительно фискаловъ, состоявшихъ при

---

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5927; т. XVII, № 12770, 12741.

войскахъ, въ 1732 г. была издана особая инструкція, которая не внесла ничего новаго противъ постановленій Воинскаго устава, за исключеніемъ того, что, согласно новой организаціи, должность фискаловъ была установлена при дивизіяхъ, а не при полкахъ (какъ было по Воинскому уставу); отвѣтственность за умышленно недобросовѣстное доношеніе инструкція повышаетъ до смертной казни, въ управленіи войскъ, при которыхъ находились одинъ генералъ-инспекторъ и 3 инспектора, фискалы должны были доносить инспекторамъ о замѣченныхъ ими нарушеніяхъ [1]).

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ.

Военная подсудность при ближайшихъ преемникахъ Петра В. была сначала ограничена по отношенію къ преступленіямъ общимъ, при чемъ указы Екатерины I и Петра II ссылались на указанное выше постановленіе главы 50-й генеральнаго регламента 1720 г. о томъ, что въ военной и адмиралтействъ-коллегіяхъ производится судъ надъ военно-служащими лишь въ преступленіяхъ ихъ по должности. Указомъ 3 марта 1726 г. военнослужащіе на всемъ пространствѣ имперіи по всѣмъ остальнымъ преступленіямъ подчинены юрисдикціи общихъ судебныхъ учрежденій, въ Петербургѣ юстицъ-коллегіи, а въ губерніяхъ—губернаторовъ и воеводъ. Тѣмъ же указомъ отмѣнены и смѣшанные военные суды, которые были установлены полковичьей инструкціей 1724 г. Особая подсудность оставлена была только для войскъ гвардіи, но въ 1727 г., вслѣдствіе переселенія этого приказа въ Москву, гвардейскіе чины по дѣламъ о преступленіяхъ общихъ и по дѣламъ гражданскимъ были также подчинены суду учрежденій гражданскаго вѣдомства. Впрочемъ въ 1729 г. вмѣсто преображенскаго приказа для разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся чиновъ гвардейскихъ войскъ, была учреждена особая канцелярія. Еще раньше указа 3 марта 1726 г., именно въ 1725 г. при Екатеринѣ I, подсудность существовавшей на правахъ приказа, согласно принятому прежде порядку, артиллерійской канцеляріи была сначала ограничена одними гражданскими дѣлами, а затѣмъ въ 1729 г., основываясь на указѣ 1727 г. (относительно подсудности войскъ гвардіи), судебная власть была отнята отъ артиллерійской канцеляріи и по этимъ дѣламъ. Исключительная подсудность военно-служащихъ военному суду начинаетъ развиваться со времени царствованія Императрицы Анны, при которой появился въ 1733 г. указъ о запрещеніи судить военно-служащихъ въ полицеймейстерской канцеляріи въ Москвѣ и предписано отсылать ихъ для суда въ свои

---

[1]) П. С. З. т. VIII, № 6187.

полки. Въ царствованіе Императрицы Елизаветы, какъ видно изъ указа Сената 1751 г., Военная коллегія, стремясь изъять военно-служащихъ изъ подсудности общихъ судебныхъ учрежденій по дѣламъ уголовнымъ, распорядилась о томъ, чтобы «впредь во всѣхъ гражданскихъ мѣстахъ воинскихъ служителей, какъ полковыхъ, такъ и артиллерійскихъ, дѣйствительно въ службѣ обрѣтающихся, безъ представленія и требованія Военной Коллегіи или Канцеляріи Главной Артиллеріи и фортификаціи, подъ свой судъ не брать и безъ опредѣленныхъ къ тому депутатовъ, судовъ и розысковъ собою отнюдь не чинить». Сенатъ, находя такое распоряженіе противозаконнымъ, опредѣляетъ его «отставить и впредь по тѣмъ указамъ въ губерніяхъ и провинціяхъ никакого исполненія не чинить». При этомъ Сенатъ замѣчаетъ, что «Военной Коллегіи, яко состоящей подъ указами Правительствующаго Сената, собою никакой отмѣны чинить и пойманныхъ злодѣевъ отъ повелѣнныхъ Уложеніемъ и указами розысковъ удерживать и тѣмъ напрасно время продолжать весьма не слѣдовало, и никакого резону не было, ибо такіе злодѣи, коихъ та Военная Коллегія опредѣленіемъ своимъ отъ розысковъ удерживать, якобы въ соблюденіе Ея Императорскаго Величества интереса опредѣлила, изъ числа вѣрныхъ подданныхъ извергнути и честнаго солдатскаго имени нарицатися не могутъ и для того обще съ ворами и разбойниками именованы и гдѣ ни будутъ поимашы, въ томъ мѣстѣ казнить ихъ равными казнями безъ всякаго милосердія. И тако впредь той Военной Коллегіи поступать въ такихъ дѣлахъ осмотрительно съ крайнею предосторожностью, подъ опасеніемъ немалаго по указамъ штрафа» [1]). Но уже въ 1756 г., какъ видно изъ инструкціи главному сыщику, посланному для поимки воровъ и разбойниковъ, предписывается, захваченныхъ имъ солдатъ, не подвергая сужденію и даже пыткѣ, отсылать для этого въ полки. Въ концѣ царствованія Елизаветы (1761 г.), военная подсудность была распространена на чиновъ горнаго вѣдомства, получившаго военное устройство, но судъ горный, отправляемый вѣроятно по кратк. изобр. проц., составляется, какъ мы видѣли, изъ однихъ горныхъ офицеровъ. При Екатеринѣ II въ 1767 г. подсудность военному суду была распространена и на преступленія землемѣровъ во время производства ими генеральнаго межеванія. Стремленіе къ развитію исключительной подсуд-

---

[1]) П. С. З., XIII, № 9840.

ности военно-служащихъ военному суду въ это царствованіе выразилось въ томъ, что уже въ 1764 г. военнымъ судамъ опять стали подсудны дѣла о причиненіи военно-служащими всякаго рода обидъ мѣстнымъ жителямъ, хотя судъ этотъ, подобно тому, какъ и прежде, имѣлъ смѣшанный характеръ. Въ 1778 г. Ревизіонъ-коллегіи, состоявшей при Сенатѣ, запрещено было вмѣшиваться въ дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію военныхъ судовъ, хотя бы эти дѣла и были сопряжены съ казеннымъ интересомъ. Указомъ 1782 г. военно-служащихъ дозволялось судить по дѣламъ уголовнымъ въ судахъ общихъ лишь по необходимымъ случаямъ, именно: 1) отдаленности мѣстонахожденія обвиняемаго отъ своей части войскъ и 2) непмѣнію въ близкомъ разстояніи и другихъ частей войскъ; но при разсмотрѣніи дѣлъ о военнослужащихъ въ этихъ случаяхъ судъ гражданскаго вѣдомства долженъ былъ назначать военно-служащимъ наказанія по военнымъ законамъ, и, подобно суду военному, не давая ходу дѣла по инстанціямъ, представлять приговоры на конфирмацію губернатору или генералъ-губернатору, которые, пользуясь властью военныхъ начальниковъ по отношенію къ гарнизоннымъ (мѣстнымъ) полкамъ, конфирмировали эти приговоры сами, въ качествѣ командующихъ генераловъ, или представляли ихъ на утвержденіе въ военную коллегію. Въ дополненіе къ этому указу въ 1792 г. было разъяснено, что судамъ общимъ въ этихъ случаяхъ могутъ быть подсудны только нижніе чины и при томъ не изъ дворянъ. Вообще же на обособленіе военной подсудности при Екатеринѣ II имѣло вліяніе высказанное въ наказѣ начало, состоящее въ томъ, что каждый долженъ судиться лицами ему равными, при чемъ именно указано на суды военные и затѣмъ начало это получило осуществленіе въ судахъ общихъ приданіемъ имъ выборнаго и сословнаго характера. Впрочемъ при императрицѣ Екатеринѣ II исключительная подсудность военно-служащихъ военному суду по дѣламъ уголовнымъ была установлена еще не вполнѣ. Относительно же дѣлъ гражданскихъ, со времени изданія Учрежденія о губерніяхъ 1775 г., когда впервые была точно разграничена подсудность гражданская и уголовная, военнослужащіе стали подсудны по этимъ дѣламъ исключительно судамъ гражданскимъ, общимъ, что подтверждается и находящимся въ Учрежденіи о губерніяхъ постановленіемъ о Надворномъ судѣ въ столицахъ, которому, какъ тамъ сказано, военно-служащіе вообще неподсудны, кромѣ дѣлъ о долгахъ, искахъ и т. п., т. е. вообще по дѣламъ объ обязательствахъ. Вещные же иски, споры о недвижимомъ имуществѣ не могли быть подсудны военному суду и прежде.

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Наконецъ, что касается самаго производства дѣлъ въ судахъ военныхъ, то въ половинѣ XVIII-го столѣтія, въ военномъ вѣдомствѣ слѣдствіе не успѣло еще отдѣлиться отъ суда, что мы видимъ въ то время и въ вѣдомствѣ гражданскомъ. Тамъ это начало совершаться только при Екатеринѣ II, преимущественно со времени изданія Устава Благочинія 1782 г., по которому производство слѣдствія впервые возлагалось на полицію и не составляло уже обязанности суда. Прежде же по Наказу Екатерины II это признавалось невозможнымъ сдѣлать, въ виду многочисленности обязанностей полицейскихъ чиновъ, и по Учрежденію о губерніяхъ полиція должна была производить «изслѣдованіе безъ многаго письменнаго производства», т. е. производить не слѣдствіе, а собственно дознаніе.

Какъ можно вывести изъ Полковничьей инструкціи 1764 г., производство военно-судныхъ дѣлъ отличалось тогда большею сокращенностью, что и требовалось отъ военныхъ судовъ по Краткому изображенію процессовъ, и производилось преимущественно словесно. Въ этой инструкціи говорится, что въ судѣ, который будетъ происходить надъ мѣстными жителями, за причиненіе ими обидъ военнослужащимъ, судъ, въ которомъ принимаютъ участіе два офицера, долженъ производиться сокращеннымъ порядкомъ и преимущественно словесно, подобно суду военному въ полкахъ, потому что судъ по формѣ слишкомъ «мѣшкотенъ и не всякому военному свѣдомъ». Не мало указовъ мы находимъ объ ускореніи производства дѣлъ, въ особенности о подсудимыхъ, находящихся подъ арестомъ (колодникахъ); для наблюденія за этимъ была устроена отчетность со стороны войскъ, представляемая въ Военную Коллегію и даже Генералъ-Прокурору. Въ указѣ 1779 г. говорится, что кригерехты «нарочито безпорядочно производятся», за что указъ грозитъ отвѣтственностью судьямъ и въ особенности аудитору, который въ дѣйствительности игралъ въ военномъ судѣ главную роль. Кромѣ того, по указу этому ограничено примѣненіе пытки [1]). Хотя о несправедливости, жестокости и безполезности пытки и говорилось въ наказѣ Екатерины II, тѣмъ не менѣе употребленіе ея все-таки допускается, но лишь съ разрѣшенія высшихъ начальниковъ: начальника дивизіи или губернатора (относительно полковъ гарнизонныхъ). Другое крайнее средство для узнанія истины—очистительная присяга—

[1]) Кромѣ того, съ тою же цѣлью въ 1763 г. было повелѣно примѣнять въ отношеніи несознающихся „священническое увѣщаніе“.

рѣдко примѣнялось въ военныхъ судахъ вообще и вѣроятно въ особенности со времени изданія Наказа Екатерины II, которая выразила въ немъ свое нерасположеніе къ этому роду доказательствъ.

Теорія формальныхъ доказательствъ выработалась окончательно подъ вліяніемъ Наказа Екатерины II, въ которомъ объ этомъ предметѣ говорилось подробно, тогда какъ постановленія на этотъ счетъ Краткаго изображенія процессовъ были недостаточны. Объ обязательномъ примѣненіи военными судами правилъ о доказательствахъ, заключающихся въ Наказѣ, (въ гл. X) говорится въ приведенномъ выше указѣ 1-го января 1782 г. Относительно утвержденія приговоровъ военныхъ судовъ было издано нѣсколько узаконеній. Въ 1722 г. (7 іюня) категорически разъяснено, что Военной и Адмиралтействъ-коллегіямъ принадлежитъ право окончательнаго утвержденія приговоровъ подвѣдомственныхъ имъ судовъ и что приговоры эти представлять въ Сенатъ не слѣдуетъ. Затѣмъ другія узаконенія дополняли или измѣняли тотъ порядокъ, который былъ установленъ въ концѣ царствованія Петра Великаго, касательно разграниченія правъ по конфирмаціи приговоровъ между командующими генералами и Военною коллегіею и указанія тѣхъ приговоровъ, которые должны быть представляемы на Высочайшее усмотрѣніе.

Въ 1732 г. (7 сентября), командиру персидскаго корпуса, ландграфу Гессенъ Гомбургскому, предоставлено право утвержденія приговоровъ о нижнихъ чинахъ, не исключая и смертныхъ приговоровъ, объ офицерахъ же лишь тѣхъ приговоровъ, которыми они присуждаются не свыше разжалованія на время (т. е. съ выслугою); но, какъ видно изъ этого указа, право утвержденія смертныхъ приговоровъ, принадлежавшее по указу 11 ноября 1724 г. всѣмъ вообще командующимъ генераламъ, предоставлено было ландграфу Гессенъ Гомбургскому, какъ бы въ видѣ исключенія, собственно «за дальностію, чтобы въ конфирмаціи той продолженіе и колодниковъ умноженіе не чинить».

Въ 1743 г. (7 ноября) приговоры по дѣламъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ чинами гвардіи, предписано было представлять всегда на Высочайшее усмотрѣніе, что произошло отъ того значенія, которое пріобрѣла гвардія при частой перемѣнѣ государей послѣ Петра В. и тѣхъ государственныхъ переворотовъ, въ которыхъ ей приходилось играть главную роль. Изъ указовъ 13 февраля и 28 сентября 1747 г. оказывается, что всѣ приговоры къ смерти натуральной или политической отно-

сительно нижнихъ чиновъ, восходили тогда отъ командующихъ генераловъ въ Военную Коллегію, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда преступники «по силѣ регулъ» должны были по мнѣнію командующихъ генераловъ быть подвергнуты тому или другому виду этого наказанія. Когда же назначенная военнымъ судомъ смертная казнь могла быть замѣнена, по мнѣнію командующаго генерала, наказаніемъ шпицрутенами, то ему предоставлялось право окончательно приговаривать къ этому послѣднему наказанію и затѣмъ въ Военную Коллегію тѣхъ приговоровъ не присылать; о лицахъ же, которымъ наказаніе было такимъ образомъ смягчено («полегчено»), предписано «ежетретно доносить Военной Коллегіи со всѣми обстоятельствами». Указомъ 25 іюня 1779 г., «во избѣжаніе напраснаго промедленія и отъ содержанія колодниковъ отягощенія», строго предписывается командующимъ генераламъ не обременять Военную Коллегію присылкою ей приговоровъ (въ особенности относительно побѣговъ), подлежащихъ ихъ собственной конфирмаціи. Порядокъ производства ревизіи приговоровъ былъ опредѣленъ впервые въ учрежденіи о губерніяхъ и вѣроятно былъ примѣняемъ и относительно повѣрки представляемыхъ на утвержденіе, приговоровъ военныхъ судовъ.

СУДОУСТРОЙСТВО ВЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКАХЪ.

Что касается судоустройства въ войскѣ Донскомъ, то необходимо отмѣтить, что въ разсматриваемый періодъ дѣла о важныхъ преступленіяхъ казаковъ разсматривались Военною Коллегіею съ 1720 года [1]).

Въ 1765 г. войсковой атаманъ Ефремовъ подалъ въ Коллегію прошеніе, въ которомъ выяснялъ необходимость расширить предѣлы вѣдомства Войсковой Канцеляріи путемъ передачи ей на разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ какъ военныхъ, такъ гражданскихъ и судебныхъ. Для этого онъ предлагалъ ввести въ составъ непремѣннаго присутствія при Войсковой Канцеляріи 8 человѣкъ «искусныхъ и свѣдущихъ въ законахъ» войсковыхъ старшинъ, которые вмѣстѣ съ атаманомъ могли бы рѣшать дѣла. Однако, на такое ограниченіе своей власти Военная Коллегія не согласилась, и проектъ Ефремова былъ оставленъ безъ послѣдствій.

Одновременно съ этимъ было установлено, что казаки «во управленіи ихъ судомъ и расправою остаются подъ ихъ тамошними законами, и елико принадлежать будетъ по гражданству и промысламъ, то гражданскому, а касательно по воинскимъ дѣламъ,—воинскому суду отвѣт-

[1]) Ригельманъ, стр. 128, 129.

ствовать должны» [1]). Что касается другихъ казачьихъ полковъ, которыхъ въ то время было довольно много, то судъ и расправа у нихъ по маловажнымъ дѣламъ производились въ войсковыхъ канцеляріяхъ, а о важныхъ сообщалось въ «воинскія правительства»—именно въ военную коллегію [2]).

Въ это же время, «для лучшаго содержанія подкомандныхъ въ воинскомъ порядкѣ», войсковые старшины были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія [3]).

Отмѣтимъ между прочимъ, что въ качествѣ предупредительной мѣры было установлено обычаемъ: въ день православія въ Великій Постъ приводить находящихся въ Москвѣ донскихъ казаковъ къ Успенскому собору «для слышанія проклинанія» Качалова, Битяговскаго, Скуратова, Гришки Растриги, Хажина, Заруцкаго, Разина и Булавина.

ДИСЦИПЛИНАРНЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

Предѣлы дисциплинарной власти военнаго начальства въ отношеніи офицеровъ были опредѣлены въ Инструкціи полковничьей 8 декабря 1761 г. [4]), согласно которой на офицеровъ могли быть наложены нижеслѣдующія взысканія: 1) выговоръ при собраніи офицеровъ, 2) командированіе на караулъ или въ другую службу не въ очередь, 3) арестъ съ исправленіемъ должности, 4) арестъ въ квартирѣ или палаткѣ безъ исправленія должности, 5) арестъ у профоса и содержаніе на палочномъ карауль и 6) хожденіе пѣшкомъ за фронтомъ во время похода.

Эти мѣры, какъ необходимая принадлежность «полковничьяго авторитета», примѣнялись къ тѣмъ изъ офицеровъ, которые «безпокойства въ полку заводятъ», дурно служатъ и не исполняютъ приказаній начальства.

Кромѣ того, инструкція предписываетъ исполнять безпрекословно приказанія и требованія службы, жить мирно съ обывателями, а начальникамъ обходиться съ подчиненными кротко и ласково. Имѣется въ ней также и предписаніе относительно порядка разсмотрѣнія дѣлъ о ссорахъ военно-служащихъ съ «посадскими» и правила о чтеніи воинскихъ артикуловъ въ частяхъ войскъ.

---

[1]) Ibid., стр. 131.
[2]) Ibid. стр. 132–133.
[3]) Ibid.
[4]) П. С. З., т. XVI, № 12.289.

Интересно отмѣтить, что инструкція предусматриваетъ обязанность веденія штрафныхъ журналовъ съ прописаніемъ винъ и наказаній военнослужащихъ.

Въ отношеніи распоряженій административнаго характера, касающихся поддержанія въ войскахъ порядка и установленія дисциплинарной отвѣтственности за проступки, весьма интересными представляются правила, установленныя извѣстнымъ кн. Потемкинымъ и С. Р. Воронцовымъ.

Такъ первый изъ нихъ, въ предписаніи 31 декабря 1782 г. (№ 313) писалъ между прочимъ генералъ-майору Талызину: «Вы... имѣете долгъ наблюдать за офицерами, чтобы съ рекрутами обращеніе они имѣли благосклонное, удалялись бы отъ употребленія съ ними чрезмѣрной строгости»... [1])

Въ письмѣ къ Суворову [2]) Потемкинъ требуетъ, чтобы солдаты были «въ удовольствіи, истребляя побои», въ письмѣ къ ген.-поручику Нащекину [3]),—чтобы солдаты не были принуждаемы къ исполненію частныхъ работъ на офицеровъ, грозя за это взыскать по 10 рекрутъ съ каждаго. «а можетъ еще и хуже будетъ»; въ предписаніи полковнику Селевину [4]) говорится объ «умѣренности» въ обращеніи съ людьми, чтобы «въ наказаніяхъ не переступали бы положенныхъ», чтобы самыя наказанія служили «къ исправленію, а не къ увѣчью», «чтобы наказанія были легкія», грозя въ противномъ случаѣ наказаніемъ «равнымъ смертнымъ».

При обученіи солдатъ Потемкинъ рекомендуетъ употреблять «увѣщаніе и совѣтъ», а не побои; примѣненіе побоевъ отнюдь не разрѣшается унтеръ-офицерамъ и капраламъ, офицеры же могли понуждать лѣнивыхъ палкою не болѣе шести ударовъ. Кромѣ того, предписывалось читать въ свободное время объ обязанностяхъ службы по военному артикулу [5]).

Изъ «Инструкціи ротнымъ командирамъ» 1774 г. января 17-го полковника гр. С. Р. Воронцова, отца извѣстнаго впослѣдствіи кн. М. С. Воронцова, точно также можно подчеркнуть нѣкоторыя данныя о дисциплинарной отвѣтственности военнослужащихъ.

Инструкція предписываетъ обратить вниманіе начальниковъ на

---

[1]) См. Дубровинъ,—Суворовъ среди преобразователей Екатерининской арміи. С.П.Б., 1886 г., стр. 111.
[2]) Дубровинъ, стр. 112.
[3]) Дубровинъ, стр. 113.
[4]) Тамъ же.
[5]) Дубровинъ, стр. 117—118.

27 арт. 3-ей гл. Воинскаго Артикула, касающійся «субординаціи», и читать его солдатамъ два раза въ недѣлю. Ради поддержанія дисциплины воспрещается приводить въ исполненіе наказаніе старшихъ чрезъ младшихъ, а въ случаѣ провинности нижняго чина поступать слѣдующимъ образомъ: рядовыхъ «выбивать» палками чрезъ унтеръ-офицера, а послѣдняго—чрезъ сержанта, котораго можетъ наказывать только ротный командиръ. Кромѣ того, требовалось, чтобы наказаніе за тяжкое преступленіе было публичное, въ виду всего полка, дабы примѣромъ одного всѣ прочіе воздержались (п. 1).

Инструкція говоритъ, что наказанія должны соразмѣряться съ виною: за ученье ружьемъ и за маршировку драться не слѣдуетъ, ибо «неприлично и вредно, если солдатъ ружье свое ненавидитъ, а это легко сдѣлать, если его бить за ученье и когда онъ на ружье иначе не смотритъ, какъ на инструментъ своего мученія; необходимо наказывать, по словамъ Инструкціи, лгуна, лѣнивца, неряху и пьяницу, но наказанія не должны доходить до жестокости: «довольно 30 и 40 палокъ, а если же давать болѣе, то этимъ человѣка не поправишь, а только въ лазаретъ отошлешь».

«Большія преступленія»—какъ-то: воровство (хотя бы на денежку), пьянство въ карауль, непослушаніе, споръ и грубость начальству—изъяты изъ дисциплинарной власти начальниковъ: за совершеніе ихъ предписывается отсылать въ «полковой штабъ» для сужденія по законамъ.

Инструкція предписывала читать изъ Воинаго Артикула нѣсколько главъ, которыя должны быть переписаны въ особую тетрадь. На обязанность офицеровъ возлагалось: знаніе уставовъ, артикуловъ, попеченіе о нижнихъ чинахъ и снисходительное и терпѣливое съ ними обращеніе [1]).

Въ уставѣ о строевой службѣ 1755 г. [1]) (составленномъ полк. Чернышевымъ) о дисциплинарной отвѣтственности нижнихъ чиновъ говорится очень немного, а именно: «И ежели солдатъ въ чемъ-нибудь изъ онаго усмотрится въ неисправности, то за каждое погрѣшеніе имѣетъ нѣсколько ударовъ палкою получить; а ежели усмотрится, что онъ худо обученъ, то и съ ротнымъ командиромъ весьма строго поступлено будетъ. А ежели солдатъ, паче чаянія, во время стрѣльбы броситъ патронъ на землю, то сѣчь онаго передъ полкомъ батогами» (Ч. II, гл. IV).

---

[1]) См. Военный Сборникъ, 1871 г., № 11.

Кромѣ того, въ уставѣ указано, что полковой командиръ «за неисправность и за незнаніе каждаго отвѣтствовать имѣетъ».

ВЫВОДЫ. Итакъ въ эпоху преемниковъ Петра Великаго (1725—1796 гг.) произошли очень важныя измѣненія въ военно-уголовномъ законодательствѣ:

1) Изданные Петромъ Великимъ военно-уголовные законы неоднократно пересматривались всѣми воинскими комиссіями, собиравшимися въ теченіе XVIII ст. съ цѣлью улучшенія военнаго законодательства, но попытки эти остались безъ всякаго вліянія на Воинскій Уставъ.

2) Подъ вліяніемъ философіи гуманистовъ издаются замѣчательные законы, какъ, напр., Манифестъ о поединкахъ, Наказъ Екатерины II и др.

3) Въ Петербургѣ учреждается постоянный военный судъ (кригсрехтъ).

4) Военная подсудность распространяется на чиновъ горнаго вѣдомства и землемѣровъ по нѣкоторымъ дѣламъ.

5) Дисциплинарная власть военнаго начальства опредѣляется Инструкціей пѣхотнаго полка полковника 1764 г. и отдѣльными распоряженіями высшихъ начальниковъ (Потемкина, Воронцова и др.).

Н. Самокишъ..

ГЛАВА IV.

Царствованіе Императора Павла I.

Въ теченіе кратковременнаго царствованія императора Павла I-го было издано очень немного военно-уголовныхъ матеріальныхъ законовъ.

УСТАВЪ О ПОЛЕВОЙ СЛУЖБѢ.

Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ «Воинскій Уставъ о полевой пѣхотной службѣ» 1796 года [1]), который, помимо административныхъ правилъ и касающихся строевого обученія войскъ, содержалъ въ себѣ рядъ постановленій военно-уголовнаго характера. При стремленіи Императора организовать нашу армію по прусскому образцу, вниманіе составителей этого устава естественно обратилось на Пруссію и ея уставъ 1760 года,—созданіе Фридриха Великаго.

Однако, пользоваться этимъ уставомъ не приходилось цѣликомъ: онъ являлся только образцомъ, которому наши составители слѣдовали, допу-

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 17.588 утвержденъ 29 ноября 1796 г., напечатанъ въ 1797 г.

ская въ тѣхъ или другихъ случаяхъ извѣстныя измѣненія, вызываемыя необходимостью [1]). Такимъ образомъ, нашъ уставъ былъ передѣлкою прусскаго [2]).

Обращаясь къ разсмотрѣнію постановленій устава о преступленіяхъ и наказаніяхъ, прежде всего должно отмѣтить своеобразную терминологію устава, который раздѣляетъ понятія «субординаціи» и «дисциплины», разумѣя подъ первою отношенія между начальниками и подчиненными изъ офицеровъ, а подъ второю —такія же отношенія среди нижнихъ чиновъ [3]). Содержаніе устава исчерпывается перечисленіемъ обязанностей военнослужащихъ и указаніемъ отвѣтственности въ случаѣ нарушеній и отдѣломъ объ экзекуціяхъ. Между прочимъ уставъ даетъ общее руководящее правило карательной дѣятельности, говоря: «не прощать ни малѣйшей ошибки», «а если съ намѣреніемъ солдатъ ошибется, то такового за то послѣ ученія наказать» [4]).

Изъ нарушеній, которыя могли быть совершаемы нижними чинами, уставъ предусматриваетъ между нарушеніями воинскаго благочинія и службы: неблагопристойное стояніе въ церкви, неисполненіе обязанностей часового, опозданіе къ сбору, небрежность въ одеждѣ и т. п. Нарушенія со стороны офицеровъ состоятъ главнымъ образомъ въ неисполненіи обязанностей службы и превышеніи или бездѣйствіи власти.

Что касается условій примѣненія наказаній, то уставъ разрѣшалъ военному начальству примѣнять въ дисциплинарномъ порядкѣ [5]) такъ называемыя «легкія наказанія, относящіяся до ошибокъ или поведенія» исключительно лишь къ нижнимъ чинамъ; однако вмѣстѣ съ наложеніемъ взысканія полковой командиръ обязанъ былъ доносить губернаторамъ и комендантамъ, причемъ посланный съ такимъ донесеніемъ обязанъ былъ знать вину наказываемаго. При арестованіи офицера или при наказаніи прохожденіемъ сквозь строй нижняго чина, начальство должно было, до приведенія наказаній въ исполненіе, доносить объ этомъ вышеназваннымъ лицамъ чрезъ майора. Впрочемъ, только въ одномъ случаѣ разрѣшалось полковымъ командирамъ арестовывать офицеровъ и солдатъ, «не чиня имъ дальнѣйшаго

---

[1]) См. Рус. Стар. 1877 г., т. XVIII, стр. 227, 577, статья Лебедева.

[2]) Этотъ послѣдній былъ переведенъ на французскій языкъ и данъ въ руководство составителямъ.

[3]) См. гл. 2, п. IX, ч. VIII, гл. 1, п. I, ч. IX.

[4]) Ч. IV, гл. 2, п. XV; ч. II, гл. 4, п. VII.

[5]) «По своему произволенію».

наказанія»,—именно «въ случаѣ проступка противу поведенія или службы въ гарнизонѣ» [1]).

Говоря вообще, постановленія устава о служебныхъ нарушеніяхъ не отличаются достаточною опредѣленностью, такъ какъ затрогиваются уставомъ между прочимъ и случайно. Что касается дисциплинарныхъ взысканій, то таковыя раздѣляются на слѣдующіе виды:

1) Арестъ, который примѣняется къ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ. На первыхъ арестъ налагается: за неприлежаніе [2]), за неисправности въ дозорной службѣ [3]), за неприбытіе однимъ изъ первыхъ на сборное мѣсто [4]), оплошность въ карауль [5]), за долги [6]) и т. п. Унтеръ-офицеры подлежатъ аресту въ подобныхъ же случаяхъ, а также и за нанесеніе ударовъ или побоевъ крестьянамъ [7]).

2) Разжалованіе есть лишеніе унтеръ-офицерскаго званія; въ дисциплинарномъ порядкѣ оно назначается унтеръ-офицерамъ, при чемъ въ трехъ, указываемыхъ уставомъ случаяхъ оно имѣетъ значеніе временнаго лишенія званія: или на опредѣленный срокъ (два мѣсяца), или вообще «на время» [8]). Оно примѣняется за «невзятіе подъ карауль», за «непорядочный осмотръ помѣщеній» и за долги.

3) Вычету изъ жалованья подлежатъ исключительно одни офицеры, какъ самостоятельному денежному взысканію и какъ вознагражденію за вредъ убытки, допущенные или причиненные подсудимыми: а) за неприбытіе на сборное мѣсто (какъ дополнительному наказанію при арестѣ [9]): б) за побѣгъ подкомандныхъ нижнихъ чиновъ вычитается за каждаго бѣглаго съ командира и офицеровъ роты и полкового командира «содержаніе солдата и во что мундиръ, аммуниція и все его вооруженіе срочное и безсрочное разомъ казнѣ по штату стать могло» [10]): в) за падежъ лошади отъ гоньбы—ея стоимость съ виноватаго; г) за долговую несостоятельность—

[1]) Ч. VIII, гл. 3, п. II—III.
[2]) Ч. V, гл., п. IV.
[3]) Ч. VIII, гл. 10, п. VI.
[4]) Ч. VIII, гл., п. X.
[5]) Ч. XII, гл. 7, п. VI.
[6]) Ч. XII, гл. 27, п. I.
[7]) Ч. XI, гл. 7, п. III.
[8]) Ч. VIII, гл. 10, п. X (примѣч.) и XIII.
[9]) Ч. VIII, гл. 12, п. X.
[10]) Ч. IX, гл. 6.

все жалованье [1]) и д) за устройство вечернихъ столовъ (ужиновъ на казенный счетъ [2]).

4) Прогнаніе сквозь строй примѣняется исключительно къ нижнимъ чинамъ—рядовымъ и ефрейторамъ и является единственнымъ для нихъ дисциплинарнымъ наказаніемъ за различныя служебныя и неслужебныя нарушенія. По своей тяжести оно соотвѣтствало аресту для офицеровъ и разжалованію—для унтеръ-офицеровъ. Порядокъ осуществленія прогнанія сквозь строй, просуществовавшій вплоть до его отмѣны въ 1863 году, состоялъ въ слѣдующемъ. Оно производилось «разводомъ» [3]); если онъ былъ не великъ, то прикомандировывалось нужное число солдатъ. Экзекуція начиналась поворотомъ караульныхъ—налѣво, а прикомандированныхъ—направо, послѣ чего, по командѣ «маршъ» прикомандированные шли на лѣвый флангъ, а затѣмъ поворачивались во фронтъ. Ряды равняются, оставляя нужное мѣсто для третьей шеренги, которая затѣмъ вступаетъ въ ряды. Послѣ поворота первой шеренги лицомъ ко второй, офицеры становятся на флангахъ вмѣстѣ съ барабанщиками. Затѣмъ профосъ проходитъ по рядамъ, а рядовые берутъ прутья. Барабанщикъ лѣваго фланга бьетъ дробь, и арестантъ «бѣжитъ сквозь строй», при чемъ маіоръ ѣздитъ взадъ и впередъ, наблюдая за порядкомъ. Наказываемаго ведетъ унтеръ-офицеръ, держа передъ нимъ острымъ концомъ алебарду.

Впрочемъ, въ качествѣ особой исключительной мѣры во время сраженія начальникъ могъ даже употребить безъ суда по своему усмотрѣнію смертную казнь: за стрѣльбу до подачи о томъ команды и за трусость въ бою [4]).

Наконецъ уставъ говоритъ и о болѣе тяжкихъ наказаніяхъ, вѣроятно также примѣнявшихся безъ суда, какъ напр. относительно лишенія чиновъ, въ случаѣ сдачи въ плѣнъ [5]); исключенія изъ службы для офицеровъ за просрочку изъ отпуска, отлучку изъ полка, за незаконную посылку людей за фуражомъ и за держаніе денщиковъ не по штату, и

---

[1]) Ч. XII гл. 27.

[2]) Тамъ же, гл. 26; генералы имѣли право довольствоваться отъ казны, но только одними обѣдами, устройство же ужиновъ — было наказуемымъ дѣяніемъ.

[3]) Т. е всѣми нижними чинами, назначенными въ караулъ.

[4]) Исключительно лишь въ военное время. Ч. XII, гл. 23, п. VII.

[5]) Ч. XII, гл. 20.

относительно заключенія въ крѣпость для офицеровъ—также за просрочку изъ отпуска [1]).

Таково содержаніе Устава 1796 г. относительно проступковъ и наказаній. Сходныя съ этимъ постановленія изданы были и въ Уставѣ о полевой кавалерійской службѣ [2]).

ТѢЛЕСНЫЯ НАКАЗАНІЯ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ разъясненіе, данное къ жалованной дворянской грамотѣ и городовому положенію въ сенатскомъ указѣ 13 апрѣля 1797 года [3]). Этотъ указъ состоялся по слѣдующему поводу.

Прапорщикъ Рожновъ былъ признанъ виновнымъ въ произнесеніи дерзкихъ словъ о святыхъ иконахъ и Государѣ Императорѣ и присужденъ къ отдачѣ въ каторжныя работы, съ лишеніемъ чиновъ и дворянства, взамѣнъ наказанія кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей и клейменіемъ. Сенатъ поднесъ объ этомъ дѣлѣ Государю докладъ, на который 3 января 1797 года и послѣдовала Высочайшая резолюція: «Какъ скоро снято дворянство, то уже и привиллегія до него не касается. По чему и впредь поступать.»

Руководясь этой конфирмаціей, Сенатъ въ послѣдующихъ своихъ докладахъ: о подпоручикѣ Федосѣевѣ, секретарѣ Васильевѣ, поручикѣ Перекомъ и прапорщицѣ Трубниковой полагалъ мнѣніемъ наказывать кнутомъ и ссылать въ работу преступниковъ, «дѣяніями своими достоинство разрушившихъ.» Государь утверждалъ сенатскіе доклады, вслѣдствіе чего къ устраненію «разномыслія на будущее время» и былъ изданъ вышеназванный указъ 13 апрѣля: «о наказаніи Дворянъ, гильдейскихъ гражданъ, Священниковъ и Дьяконовъ тѣлесно за уголовныя преступленія» [4]).

Однако, легкія тѣлесныя наказанія—палками и шпицрутенами—иногда примѣнялись и въ дисциплинарномъ порядкѣ по Высочайшему императора Павла повелѣнію за маловажныя нарушенія службы къ лицамъ дворянскаго происхожденія, въ томъ числѣ и къ офицерамъ (или чиновникамъ).

Такъ, извѣстенъ случай, сообщаемый въ запискахъ Нессельроде и Шишкова, съ поручикомъ конногвардейскаго полка Милоковымъ, [5]) которому было назначено Государемъ наказаніе палками въ размѣрѣ 100

---

[1]) Ч. IX, гл. 8.
[2]) П. С. З., т. XXIV, № 17.590.
[3]) П. С. З., т. XXIV, № 17916.
[4]) П. С. З., т. XXI, № 17916. См. также Шильдеръ,—Имп. Павелъ Первый, стр. 346—347.
[5]) См. Шильдеръ, стр. 435—436.

ударовъ [1]) за неисполненіе команды при построеніи, которой Милюковъ однако не слыхалъ. Велик. кн. Константинъ Павловичъ не привелъ въ исполненіе этого наказанія, принявъ это на свою отвѣтственность, а затѣмъ Милюковъ, благодаря этому обстоятельству, былъ принятъ снова на службу уже съ повышеніемъ двумя чинами.

Интересно отмѣтить, что имп. Павелъ I считалъ невозможнымъ находиться въ рядахъ арміи офицерамъ, понесшимъ при какихъ бы то ни было условіяхъ тѣлесное наказаніе. Такъ, напримѣръ, встрѣтивъ однажды на улицѣ одно голштинца – офицера гвардейскаго полка—и замѣтивъ неисправность въ его одеждѣ, Императоръ ударилъ его въ раздраженіи тростью, а на другой день приказалъ подать ему въ отставку, такъ какъ «въ русской арміи не можетъ оставаться офицеръ, потерпѣвшій оскорбленіе» [2]); вмѣстѣ съ тѣмъ офицеръ былъ награжденъ подарками отъ государя.

ОТДѢЛЬНЫЯ УЗАКОНЕНІЯ.

Въ 1799 г. 18-го февраля указомъ, даннымъ генералъ-аудиторіату, было разъяснено, что въ приговорахъ военно-судныхъ комиссій не должно быть назначаемо разжалованія офицеровъ въ рядовые, за исключеніемъ тѣхъ только случаевъ, когда лишеніе офицерскаго званія является послѣдствіемъ лишенія дворянства, т. е. оно не могло быть назначено въ качествѣ самостоятельнаго наказанія по суду [3]).

Въ Высочайшемъ приказѣ, отданномъ при паролѣ 28 іюля 1799 г. [4]), было повелѣно: назначать при арестованныхъ офицерахъ часового и безъ конвоя не выпускать ихъ изъ караульнаго помѣщенія. Этотъ приказъ состоялся въ виду необходимости пресѣченія очень часто происходившихъ въ то время отлучекъ изъ-подъ ареста со стороны офицеровъ.

Въ 1798 г. 10 апрѣля генералъ-лейтенанту бар. Беервицу былъ данъ указъ [5]), въ силу котораго всѣ военнослужащіе, виновные въ совершеніи преступленія, «наказанные» (т. е. тѣлесно) и посланные въ Сибирь (въ тамошнія части войскъ), были лишены «права, даннаго россійскому воинству, слѣдственно и отставлять ихъ отъ службы»; поэтому было повелѣно давать имъ отставку только по инвалидности и неспособности къ службѣ.

---

[1]) Шишковъ (Записки стр. 76) утверждаетъ, что было назначено 500 палокъ.
[2]) Шильдеръ, стр. 582.
[3]) П. С. З., т. XXV, № 18.863.
[4]) П. С. З., т. XXV, № 19.056
[5]) П. С. З., т. XXV, № 18.479.

Въ 1800 г. 1-го ноября состоялся указъ, въ силу котораго было дозволено всѣмъ лицамъ, уволеннымъ въ отставку или исключеннымъ изъ службы военной и гражданской, по Высочайшимъ повелѣніямъ, а не по сентенціямъ военныхъ судовъ, снова вступить на службу. Инищіатива изданія этого указа принадлежала гр. Палену, который, какъ говоритъ самъ въ своихъ запискахъ, желая вернуть въ столицу братьевъ Зубовыхъ и ген. Бенигсена, воспользовался для этого хорошимъ настроеніемъ Государя и вымолилъ у него этотъ указъ [1]).

Именнымъ указомъ Сенату отъ 31 іюля 1799 г. [2]) была измѣнена наказуемость кражи. Въ виду того, что каторжная работа, какъ наказаніе за кражу свыше 20-ти рублей, не только не уничтожаетъ преступленія этого рода, но еще служитъ «предлогомъ къ отбываніе отъ рекрутства», Высочайше было повелѣно наказывать виновныхъ въ кражѣ свыше 20 руб. плетьми и годныхъ—отдавать въ рекруты съ зачетомъ, а негодныхъ—ссылать въ Сибирь на поселеніе.

ЗАКОНЫ О СУДОУСТРОЙСТВѢ И СУДОПРОИЗВОДСТВѢ.

Что касается формальныхъ военно-уголовныхъ законовъ, то въ теченіе царствованія имп. Павла было издано много весьма важныхъ узаконеній, относящихся до судоустройства.

Однимъ изъ первыхъ по времени появленія былъ объявленный военной коллегіи, указъ 15-го декабря 1796 года [3]), въ силу котораго она должна была представлять вмѣстѣ съ приговорами, выходившими чрезъ нее на Высочайшую конфирмацію, экстракты изъ военно-судныхъ дѣлъ (или выписки, въ которыхъ заключалось краткое изложеніе обстоятельствъ дѣла и уликъ и доказательствъ виновности подсудимаго) и свои мнѣнія о виновности и мѣрѣ наказанія [4]).

---

[1]) П. С. З., т XXIV, №№ 16.625 и 16.626. См. Шильдеръ, стр. 469—471.
[2]) П. С. З. т. XXV, № 19.059.
[3]) П. С. З. т. XXIV, № 17649.
[4]) По военной колл. вслѣдствіе этого было сдѣлано ея президентомъ распоряженіе, въ которомъ сквозитъ какъ бы обидный тонъ: „Хотя, вслѣдствіе даннаго сей коллегіи повелѣнія, во всѣхъ ея по дѣламъ о впадшихъ въ преступленія рѣшеніяхъ, на Высочайшую апробацію подносимыхъ, заключенія свои она выводила всегда изъ самихъ законовъ, но какъ нынѣ Его Императорскому Величеству угодно, чтобы изъ дѣлъ такого рода, которые зависятъ единственно отъ Высочайшихъ Его Величества конфирмацій, подносимы уже были чрезъ меня краткія выписки или экстракты съ положеніемъ при оныхъ отъ коллегіи мнѣній, выводимыхъ изъ обстоятельствъ происшествія“, то и предписывались на будущее время дѣлать сообразно съ Высочайшимъ повелѣніемъ.

Затѣмъ, 9-го января 1797 г. [1]) послѣдовалъ весьма важный указъ, объявленный генералъ-адъютантомъ Кушелевымъ. Въ указѣ говорилось, что «такъ какъ при Его Императорскомъ Величествѣ учреждено Генералъ-Аудиторство, надъ коимъ начальствуетъ генералъ-лейтенантъ князь Шаховской, членъ военной коллегіи, почему всѣ слѣдственныя дѣла, кои должны вноситься на конфирмацію къ Государю, отсылать къ нему, дабы онъ, разсмотря съ законами и сдѣлавъ экстрактъ, вносилъ уже чрезъ меня (т. е Кушелева) къ докладу.»

Одновременно съ изданіемъ этого указа Кушелевъ писалъ кн. Шаховскому: «Его Императорское Величество... соизволилъ повелѣть быть Вамъ управляющимъ (Генералъ-Аудиторствомъ) такъ, какъ Вамъ таковая часть и поручена уже по военной коллегіи.» Вмѣстѣ съ этимъ Кушелевъ предписывалъ слѣдующее:... «а какъ въ то аудиторство имѣютъ поступать слѣдственныя дѣла и изъ адмиралтейской коллегіи, то Вы, разсмотря таковыя и сообразя съ законами рѣшеніе коллегское и сочиня экстрактъ, долженствуете вносить къ Государю Императору черезъ меня [2])».

Черезъ 15 дней, именно 24 января того же 1797 года появляется новый указъ [3]) объ учрежденіи Генералъ-Аудиторіата, въ которомъ говорилось: «быть Генералъ-Аудиторіату, который есть судъ вышній военный по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ для всей арміи.»

Одновременно съ этимъ управляющій Генералъ-Аудиторствомъ кн. Шаховской получилъ званіе Генералъ-Аудитора.

Однако, перемѣна названія учрежденія мало отразилась на существѣ и дѣятельности послѣдняго. Какъ Генералъ-Аудиторство, такъ и Генералъ-Аудиторіатъ вовсе не были судами въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ настоящее время.

Въ самомъ дѣлѣ, Аудиторство, учрежденное при самомъ Государѣ, для разсмотрѣнія слѣдственныхъ дѣлъ, скорѣе представляло собою собственную канцелярію при Императорѣ, которое должно было, съ одной стороны, подготовлять судебныя дѣла для конфирмаціи, а съ другой—разсматривать письменное производство по военно-слѣдственнымъ дѣламъ для выясненія степени вѣроятности виновности лица и разрѣшенія вопроса о томъ, —

---

[1]) П. С. З. т. XXIV, № 17719.

[2]) Главное В.-Судное Управленіе, Часть журнальная, Именные указы 1797 г, шкафъ 5, № 1.

[3]) П. С. З. т. XXIV, № 17577.

предать ли его военному суду или ограничиться примѣненіемъ наказанія по усмотрѣнію Высочайшей власти.

Это послѣднее соображеніе вытекаетъ какъ изъ подлинныхъ конфирмацій Государя, такъ и изъ указа 29 января 1798 г., подтвержденнаго 6 іюня 1800 г., относительно того, что судныя комиссіи объ офицерахъ назначаются т о л ь к о съ Высочайшаго разрѣшенія [1]).

Тотъ же характеръ личной канцеляріи Государя по военно-уднымъ дѣламъ носитъ и Генералъ-Аудиторіатъ. Хотя въ указѣ 29 января 1797 г. и говорилось, что онъ есть «судъ вышній», тѣмъ не менѣе его значеніе, какъ чисто-подготовительнаго, завѣсимаго учрежденія, не измѣнилось.

Интересно отмѣтить, что Генералъ-Аудиторіатъ, по мысли Государя, долженъ былъ представлять собою учрежденіе, независимое отъ военной коллегіи и подчиненное непосредственно Верховной власти. Во главѣ его былъ поставленъ Генералъ-Аудиторъ, который являлся не только предсѣдателемъ, но и начальникомъ учрежденія, такъ какъ оно состояло исключительно изъ подчиненныхъ ему лицъ разныхъ аудиторскихъ званій и чиновъ канцеляріи.

Бюрократическій строй Генералъ-Аудиторіата сказывается также и въ томъ, что назначеніе первыхъ оберъ-аудиторовъ Лѣвшинаго и Усачова послѣдовало «по удостоенію Генералъ-Аудитора», которому было вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено опредѣлять «въ прочіе Генералъ-Аудиторіата чины... кого онъ способными признаетъ» [2]).

Прочими чинами Генералъ-Аудиторіата были: одинъ секретарь (съ жалованьемъ въ 150 руб. въ годъ), одинъ регистраторъ (300 руб. въ годъ) и одинъ актуаріусъ, или канцелярист (250 р. въ годъ). На канцелярскіе расходы Аудиторіату отпускалось въ годъ 500 руб. [3]).

Одновременно съ учрежденіемъ Генералъ-Аудиторіата была уничтожена состоявшая при военной коллегіи аудиторская экспедиція, „за ненадобностью“, и всѣ дѣла, превышающія ея компетенцію, были переданы въ Аудиторіатъ [4]). Генералъ-Аудиторіатъ обязанъ былъ давать свои мнѣнія «о судныхъ и слѣдственныхъ дѣлахъ арміи и флотовъ» [5]).

---

[1]) П. С. З., т. XXV, № 18.354.
[2]) П. С. З., т. XXIV, № 17.775.
[3]) См. Архивъ Главн. В.-Суд. Упр., Дѣло о чиновникахъ, 1797 г., № 1, св. 1, л. 31.
[4]) П. С. З., т. XXIV, № 17775.
[5]) П. С. З., т. XXVIII, № 21.904.

Штатъ Генералъ-Аудиторіата былъ окончательно установленъ уже позднѣе, а именно только указомъ 5 января 1798 года, по которому въ помощь Генералъ-Аудитору было назначено два оберъ-аудитора, съ жалованьемъ каждому по 562 рубля въ годъ. Въ составѣ этихъ помощниковъ явились: оберъ-аудиторъ майоръ Лѣсницкій и Усачовъ; послѣдній до этого времени занималъ должность генералъ-аудиторъ-лейтенанта въ военной коллегіи.

Такимъ образомъ, Генералъ-Аудиторіатъ [1]) сталъ существовать наряду съ военной и адмиралтействъ-коллегіей, которыя также могли рѣшать военно-судебныя дѣла. Для этого въ составѣ коллегій находились: генералъ-аудиторъ-лейтенантъ, одинъ оберъ-аудиторъ и аудиторъ и два писца.

Вопросъ о раздѣленіи военно-судебной дѣятельности между военной коллегіей и Генералъ-Аудиторіатомъ представляется весьма важнымъ.

До 1797 года ревизія всѣхъ рѣшеній военныхъ судовъ сосредоточивалась въ военной коллегіи, независимо отъ служебнаго положенія преданныхъ суду лицъ, за исключеніемъ принадлежащихъ къ полкамъ лейбъ-гвардіи, для которыхъ имѣлся особый оберъ-аудиторъ. Со времени изданія указа 1797 года компетенція военной коллегіи была значительно ограничена: въ нее стали поступать для пересмотра только дѣла о „нижнихъ военныхъ служителяхъ, кои не изъ дворянъ“, обвиняемыхъ въ важныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, за которыя въ законѣ угрожало наказаніе смертной казнью [2]).

Такимъ образомъ, въ Генералъ-Аудиторіатѣ должно было сосредоточиваться разсмотрѣніе производства всѣхъ другихъ судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, т. е. объ всѣхъ офицерахъ и нижнихъ чинахъ изъ дворянъ. По всѣмъ этимъ дѣламъ Генералъ-Аудиторъ обязанъ былъ давать свое мнѣніе и подносить на Высочайшую конфирмацію.

Всѣ эти обязанности лежали исключительно на самомъ Генералъ-Аудиторѣ и, какъ говорилось въ докладѣ комитета 1805 г. [3]), «сколь отяготительна таковая обязанность для одного человѣка».

Но дѣятельность Генералъ-Аудитора далеко не исчерпывалась этимъ.

---

[1]) Арх. Гл. В.-С. Упр. ibid., св. 1, 11, № 9. необходимо отмѣтить, что иногда въ официальныхъ бумагахъ Генералъ Аудиторіатъ назывался также «Генеральный Аудиторіатъ».

[2]) См. Отчетъ Генералъ-Аудиторіата 1816 г.; П. С. З., т. XXVIII, № 21901.

[3]) П. С. З., т. XXVIII, № 21904.

По воспослѣдованіи Высочайшихъ конфирмацій на доклады его, онъ обязывался къ ихъ исполненію, для чего сообщалъ копіи съ нихъ въ военную и адмиралтействъ-коллегію, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлялъ генералъ-адъютанта, правившаго Собственною Канцеляріею Государя, относительно: 1) времени производства военнаго суда, 2) имени и фамиліи подсудимаго и 3) послѣдовавшей Высочайшей конфирмаціи.

Такимъ образомъ, въ области разсмотрѣнія военно-судныхъ дѣлъ Генералъ-Аудитору были предоставлены исключительныя полномочія: постановлять рѣшеніе, всецѣло вытекавшее изъ его усмотрѣнія, что „присвапвало ему качество утверждать или опровергать приговоры судебныхъ мѣстъ, хотя оное, кромѣ Высочайшей власти, единственно высшему судебному мѣсту принадлежать можетъ» [1]).

Что касается дѣятельности по предварительному производству, то и въ этомъ отношеніи Генералъ-Аудиторъ имѣлъ право, по полученіи слѣдственныхъ дѣлъ, въ случаѣ надобности, пополнять таковыя собираніемъ новыхъ данныхъ и обязанъ былъ отъ себя сообщать инспекторамъ Высочайшія повелѣнія объ отдачѣ подъ судъ и слѣдствіе генераловъ и офицеровъ и представлять о томъ же военной и адмиралтействъ-коллегіямъ.

Наконецъ, на Генералъ-Аудиторѣ лежала обязанность наблюденія за скорымъ производствомъ дѣлъ во всѣхъ военно-судныхъ комиссіяхъ, а также и „понужденія къ немедленному оныхъ окончанію“. Для этого онъ разсматривалъ доставляемыя отъ частей войскъ статейные списки и велъ отчетность о числѣ подсудимыхъ.

Кромѣ всего этого, Генералъ-Аудиторъ, какъ высшій юридическій органъ въ арміи, долженъ былъ давать „наставленія въ случаѣ затрудненій, встрѣчающихся при рѣшеніи дѣлъ въ комиссіяхъ и кригерехтахъ [2]).

Несмотря на это, право надзора Генералъ-Аудитора не исключало такого же надзора и со стороны военной коллегіи надъ подвѣдомственными ей производствами.

Неносильная работа для одного лица—Генералъ-Аудитора заставила правительство озаботиться пріисканіемъ такихъ мѣръ, которыя способны были бы устранить недостатки организаціи Генералъ-Аудиторіата. Самою важною изъ этихъ мѣръ было назначеніе въ 1800-мъ году 19 февраля на

---

[1]) П. С. З., т. XXVIII, № 21904.
[2]) Ibid.

должность второго Генералъ-Аудитора отставного генералъ-маіора князя Салагова, которому было повелѣно «присутствовать въ Генералъ-Аудиторіатѣ непосредственно съ Генералъ-Аудиторомъ княземъ Шахавскимъ. [1]) Однако почти черезъ мѣсяцъ, 19 марта того же года кн. Шаховской «за старостью» былъ уволенъ въ отставку.

Что касается аудиторовъ, то по уставу о полевой службѣ 1796 г. (см. выше) на нихъ возлагались, съ одной стороны, чисто судебныя обязанности—производство слѣдствій надъ офицерами и унтеръ-офицерами, а съ другой—обязанности хозяйственныя: въ походѣ—завѣдываніе полковымъ обозомъ, въ военное время—пріемъ провіанта и фуража, [2]) при отсутствіи въ полкахъ квартермистровъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ гарнизонныхъ полкахъ и егерскихъ батальонахъ аудиторы должны были исполнять всѣ обязанности квартермистровъ. Вообще же въ полкахъ, въ случаѣ болѣзни аудитора, исправленіе его должности (очевидно по военно-судной части) возлагалось на фельдфебелей [3]). *АУДИТОРЫ.*

Въ царствованіе императора Павла произошло въ сущности объединеніе Аудиторіатскаго вѣдомства путемъ подчиненія всѣхъ аудиторовъ Генералъ-Аудитору. Какъ видно изъ указа изъ военной коллегіи 18 іюня 1799 года, «всѣмъ аудиторамъ быть непосредственно въ вѣдомствѣ Генералъ-Аудитора, ибо и производство ихъ впредь зависѣть будетъ отъ его рекомендаціи». [4]) Вмѣстѣ съ этимъ тотъ же указъ предписывалъ производить въ чины полковыхъ аудиторовъ, только по всеподданнѣйшему докладу Генералъ-Аудитора.

Іерархія аудиторовъ представлялась въ слѣдующемъ видѣ: во главѣ ея стоялъ генералъ-аудиторъ, [5]) помощниками его были оберъ-аудиторы, въ чинѣ военныхъ совѣтниковъ [6]); аудиторы распредѣлялись по полкамъ, «городовымъ аудиторіатамъ [7]) и наконецъ были причислены къ Генералъ-Аудиторіату сверхъ штата.

---

[1]) Архивъ Главн. В.-Суд. Упр., Дѣло о чиновникахъ 1797 г., Св. 1, л. 49.
[2]) П. С. З., т. XXIV, № 17588, ч. IX, гл. IV; П. С. З., т. XXIV, № 17590, гл. XXXVI.
[3]) П. С. З., т. XXV, № 18994.
[4]) П. С. З., т. XXV, № 19023.
[5]) Ibid.
[6]) Архивъ Главн. В.-Суд. Управл., Дѣло о чиновникахъ 1797 г., св. 1, № 49.
[7]) П. С. З., т. XXV, № 18465.

Аудиторы поступали на службу, не получая чиновъ, которыми однако могли быть награждаемы за отличную службу [1]); съ полученіемъ чина имъ присваивалось соотвѣтствующее этому званіе и право носить общій аудиторскій мундиръ. [2]) По достиженіи чина титулярнаго совѣтника они могли быть, по представленію шефа полка и въ случаѣ надобности, назначаемы на должность квартермистра. [3])

Что касается должностей оберъ-аудиторскихъ, то таковые замѣщались гражданскими чиновниками или офицерами, переименовывающимися въ гражданскіе чины [4]), по выбору и представленію Генералъ-Аудитора.

Въ томъ же 1799 году 10 октября состоялся новый указъ, [5]) которымъ было повелѣно: «аудиторовъ не слѣдуетъ представлять никакъ иначе, какъ въ титулярные совѣтники, и что имъ нѣтъ другого слѣдующаго чина».

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ.

Исключительная подсудность военно-служащихъ военному суду при Императорѣ Павлѣ упрочилась окончательно. По указу военной коллегіи 24 іюня 1797 г. [6]), вслѣдствіе того, что гарнизонные баталіоны переформированы въ полки и въ нихъ полагаются аудиторы, и на основаніи Высочайшихъ резолюцій о томъ, что «впредь гражданскимъ чинамъ не присутствовать въ кригсрехтахъ, развѣ будетъ дѣло до обѣихъ частей гражданскаго и военнаго» и что «губернаторамъ гражданскимъ до судовъ военныхъ дѣла нѣтъ», предписано было не судить военнослужащихъ въ судахъ общихъ даже «по необходимымъ случаямъ», и обвиняемыхъ, задержанныхъ вдали отъ своихъ частей войскъ, отсылать для производства слѣдствія и суда въ ближайшіе полевые или гарнизонные полки. Изъ этого указа видно, что допускались по-прежнему смѣшанные военные суды, вѣроятно по дѣламъ объ обидахъ, наносимыхъ военнослужащими лицамъ гражданскаго вѣдомства. Подсудность военному суду ограничивалась одними уголовными дѣлами, потому что, хотя въ указѣ объ учрежденіи Генералъ-Аудиторіата и было сказано, что его разсмотрѣнію подлежать и дѣла гражданскія, но это постановлено изъ слѣпого подражанія порядку, существовавшему въ Пруссіи (въ которой военные суды разсматривали гражданскія

---

[1]) П. С. З., т. XXV, № 18853.
[2]) Ibidem.
[3]) П. С. З., т. XXV, № 19175.
[4]) Арх. Главн. В.-Суд. Управленія, Дѣло о чиновн., св. 1, л. 40—44.
[5]) П. С. З., т. XXV, № 19175.
[6]) П. С. З., т. XXIV, № 18017.

дѣла военнослужащихъ до 1808 г.) и едва ли могло примѣняться на практикѣ.

Наконецъ, при Императорѣ Павлѣ въ послѣдній уже разъ встрѣчается случай предоставленія принятымъ въ русскую военную службу иностранцамъ судиться по законамъ своей націи, что было сдѣлано относительно составленнаго изъ французскихъ эмигрантовъ отряда принца Конде. Однако, вскорѣ, по прибытіи его въ Россію въ 1798 г., право это было отнято «по разнымъ безпорядкамъ, отъ которыхъ и убійства происходили» и самый отрядъ, по окончаніи войны съ Франціей, былъ распущенъ [1]).

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Наконецъ, при императорѣ Павлѣ I слѣдствіе успѣло уже отдѣлиться отъ суда. Это видно изъ того, что производство слѣдствія возлагалось на аудитора лично, производство же собственно военнаго суда поручалось, по-прежнему, военно-судимъ комиссіямъ. Впрочемъ, и военные суды въ это время по своему значенію были сходны съ слѣдственными комиссіями, такъ какъ по указу 23 ноября 1800 г. [2]), имъ запрещено было писать въ приговорахъ свои мнѣнія, потому что «военный судъ не есть разрѣшеніе винъ, а по точномъ изысканіи оныхъ, осужденіе преступника по всей строгости законовъ». Вслѣдствіе этого военные суды должны были примѣнять строгія, хотя и совершенно устарѣвшія, постановленія Воинскаго Артикула; измѣненіе же приговоровъ согласно новымъ узаконеніямъ и смягченіе положенныхъ наказаній принадлежало власти, къ которой приговоръ поступалъ на конфирмацію. Для ускоренія производства военно-судныхъ дѣлъ, собственно «о маловажныхъ преступленіяхъ и другихъ, не требующихъ дальнихъ справокъ» (преимущественно дѣлъ о побѣгахъ), указомъ 15-го декабря 1796 г. установленъ сокращенный порядокъ, по приложенной формѣ [3]); согласно съ этой формой, военно-судное дѣло должно состоять изъ 1) выписки, въ которой означается, по распоряженію кого дѣло производится, и излагается только оказавшееся при допросѣ подсудимаго, производимомъ и подписываемомъ аудиторомъ, и 2) сентенца, подписываемаго всѣми

---

[1]) Иностранцы разсказываютъ, что наказанія военнослужащихъ въ эту эпоху были особенно жестоки; такъ, напр., солдатъ, убившій своего товарища, былъ присужденъ къ разстрѣлянію, но ранѣе исполненія такового виновному былъ отрѣзанъ носъ, уши и самъ онъ наказанъ 100 ударами кнута. Такія же наказанія стали примѣняться и къ иностранцамъ, состоявшимъ на русской службѣ. См. Revue des deux Mondes, 1883 г., 1 декабря, «Les commentaires des soldats», стр. 558. П. С. З., т. XXV № 18392.

[2]) П. С. З., т. XXVI, № 19663.

[3]) П. С. З., т. XXIV, № 17649.

судьями, по составляемаго на основаніи слушанія выписки. Произведенное такимъ образомъ дѣло представляется на конфирмацію установленнымъ порядкомъ.

ВЫВОДЫ. Итакъ, короткое царствованіе императора Павла въ исторіи военно-судной части ознаменовалось:

1) изданіемъ уставовъ полевой службы, постановленія которыхъ о дисциплинарныхъ проступкахъ и наказаніяхъ военнослужащихъ упорядочили и дополнили правила Инструкціи пѣхотнаго полку полковника 1764 г., на основаніи которыхъ отправлялась дисциплинарная власть въ войскахъ;

2) разъясненіемъ Жалованной грамоты и Городового положенія, въ силу чего лица привилегированныхъ строеній могли подвергаться тѣлеснымъ наказаніяхъ при извѣстныхъ условіяхъ, и измѣненіемъ отвѣтственности за кражу свыше 20-ти рублей;

и 3) наконецъ, образованіемъ Генералъ-Аудиторіата, который, по мысли Государя долженъ былъ являться высшимъ военнымъ судомъ.

Царствованіе императора Александра I.

Общій обзоръ.

ЦАРСТВОВАНІЕ Императора Александра I-го обнимаетъ первую четверть XIX-го столѣтія (1801—1825 годы) и представляетъ время, когда Россія, несмотря на миролюбіе этого монарха, черезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи его на престолъ въ 1801 году, именно съ 1805 года, въ теченіе десяти лѣтъ, т. е. до 1815 года, вынуждена была вести постоянныя войны не только съ своими азіатскими сосѣдями и Швеціей, но главнымъ образомъ съ Франціей Наполеона I-го, подвергшись въ 1812 году страшному нашествію «двунадесяти языкъ», подъ предводительствомъ знаменитаго императора французовъ, причемъ ниспроверженіе ею этого всемірнаго завоевателя, законченное въ

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I-го.

1815 году, доставило Россіи огромное вліяніе въ Европѣ и значительное расширеніе границъ. Послѣ свержения Наполеона I-го наступило время конгрессовъ и священнаго союза, вслѣдствіе чего и сильнаго истощенія личныхъ и матеріальныхъ средствъ, въ Европѣ установился «прочный миръ», который не былъ нарушенъ до самаго конца царствованія Александра I-го.

Вслѣдствіе такихъ политическихъ обстоятельствъ, въ то время, когда у насъ готовились къ войнамъ съ Франціей, происходившимъ съ 1805 по 1815 годъ, количество войскъ постепенно возрастало, а въ самые критическіе для Россіи моменты, когда угрожала опасность нашествія со стороны Наполеона, были призываемы два раза многочисленныя временныя земскія (1806 г.) или народныя (1812 г.) ополченія. По водвореніи же прочнаго мира, въ Россіи, вслѣдствіе выраженнаго намѣренія правительства ограничиться на будущее время веденіемъ однихъ оборонительныхъ войнъ, затѣмъ съ цѣлью облегченія чувствительной тяжести военныхъ расходовъ и рекрутскихъ наборовъ и при существованіи тогда продолжительныхъ сроковъ службы и крѣпостного права,—стало распространяться потерпѣвшее впослѣдствіи неудачу учрежденіе военныхъ поселеній принудительнаго характера. Къ концу царствованія Александра I-го въ военныя поселенія было обращено около третьей части нашего регулярнаго войска и они составили совсѣмъ отдѣльный корпусъ.

ДѢЛЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I НА ЭПОХИ.

Что касается законодательной дѣятельности Александра I-го, то въ теченіе царствованія этого Государя, вступившаго на престолъ въ молодыхъ годахъ, получившаго прекрасное воспитаніе и одушевленнаго самыми лучшими намѣреніями, проявляется стремленіе къ установленію строгой законности и гуманности въ управленіи государствомъ. Поэтому въ царствованіе Александра I-го, въ особенности въ первую половину его, были совершены многія преобразованія, касавшіяся различныхъ отраслей законодательства. Однимъ изъ самыхъ важныхъ преобразованій этихъ представляется учрежденіе министерствъ 8-го сентября 1802 г., столѣтіе существованія которыхъ празднуется въ настоящемъ году. Законъ объ учрежденіи министерствъ былъ примѣненъ и къ военному вѣдомству, въ которомъ тогда же, въ 1802 году, было образовано министерство военныхъ сухопутныхъ силъ, устроенное на общихъ основаніяхъ, съ оставленіемъ, впрочемъ, военной коллегіи въ качествѣ подчиненнаго учрежденія. Но военное министерство получило новое устройство, на особыхъ началахъ по учрежденію 27-го января 1812 года, вслѣдствіе изданнаго одновременно съ нимъ Учрежденія

о Большой Дѣйствующей Арміи, предназначенной для организаціи войскъ во время предстоящей войны съ Франціей, при чемъ военная коллегія подверглась упраздненію. Въ то же время и соотвѣтственно съ этими преобразованіями происходили и значительныя измѣненія, касавшіяся устройства высшаго военно-судебнаго учрежденія Генералъ-Аудиторіата, который, не будучи подчиненъ ни военной коллегіи, ни Военному Министру, въ 1805 году сосредоточилъ въ себѣ завѣдываніе всей военно-судной частью военнаго и морскаго вѣдомства. Затѣмъ съ изданіемъ Учрежденія о Большой Дѣйствующей Арміи и Учрежденія Военнаго Министерства 27-го января 1812 года, Генералъ-Аудиторіатъ былъ упраздненъ и тогда же замѣненъ Аудиторіатскимъ Департаментомъ Военнаго Министерства, впослѣдствіи (1815 г.) Главнаго Штаба Его Величества. Поэтому, обозрѣніе исторіи военно-судной части въ царствованіе Александра I-го можно раздѣлить, считая со дня вступленія его на престолъ 12-го марта 1801 года, во первыхъ на время, предшествовавшее изданію учрежденія Министерствъ 8-го сентября 1802 г. на послѣдующее время, которое въ свою очередь, памятнымъ 1812 годомъ дѣлится на двѣ почти равныя эпохи: первая—отъ 8-го сентября 1802 г. до 27-го января 1812 г., т. е. до изданія Учрежденія о Большой Дѣйствующей Арміи и новаго Учрежденія Военнаго Министерства и вторая отъ 27-го января 1812 г. до кончины Императора Александра I-го, т. е. до 19-го ноября 1825 года.

ГЛАВА I.

Эпоха до учрежденія министерствъ.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ

Обращаясь къ исторіи военно-судной части въ царствованіе Императора Александра I-го, надо имѣть въ виду, что въ манифестѣ 12-го марта 1801 года [1]) о вступленіи Его на престолъ было сказано, что Онъ будетъ «управлять по законамъ и по сердцу» покойной бабки Своей Императрицы Екатерины Великой, «коея память Намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна». Поэтому Александръ I особыми манифестами, изданными 2-го апрѣля 1801 г. [2]), поспѣшилъ возстановить дѣйствіе Жалованной грамоты дворянству и Городового Положенія 1785 г., отмѣненныхъ толкова-

[1]) П. С. З., Т. XXVI № 19779.
[2]) П. С. З., Т. XXVI, №№ 19.810 и 19.811.

ніемъ, даннымъ имъ Императоромъ Павломъ, относительно того, что установленное имп освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія дворянъ и купцовъ 1-й и 2-й гильдіи не имѣетъ силы въ томъ случаѣ, когда лица эти подлежатъ наказанію, соединенному съ лишеніемъ ихъ званія. Затѣмъ, въ своихъ стремленіяхъ къ человѣколюбію и законности Александръ I пошелъ еще далѣе Екатерины II-й. Находя, что «всѣ преступленія должны быть объемлемы единою силою закона», онъ особымъ манифестомъ того же 2-го апрѣля [1]) упразднилъ существовавшую со времени царствованія этой Государыни Тайную Экспедицію, вѣдѣнію которой подлежали дѣла о всѣхъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ государственныхъ, не исключая въ этомъ отношеніи и лицъ военнослужащихъ. При этомъ замѣчательно, что еще ранѣе, именно черезъ три дня по вступленіи на престолъ Александра I-го, указомъ, даннымъ Сенату 15-го марта 1801 г. [2]), повелѣно было немедленно освободить всѣхъ лицъ, содержавшихся въ заключеніи, обвиняемыхъ по распоряженію означенной экспедиціи. Впрочемъ экспедиція эта была отчасти возстановлена впослѣдствіи въ видѣ комитета 13-го января 1807 г. [3]), который, однако, какъ видно изъ Высочайшаго повелѣнія 31-го января того же года, не пользовался правомъ назначенія наказаній, а долженъ былъ

УНИЧТОЖЕНІЕ ТАЙНОЙ ЭКСПЕДИЦІИ.

отсылать обвиняемыхъ въ надлежащія судебныя мѣста [4]).

ОБЛЕГЧЕНІЕ УЧАСТИ ОСУЖДЕННЫХЪ И НАКАЗАННЫХЪ.

Неномѣрная строгость и даже произволъ, проявлявшіеся нерѣдко въ отправленіи правосудія въ царствованіе Императора Павла, по причинѣ крайне раздражительнаго характера этого Государя, и значительное число случаевъ назначенія тяжкихъ наказаній, преимущественно даже офицерамъ и чиновникамъ, безъ суда, по Высочайшему усмотрѣнію, безъ подробнаго разсмотрѣнія дѣла,—заставили Александра I-го принять особыя мѣры для облегченія участи какъ осужденныхъ, такъ и подвергшихся преслѣдованію. Первоначально, на другой же день по вступленіи на престолъ Александра I-го, указомъ 13-го марта 1801 г. [5]), повелѣно было «всѣхъ выключенныхъ по сентенціи военнаго суда и безъ суда по приказамъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ считать отставленными отъ службы, и военной коллегіи по разсмотрѣнію ихъ дѣлъ и по докладу намъ снабдить ихъ надлежащими

---

[1]) П. С. З., Т. XXVI, № 19.813.
[2]) П. С. З., Т. XXVI. № 19.784.
[3]) П. С. З., Т. XXIX, № 22.425.
[4]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Томъ II, стр. 162, 288 и 361.
[5]) П. С. З., т. XXVI, № 19.782.

объ отставкѣ указами». Затѣмъ того же 2-го апрѣля 1801 г. [1]) появился и общій всемилостивѣйшій манифестъ, въ которомъ о помилованіи говорилось слѣдующее: «Между преимуществами, присвоенными Намъ отъ Вышняго вмѣстѣ съ Самодержавною властью, промысломъ его святымъ на Насъ возложеннаго, пріятнѣйшее сердцу Нашему есть власть разрѣшать и облегчать судьбу Нашихъ подданныхъ, заблужденіемъ, случаемъ или порочными примѣрами вовлеченныхъ въ преступленіе. Не ослабляя общей силы закона, восхотѣли Мы на сей разъ облегчить дѣйствіе его, въ твердомъ упованіи, что сей опытъ благости послужитъ къ исправленію преступившихъ и обратитъ на путь истинный съ него совратившихся Сего ради повелѣваемъ: 1) всѣхъ находящихся теперь и до сего самаго дня подъ слѣдствіемъ и судомъ по разнымъ мѣстамъ чиновниковъ и всякаго званія людей, по дѣламъ, не заключающимъ въ себѣ важныхъ преступленій, какъто: смертоубійства, разбоя, лихоимства, учинить отъ суда и слѣдствія свободными. 2) Преступниковъ, содержащихся теперь и сего числа подъ стражею и осужденныхъ уже къ смертной казни, освободивъ отъ оной, сослать въ работу; кои же осуждены къ тѣлесному наказанію съ отсылкою на поселеніе или въ работу, оныхъ послать на поселеніе безъ наказанія».

По поводу всѣхъ этихъ мѣръ въ коронаціонномъ манифестѣ, 15-го сентября 1801 г. [2]) говорится, что «отвергнувъ ужасы Тайной Экспедиціи, Мы исторгнули изъ закоповъ ея всѣ ея жертвы, уничтоживъ безконечныя слѣдствія и суды надъ чиновниками и всякаго званія людьми» и затѣмъ сказано далѣе объ облегченіи судьбы ихъ (наказанныхъ) «безъ ослабленія силы закона», какъ это выражено въ манифестѣ 2-го апрѣля, слова котораго приведены выше. Въ общемъ получили прощеніе всѣ лица, находившіяся въ вѣдѣніи Тайной Экспедиціи, которыхъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, было не менѣе 700 человѣкъ, причемъ изъ нихъ—64 военнослужащихъ,—и возвращено изъ ссылки, принято обратно на службу и возстановлено въ правахъ состоянія, по свидѣтельству современниковъ, всего отъ 12 до 15 тысячъ человѣкъ [3]). Въ частности можно указать отдѣльные случаи помилованія военнослужащихъ, именно: бывшаго атамана Донского казачьяго войска генералъ-маіора Иловайскаго, находившагося въ тяжкомъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, затѣмъ извѣстнаго впослѣдствіи генерала,

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 19.814.
[2]) П. С. З., т. XXVI, № 20.011.
[3]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I, Томъ II, стр. 15 и 36.

бывшаго тогда подполковникомъ артиллеріи, Алексѣя Петровича Ермолова, сосланнаго при Павлѣ I въ г. Кострому, и бывшаго штабсъ-капитана гвардіи Кирпичникова, подвергшагося наказанію шпицрутенами черезъ 1000 человѣкъ, которому Александромъ I возвращены чины и дворянское достоинство. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, Александръ I, въ день коронаціи, учредилъ новую комиссію для общаго пересмотра уголовныхъ дѣлъ прежняго времени. Именной указъ, данный о томъ Сенату 15-го сентября 1801 г., настолько замѣчателенъ по существу и формѣ, что мы приведемъ большую часть его здѣсь, дословно [1]).

ПЕРЕСМОТРЪ РѢШЕННЫХЪ СУДЕБНЫХЪ ДѢЛЪ ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ.

«Среди всеобщаго торжества вѣрныхъ сыновъ отечества, простирая взоръ состраданія и на отпадшихъ его чадъ, винами своими отторгнувшихся отъ нѣдръ его, но не потерявшихъ правъ человѣчества, повелѣваемъ Правительствующему Сенату, составя изъ Сенаторовъ, самимъ Сенатомъ избранныхъ и на утвержденіе Намъ представленныхъ, особую комиссію, поручить ей собравъ свѣдѣнія, какъ въ самомъ Сенатѣ, такъ и въ мѣстахъ заточенія и ссылки, войти въ разсмотрѣніе, не найдутся ли въ числѣ потерпѣвшихъ сіе наказаніе, всякаго рода и званія людей такіе, коихъ вины неумышленны и болѣе относятся ко мнѣнію и образу мыслей того времени, нежели къ дѣламъ безчестнымъ и дѣйствительный государству вредъ наносящимъ; и ежели таковые откроются, сочинивъ списки имъ съ означеніемъ самыхъ винъ, качества, времени и мѣста наказанія, представить Намъ на усмотрѣніе, дабы, судя по существу преступленій и понесеннаго уже ими наказанія, облегчить участь ихъ, не ослабляя силы закона и не прерывая строгаго его дѣйствія на тѣхъ, кои поступками злонамѣренными, чести и порядку противными, обратили на себя его прещѐніе».

Одновременно съ изданіемъ этого указа былъ данъ именной указъ упомянутой комиссіи, въ которомъ говорится о трехъ категоріяхъ (классахъ) лицъ, долженствующихъ «составить предметъ розысканій комиссіи». Къ первой категоріи должны быть отнесены «люди, коихъ вины важны были только по обстоятельствамъ политическимъ и не предполагали впрочемъ ни умысла, ни разврата, ни безчестныхъ правилъ, ни нарушенія общаго государственнаго порядка», которые «осуждены и сосланы были, какъ преступники на вѣчное заключеніе». Сюда же отнесены лица, подвергшіяся этому наказанію собственно съ цѣлью сохраненія государственныхъ тайнъ, о чемъ въ

---

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 20.012.

указѣ сказано слѣдующее: «Часто одно безвинное и совершенно случайное прикосновеніе къ дѣлу, одинъ слухъ, одно слово, безъ намѣренія произнесенное, заставляло Правительство, при разныхъ его преобращеніяхъ, исторгать изъ общества людей невинныхъ, для того только, чтобы сокрыть свидѣтелей какого либо происшествія и предупредить самую тѣнь его послѣдствій, и Государственная тайна погребалась вмѣстѣ не только со всѣми лицами, кои въ ней участвовали, но кои могли или предполагали въ ней участвовать». Вторую категорію составляли такъ называемые оскорбители Величества (прежнее «слово и дѣло»), о значеніи вины которыхъ въ указѣ говорится, что «оскорбительныя Величеству слова признаны были въ числѣ первыхъ злодѣяній, но опытъ и лучшее познаніе о началѣ преступленій показали, что мнимое сіе злодѣяніе ни что другое есть въ естествѣ своемъ, какъ суцій припадокъ заблужденія или слабоумія и что власть и величество государей, бывъ основаны на общемъ законѣ, не можетъ поколебаться отъ злорѣчія частнаго лица». Наконецъ, третью категорію должны были составить лица, совершившія «преступленія ненамѣренныя, безъ умысла, не предполагающія ни вреда государству, ни разврата въ правилахъ и правахъ, происшедшія отъ неосторожности, отъ случая, отъ сопряженія обстоятельствъ», при чемъ монархъ заявлялъ комиссіи, что «она должна принять за правило, что нѣтъ Моего намѣренія ослабить силу закона на дѣянія, ему противныя, и что считаю себѣ непозволительнымъ и самый человѣколюбивый поступокъ, когда несогласенъ онъ съ правосудіемъ, первою обязанностью Государей». Комиссія состояла изъ четырехъ сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ князя Куракина. [1]) и дѣятельность ея, повидимому, должна была касаться не только уголовныхъ дѣлъ царствованія Павла, но и временъ предшествовавшихъ, столь богатыхъ «преобращеніями» (переворотами). Вскорѣ по открытіи ея дѣйствій, комиссія въ ноябрѣ 1801 г. предложила Военной Коллегіи доставить необходимыя ей свѣдѣнія объ осужденныхъ по военному вѣдомству, вслѣдствіе чего военная коллегія 22-го ноября постановила потребовать немедленнаго представленія этихъ свѣдѣній отъ подчиненныхъ ей мѣстъ и лицъ [2]). По полученіи означенныхъ свѣдѣній и собраніи ихъ въ самой военной коллегіи, она передала въ упомянутую комиссію «вѣдомости всѣмъ тѣмъ людямъ, кои 1795 года генваря съ 1 по 12 марта

---

[1]) Козодавлева, Новосильцева и Макарова.
[2]) П. С. З., т. XXVI, № 0.056.

1801 года по преступленіямъ своимъ были подъ судомъ...», т. е. относящіяся почти исключительно ко времени царствованія императора Павла [1]). Въ виду того, что важнѣйшія военно-уголовныя дѣла объ офицерахъ и нижнихъ чинахъ изъ дворянъ, приговоры по которымъ представлялись на Высочайшее усмотрѣніе, въ то время были изъяты изъ вѣдѣнія военной коллегіи и съ 21 января 1797 года подлежали предварительному разсмотрѣнію Генералъ-Аудиторіата, то учрежденіе это въ началѣ 1802 года возбудило вопросъ относительно того, распространяется ли пересмотръ прежнихъ уголовныхъ дѣлъ комиссіей на дѣла о лицахъ военнослужащихъ [2]), вслѣдствіе чего, по представленію о томъ комиссіи, 31-го марта 1802 г., [3]) Императоръ положилъ резолюцію, что сила указа 15-го сентября 1801 г. и обязанность ея, комиссіи, «простирается на людей всякаго рода и званія, а потому и дѣла сужденныхъ по военной части должны войти въ ея разсмотрѣніе»; для лучшаго же выполненія обязанностей комиссіи въ этомъ отношеніи въ составъ ея былъ назначенъ генералъ-аудиторъ, генералъ-майоръ князь Салаговъ. Впрочемъ, пересмотръ прежнихъ военно-судныхъ дѣлъ былъ начатъ раньше учрежденія комиссіи 15-го сентября 1801 года и производился самостоятельно, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 20-го іюня 1801 г. [4]). Пересмотръ этотъ былъ возложенъ на генералъ-аудитора, который обязанъ былъ «о тѣхъ, кои окажутся безвинными и коихъ судьба отягощена болѣе мѣры преступленія, подать Его Императорскому Величеству съ мнѣніемъ его доклады, сколько когда успѣть можно, стараясь поспѣшить избавленіемъ невинныхъ и облегчить судьбы прочихъ», причемъ нѣкоторыя дѣла были уже разсмотрѣны и рѣшены до коронованія 15-го сентября 1801 г. Къ тому же дню коронованія предположено было обнародовать «всемилостивѣйшую грамоту, жалуемую русскому народу» [5]), заключавшую въ себѣ торжественное обѣщаніе Государя, между прочимъ, относящееся къ судебной части, какъ напримѣръ: что обвиняемый, пока онъ не осужденъ по законному приговору, долженъ сохранять всѣ свои права, что подвергшійся задержанію, не будучи представленъ въ теченіе 3-хъ дней въ судъ для допроса, можетъ требовать немедленнаго освобожденія, что каждому подсудимому дозволяется имѣть

ПРОЕКТЪ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГРАМОТЫ.

---

[1]) Арх. Гл. В.-С. Упр., Дѣло о чиновникахъ 1801 г.
[2]) Ibidem.
[3]) П. С. З. т. XXVII, № 20.206.
[4]) А. Г. В.-С. У., Дѣло о чиновникахъ, тамъ же.
[5]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Томъ II, стр. 76.

защитника, что никто не можетъ быть вторично потребованъ къ суду за такое преступленіе, за которое онъ былъ уже однажды судомъ оправданъ и т. п. Проектъ означенной грамоты былъ составленъ, по порученію Государя, извѣстнымъ поклонникомъ англійскихъ порядковъ графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ, по образцу англійскаго Habeas Corpus, съ примѣсью французскихъ началъ революціоннаго времени. Изъ числа указанныхъ въ грамотѣ правъ: допущеніе защитника и непоколебимость оправданія были осуществлены отчасти, какъ мы увидимъ ниже, въ Уставѣ Полевого Судопроизводства 1812 г. для военныхъ судовъ въ военное время, а остальныя—большею частью лишь въ судебныхъ уставахъ 20-го ноября 1864 года и въ Военно-Судебномъ Уставѣ 15-го мая 1867 года.

ОТМѢНА ПЫТКИ

Наконецъ, уже вскорѣ послѣ коронованія, именно 27-го сентября 1801 года, появился знаменитый указъ объ отмѣнѣ пытки [1]). Онъ имѣлъ, несомнѣнно, обязательное значеніе для военнаго вѣдомства, хотя и былъ изданъ вслѣдствіе возмутительнаго злоупотребленія пыткою въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Какой-то мѣщанинъ, подозрѣваемый въ совершеніи поджоговъ, часто происходившихъ въ то время въ г. Казани. и вслѣдствіе вынужденнаго пыткою сознанія,—которое онъ впослѣдствіи не подтверждалъ, а всячески отрицалъ,—былъ присужденъ и подвергнутъ тяжкому тѣлесному наказанію окончившемуся его невинною смертью, что и оказалось по разслѣдованіи, произведеннымъ довѣреннымъ отъ Государя лицомъ (флигель-адъютантомъ Альбединскимъ). По этому поводу былъ изданъ упомянутый Указъ, которымъ предписано «сдѣлать повсемѣстно по всей Имперіи наистрожайшія подтвержденія, чтобъ нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ нижнихъ, ни въ высшихъ Правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія»; затѣмъ устанавливается обязательное отобраніе отъ обвиняемыхъ подписокъ въ томъ. что во время слѣдствія они не были подвергнуты пристрастнымъ допросамъ и выражено желаніе, «чтобы. наконецъ, самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной».

УЗАКОНЕНІЯ ПО ВОЕННО-СУДНОЙ ЧАСТИ.

Что касается узаконеній и распоряженій, спеціально касающихся отправленія военнаго правосудія въ началѣ царствованія Александра I-го, то надо имѣть въ виду, что будучи еще наслѣдникомъ престола,

---

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 20.022.

Онъ, въ качествѣ начальника Петербургской дивизіи, при утвержденіи, по предоставленной ему власти, приговоровъ о нижнихъ чинахъ, старался всегда, на сколько возможно, уменьшать наказанія, избѣгая, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, назначать наказанія шпицрутенами въ большомъ количествѣ ударовъ, что видно изъ сохранившихся въ военныхъ архивахъ дѣлъ того времени. [1]) Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ, 8 декабря 1801 г. [2]), Государь повелѣлъ сообщить всѣмъ инспекторамъ войскъ, чтобы «при случающихся экзекуціяхъ находился полковой лѣкарь, который, какъ скоро замѣтитъ во время наказанія, что преступникъ положеннаго числа ударовъ перенесть не можетъ, тотчасъ бы экзекуцію остановивъ, взялъ бы его въ полковую госпиталь для пользованія; когда же оный выздоровѣетъ, то для точнаго выполненія сентенціи военнаго суда, сдѣлано бы было означенному преступнику вторичное наказаніе, при коемъ также наблюдать, что и при первомъ разѣ». Въ связи съ этимъ, повидимому, находится указъ, послѣдовавшій 18 января 1802 года [3]) относительно воспрещенія военнымъ судамъ въ приговорахъ о тѣлесномъ наказаніи кнутомъ прибавлять выраженіе «нещадно», по примѣру чего, 10-го сентября 1808 г., [4]) было постановлено и для гражданскаго вѣдомства, но съ воспрещеніемъ прибавлять также и выраженіе «жестоко», что было принято впослѣдствіи на практикѣ и въ военномъ вѣдомствѣ. Подобное постановленіе имѣло важное значеніе, такъ какъ, при опредѣленіи наказанія кнутомъ съ упомянутыми прибавками, наказаніе это, по своей тяжести, нерѣдко бывало равносильно засѣченію. Наконецъ, нѣкоторое отношеніе къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ имѣетъ, изданный для военнаго вѣдомства, Высочайше утвержденный докладъ Генералъ-Аудитора князя Салагова, 18-го іюля 1802 года [5]) касательно отмѣны заключенія въ желѣза офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ, что производилось относительно всѣхъ осужденныхъ къ смертной казни, согласно I-й части Воинскаго устава Петра Великаго, въ которомъ объ нихъ сказано: «таковыхъ тотчасъ же сковать, какого бы рангу ни былъ, дабы не ушелъ». Отмѣна заключенія въ желѣза для означенныхъ лицъ, объясняется въ докладѣ тѣмъ, что оно, по Кратк. изобр. проц., принадле-

[1]) Гл. В.-С. У., Часть журнальная, Высочайшія конфирмаціи 1797—1801 г.
[2]) П. С. З., т. XXVI № 20 070.
[3]) П. С. З., т. XXVII, № 20115.
[4]) П. С. С., т. XXX, № 23.279.
[5]) П. С. З., т. XXVII, № 20.335.

жить къ числу наказаній тѣлесныхъ, отъ которыхъ, по жалованной грамотѣ 1785 г., всѣ дворяне должны быть избавлены; между тѣмъ, потому, что «военный судъ не есть разрѣшеніе винъ, а осужденіе по всей строгости закона», онъ обязательно долженъ былъ примѣнять строгія постановленія Воинскаго Артикула, угрожающія смертною казнью за многія преступленія, въ такихъ случаяхъ, когда они не заслуживаютъ столь строгаго наказанія, какъ напримѣръ, впали въ преступленіе отъ непредвидѣннаго стеченія обстоятельствъ, отъ неосмотрительности (въ карауль), «отъ недоразумѣнія воинской дисциплины или шалости по молодымъ лѣтамъ» и т. п. «но не отъ злаго умысла». Поэтому, Генералъ-Аудиторъ полагаетъ: «не отягчая судьбы несчастнымъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ «чтобы никто не надѣялся избѣгнуть правосуднаго воздаянія», постановить, что осужденныхъ къ смертной казни офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ содержать «подъ строгимъ карауломъ», но безъ закованія въ желѣза, исключая, однако, военнаго времени, когда «военная осторожность столь нужна», что принятіе на этотъ счетъ мѣръ предоставляется усмотрѣнію Главнокомандующаго. Наконецъ, ко времени до учрежденія Министерствъ 8 сентября 1802 года, относится также указъ военной коллегіи 28-го апрѣля 1802 года [1], въ которомъ говорится, что многія военно-судныя дѣла производятся «съ крайнимъ небреженіемъ», при чемъ рѣшенія основываются нерѣдко на одномъ лишь показаніи подсудимыхъ, безъ его провѣрки, вслѣдствіе чего военная коллегія предписываетъ инспекторамъ войскъ имѣть наблюденіе за военно-судными комиссіями и за неисполненіе указа грозитъ строгою отвѣтственностью не только аудиторамъ, но и членамъ этихъ комиссій.

ГЛАВА II.

Эпоха отъ учрежденія министерства военныхъ сухопутныхъ силъ 8 сентября 1802 г. до новаго образованія военнаго министерства 27 января 1812 года.

ИЗМѢНЕНІЕ НАКАЗУЕМОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

Въ это время, относительно законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ военнослужащихъ были изданы отдѣльныя узаконенія касательно строгой наказуемости «ослушанія начальству» и «нарушенія вѣрности и присяги».

[1]) П. С. З., т. XXVII, № 20.250.

за которыя могла быть назначена смертная казнь безъ замѣны ея другими наказаніями. Это было установлено сначала для земскаго войска (милиціи), созваннаго въ 1806 году, о чемъ сказано въ Манифестѣ о созывѣ этого войска (милиціи) отъ 30-го ноября (3 декабря) того года и въ Высочайшей Инструкціи Главнокомандующимъ земскимъ войскомъ области, отъ 20 декабря того же года. [1]). Тоже самое повторено, со ссылкою на упомянутый Манифестъ 1806 года, въ Высочайшемъ Указѣ, данномъ 20-го января 1808 года [2]), генералу графу Буксгевдену, командовавшему войсками во время войны въ Финляндіи.

Наконецъ, смертная казнь была опредѣлена закономъ за военную измѣну, совершаемую нижними чинами войскъ, находившихся въ Новороссійскомъ краѣ, подъ начальствомъ генерала герцога («дюка») Ришелье. Въ Высочайшемъ повелѣніи, данномъ ему 11-го мая 1811 года [3]), было сказано: «По дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ, что ввѣренныхъ Вамъ войскъ, расположенныхъ на Кубанской границѣ, нижніе чины нерѣдко дезертируютъ за границу къ Черкесамъ и служатъ имъ проводниками при переправахъ для хищничества, повелѣваю вамъ, къ отвращенію сего зла, впредь всѣхъ таковыхъ дезертировъ, кои будутъ отъ черкесовъ выкупаемы или доставятся по условію, судить военнымъ судомъ, и по конфирмаціи вашей, не представляя въ Генералъ-Аудиторіатъ, разстрѣливать при собраніи нарочитаго числа войскъ, въ примѣръ прочимъ, и по исполненіи такового наказанія доносить мнѣ».

Затѣмъ, въ Высочайше утвержденномъ докладѣ Министра Военныхъ Сухопутныхъ силъ 18-го октября 1806 года [4]) о рѣшеніи дѣлъ о преступленіяхъ нижнихъ чиновъ не изъ дворянъ, между прочимъ, установлена менѣе строгая отвѣтственность, чѣмъ прежде за наиболѣе распространенныя преступленія: побѣги и кражи, а именно: за первый побѣгъ или маловажную кражу въ первый разъ на сумму не болѣе 20 рублей (на ассигнаціи)—наказаніе шпицрутенами отъ 500—1500 ударовъ; за второй побѣгъ, вторую кражу или же на сумму болѣе 20 рублей—тоже наказаніе до 3000 ударовъ и за совершеніе побѣговъ не болѣе какъ въ пятый разъ,—то же наказаніе не болѣе 5000 ударовъ, между тѣмъ, какъ по Воинскому арти-

---

[1]) П. С. З., Томъ, XXX № 22374 гл. III, п. 20 и № 22405 п. 4.
[2]) П. С. З., Томъ, XXX. № 22794.
[3]) П. С. З., т. XXXI, № 24.628.
[4]) П. С. З., т. XXIX, № 22322.

кулу за первый побѣгъ положена была смертная казнь всѣмъ, кромѣ рекрутъ, а за кражи въ первый и во второй разъ—шпицрутены въ огромномъ количествѣ 6 и 12 тысячъ ударовъ, а за большую кражу, на сумму болѣе 20 рублей—даже смертная казнь.

УКЛОНЕНІЕ ОТЪ СЛУЖБЫ.

Съ другой стороны продолжая борьбу съ побѣгами нижнихъ чиновъ, отъ которыхъ страдали всегда наши войска, мѣрами строгости, въ указѣ 2-го августа 1810 года [1]) говорилось, что нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ, подвергшіеся за побѣги неоднократно наказанію и оставшіеся по-прежнему въ полкахъ, не только не исправляются сами, но еще подговариваютъ къ побѣгамъ «въ правахъ неиспорченныхъ молодыхъ солдатъ». Вслѣдствіе этого предписывается главнымъ начальникамъ войскъ, утверждая приговоры по упомянутому закону 18-го октября 1806 г. и обращая ихъ къ исполненію, представлять объ означенныхъ нижнихъ чинахъ въ военную коллегію «для немедленнаго ихъ опредѣленія въ отдаленные гарнизоны; но дабы таковые преступники, по третичному уже наказанію, не были терпимы въ обществѣ добрыхъ солдатъ, содержать ихъ до полученія указа изъ коллегіи и до самаго отправленія изъ полка подъ арестомъ». Почти къ тому же времени относится появленіе уклоненія отъ военной службы въ видѣ явнаго отказа отъ исполненія служебныхъ обязанностей, по причинѣ принадлежности къ сектѣ духоборовъ. Какъ видно изъ указа Императора Павла, отъ 28 августа 1799 года,[2]) «гнусная секта» эта, не признающая Верховной власти, «издавна въ Россіи умы и сердца развращающая, открывшаяся въ Новороссійскомъ краѣ», обратила тогда на себя вниманіе Правительства и когда «наикротчайшія мѣры» не подѣйствовали, то указомъ этимъ участники ея были признаны «недостойными пощады» и повелѣно было всѣхъ ихъ въ числѣ 31 человѣка сослать въ Екатеринбургъ вѣчно на работу въ рудникахъ, «содержа ихъ всѣхъ скованными и употребляя въ напятчайшія работы», чтобы они «возчувствовали, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленныя, на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ неподобнымъ на страхъ и наказаніе». При Александрѣ I, въ 1809 году, возникъ вопросъ объ отвѣтственности духоборовъ «изъ уральскихъ преступниковъ, сосланныхъ на службу въ Кіевскій гарнизонный полкъ», изъ числа которыхъ рядовые: Сумкинъ, Рыкуновъ и Скачковъ, «по духоборческой своей ереси, не принимаютъ аммуниціи,

---

[1]) П. С. З., т. XXXI, № 24.312.
[2]) П. С. З., т. XXV, № 19 097.

провіанта и не хотятъ отправлять службы», вслѣдствіе чего указомъ, даннымъ Военной Коллегіи, отъ 23-го сентября 1809 г. [1]) предписывается, «чтобы во-первыхъ внушена имъ была важность дѣлаемаго ослушанія, за которое, подобно прочимъ, упорствовавшимъ Уральцамъ, подвергаются они каторжной работѣ. Во вторыхъ, ежели и послѣ сего упорствовать они будутъ въ своемъ мнѣніи, то поступить сходно представленію Генералъ-Аудитора, отославъ ихъ на Нерчинскіе заводы въ работу». Затѣмъ Указомъ 15 ноября 1810 года [2]), объявленнымъ Генералъ-Аудитору, вслѣдствіе увеличенія числа «нижнихъ чиновъ, впадшихъ въ духоборство», повелѣно тѣхъ изъ нихъ, «которые за всѣми убѣжденіями съ духовной стороны останутся во мнѣніи своемъ непреклонными, судить за непризнаніе надъ собою Верховной власти» и «чтобы Генералъ-Аудиторіатъ, по окончаніи разсмотрѣнія дѣлъ, представлялъ объ нихъ съ заключеніемъ своимъ на Высочайшее усмотрѣніе».

ЗАКОНЫ О СУДОУСТРОЙСТВѢ.

Въ первую половину царствованія Александра I-го относительно судоустройства узаконенія касаются главнымъ образомъ измѣненій въ организаціи учрежденій, которымъ была ввѣрена высшая ревизія приговоровъ военныхъ судовъ, при чемъ надо имѣть въ виду, что изданіе Учрежденія Министерствъ 8-го сентября 1802 года, [3]) повлекшее за собою образованіе министерства военныхъ сухопутныхъ силъ, не имѣло особеннаго значенія въ этомъ отношеніи, такъ какъ военная коллегія осталась по прежнему, хотя и была подчинена министерству военныхъ сухопутныхъ силъ, а Генералъ-Аудиторіатъ по закону не былъ поставленъ въ зависимость отъ означеннаго министра. На военную коллегію, какъ мы видѣли, были возложены ревизія и окончательное утвержденіе приговоровъ о нижнихъ чинахъ не изъ дворянъ, подлежавшихъ вмѣсто смертной казни замѣняющимъ ее наказаніямъ. Хотя находившаяся въ составѣ военной коллегіи Аудиторская экспедиція, вскорѣ по учрежденіи Генералъ-Аудиторіата въ 1797 году, была упразднена, но она появилась вновь и существовала въ 1802 году, что видно изъ постановленія военной коллегіи отъ 15 февраля того же года «о порядкѣ производства (въ коллегіи этой) дѣлъ, росписанія ихъ по экспедиціямъ и вообще о должности канцелярскихъ чиновъ» 15 февраля 1802

[1]) П. С. З., Т. XXX, № 23856.
[2]) Св. Узак. по в. с. части, ч. II, отд. 1 стр. 186.
[3]) П. С. З., Т. XXVII, № 20406.

года [1]), при чемъ упомянутая экспедиція находилась тогда въ вѣдѣніи аудитора (VII класса Бухало) и подъ ближайшимъ наблюденіемъ одного изъ членовъ военной коллегіи (генералъ-маіора Христовскаго). Предметы вѣдомства ея были:

1-е, О исполненіи по Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Конфирмаціямъ, налагаемымъ на выпискахъ, кои отъ Генералъ-Аудитора подносимы бываютъ, и всякія по онымъ взысканія.

2-е, По всѣмъ фергерамъ и кригсехтамъ о нижнихъ чинахъ, отъ рѣшенія Коллегіи зависящимъ, и по всѣмъ слѣдственнымъ дѣламъ, присылаемымъ въ Коллегію отъ всѣхъ воинскихъ командъ, также по жалобамъ и представленіямъ на всѣхъ регулярныхъ войскъ служителей, относительно произведенія допросовъ, слѣдствій и суда.

3-е, О всѣхъ вступающихъ разными случаями подложно въ службу и о присылаемыхъ изъ всѣхъ мѣстъ бѣглыхъ воинскихъ и впадающихъ въ продерзости разныхъ чинахъ, для опредѣленія въ службу и учиненія по указамъ; также всѣ справки, принадлежащія къ судебнымъ и слѣдственнымъ дѣламъ.

4-е, Собраніе отъ всѣхъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ статейныхъ объ арестантахъ списковъ и разсмотрѣніе оныхъ.

На Генералъ-Аудиторіатъ единоличнаго состава, со времени его учрежденія въ 1797 году, возлагалась ревизія слѣдственныхъ и военно-судныхъ дѣлъ объ офицерахъ и нижнихъ чинахъ изъ дворянъ, представляемыхъ на Высочайшее усмотрѣніе, а также, какъ было сказано раньше, на немъ лежало и наблюденіе за скорымъ производствомъ военно-судныхъ дѣлъ, давать наставленія военно-суднымъ комиссіямъ, въ случаѣ встрѣченныхъ ими затрудненій относительно примѣненія законовъ, учрежденіе этихъ комиссій по дѣламъ о лицахъ, предаваемыхъ военному суду Высочайшею властью, и переписка по исполненію Высочайшихъ конфирмацій.

НОВОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ГЕНЕРАЛЪ-АУДИТОРІАТА.

Въ концѣ 1805 года появились Правила новаго образованія Генералъ-Аудиторіата, вмѣстѣ съ Высочайше утвержденнымъ 8-го сентября того года докладомъ Комитета, которымъ они были составлены [2]). Какъ видно изъ этого доклада, означенный Комитетъ, руководствуясь «человѣколюбивыми намѣреніями» Государя «доставить всевозможныя средства къ оправданію,

---

[1]) М. О. О. А. Г. Ш. Опис. 125, св. 23, № 3.
[2]) П. С. З. Томъ XXVIII, № 21.904.

отвратить пристрастіе и неправое примѣненіе законовъ», находилъ неудобнымъ оставлять собственно на «одномъ лицѣ Генералъ-Аудиторѣ» исполненіе указанныхъ выше важныхъ и сложныхъ обязанностей, лежащихъ по закону на Генералъ-Аудиторіатѣ, которому, согласно Высочайшему повелѣнію, слѣдовало предоставить еще и окончательную конфирмацію приговоровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она принадлежала военной коллегіи. Вслѣдствіе этого и имѣя въ виду, что въ судахъ гражданскаго вѣдомства принято за правило, чтобы дѣла разсматривались въ трехъ инстанціяхъ, что и въ дѣлахъ военныхъ судовъ, сколь возможно, должно быть соблюдаемо. Комитетомъ предположено придать Генералъ-Аудиторіату коллегіальное устройство, примѣнительно къ тому, которое установлено Кратк. изобр. проц. для генеральнаго военнаго суда. На такое рѣшеніе вопроса могло оказать вліяніе и преобразованіе подобнаго рода, совершенное незадолго передъ тѣмъ въ Пруссіи [1]), по образцу которой былъ учрежденъ Генералъ-Аудиторіатъ въ 1797 году; кромѣ того, несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи Комитетъ долженъ былъ руководствоваться опытомъ, который былъ сдѣланъ за годъ передъ тѣмъ въ морскомъ вѣдомствѣ, въ которомъ для ревизіи военно-судныхъ дѣлъ, подлежавшихъ разрѣшенію властью Адмиралтействъ-коллегіи, при ней, по закону 12-го іюля 1804 года [2]), учрежденъ былъ «генеральный кригсрехтъ», т. е. генеральный военный судъ, который былъ оставленъ и послѣ преобразованія управленія морскимъ вѣдомствомъ («Морскимъ Департаментомъ») по закону 2-го апрѣля 1805 года [3]), «до будущаго о томъ постановленія». Генеральный кригсрехтъ этотъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ, такъ называемаго, непремѣннаго члена, который долженъ былъ имѣть наблюденіе за скорымъ производствомъ всѣхъ военно-судныхъ дѣлъ морскаго вѣдомства. Въ помощь непремѣнному члену былъ придавъ особый Генералъ-Аудиторъ-Лейтенантъ, и ему непосредственно подчинялись всѣ аудиторы морскаго вѣдомства. Съ новымъ образованіемъ Генералъ-Аудиторіата, согласно упомянутому Высочайше утвержденному докладу 8-го сентября 1805 года, генеральный кригсрехтъ при Адмиралтействъ-Коллегіи былъ упраздненъ, такъ какъ въ Генералъ-Аудиторіатъ были переданы дѣла, по которымъ приговоры подлежали прежде окончательному утвержденію какъ военной, такъ и адмиралтействъ-коллегіи.

---

[1]) Friccius, Geschichte des deutschen Kriegsre hts, стр. 221.
[2]) П. С. З. Томъ XXVIII, № 21396.
[3]) П. С. З.. Томъ XXVIII, № 21699.

Такимъ образомъ, въ Генералъ-Аудиторіатѣ, по закону 8 сентября 1805 г., сосредоточилось завѣдываніе всей военно-судною частью въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ, и онъ былъ поставленъ, по правамъ, наравнѣ съ коллегіями, подчиняясь притомъ только Сенату и Государю Императору. На основаніи Правилъ новаго образованія, Генералъ-Аудиторъ былъ Президентомъ Генералъ-Аудиторіата, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ руководствоваться постановленіями о своей должности главы 21-й первой части Воинскаго Устава Петра Великаго. Затѣмъ въ составъ Генералъ-Аудиторіата входило шесть членовъ, изъ нихъ два генерала отъ военнаго вѣдомства, два генерала отъ морскаго вѣдомства и два военныхъ совѣтника. Для надзора за дѣлопроизводствомъ въ Генералъ-Аудиторіатѣ, въ качествѣ директора канцеляріи его, полагался Генералъ-Аудиторъ-Лейтенантъ, въ чинѣ отъ 8-го до 6-го класса, который долженъ былъ «изъ чиновниковъ наиначе искусныхъ въ правовѣдѣніи». Въ помощь ему назначается шесть оберъ-аудиторовъ, въ чинахъ отъ 9-го до 7-го класса, при чемъ два—по дѣламъ арміи, а два—по дѣламъ флота; а въ помощь каждому оберъ-аудитору полагалось имѣть по два аудитора, въ чинахъ отъ 13-го до 8-го класса. Главная обязанность Генералъ-Аудиторіата состояла въ ревизіи дѣлъ. При производствѣ этой ревизіи дѣлъ, если Генералъ-Аудиторіатъ найдетъ дѣло недостаточно полнымъ, то собираетъ самъ нужныя свѣдѣнія или отсылаетъ дѣло обратно для дополненія: въ случаѣ признанія того, что приговоръ постановленъ неправильно, Генералъ-Аудиторіатъ, не возвращая дѣла, самъ исправляетъ приговоръ установленнымъ порядкомъ. Вообще Генералъ-Аудиторіатъ рѣшаетъ дѣла по существующимъ законамъ коллегіально, по большинству голосовъ; относительно опредѣленія наказанія, онъ полагаетъ свое мнѣніе, не ослабляя силы закона и, принявъ во вниманіе причины, вовлекшія въ преступленіе, прежнія заслуги, «безпорочную жизнь» и «доброе поведеніе виновнаго», «въ преступленіяхъ не столь важныхъ», смягчаетъ слѣдуемое ему по закону строгое наказаніе и «предоставляетъ участь его Монаршему милосердію». Генералъ-Аудиторіатъ постановляетъ самъ окончательные приговоры о нижнихъ чинахъ не изъ дворянъ и обращаетъ приговоры эти къ исполненію черезъ Военную коллегію; по дѣламъ же объ офицерахъ и нижнихъ чинахъ изъ дворянъ онъ, согласно жалованной грамотѣ, представляетъ отъ себя доклады Государю Императору и по воспослѣдованіи Высочайшей конфирмаціи, сообщаетъ ее для исполненія въ военную коллегію или въ адмиралтействъ-

коллегію. Кромѣ того, Генералъ-Аудиторіатъ, подобно тому, какъ и прежде, долженъ былъ имѣть наблюденіе за скорымъ производствомъ военно-судныхъ дѣлъ и давать наставленія военно-судимъ комиссіямъ, въ случаѣ встрѣченныхъ ими затрудненій; затѣмъ, важная обязанность Генералъ-Аудиторіата состояла въ назначеніи военно-судныхъ комиссій по дѣламъ о лицахъ, предаваемыхъ суду по Высочайшимъ повелѣніямъ, не только генераловъ и полковниковъ, какъ это было до 1797 года, но и всѣхъ прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, за исключеніемъ случаевъ, когда власть предавія ихъ суду предоставлялась нѣкоторымъ инспекторамъ войскъ. Такою властью, какъ видно, напримѣръ, изъ указа 1-апрѣля 1809 г. [1]), пользовались: генералы: князь Прозоровскій, Тормасовъ, Кноррингъ, князь Волконскій и Глазенапъ, но о предавіи суду офицеровъ должны были немедленно доносить Государю и увѣдомлять Генералъ-Аудиторіатъ. Наконецъ, на Генералъ-Аудиторіатъ, согласно правилъ новаго образованія его 8-го сентября 1805 года, была возложена обязанность установить при немъ обученіе молодыхъ людей для приготовленія ихъ въ аудиторы, чему, впрочемъ, было положено начало при прежнемъ Генералъ-Аудиторіатѣ 8-го августа 1801 года, какъ о томъ будетъ сказано ниже. На основаніи же Высочайше утвержденнаго 8-го сентября 1805 года доклада, Генералъ-Аудитору лично поручалось, для единообразнаго производства слѣдственныхъ и военно-судныхъ дѣлъ, составить такъ называемую «форму или обрядъ суда» и представить ее на Высочайшее усмотрѣніе, чего, насколько извѣстно, долгое время исполнено не было [2]).

УПРОЩЕННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Всѣ приговоры военныхъ судовъ о нижнихъ чинахъ не изъ дворянъ, за исключеніемъ смертныхъ, которые представлялись на окончательную конфирмацію сначала въ военную коллегію, а съ 1805 года — въ Генералъ-Аудиторіатъ, утверждались инспекторами войскъ. Съ установленіемъ въ 1805 году дѣленія войскъ на бригады, дивизіи и корпуса, подчиняемыя иногда главнокомандующимъ, относительно рѣшенія дѣлъ о преступленіяхъ нижнихъ чиновъ не изъ дворянъ, былъ изданъ законъ 18-го октября 1806 года [3]). По этому закону, имѣя въ виду, что представленіе приговоровъ объ упомянутыхъ нижнихъ чинахъ на окончательное утвержденіе къ главному начальнику, соотвѣтствующему Инспектору войскъ, по командѣ, чрезъ

---

[1]) П. С. З., Томъ XXX, № 23558.
[2]) А. Г. В.-С. У., Дѣло о чиновникахъ, 1812 г.
[3]) П. С. З., Томъ XXIX, № 22322.

посредство нѣсколькихъ указанныхъ воинскихъ начальниковъ, «потребуетъ уже болѣе прежняго времени, а между тѣмъ виновные въ такихъ преступленіяхъ, кои не подвергаютъ ихъ по закону строгому наказанію и не требуютъ дальнѣйшихъ изысканій, оставались бы долго подъ карауломъ и не только сами не несли никакой службы, но и отвлекали отъ оной и употребляемыхъ къ присмотру за ними: а какъ сверхъ сего обстоятельства, во всякомъ случаѣ наказаніе, слѣдующее тотчасъ за преступленіемъ, почитается между весьма сильными средствами къ удержанію другихъ подвергаться оному», то, подобно упомянутымъ прежде законамъ 25-го іюня 1779 года[1]) и 15-го декабря 1796 [2]) года, законъ 18-го октября 1806 г. принимаетъ мѣры къ ускоренію производства дѣлъ, въ особенности маловажныхъ и «не требующихъ дальнихъ справокъ». Поэтому, означеннымъ закономъ постановлено: во-первыхъ—по дѣламъ о первыхъ побѣгахъ и маловажныхъ кражахъ на сумму не болѣе 20 рублей (на ассигнаціи), совершенныхъ въ первый разъ, военно-судныхъ комиссій не наряжать, а установленъ былъ какъ бы особый сокращенный порядокъ суда. Порядокъ этотъ состоялъ въ томъ, что обвиняемый допрашивался въ этихъ случаяхъ аудиторомъ (а за неимѣніемъ послѣдняго—старшимъ въ полку писаремъ), въ присутствіи штабъ-офицера и двухъ оберъ-офицеровъ, послѣ чего протоколъ допроса этого, вмѣстѣ съ справкой ротнаго командира о поведеніи обвиняемаго, должны были быть представлены непремѣнно въ теченіе сутокъ къ шефу полка. Означенный начальникъ долженъ былъ представить дѣло къ бригадному командиру, который, «по внимательномъ разсмотрѣніи причины къ побѣгу, времени, какое въ ономъ находился, сноса и утраты казенныхъ вещей», опредѣляетъ ему наказаніе отъ 500 до 1,500 ударовъ и приказываетъ привести его въ исполненіе въ полку. Во-вторыхъ,—въ случаѣ совершенія преступленій болѣе важныхъ или сложныхъ полагается назначать для суда надъ обвиняемымъ военно-судную комиссію, причемъ за второй побѣгъ, хотя бы онъ явился изъ него добровольно, а кражу, совершенную во второй разъ или на сумму болѣе 20 руб. (на ассигнаціи), приговоръ представляется черезъ шефа полка къ бригадному командиру, а отъ послѣдняго къ дивизіонному командиру, каждый разъ съ мнѣніемъ этихъ начальниковъ. Дивизіонный же командиръ, если признаетъ,

---

[1]) П. С. З., т. XX, № 14889.
[2]) П С. З., т. XXIV, № 17649.

что виновный не заслуживаетъ болѣе строгаго наказанія, то опредѣляетъ ему наказаніе шпицрутенами не болѣе 3000 ударовъ и обращаетъ приговоръ къ исполненію. Если же совершены имъ побѣгъ, не болѣе какъ въ пятый разъ или какое либо другое преступленіе особенной важности, то приговоръ представляется также, по командѣ, на утвержденіе «Главнокомандующаго генералитета» (т. е. Главнокомандующаго или командира корпуса), который опредѣляетъ наказаніе шпицрутенами не болѣе 5000 ударовъ. Въ третьихъ—въ Генералъ-Аудиторіатъ представляютъ, съ мнѣніемъ военныхъ начальниковъ, приговоры военно-судныхъ комиссій къ смертной казни или къ наказаніямъ ее замѣняющимъ, или когда подсудимые признаны виновными, «хотя и не въ столь важныхъ, но во многихъ однакожъ преступленіяхъ, за которыя уже наказываны и прочными въ службѣ въ войскѣ быть не могутъ». Наконецъ, въ четвертыхъ—о всѣхъ наказаніяхъ, назначенныхъ по конфирмаціямъ военныхъ начальниковъ, они обязаны доносить военной коллегіи.

РАСШИРЕНІЕ ПРАВЪ ПО КОНФИРМАЦІИ ПРИГОВОРОВЪ.

Впрочемъ, вскорѣ послѣ начала у насъ войнъ, послѣ войны 1805 г., Главнокомандующіе стали пользоваться относительно преданія суду и конфирмаціи приговоровъ весьма обширными правами, даже касательно назначенія смертной казни по власти, имъ предоставляемой особыми указами. Такъ впервые власть эта была предоставлена Главнокомандующимъ земскимъ войскомъ (милиціи) каждой области, состоявшей изъ нѣсколькихъ губерній, въ 1806 г. Въ манифестѣ «объ образованіи милицій» 30 ноября (3 декабря) по этому поводу сказано:

«Всѣ сіи мѣры для успѣшнаго исполненія требуютъ строжайшаго повиновенія и порядка, и малѣйшее ослушаніе начальству, обращаясь ко вреду общему, заслуживаетъ скорое и строгое наказаніе; то въ отвращеніе сего зла, угрожающаго всеобщемъ потрясеніемъ Имперіи, Главнокомандующему дается черезъ сіе власть арестовать и предавать военному суду каждаго ослушника и нарушителя вѣрности и присяги (которая особенно для сего войска дана будетъ) и приговоры военнаго суда немедленно исполняемы будутъ, хотя бы оные касались лишенія живота» [1]).

О томъ же говорится въ Высочайшей Инструкціи Главнокомандующему земскимъ войскомъ, отъ 20 декабря 1806 года, слѣдующее:

---

[1]) П. С. З. Томъ XXIX, № 22374, Гл. III, п. 20.

«Въ случаѣ нарушенія порядка и спокойствія, гдѣ обыкновенныя мѣры полицейскаго и судебнаго дѣйствія признаете вы недостаточными къ скорому укрощенію ослушныхъ, и гдѣ найдете вы нужнымъ дать примѣръ строгости, и въ самомъ корнѣ отсѣчь покушенія непокорности, Мы облекаемъ васъ властію, взявъ виновныхъ подъ стражу, предать ихъ военному суду, наблюдая его краткость, ему свойственную; и приговоръ сего суда по утвержденію вашему немедленно исполнить, хотя бы касался онъ лишенія живота» [1]).

Затѣмъ, въ Высочайшемъ Указѣ отъ 30-го января 1808 г., даннымъ на имя генерала графа Буксгевдена, командовавшаго войсками во время войны въ Финляндіи, говорится слѣдующее:

«Указомъ Моимъ 20 сего мѣсяца (января 1808 г.), давъ вамъ полную власть на соблюденіе порядка дисциплины и спокойствія въ войскахъ, начальству вашему порученныхъ, Я, для вящаго въ томъ успѣха и чтобы всякій противозаконный поступокъ не только тотчасъ искореняемъ былъ, но наказаніе служило бы въ примѣръ и другимъ, повелѣваю въ законныхъ случаяхъ, ежели бы они послѣдовали, согласно данной власти областнымъ начальникамъ манифестомъ моимъ 3 декабря 1806 г. изданнымъ, арестовать и предавать военному суду каждаго ослушника и нарушителя вѣрности и присяги, и приговоры военнаго суда немедленно исполнить, хотя бы оные касались лишенія живота» [2]).

Почти одинаковая власть была дана, какъ мы видѣли выше, въ Высочайшемъ повелѣніи 11-го мая 1811 г. генералу герцогу (дюку) Ришелье, командовавшему войсками въ Новороссійскомъ краѣ, относительно назначенія смертной казни нижнимъ чинамъ, совершившимъ побѣги къ черкесамъ, —но съ тою разницею, что герцогъ Ришелье, по исполненіи смертныхъ приговоровъ этихъ, обязанъ былъ донесть о томъ Государю.

Вслѣдствіе замѣченнаго военной коллегіей обстоятельства, что во многихъ мѣстахъ, вопреки постановленіямъ Краткаго изображенія процессовъ, въ составѣ военно-судныхъ комиссій находятся офицеры, остающіеся въ нихъ постоянно, безъ перемѣны,—указомъ 14-го августа 1802 года [3]), въ интересахъ строевой службы, предписано было назначать презуса и ассессоровъ для разсмотрѣнія каждаго дѣла особо.

[1]) П. С. З. Томъ XXIX № 22405, Гл. I, п. 4.
[2]) П. С. З., Томъ XXX, № 22794.
[3]) П. С. З., Т. XXVII, 20370.

ПОЛОЖЕНІЕ АУДИТОРОВЪ.

Полковые или просто аудиторы по табели о рангахъ были оставлены безъ всякаго чина, кромѣ аудиторовъ въ артиллеріи, и хотя съ тѣхъ поръ, въ теченіе XVIII столѣтія за ними признавался иногда чинъ подпоручика, но ихъ не повышали болѣе при нахожденіи въ должности аудитора, при чемъ, для полученія дальнѣйшаго движенія въ чинахъ, они переводились въ строй или въ гражданское вѣдомство. При Павлѣ I дозволено было производить аудиторовъ, по представленію генералъ-аудиторіата, повидимому, какъ бы только за отличіе и притомъ лишь въ чины гражданскіе не выше титулярнаго совѣтника.

Въ царствованіе Александра I-го, еще 21 іюля 1802 года [1]), повелѣно было производить аудиторовъ въ провинціальные секретари, т. е. XIII классъ, потомъ въ губернскіе секретари и т. д., по выслугѣ въ каждомъ оберъ-офицерскомъ чинѣ 3 лѣтъ, такъ что аудиторы получили гражданскіе чины, и для нихъ установлено производство за выслугу лѣтъ, при чемъ — чинъ аудитора собственно какъ бы приравнивался только къ чину XIV-го класса (равнаго прапорщику). Во всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудитора князя Салагова, поданномъ 22-го января 1804 г. [2]) объ аудиторахъ, «дабы точное положеніе имѣть о семъ чинѣ, ибо по разнымъ свѣдѣніямъ обстоятельствъ дошло, что нельзя утвердительно полагать, въ какомъ классѣ вновь производимый аудиторъ долженъ состоять» послѣ обозрѣнія положенія аудиторовъ со времени учрежденія у насъ этой должности, говорится, что аудиторы должны быть «люди способные и добросовѣстные» и «отъ аудитора весьма требуется доброе искусство въ правахъ, слѣдовательно нужно, чтобы былъ въ семъ званіи человѣкъ съ чувствами, который бы дорожилъ своею честью». «Онъ же (аудиторъ) притомъ всегда при полку находится во всѣхъ его движеніяхъ въ походѣ, а производство аудиторамъ назначено по статской службѣ, въ табели же о рангахъ сказано, что воинскіе чины выше прочихъ, то при всѣхъ отличностяхъ и способностяхъ, выбираемый въ аудиторы унтеръ-офицеръ, лишается сего преимущества, котораго онъ надѣялся бы достигнуть по фронтовой службѣ». Въ заключеніе генералъ-аудиторъ испрашивалъ только разрѣшенія считать аудиторовъ въ чинѣ XIII-го класса (т. е. равнаго чину провинціальнаго секретаря) и производить черезъ 3 года въ чины до титулярнаго совѣтника, а въ дальнѣй-

---

[1]) П. С. З. Томъ XXVII, № 20. 20337.
[2]) П. С. З., Томъ XXVIII, № 21134.

шемъ повышеніи (т. е. въ штабъ-офицерскіе чины) «соображаться» съ узаконеніями о чиновникахъ статской службы, что и было Высочайше утверждено. По закону 9-го іюня 1804 г.[1]) производство аудиторовъ въ чинъ VIII-го класса, т. е. колежскаго асессора, предоставлявшій въ то время потомственное дворянство, допускалось неначе, какъ по прослуженіи въ чинѣ титулярнаго совѣтника, для дворянъ—не менѣе 4 лѣтъ, а для не дворянъ—не менѣе 8 лѣтъ, но съ обязательнымъ переводомъ затѣмъ на соотвѣтственную должность въ гражданское вѣдомство. Впрочемъ, вскорѣ дозволено было производить въ колежскіе асессоры, съ оставленіемъ въ должности, аудиторовъ, служащихъ въ генералъ-аудиторіатѣ (по штату его 8-го сентября 1805 г.), въ полкахъ гвардіи (25-го января 1808 г.), при корпусныхъ командирахъ (1-го апрѣля 1808 г.) и при ордонансъ-гаузахъ (6-го августа 1809 г.[2]). Переводъ аудиторовъ въ строевые офицеры былъ ограниченъ (7-го марта 1808 г.[3]) тѣмъ, что допускался только для лицъ, которыя до производства своего въ аудиторы пробыли въ строевой службѣ не менѣе 12 лѣтъ. Съ назначеніемъ аудиторамъ съ 1802 г. гражданскихъ чиновъ низшихъ классовъ (XIII—IX), не дающихъ правъ дворянства, положеніе ихъ еще болѣе понизилось, вслѣдствіе чего, подобно тому, какъ было сказано въ указѣ Петра III-го 1-го апрѣля 1762 г.—при Александрѣ I, 1-го сентября 1803 г.[4]) постановлено, что «въ званіе аудиторовъ—дворянъ представлять не слѣдуетъ», что и соблюдалось до тѣхъ поръ, пока недостатокъ въ аудиторахъ не заставилъ правительство принять всякаго рода мѣры для привлеченія въ эту должность въ 1809—1816 годахъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Аудиторы высшихъ званій, которымъ, по табели о рангахъ, были назначены военные чины: Генералъ-Аудитору—подполковника, Генералъ-Аудиторъ-Лейтенанту — маіора и оберъ-аудитору — капитана, нерѣдко во второй половинѣ XVIII-го столѣтія получали военные чины даже выше тѣхъ, которые имъ были положены. Назначеніе гражданскихъ чиновъ для простыхъ (полковыхъ) аудиторовъ повлекло за собою установленіе гражданскихъ чиновъ, но только среднихъ классовъ, для высшихъ аудиторскихъ званій, собственно для оберъ-аудиторовъ и Генералъ-Аудиторъ-Лейтенантовъ,

---

[1]) П. С. З., Томъ XXVII, № 21341.
[2]) П. З., С. Томъ, XXVIII, № 21904; т. XXX, № 22781, 22939, 23772.
[3]) П. С. З., Томъ XXX, № 22876.
[4]) П. С. З., Томъ XXVII, 20929.

пополняемыхъ большею частью изъ числа простыхъ аудиторовъ. По Штату 8-го сентября 1805 года, при Генералъ-Аудиторіатѣ, Генералъ-Аудиторъ-Лейтенанты полагаются въ чинахъ 9—7 классовъ, а оберъ-аудиторы – въ чинахъ 8—6 классовъ. По закону же 1 апрѣля 1808 г. [1]) это было принято для оберъ-аудиторовъ, состоявшихъ при дивизіонныхъ и корпусныхъ командирахъ, и Генералъ-Аудиторъ-Лейтенантовъ, состоящихъ при Главнокомандующемъ арміей.

При Павлѣ I первымъ генералъ-аудиторомъ и предсѣдателемъ Генералъ-Аудиторіата съ 1797 года былъ членъ военной коллегіи генералъ-лейтенантъ князь П. А. Шаховской, а сверхъ того былъ назначенъ также Генералъ-Аудиторомъ принятый вновь на службу генералъ-маіоръ князь Салаговъ, оба лица генеральскихъ чиновъ и извѣстныхъ фамилій. Но въ 1800 году послѣдовало увольненіе отъ этой должности князя Шаховского, послѣ чего князь Салаговъ [2]) оставался одинъ Генералъ-Аудиторомъ въ царствованіе Александра I, въ Генералъ-Аудиторіатѣ, какъ стараго устройства 1797 года, такъ и новаго устройства 1805 года, до замѣны Аудиторіата Аудиторіатскимъ департаментомъ въ концѣ разсматриваемой эпохи въ 1812 году, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Обязанности аудиторовъ за эту эпоху не измѣнились и на полковыхъ аудиторахъ лежатъ попрежнему обязанности по хозяйственной части, что видно изъ указа 2 апрѣля 1802 года [3]), по которому въ гарнизонныхъ полкахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ батальоновъ и имѣющихъ только казначея и аудитора, пріемъ и раздача провіанта возлагались на аудитора, очевидно, вмѣсто квартермистра, а при отсутствіи аудитора—на казначея.

По вопросу о содержаніи, получаемомъ аудиторами, имѣется любопытный документъ—всеподданнѣйшій докладъ Генералъ-Аудитора князя Салагова отъ декабря (неизвѣстнаго числа) 1803 года [4]), относительно «крайней скудости» содержанія лицъ, служащихъ на аудиторскихъ должностяхъ въ самомъ Генералъ-Аудиторіатѣ. Какъ сказано о томъ въ докладѣ, лица эти, получая жалованіе меньше того, которое опредѣлено для соотвѣтствующихъ должностей по новымъ штатамъ Военнаго Министерства,—

---

[1]) П. С. З., т. XXX, № 22.933.

[2]) Кн. Шаховской былъ произведенъ въ генералъ отъ-инфантеріи (1799 г.), а кн. Салаговъ назначенъ сенаторомъ (1800 г.) оставаясь оба въ своихъ должностяхъ (см. приложеніе).

[3]) П. С. З., т. XXVII, № 20.215.

[4]) Арх. Гл. В.-С. Упр., Дѣло о чиновникахъ, 1803 г.

со времени изданія указа 4-го августа 1802 года, объ уравненіи городскихъ новинностей,—лишились квартиръ, отводимыхъ имъ прежде отъ города, вслѣдствіе чего, при дороговизнѣ жизни въ Петербургѣ, «на одинъ наемъ квартиръ издерживаютъ такое число денегъ, что въ содержаніи себя и своихъ семействъ претерпѣваютъ совершенную бѣдность». Между тѣмъ должность ихъ такова, что «не разбирается никакихъ праздничныхъ дней» и отъ этихъ лицъ требуется «при всѣхъ трудахъ» «опытность и въ законахъ совершенное знаніе, при благородномъ и честномъ поведеніи и особая склонность къ храненію тайны, на коихъ возможно было надѣяться». При такомъ положеніи служащихъ въ Генералъ-Аудиторіатѣ аудиторскихъ чиновъ, какъ говорится далѣе, «новыхъ, достойныхъ къ опредѣленію въ него не отыскивается, ежели-жъ со стороны обученныхъ и способныхъ не принимать, то не только сіе мѣсто (т. е. Генералъ-Аудиторіатъ), но и полки не будутъ имѣть достойныхъ аудиторовъ, поелику въ теченіе времени не безъизвѣстно Вашему Величеству, что изъ Генералъ-Аудиторіата много ихъ опредѣлено, нынѣ же отвлекаетъ ихъ недостаточно положенное въ семъ мѣстѣ содержаніе». Поэтому Генералъ-Аудиторъ всеподданнѣйше проситъ «воззрѣнія на сихъ трудящихся неусыпно» и чтобы «изъ Высочайшаго милосердія» повелѣно было «назначить къ отпуску сколько-нибудь суммы ежегодно для пріохочиванія ихъ къ пріобрѣтенію знанія и дабы оная по трудамъ и заслугамъ каждаго къ поддержанію ихъ жизни по разсмотрѣнію Генералъ-Аудитора выдаваема была». Вслѣдствіе этого доклада послѣдовало Высочайшее повелѣніе отпустить изъ суммъ Кабинета Его Величества, для выдачи служащимъ въ Генералъ-Аудиторіатѣ, на текущій 1804 годъ—три тысячи рублей, что видно изъ отзыва въ оный Кабинетъ Генералъ-Аудитора князя Салагова, отъ 21-го января 1804 года. Въ выдачѣ означенной суммы, вѣроятно, не представилось надобности, съ изданіемъ новаго штата Генералъ-Аудиторіата 8-го сентября 1805 года, по которому содержаніе служащимъ въ немъ значительно увеличено, а Генералъ-Аудиторъ-лейтенанту и оберъ-аудиторамъ назначены квартирныя деньги.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ АУДИТОРОВЪ.

Все производство военнаго суда въ дѣйствительности лежало на аудиторахъ, вслѣдствіе чего, для успѣшнаго отправленія военнаго правосудія, они, какъ выражается Кратк. изобр. процессовъ, должны были быть «искусными въ правахъ и надлежитъ имъ быть добрыми юристами», а по мнѣнію, высказанному Генералъ-Аудиторомъ Центаровымъ въ 1746 году,

аудиторамъ слѣдовало бы знать и иностранные артикулы воинскіе. Сначала, какъ мы видѣли, составъ аудиторовъ пополнялся иностранцами, но впослѣдствіи Петръ Великій пробовалъ въ 1719 году обучать аудиторовъ изъ дворянскихъ недорослей при Подрядной канцеляріи и посылать ихъ даже за границу, но по малой пригодности для обученія этихъ дворянскихъ юношей того времени, означенная попытка никакого успѣха не имѣла. Въ Шляхетномъ корпусѣ полагалось преподавать юридическія свѣдѣнія для подготовки къ исполненію высшихъ аудиторскихъ должностей, даже должности Генералъ-Аудитора, но объ опредѣленіи воспитанниковъ его на службу по этой части никакихъ свѣдѣній не имѣется. Незавидное служебное положеніе простыхъ аудиторовъ и немаловажная трудность ихъ обязанностей повели къ тому, что было немного лицъ, желавшихъ занимать эту должность; поэтому пришлось пополнять составъ аудиторовъ писарями и унтеръ-офицерами, производимыми изъ солдатскихъ дѣтей, получившихъ большею частью образованіе въ устроенныхъ въ 1732 году гарнизонныхъ школахъ. Подобное образованіе для аудиторовъ было далеко недостаточнымъ, на что обратилъ вниманіе Генералъ-Аудиторъ князь Салаговъ, который еще въ докладѣ своемъ, отъ 8-го августа 1801 года[1]), поданномъ въ Военную коллегію, говоритъ, что въ полкахъ «нерѣдко бываетъ нужда къ избранію на тѣ вакансіи (аудиторовъ) и берутся изъ фрунтовыхъ не только не привыкшіе и не пріобщенные, но и неспособные, отчего не только медленности въ теченіи дѣлъ, но и важныя упущенія бываютъ», вслѣдствіе чего, избравъ по приказанію вице-президента военной коллегіи (будущаго перваго изъ Министровъ Военныхъ Сухопутныхъ силъ генералъ-лейтенанта Вязмитинова) изъ военно-сиротскаго дома, повидимому, изъ дѣтей офицеровъ, десять человѣкъ для опредѣленія ихъ аудиторъ-юнкерами, въ соотвѣтствіе, вѣроятно, съ коллегіи-юнкерами изъ молодыхъ дворянъ, получившихъ образованіе въ коллегіяхъ,—князь Салаговъ полагаетъ имѣть ихъ «таковое число всегда въ комплектѣ при Генералъ-Аудиторіатѣ» и чтобы поступали въ него «выбираемые изъ того же дома вольноопредѣляющіеся просящіе, но способные для пріобученія съ молодыхъ лѣтъ къ производству судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ», при чемъ на содержаніе ихъ испрашивалось по 150 рублей на каждаго.

Означенный докладъ Генералъ-Аудитора былъ представленъ Государю

---

[1]) А. Г. В.-С. У., Дѣло о чиновникахъ, 1797—1807 гг. Св. 1, № 20, 7 и 8

вице-президентомъ военной коллегіи, который объявилъ Высочайшую волю относительно того, чтобы, «выбравъ воспитанниковъ, пріучать ихъ по знанію правъ и законовъ и по производству судовъ», но именовать ихъ, однако, «званіемъ канцелярскихъ служителей» и производить ихъ, начиная съ званія копіиста, въ губернскіе регистраторы (неклассный чинъ), изъ которыхъ они могутъ быть представляемы въ аудиторы. Объ этой первой попыткѣ приготовленія аудиторовъ при высшемъ военномъ судѣ, сдѣланной въ XIX столѣтіи, при Александрѣ I, еще до учрежденія Министерствъ 1802 года, неизвѣстно почему, не упоминается впослѣдствіи въ официальныхъ свѣдѣніяхъ по этому предмету, какъ напримѣръ, въ приводимой ниже запискѣ Министра Юстиціи «О мѣрахъ къ образованію для арміи аудиторовъ» 1815 года, хотя несомнѣнно она была принята въ 1801 году, такъ какъ имѣется даже списокъ назначенныхъ въ Генералъ-Аудиторіатъ 10-ти воспитанниковъ сиротскаго дома [1]).

Повидимому, попытка эта оказалась неудачною, вѣроятно, въ виду отсутствія въ послѣдующіе годы воспитанниковъ, желающихъ этого назначенія, вслѣдствіе того, что служба въ строю была легче и давала болѣе преимуществъ, чѣмъ аудиторская, въ особенности для нихъ, какъ сыновей офицеровъ, получавшихъ образованіе, равное образованію въ кадетскихъ корпусахъ. Кромѣ того, какъ видно изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ упомянутомъ выше всеподданнѣйшемъ докладѣ Генералъ-Аудитора князя Салагова, поданномъ въ декабрѣ 1803 года, что при Генералъ-Аудиторіатѣ получали подготовку къ аудиторской должности лица, обученныя и къ ней способныя, причемъ ихъ было выпущено въ полки «немалое число». Въ разсмотрѣнномъ выше Высочайше утвержденномъ докладѣ Комитета относительно новаго образованія Генералъ-Аудиторіата 8-го сентября 1805 г., въ пунктѣ 39, говорилось: «Поелику должность аудиторская требуетъ не только искусства въ производствѣ судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, но и знанія государственныхъ узаконеній, то для обученія къ таковымъ дѣламъ опредѣлять способныхъ молодыхъ людей по разсмотрѣнію Генералъ-Ауди-

---

[1]) Списокъ назначеннымъ изъ военно-сиротскаго дома въ аудиторъ-юнкера (А. Г. В.-С. У., Дѣло о чиновникахъ, 1797 г.):

Петръ Москвинъ.	Петръ Чирковъ.
Василій Курносовъ.	Петръ Шишкинъ.
Матвѣй Андреевъ.	Николай Яковлевъ.
Александръ Половскій.	Егоръ Буторинъ.
Степанъ Петровскій.	Иванъ Медвѣдевъ.

тора изъ вольноопредѣляющихся и разночинцовъ и имѣть ихъ всегда при семъ судѣ 15 человѣкъ, употребляя ихъ къ перепискѣ бумагъ и, по мѣрѣ успѣховъ въ познаніи дѣлъ, представлять на мѣста аудиторовъ, какъ въ семъ судѣ, такъ и въ полкахъ». Въ штатѣ же Генералъ-Аудиторіата означенные молодые люди названы писцами и имъ опредѣлено содержаніе въ размѣрѣ 300 рублей въ годъ. Но и эта попытка приготовленія аудиторовъ успѣха не имѣла, между тѣмъ, какъ съ 1805 года Россіи пришлось вести непрестанныя войны, вслѣдствіе чего, съ увеличеніемъ числа войскъ, потребность въ аудиторахъ все возрастала и явился недостатокъ не только въ ихъ качествѣ, но даже въ количествѣ опыхъ. Ощутительная надобность въ аудиторахъ заставила всесильнаго Военнаго Министра, генерала графа Аракчеева, обратиться для ихъ пополненія къ содѣйствію Министерства Юстиціи и войти съ нимъ на этотъ счетъ въ предварительное соглашеніе. Вслѣдствіе чего 20-го сентября 1809 года[1]), на имя Министра Юстиціи князя Лопухина послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ говорилось: «Для наполненія мѣстъ аудиторскихъ, при разныхъ полкахъ открывающихся, поручаю Вамъ, согласно предположенію Вашему, пріискавъ надежныхъ чиновниковъ, опредѣлять ихъ первоначально сверхъ штата въ канцелярію Уголовнаго Сената департамента, откуда, по сношенію съ Вами Военнаго Министра, и будутъ они въ аудиторы назначаемы». «Вы не оставите, сказано далѣе, употреблять ихъ къ дѣламъ по усмотрѣнію вашему, дабы образовались они и пріобрѣтали навыкъ къ производству дѣлъ судебныхъ, сообразно ихъ назначенію». На жалованье этихъ обучающихся повелѣно было отпускать ежегодно отъ Военнаго Министерства въ распоряженіе Министра Юстиціи 2.000 рублей, для распредѣленія между ними этой суммы, «по ихъ трудамъ и заслугамъ»[2]). Вслѣдствіе этого Министромъ Юстиціи было предписано: четыремъ оберъ-прокурорамъ двухъ уголовныхъ департаментовъ Сената, которые были въ Петербургѣ (5-й и 6-й), состоявшіе каждый изъ двухъ отдѣленій, пріискать таковыхъ лицъ для приготовленія въ аудиторы изъ числа какъ служащихъ, такъ и неслужащихъ въ этихъ департаментахъ чи-

---

[1]) П. С. З., т. XXX, № 23.805.

[2]) Любопытныя свѣдѣнія по этому предмету найдены нами въ Сенатскомъ Архивѣ по указанію сенатора Г. К. Рыпинскаго, помѣстившаго замѣтку въ Журналѣ Министерства Юстиціи, 1897 № 10 (стр. 222—228), подъ названіемъ «Сенатская канцелярія, какъ аудиторская школа».

новниковъ и канцелярскихъ служителей, объявивъ имъ, что при опредѣленіи въ аудиторы, они получатъ офицерскій чинъ. Кромѣ того, относительно обученія было сказано, что оно должно состоять не въ занятіи перепискою, но въ сочиненіи записокъ изъ уголовныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, съ приведеніемъ «приличныхъ къ тому законовъ».

Затѣмъ Министръ Юстиціи предписалъ 5 октября 1809 г. оберъ-прокурорамъ объ употребленіи «всевозможнаго старанія пріохочивать молодыхъ людей» къ поступленію для приготовленія въ аудиторы. Съ особеннымъ усердіемъ отнесся къ этому дѣлу оберъ-прокуроръ 1-го отдѣленія 5-го департамента Хитрово, составившій въ самое короткое время «Правила, коими руководствоваться для пріуготовленія въ канцеляріи 5-го департамента канцелярскимъ служителямъ къ должности аудиторской» [1]), въ которыхъ говорится о лицахъ, подлежащихъ пріему, ихъ обученіи, испытаніи и награжденіи чинами и деньгами. Затѣмъ, относительно вызова желающихъ поступить для приготовленія въ аудиторы, Хитрово вошелъ въ сношеніе со всѣми оберъ-прокурорами Сената и Петербургскимъ губернаторомъ и сдѣлалъ даже публикацію въ вѣдомостяхъ. Не находя достаточнаго числа подходящихъ для того лицъ, онъ, съ цѣлью «пріохотить» кого либо изъ служащихъ въ его вѣдѣніи канцелярскихъ служителей, приказалъ всѣмъ имъ заниматься вмѣстѣ съ приготовляющимися къ аудиторской должности «чтеніемъ законовъ, относящихся до сей должности, въ томъ мнѣніи, что они, пользуясь симъ занятіемъ, станутъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣрять и силы свои противу обязанностей аудитора, о коихъ они при семъ получатъ свѣдѣніе, и если найдутъ въ себѣ надежду къ достиженію способностей, потребныхъ для исполненія оныхъ обязанностей, то смѣлѣе рѣшатся избрать аудиторское званіе» [2]).

Упомянутыя мѣры, предложенныя Хитрово, примѣнялись имъ не только въ 1-омъ отдѣленіи 5-го департамента, но и во 2-омъ отдѣленіи онаго, съ согласія оберъ-прокурора его — князя Мещерскаго. Когда же вскорѣ послѣ этого, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій Военнаго Министерства относительно доставленія необходимыхъ ему аудиторовъ, Министръ Юстиціи предписалъ оберъ-прокурорамъ 5 и 6-го департаментовъ «усугубить старанія о пріисканіи желающихъ опредѣлиться въ это званіе», указывая этимъ лицамъ, что при назначеніи аудиторами они получатъ офицерскій чинъ и если

---

[1]) См. Приложенія.
[2]) Сенат. Арх., Дѣло Мин. Юст., 1809 г., № 103.

такихъ лицъ будетъ мало, то заставлять всѣхъ канцеляристовъ, подканцеляристовъ и копіистовъ (подобно тому, какъ это дѣлалъ Хитрово), «приучаться къ сочиненію записокъ и читать имъ два раза въ недѣлю военный артикулъ въ особенно-назначенномъ мѣстѣ» [1]), то на это оберъ-прокуроръ 1-го отдѣленія 6-го департамента, Шетневъ, который заявлялъ прежде о томъ, что будетъ «всемѣрно стараться» искать молодыхъ дворянъ, желающихъ быть аудиторами,—донесъ, что только одинъ коллежскій регистраторъ изъявилъ желаніе на этотъ счетъ, при чемъ онъ, Шетневъ, полагаетъ, что это зависитъ «не отъ одного произвольнаго нехотѣнія посвятить себя на службу въ званіи аудиторовъ», но потому, что они «чувствовали себя далеко неспособными къ тому новому, для нихъ необыкновенному и совсѣмъ неизвѣстному имъ роду служенія, ибо подканцеляристы и копіисты суть ни что другое, какъ писцы, которые и при усерднѣйшемъ исправленіи сихъ существенныхъ должностей своихъ едва успѣвать могутъ переписывать бумаги, а затѣмъ, по безпрерывному теченію дѣлъ не остается уже времени и возможности писцамъ тѣмъ заниматься сочиненіемъ какихъ либо бумагъ, а паче немаловажныхъ, которыя долговременнаго навыка, опытности и познаній довольныхъ требуютъ». Касательно же канцеляристовъ говорилось, что они «не въ состояніи заниматься производствомъ дѣлъ, по новытьямъ исправляемыхъ», и прибавляетъ, что «когда же симъ неопытнымъ людямъ поручать сочиненіе записокъ, то чрезъ сіе продлится только время и произойдти остановка можетъ въ докладѣ по дѣламъ». Что же касается чтенія канцелярскимъ служителямъ военнаго артикула, то Шетневъ писалъ, «что и сіе чтеніе для нихъ не предполагаетъ ожидаемой пользы, потому, во 1-хъ, что оно будетъ дѣлано для людей, не имѣющихъ желанія и склонности вступить въ аудиторы, и во 2-хъ, что чрезъ сіе отвлекаемы только будутъ они отъ существенныхъ ихъ должностей» [2]).

Число поступавшихъ въ Сенатъ для приготовленія въ аудиторы было сравнительно съ потребностью въ нихъ весьма не велико, многіе поступали только для полученія впослѣдствіи чина, но оказывались вовсе непригодными къ этому званію и просили объ увольненіи сами, и несмотря на то, что обученіе продолжалось иногда даже только около мѣсяца, въ теченіе трехъ лѣтъ выпущено было въ аудиторы всего не болѣе 30 человѣкъ.

---

[1]) Ibidem.
[2]) Замѣтка Г. К. Рѣпинскаго, стр. 225.

Осенью 1811 года, когда уже готовились къ борьбѣ съ Наполеономъ, на запросъ Военнаго Министра, генерала Барклая-де-Толли, относительно скорѣйшаго пополненія недостатка въ аудиторахъ, Министръ Юстиціи, отзывомъ 17-го октября 1811 г. за № 6000 [1]), отвѣтилъ, что «таковыхъ чиновниковъ, кои могли бы быть опредѣлены на аудиторскія вакансіи, теперь нѣтъ и не приготовляются; ибо желающіе хотя вызываны были чрезъ публикаціи, но никто не явился». Такимъ образомъ, всѣ принятыя до тѣхъ поръ Министромъ Юстиціи мѣры относительно пріисканія и обученія лицъ для опредѣленія на аудиторскія должности, несмотря на все стараніе исполнителей, не имѣли успѣха, при чемъ новая попытка на этотъ счетъ была сдѣлана опять при Сенатѣ впослѣдствіи, въ 1816 году, какъ мы увидимъ ниже.

УЗАКОНЕНІЯ О ПОДСУДНОСТИ.

Военная подсудность, которая, кромѣ лицъ военнослужащихъ, распространялась по прежнему, со временъ Елизаветы Петровны, на чиновъ горнаго вѣдомства, получившихъ военные чины и званія въ 1760 году, въ разсматриваемую эпоху царствованія Александра I-го была установлена вполнѣ также и для чиновъ вѣдомства Путей Сообщенія, когда ему было дано военное устройство въ видѣ особаго корпуса въ 1810 году [2]). Наконецъ относительно порядка производства дѣлъ за это время, по докладу Генералъ-Аудитора 1 ноября 1803 года [3]), былъ изданъ законъ собственно для военнаго вѣдомства—объ ограниченіи случаевъ содержанія подъ арестомъ состоящихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ офицеровъ. Въ докладѣ было сказано, что такъ какъ назначеніе слѣдствія или суда по дѣламъ объ офицерахъ, со времени изданія указа Императора Павла 29 января 1798 года, предоставляется единственно Высочайшему усмотрѣнію, но начальники войскъ, донося о преступленіяхъ офицеровъ, подвергаютъ ихъ собственною властью аресту, но, имѣя въ виду, что дѣла судебныя производятся иногда весьма долгое время, то обвиняемый «претерпѣваетъ нѣкоторымъ образомъ наказаніе», а случаются даже такія дѣла, когда подсудимому полагается арестъ менѣе продолжительный, чѣмъ тотъ, который онъ понесъ, будучи арестованъ во время производства дѣла. Поэтому было повелѣно содержать подъ арестомъ обвиняемыхъ офицеровъ лишь въ томъ случаѣ, когда о томъ будетъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи о преданіи ихъ суду или когда военный судъ, признавъ ихъ виновными въ военномъ пре-

О ПОРЯДКѢ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ

---

[1]) Сен. Арх. Дѣло Мин. Юст., 1811, № 2, л. 7.
[2]) П. С. З., т. XXXI. № 24.356.
[3]) П. С. З., XXVII, № 21.024.

ступленіи, постановить объ арестованіи его, чтобы осужденный, какъ говоритъ Кратк. изобр. проц., «вѣдая о сентенціи, не ушелъ», при чемъ, однако, какъ сказано въ упомянутомъ выше, изданномъ еще до учрежденія министерствъ, указѣ 18 іюня 1802 года, обвиняемый офицеръ все-таки не можетъ быть подвергнутъ заковапію въ желѣза, равносильному наказанію тѣлесному.

ВЫВОДЫ. Такимъ образомъ, на основаніи всего вышеизложеннаго относительно эпохи царствованія императора Александра I до 27 января 1812 года, можно придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Мѣры, принятыя правительствомъ относительно облегченія участи осужденныхъ вообще и въ предшествующее учрежденію министерствъ время въ частности, сводились къ слѣдующему: возстановленіемъ дѣйствія Жалованной грамоты, Городового положенія и др. законовъ лица привилегированныхъ сословій были изъяты отъ тѣлеснаго наказанія и значительно облегчена тяжесть и характеръ самаго наказанія.

2) Вслѣдствіе наступленія періода войнъ, потребовавшихъ даже созыва ополченій, въ военно-судебной практикѣ число случаевъ назначенія и исполненія смертной казни безъ замѣны ея другими наказаніями, по конфирмаціямъ главнокомандующихъ, пользовавшихся особыми полномочіями, значительно увеличилось.

3) Генералъ-Аудиторіатъ получилъ коллегіальное устройство и сосредоточилъ въ себѣ завѣдываніе всей судной частью военнаго и морского вѣдомствъ, оставаясь независимымъ отъ военнаго министра учрежденіемъ, при чемъ къ нему окончательно перешла власть утвержденія приговоровъ, принадлежавшая прежде военной и адмиралтействъ-коллегіямъ.

4) Съ цѣлью ускоренія производства военно-судныхъ дѣлъ было предоставлено право конфирмаціи приговоровъ многимъ военнымъ начальникамъ, начиная съ бригаднаго командира и выше, при чемъ для дѣлъ маловажныхъ установленъ особый сокращенный порядокъ суда.

5) Положеніе аудиторовъ опредѣлилось въ томъ только отношеніи, что они могли получать гражданскіе чины, выше тѣхъ рапговъ, которые были положены по Табели о рангахъ, и пользоваться правомъ производства за выслугу лѣтъ.

6) Попытка приготовленія аудиторовъ была сдѣлана сначала при Ге-

нералъ-Аудиторіатъ, а затѣмъ, вслѣдствіе неудачи ея,—при Уголовныхъ Департаментахъ Сената въ Петербургѣ, въ вѣдѣніи Министерства Юстиціи.

7) Военная подсудность распространилась на получившій военное устройство Корпусъ инженеровъ путей сообщенія.

8) Отмѣнено закованіе въ желѣза для приговоренныхъ судомъ къ смертной казни офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ и ограничены случаи предварительнаго ареста для обвиняемыхъ офицеровъ.

Н. Самокиша..

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Засѣданія Воинской Комиссіи 1755 г.

3 мая, среда.

Слушали планъ о воинскомъ процессѣ.

4 мая, четвергъ.

Во время присутствія слушали по плану о военномъ артикулѣ и имѣли разсужденіе на какомъ основаніи оному быть.

5 мая, пятница.

Тоже.

10 мая, среда.

Тоже.

15 мая, понедѣльникъ.

Слушана полученная главнаго комиссаріата изъ комиссіи оберъ-штеръ-кригсъ-комиссара Зыбина справка, которою требовано, об.-аудиторъ Рубцовъ котораго мѣсяца и числа въ комиссію явился; а по справкѣ въ комиссіи означенной оберъ-аудиторъ явился минувшаго апрѣля 20 числа и находится при сочиненіи Воинаго Артикула и процесса.

7 іюня, пятница.

Слушанъ указъ, полученный изъ Военной коллегіи о апробованномъ въ той коллегіи военнымъ артикулу и процессу плану и о сочиненіи по оному настоящихъ пунктовъ и при томъ сообщена записка, что еще по разсужденію коллежскому къ тому артикулу и процессу и куда пристойно дополнить надлежитъ. Приказано: по оному плану, артикулу и процессу надлежащіе пункты сочинять, а при томъ на основаніи полученной записки дополнить по нижеслѣдующему комисскому разсужденію, что куда слѣдуетъ, и о томъ съ сего журналу и съ записки къ надлежащему исполненію дать копіи.

Что по разсмотрѣнію Государственной Военной Коллегіи въ планахъ воинскихъ процессахъ и артикулахъ исправить и пополнить.

По разсужденію комиссіи.

А именно:

Въ Воинскомъ процессѣ.

Въ 6-й главѣ прописано о разныхъ родахъ доказательствъ. Не лучше ли назвать о разныхъ званіяхъ или способахъ доказательствъ?

Переправить: „о разныхъ доказательствахъ“.

1.

Въ 8-ой главѣ въ 15-мъ пунктѣ не лучше ли написать: „ежели сужденной по очной ставкѣ свидѣтелей не повинится, что съ нимъ чинить“?!	При сочиненіи точно пояснить, что съ таковыми чинить, ежели по очной ставкѣ не повинится.
Въ 10-ой главѣ объ очистительной присягѣ 6-ой пунктъ сумнителенъ, потому что во ономъ написано, кто изъ судящихъ въ назначенный терминъ у присяги не будетъ или присягать не захочетъ, а слѣдуетъ изъяснить: „ежели подсудимый долженъ будетъ очистительную присягу учинить, но оной не учинитъ или присягать не захочетъ, въ такомъ случаѣ какъ съ нимъ поступать“?	Переправить и написать въ настоящемъ «сужденной».
Въ 13-ой главѣ написано „о разныхъ родахъ пытки“. Не лучше ли назвать: „о пыткѣ разнымъ образомъ“?	Переправить: „о разнотѣ пытокъ“.
Въ 14-ой главѣ прибавить и о гражданскихъ, ежели будутъ просить на воинскихъ. Какъ въ такомъ случаѣ поступать?	Опую въ заглавіи поправить: „о челобитчикѣ и отвѣтчикѣ въ партикулярныхъ ссорахъ между воинскими и всякаго званія людьми“.
Да сверхъ того пополнить.	
1. Указъ военной коллегіи 723 г. декабря 20-го. О судѣ отставныхъ офицеровъ и рядовыхъ гражданскимъ судомъ.	Въ сочиняющемъ процессѣ пополнить, кромѣ отставныхъ отъ воинской службы.
2. Сенат. указъ 738, дек. 31. Какимъ образомъ доношеніе и на указы о полученіи и о исполненіи репорты въ главное мѣсто подавать?	Въ регламентѣ В. Коллегіи и въ уставѣ изъяснить.
3. Ежели за утрату казенныхъ денегъ у офицеровъ и другихъ чиновъ по суду описаны будутъ деревни и пожитки, оные какъ продавать?	Въ комисаріатскихъ и провіантскихъ регулахъ изъяснить.
4. Буде деревень за кѣмъ нѣтъ, а только опишутся пожитки, а случится то въ походѣ или въ компаментѣ во отдаленіи отъ городовъ, то тѣ вещи кому оцѣнивать и какимъ образомъ продавать?	Въ комисаріатскихъ и провіантскихъ регулахъ изъяснить.
5. Указъ 718 г. Ежели у кого такія деревни или пожитки опишутся, а между тѣми явятся женъ и приданные пожитки, какъ поступать?	

6. Въ какихъ дѣлахъ при воинскихъ судахъ рѣшительные приговоры или сентенціи подсудимымъ объявлять или читать?	Въ сочиняющемъ процессѣ пополнить, гдѣ прилично будетъ.
7. Кои отошлются въ гражданскій судъ и слѣдствіе при тѣхъ, кому отъ стороны воинской депутату быть и что его должность есть, или такъ судить, какъ въ магистратскомъ регламентѣ положено, чтобъ по половинѣ со обоихъ сторонъ членовъ было.	Въ процессѣ изъяснить.
8. Буде воинскій человѣкъ по гражданскому суду виненъ явится, онаго въ томъ ли судѣ судить съ приписаніемъ ево винъ на воинской судъ присылать, исключая только тѣхъ, кои по деревенскимъ и земляным ссорамъ въ гражданскій судъ подвергнутся и по онымъ въ тѣхъ мѣстахъ слѣдуетъ судить.	Въ процессѣ изъяснить.
9. Не регулярные воинскіе люди: яко-то казаки и калмыки во время похода судятся воинскимъ судомъ по воинскимъ артикуламъ, а когда опые будутъ въ своихъ мѣстахъ, а не въ походѣ, то по тѣмъ же ли воинскимъ артикуламъ или по уложенію ихъ судить надлежитъ, такожъ и въ партикулярныхъ между ими дѣлахъ и обидахъ какъ судъ производить?	Изъяснить: въ бытность въ походахъ, такоже и въ домѣхъ въ преступленіи должности при службѣ судить воинскимъ судомъ, по артикулу, а въ партикулярныхъ при домѣхъ ихъ ссорахъ по гражданскимъ правамъ.
10. По разбойнымъ и татинным дѣламъ, по оговорамъ на солдатъ гражданскими и воинскими судами кладутся ко взысканію деньги, но оныхъ по малому ихъ жалованью и неимуществу платить имъ нечѣмъ, въ такомъ случаѣ, что съ таковыми чинить?	Справясь съ указами, въ процессѣ положить.
11. Изъ Указу 714 году авг. 30. Случающіеся при войскѣ челобитчиковыя дѣла, такожъ и въ другъ мѣстахъ пошлины съ солдатъ кой-чѣмъ платить будутъ не въ состояніи, что чинить надлежитъ?	Пополнить.
12. Въ процессѣ „16-ой главѣ о должностяхъ генер.-ауд.-лейт. и ево подчиненныхъ“ быть кажется неприлично, потому что процессъ описываетъ только должности воинскаго суда и тяжбы между челобитчиковъ и отвѣтчиковъ и прочее, а всѣхъ чиновъ при войскѣ описаны въ воинскомъ уставѣ, гдѣ и нынѣ въ должности Г.-А.-Л. и оберъ Аудиторовъ слѣдуетъ внести, а полкового	Въ уставѣ написать.

Аудитора въ должности написать противъ прежняго между должностью полковыхъ офицеровъ?

Въ артикулѣ.

Во 2-й главѣ въ 8-мъ артикулѣ вмѣсто христіанъ, не приличнѣе ли будетъ написать: „ежели кто изъ служащихъ въ войскахъ христіанскаго закона раскольническое и идолопоклонническое житіе имѣть будетъ“..? — При сочиненіи изъяснить.

Въ 5-ой главѣ „ежели кто, офицеръ или рядовой, скажетъ слово и дѣло“, не лучше ли различить, какой кому штрафъ чинить? — При сочиненіи росписать, не упоминая чиновъ.

Въ 8-ой главѣ во 2-мъ артикулѣ написано: „ежели кто субординацію наблюдать и содержать не будетъ“.. Не удобнѣе ли оную перемѣнить, а назвать понятною на россійскомъ языкѣ рѣчь или оную употребить со истолкованіемъ, какъ ее назвать на россійскомъ языкѣ? — Субординаціи быть со истолкованіемъ.

Въ той же главѣ приписать, какимъ образомъ штабъ и оберъ-офицерамъ подчиненными своими поступать и содержать оные должно? — Въ планѣ во 12 главѣ въ 22-мъ артикулѣ есть.

Въ 16-мъ артикулѣ: „ежели кто изъ офицеровъ хотя и разныхъ полковъ и младшій старшему скажетъ, а онъ не исполнитъ“ написано. Не удобнѣе ли перемѣнить, а написать старшій младшему? — Оному такъ быть, какъ въ планѣ написано, о чемъ въ сочиненіи артикуловъ росписать.

Въ 10-ой главѣ прибавить: „ежели кто въ бытность на квартирахъ или лагеряхъ что найдетъ и не объявитъ“. — При сочиненіи настоящаго изъяснить.

Въ 11-ой главѣ подъ 4-мъ артикуломъ прибавить: „ежели кто шпагу обнажитъ гдѣ въ домѣ или на улицѣ и другомъ мѣстѣ, а никого не уязвитъ“.

Въ 23-мъ артикулѣ прибавить: „кто товарищу своему подъ видомъ разниманья помогать будетъ“?

Во 12 главѣ въ 9-мъ артикулѣ: „ежели командированіе учинено кому для льготы, а не по очереди, не приличнѣе ли написать о томъ командированіи, ежели учинено будетъ одному для льготы, а другому не по очереди“? — При сочиненіи настоящихъ артикуловъ изъяснить именно.

Въ 14-мъ артикулѣ: „ежели изъ офицеровъ или и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ въ непристойныхъ мѣстахъ обращаться и высшіе непорядки въ непристойныхъ мѣстахъ чинить будутъ“, о тѣхъ ничего не написано А понеже и въ семъ случаѣ обрѣтающимся въ непристойнымъ мѣстахъ непорядки чинить неприлично и для того не лучше ли написать о томъ генерально о всѣхъ?	При сочиненіи настоящихъ артткуловъ изъяснить именно.
Къ 15-му артикулу прибавить: „кто на игру въ карты деньги давать будетъ или при томъ будетъ, а не донесетъ, штрафъ положить“.	Сочинить артикулъ.
Къ 21-му артикулу тоже прибавить: „ежели и подчиненный командиру въ репортѣ непристойными словами, касающимися къ поврежденію части или угрозами, писать будетъ“.	При сочиненіи настоящаго изъяснить.
Въ 28-мъ артикулѣ написать: «помириться», а не «повиниться.»	Описку поправить.
Къ 45-му артикулу прибавить: „кто вольному служителю добраго состоянія худой паспортъ или атестатъ дастъ или, не хотя отпустить, и паспорта или атестата давать не будетъ или безъ всего съ двора сошлетъ“...	Оное артикулу не слѣдуетъ, потому что россійскихъ вольныхъ людей нѣтъ, но каждый имѣетъ господина своего, который и долженъ добрыя свои услуги оказать ему, а другихъ націй можетъ получить удовольствіе выѣздомъ и съ того въ другое мѣсто, а когда кто паспорту не отдастъ, то можетъ всякъ чрезъ словесную жалобу отъ командировъ удовольствованъ быть. И дабы при таковыхъ жалобахъ съ помѣщиковъ суда не давать, о томъ изъяснить въ артикулѣ 74-мъ.
Въ 14-ой главѣ пополнить: „ежели во время походу командиры сами обывателямъ для обиды учинятъ и подкомандующимъ прикажутъ“..-	При сочиненіи настоящаго изъяснить.

Въ 15-ой главѣ прибавить: „ежели кто въ городѣ или въ слободахъ по улицамъ днемъ и ночью трезвый и пьяный станетъ непристойно кричать и пѣсни пѣть“...

Въ уставѣ въ должностяхъ полковыхъ и прочихъ командировъ о штрафѣ изъяснить.

Въ 16-ой главѣ прибавить: „ежели офицеръ съ караулу своего безъ вѣдома, гдѣ онъ въ командѣ состоитъ, отлучится“...

При сочиненіи атикула изъяснить.

Въ 17-ой главѣ прибавить: „Ежели бѣглый изъ-за границы выданъ будетъ“.

Разсужденія нѣтъ.

Въ той же главѣ: „бѣглые рекруты, кои еще въ полки приверстаны не были, а побѣги учинили и пойманы будутъ до учиненія имъ за побѣги наказанія и опредѣленія въ службу, сколько подъ карауломъ содержатся, какъ въ пропитаніи довольствовать.

О пропитаніи въ провіантскихъ регулахъ изъяснено.

Въ 18-ой главѣ прибавить: „кто, будучи предъ непріятелемъ негоднымъ себя къ службѣ учинитъ какимъ-либо поврежденіемъ съ умысломъ, чтобы отъ службы отбыть“...

Въ сочиненіи 10-ой главы 44 артикула изъяснить.

Въ 21-ой главѣ прибавить: „кто изъ казенныхъ денегъ другимъ и съ проценту, и безъ проценту взаймы даетъ“...

При сочиненіи изъяснить: „ежели кто имѣющійся въ вѣдомствѣ своемъ государевы деньги взаймы для прибыли или по дружбѣ кому взаймы дастъ“.

Въ 23-ей главѣ: „ежели полковой или ротный командиръ, слѣдуючи съ полкомъ или командою, въ маршѣ или стоя на квартирахъ или лагеряхъ отпустить своихъ подчиненныхъ въ домы и съ нихъ за то взятки возьметъ, и за то съ такими командирами да и съ тѣми, кто чрезъ взятки отпускъ себѣ получитъ, что чинить“..?

Въ планѣ есть.

Въ 24-ой главѣ въ 7 артикулѣ написано: „ежели тѣхъ канцелярій, къ которымъ служащіе обязаны, изъ членовъ или служителей, притѣсняя продолженіемъ дѣла во взятокъ, что съ военнаго человѣка брать будетъ“, не лучше ли написать со изъясненіемъ, что „ежели въ военныхъ канцеляріяхъ, къ коимъ военно-служащіе по раз-

При сочиненіи въ немъ надлежитъ поправить, понеже объ ономъ въ планѣ есть.

нымъ дѣламъ обязаны, отъ опредѣленныхъ во оныя канцеляріи служителей, притѣсняя продолженіемъ дѣла, кто во взятокъ брать будетъ"...

Въ 25-ой главѣ прибавить: „ежели отецъ съ дочерью, братъ съ сестрою, дядя съ племянницею и ближніе родственники блудно жить будутъ"... „Ежели отецъ дочь, братъ сестру или дядя племянницу изнасильничаютъ". — Справясь съ государственнымъ правомъ, росписать по близости линій.

Въ 28 главѣ прибавить: „кто, вѣдая бѣглаго, живущаго въ лѣсу или гдѣ индѣ, не донесетъ и ему пропитаніе давать будетъ"... — При сочиненіи артикула изъяснить.

Сверхъ того пополнить:

1. Ежели изъ воинскихъ кто объявится раскольникъ и преданъ будетъ для увѣщеванія и исправленія духовному суду, но не покорится и останется по упрямству во всемъ заблужденіи, что съ таковыми чинить?... — Такого въ судъ гражданскому праву отдать.

2. Изъ толкованія 124 артикула. Ежели шпіонъ или лазутчикъ, посланный отъ непріятеля, въ войскѣ или въ другомъ мѣстѣ явится и въ томъ изобличенъ будетъ, что чинить?... — При сочиненіи учинить артикулъ.

3. Указъ 724 г. Января 22. О обличившихся въ преступленіи, кои станутъ доносить на другихъ, то, хотя и докажетъ, въ службу не ставить, а буде не докажетъ, то что чинить?...

4. Указъ 724 г. Января 22. О доносителяхъ, кои сами явятся въ какихъ винахъ.

— Въ процессѣ изъяснить

5. Ежели полковые командиры, унтеръ или оберъ-офицеры къ повышенію чина обиду, якобы онъ къ произвожденію не достоинъ, а послѣ откроется, что то учинено по какой ни есть страсти, а та персона къ повышенію достойна себя по слѣдствію окажетъ, то съ таковыми что чинить? — Учинить артикулъ.

6. Указъ В. Коллегіи 746 г. іюля 24. О содержаніи денщиковъ офицерамъ въ добромъ порядкѣ по неупотребленіи ихъ въ деревняхъ къ тяжкимъ работамъ. — При сочиненіи со изъясненіемъ учинить артикулъ.

7. Указъ 715 г. Сентября 27. Буде случится какому полку, или ротѣ, или командѣ быть при рѣкахъ или озерахъ и во время прибылой большой воды разнесетъ бывательскій лѣсъ, дрова и суда и прочее, а кто изъ воинскихъ оные переймет и удержитъ, что за переимъ давать? — Въ уставѣ росписать.

8. А буде кому можно оные перенять будетъ, а онъ того отъ лѣности или злости не учинитъ, то за то какой штрафъ положить? — Въ артикулѣ изъяснить.

9. Указъ 724 г. Февраля 5. О штрафахъ за государственныя и партикулярныя преступленія какъ поступать? — Въ должности о конфирмаціи изъяснить.

10. Ежели солдаты явятся чего въ кражѣ и покраденныя вещи всѣ утратили, а платить имъ за оныя нечѣмъ, а конфирмованы будутъ за тое кражу къ наказанію, а не къ смертной казни и ссылкѣ, въ такомъ случаѣ о взысканіи за покраденныя вещи какъ поступать? — Въ сочиненіи 21 главы 13 артикула изъяснить.

11. Морск. Устава о штрафахъ 1 главы 15 артикулъ. Буде командиръ, обрѣтающихся подъ своею командою, безъ вины будетъ наказывать или за свою вину дерзнетъ что чинить? — Въ планѣ есть.

12. Ежели за утрату казеннаго чего у офицеровъ и другихъ чиновъ отписные пожитки продаватся будутъ, а въ покупкѣ таковыхъ вещей явятся сами полковые командиры и другіе офицеры, конфирмованіи и продажѣ тѣхъ пожитковъ сами приговоры подписали и опредѣлили. — Въ уставѣ изъяснить, что покупать всѣмъ дозволяется.

13. Выданный 739 г. апрѣля 10 дня въ Ригѣ отъ генерала Бисмарка манифестъ. Ежели кто изъ чужестранныхъ въ россійской имперіи вербовать будетъ въ чужестранныя службы россійскихъ подданныхъ или, хотя и не подданныхъ, но въ Россіи и въ томъ пойманы будутъ, что съ таковыми чинить.

14. Буде кто такое жъ въ чужестранныя службы изъ здѣшнихъ вассаловъ или подданныхъ.

При сочиненіи учинить артикулы со изъясненіемъ.

15. Указъ 173 г. ноября 15. О неназываніи состоящимъ ниже полнаго генералитета, а инымъ въ брига- — Оный пунктъ оставить для того, что комиссія по-

дирскихъ и штатскихъ рангахъ просто генералами, а наименованіи себя по настоящему своему дѣйствительному чину, а кто оное пренебрежетъ, что чинить.

ложила, кромѣ настоящихъ генералитетскихъ чиновъ, другимъ не именоваться.

16. Ежели офицеры и рядовые, стоя гдѣ въ квартирахъ въ городѣхъ или уѣздѣхъ, безъ отводу тамошнихъ мѣстъ управителей рубить на дрова и прочее самовольно станутъ, что чинить.

17. Указъ 715 г. марта 25. О нерубкѣ заповѣдныхъ лѣсовъ.

18. Ежели стоящій офицеръ на караулѣ другого офицера отпуститъ съ караула почевать въ квартиру или въ другое мѣсто.

19. Указъ 722 г. авг. 12. Ежели кто колодника упуститъ изо взятковъ.

20. Указъ 723 г. мая 6. О свидѣтельствѣ падучихъ болѣзней, а ежели та болѣзнь окажется притворна, что чинить.

При сочиненіи артикулы въ пристойныхъ мѣстахъ изъяснить.

21. Приговоръ Военной Коллегіи 746. Ежели офицеры отдадутся на воинскій судъ или арестованы будутъ, коимъ по приговору военной коллегіи 720 года ноября 29 дня жалованья дается половинное, а раціонныя деньги или на оныхъ фуражъ полный ли производить?

Въ регулахъ комиссаріатскихъ и провіантскихъ изъяснить.

22. Буде въ полкахъ явятся издержанныя сверхъ положеннымъ по штату на канцелярскія или другія какія полковыя надобности казенныя деньги и кто оныя безъ указу самовольно употребитъ, за то какъ штрафовать?

23. Буде въ полкахъ полковые командиры сверхъ положеннаго по штату по своимъ прихотямъ что въ мундиръ и аммуниціи прибавятъ или перемѣнятъ и на то съ солдатъ изъ ихъ жалованья или амуничныхъ денегъ вычетъ чинить будутъ, что съ таковыми чинить?

При сочиненіи учинить артикулы.

24. Указъ 723 году. Ежели казначей, комиссаръ или счетчикъ за выборомъ полковыхъ и прочихъ командировъ къ такимъ должностямъ опредѣлены будутъ, а на нихъ явится какой начетъ, а платить имъ печѣмъ, то о взысканіи того начету съ выборщиковъ какъ поступать?

Въ регулахъ комиссаріатскихъ и провіантскихъ изъяснить.

25. Генер. Реглам. 31 глава, указъ 724 января 27. Кто въ судѣ изъ судей о другихъ дѣлахъ разговоры и непотребные слова и смѣхъ или другіе непристойные тому мѣсту поступки чинить будетъ, что съ таковыми чинить?

Въ сходственность указа при сочиненіи учинить артикулъ.

26. Указъ 715 г. ноября дня. Ежели при полкахъ гдѣ явятся заворные или подкинутые младенцы, со онымп какъ поступать?

Въ должности комиссаріатской изъяснить.

27. Кто изъ воинскихъ изъ монастыря черноризницу хотя и по совѣту съ нею уведетъ и на ней женится.

28. Буде кто таковую увезетъ или уведетъ сильно и блудъ сотворитъ и растлитъ ю.

29. Ежели оное не силою, но по согласію съ черноризицею учиня.

При сочиненіи въ приличныхъ тому преступленію главахъ учинить артикулы.

30. Указъ 718 г. іюня 17 дня. О подозрительныхъ явившихся письмахъ, которыя къ заарестованнымъ подозрительнымъ персонамъ подъ другими конвертами присылаютъ и съ таковыми особами, кои уже въ арестѣ содержатся, коррешпондуютъ.

Справясь съ указомъ, учинить артикулъ.

Въ артикулѣ 31-ой главы „о конфирмаціи“ въ силѣ воинскихъ артикуловъ кажется быть неприлично, ибо оные содержатъ въ себѣ только казни и штрафы за преступленія, а оная глава слѣдуетъ быть приличнѣе должности Военной Коллегіи и Генералитета и для того, что до коллегіи принадлежитъ, то пріобщить къ регламенту коллежскому, а что до исполненія командующаго генералитета, то внесть въ Воинскій уставъ?

Въ коллежскомъ регламентѣ и въ должностяхъ въ уставѣ изъяснить.

Подписали: Ливенъ
Князь Григорій Мещерскій.
Петръ Панинъ.
Бороздинъ.
Яковъ Елчаниновъ.
Степанъ Языковъ.
Михайло Яковлевъ.

(Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт., оп. 121, св. 51).

II.

ОБЗОРЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ конфирмацій

по военно-суднымъ дѣламъ

въ царствованіе Императора Павла.

ОБЗОРЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ конфирмацій

за время съ 1797 г. по 12 марта 1801 г.

1797 г.

Въ царствованіе Имп. Павла первыя конфирмаціи относятся къ январю 1797 года. 17 Января въ С.-Петербургѣ былъ конфирмованъ докладъ, предоставленный Генералъ-Аудиторомъ кн. Шаховскимъ по дѣлу поручика Недорубкова. Слѣдуетъ отмѣтить, что Имп. Павелъ положилъ свою конфирмацію не на поляхъ доклада, какъ слѣдовало по канцелярскимъ правиламъ, а въ самомъ верху выписки: въ послѣдующее время такихъ явленій болѣе уже не происходитъ.

Первыя конфирмаціи не велики по объему, при чемъ Г.-Аудиторъ въ своихъ мнѣніяхъ старается быть краткимъ. Въ 1797 году было конфирмовано 122 дѣла. Большинство подсудимыхъ принадлежитъ къ офицерскимъ чинамъ; нижніе чины—дворяне—явленіе сравнительно рѣдкое.

Изъ обшаго числа подсудимыхъ двое принадлежатъ къ частямъ гвардіи; дѣла послѣднихъ имѣютъ особый реестръ.

Преимущественныя преступленія: растрата, дурное поведеніе, пьянство, употребленіе солдатъ въ частную работу, нарушеніе караульной службы; обычныя конфирмаціи — взысканіе растраченныхъ денегъ, исключеніе изъ службы и лишеніе чиновъ.

Въ первое время замѣчается, что конфирмаціи Императора идутъ въ разрѣзъ съ мнѣніями Г.-Аудитора, который, зачастую отказываясь высказаться положительно, передастъ судьбу подсуднмаго на усмотрѣніе государя.

Иногда мнѣніе высказываетъ не Г.-Аудиторъ, а военная Коллегія.

Изъ наиболѣе интересныхъ конфирмацій слѣдуетъ отмѣтить:

1) По дѣлу Елатомской штатной команды о Подпоручикѣ Никифоровѣ: «Суду дать примѣтить, какъ могъ безъ грамотнаго паки въ офицеры назначать. Ген.-Маіору Лассію дать выговоръ, какъ рекомендовалъ въ офицеры безграмотнаго и пьяницу; впредь гражданскимъ чинамъ не присутствовать въ Кригсехтахъ развѣ будетъ дѣло, до обоихъ частей—гражданской и военной разомъ». Отмѣтимъ, что такая резолюція послѣдовала по дѣлу, разсмотрѣнному при Тамбовскомъ гарнизонномъ Батальонѣ. Никифоровъ обвинялся въ вымогательствѣ денегъ у крестьянъ; комиссія военскаго суда опредѣлила разжаловать виновнаго въ рядовые.

2) По дѣлу о Поручикѣ Яковлевѣ и Подпоручикѣ Навроцкомъ: «чтобы впредь подобныя дѣла представляемы были къ Его Величеству съ краткими Экстрактами и заключеніями Ген.-Аудитора». Эта конфирмація имѣла мѣсто по поводу нарушенія караульной службы, пьянства въ карауле и упуска арестанта; при представленныхъ докладахъ имѣлись подробныя выписки и подлинныя сентенціи. Изъ послѣдующаго не трудно видѣть, что это распоряженіе не всегда точно исполнялось.

3) По дѣлу объ исключенномъ изъ службы Поручикѣ Шарпковѣ, сужденномъ за пьянство и нарушеніе благочинія, Государь повелѣлъ: «будучи изъ службы исключенъ, не слѣдовало и представлять».

4) Довольно часто въ конфирмаціяхъ можно встрѣтить Высочайшій выговоръ комиссіи военнаго суда. Такъ напр. по дѣлу Прапорщика Кожаева комиссія въ своемъ приговорѣ признала Кожаева, по силѣ законовъ, подлежащимъ къ отставленію отъ службы, но ссылаясь на Манифесты 28 Іюня 1787 года (п. 12, 15) и 2 Сентября 1793 года (п. 18, 21) положила освободить его отъ всякаго наказанія и взысканія поелику все опое (растрата) произошло не умышленно». Императоръ сдѣлалъ комиссіи выговоръ «за неумѣстное приведеніе въ приговорѣ манифестовъ».

Во второй половинѣ 1797 года Ген.-Аудиторъ въ своихъ докладахъ все болѣе и болѣе отказывается высказывать положительныя мнѣнія, или ссылаясь на конфирмаціи одного изъ высшихъ начальниковъ, или передавая конфирмацію на Высочайшее благоволеніе.

Изъ другихъ конфирмацій отмѣтимъ: по дѣлу объ офицерахъ Гарнизоннаго Делассія полку: «арестъ достаточенъ былъ на ихъ исправленіе и тѣмъ дѣло кончить».

Дѣло заключалось въ нанесеніи офицерами другъ другу побоевъ, въ объявленіи однимъ изъ нихъ желанія вступить въ бракъ съ дѣвкою и въ неисполненіи нѣкоторыхъ служебныхъ формальностей.

Въ январѣ 1797 года конфирмовано дѣлъ 12 о 15 подсудимыхъ: въ февралѣ — 10 дѣлъ о 10 подсудимыхъ; въ мартѣ и апрѣлѣ конфирмацій не было; въ маѣ — 3 дѣла о 3 подсудимыхъ; въ іюнѣ — 21 дѣло о 27 подсудимыхъ: въ іюлѣ — 11 дѣлъ о 19 подсудимыхъ; въ августѣ — 14 дѣлъ о 32 подсудимыхъ; въ сентябрѣ — 15 дѣлъ о 23 подсудимыхъ; въ октябрѣ — 5 дѣлъ о 5 подсудимыхъ; въ ноябрѣ — 15 дѣлъ о 16 подсудимыхъ; въ декабрѣ — 18 дѣлъ о 45 подсудимыхъ: итого 122 дѣла о 195 подсудимыхъ.

Самымъ интереснымъ съ бытовой и юридической стороны слѣдуетъ считать дѣло Лейбъ-Кираспрскаго полка Ротмистра Графа Огерти. Графъ, находя военную службу тягостною, объявилъ Полковнику Князю Мещерскому въ іюлѣ мѣсяцѣ, что онъ долѣе сентября служить не станетъ. Между тѣмъ по просьбѣ Огерти ему Высочайше пожаловано было 200 руб. на экипажъ, каковыя деньги и были вручены Князю Мещерскому для передачи Огерти. На вопросъ Кн. Мещерскаго, останется-ли Огерти служить, послѣдній грубо отвѣчалъ, что, ежели бы давали бы ему и 10,000 рублей, то онъ и тогда бы въ службѣ не остался и денегъ не принялъ. За это Огерти былъ исключенъ изъ службы. Однако, когда Огерти временно уѣхалъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, до свѣдѣнія Кн. Мещерскаго дошло, что ротмистръ подговаривалъ унт.-офицера Гофмана уходить въ отставку и произносилъ «дерзновенныя и хулительныя слова противъ службы». По возвращеніи Огерти изъ С.-Петербурга онъ былъ арестованъ. Изъ допроса Гофмана выяснилось, что Огерти отзывался о военной службѣ презрительно, уговаривалъ Гофмана оставить ее и говорилъ, что онъ до тѣхъ поръ не будетъ спокоенъ, пока не омоется въ крови русской, и когда армія Принца Конде придетъ въ Россію, тогда начнется революція, и онъ будетъ стараться быть первымъ у бунтовщиковъ предводителемъ и что много русскихъ будутъ держать его сторону и что наконецъ ему весьма хотѣлось бы убить тайно полковника, такъ какъ онъ былъ единственною причиной исключенія его изъ службы.

Однако на судѣ выяснилось нѣчто другое. Огерти утверждалъ, что, вслѣдствіе полученнаго имъ отъ отца письма, онъ по необходимости долженъ оставить службу и отказаться отъ пожалованныхъ денегъ, хотя бы и отъ 10,000 рублей: что слова «омоюсь въ крови россіянъ» относились къ полковнику «въ тѣхъ мыслях, что когда сіе случилось бы въ другой землѣ, тогда Огерти вызвалъ бы его на поединокъ».

Унт.-офицеръ Гофманъ говорилъ на судѣ, что полковникъ допрашивалъ его пристрастно, стращалъ его разстрѣляніемъ и приказалъ подписать допросъ.

Кн. Мещерскій заявилъ, что Гофману онъ не угрожалъ, увѣщевалъ сказать правду, а въ противномъ случаѣ указывалъ на наказаніе -прогнаніе сквозь строй.

Комиссія военнаго суда не признала Огерти виновнымъ въ произнесеніи «поносныхъ словъ и въ желаніи принять участіе въ революціи», а за желаніе омыться въ крови

русской опредѣлила лишить чина, посадить на три мѣсяца въ тюрьму и взять подписку, что Кн. Мещерскому онъ зла никакого не учинитъ. Унт.-офицеръ Гофманъ за ложный донось на Огерти долженъ былъ подвергнуться лишенію дворянства и чина, написанію въ рядовые и отправленію въ отдаленные гарнизоны. По мнѣнію Цесаревича В. Кн. Александра Павловича, вслѣдствіе уже понесенныхъ Огерти лишеній, слѣдовало ограничиться только отобраніемъ отъ виновнаго подписки; унт.-офицера же Гофмана, какъ показавшаго ложно изъ страха и угрозъ Кн. Мещерскаго, разжаловать на время.

Имп. Павелъ положилъ резолюцію:

«Князю Мещерскому учинить по сему дѣлу выговоръ. Ротмистра Огертія пригласить по прежнему въ полкъ, съ подтвержденіемъ, чтобы не подавалъ случая къ сплетнямъ. Гофмана оставить по прежнему, какъ былъ».

1798 г.

Въ январѣ 1798 года было рѣшено 14 дѣлъ о 19 подсудимыхъ; въ февралѣ—16 дѣлъ о 18 подсудимыхъ: въ мартѣ—13 дѣлъ о 43 подсудимыхъ; въ апрѣлѣ—30 дѣлъ о 35 подсудимыхъ: въ маѣ—9 дѣлъ о 18 подсудимыхъ; въ іюнѣ—28 дѣлъ о 43 подсудимыхъ: въ іюлѣ –29 дѣлъ о 36 подсудимыхъ: въ августѣ—20 дѣлъ о 22 подсудимыхъ; въ сентябрѣ—17 дѣлъ о 22 подсудимыхъ: въ октябрѣ –17 дѣлъ о 23 подсудимыхъ; въ ноябрѣ 19 дѣлъ о 21 подсудимыхъ: въ декабрѣ 15 дѣлъ о 15 подсудимыхъ; итого 226 о 315 подсудимыхъ.

Съ точки зрѣнія юридической интересна конфирмація по дѣлу капитана Нашебургскаго полка Гофмана. Гофманъ за неучтивость былъ арестованъ: когда по освобожденіи ему была возвращена шпага, то онъ ее не принялъ, а подалъ на Высочайшее имя прошеніе, «почитая себѣ сіе тѣлесное наказаніе не по винѣ своей и, слѣдственно, обиднымъ, а предъ собратіею своею постыднымъ, просилъ изслѣдованія по законамъ». Комиссія военнаго Суда признала точно также арестъ тѣлеснымъ наказаніемъ, а капитана Гофмана—обиженнымъ этимъ наказаніемъ.

Императоръ Павелъ своей конфирмаціей рѣшилъ дать юридическое опредѣленіе тѣлеснаго наказанія и между прочимъ указалъ, что «тѣлеснаго наказанія офицеру быть не можетъ и арестъ не есть тѣлесное наказаніе, за что Комиссіи дѣлается строгій выговоръ, тѣлесная нужда не можетъ никому быть обидою».

Интересна также конфирмація Государя на прошеніе жены провіантъ-комиссара

Козьмина: «Маркова (генералъ-провіантъ-мейстеръ-лейтенантъ Марковъ), какъ сущаго вора, посадя въ крѣпость, слѣдовать въ дѣяніяхъ его».

Среди слѣдственныхъ и судебныхъ дѣлъ можно не рѣдко встрѣтить и такія дѣла, которыя представляютъ собою не болѣе, какъ единичные акты предварительнаго дознанія или негласнаго разслѣдованія. Важно отмѣтить, какъ сильно расходились судебные дѣятели того времени въ своихъ юридическихъ опредѣленіяхъ: не говоря уже о родѣ и характерѣ наказаній за данныя преступныя дѣянія, которыя всецѣло опредѣлялись усмотрѣніемъ конфирмующей власти, самый составъ преступленій не былъ точно опредѣленъ въ законѣ и могъ быть совершенно свободно истолковываемъ въ ту или другую сторону.

Такъ, напр. по дѣлу Астраханскаго Драгунскаго полка подпоручика Михайловскаго комиссія военнаго суда признала Михайловскаго виновнымъ въ томъ, что, слыша приказаніе генерала Апраксина идти всѣмъ офицерамъ къ нему на квартиру слушать военный уставъ, онъ пошелъ въ эскадронъ, что ложно рапортовался больнымъ и что одѣвался не по формѣ. За эти дѣянія комиссія опредѣлила лишить Михайловскаго чиновъ и дворянства и вмѣсто смертной казни сослать въ каторжную работу вѣчно. Государь не призналъ Михайловскаго виновнымъ и въ дѣйствіяхъ его преступленій не нашелъ.

Для характеристики порядка отправленія военной юстиціи того времени отмѣтимъ интересное прошеніе находившихся въ Тобольской губерніи на поселеніи 4 казаковъ. Казаки писали, что въ войскѣ Донскомъ они служили безпорочно, а въ 1794 году начальствующій тамъ генералъ Иловайскій выслалъ ихъ противъ желанія въ числѣ 3000 семействъ на Кавказскую линію на поселеніе, и когда казацкое общество просило Иловайскаго увѣдомленія, по какому повелѣнію онъ ихъ посылаетъ, то генералъ, «превратя сію ихъ прсьбу на бунтъ, посадилъ всѣхъ подъ стражу и по выдержаніи и наказаній тиранскимъ образомъ плетьми, разослалъ, яко бунтовщиковъ, въ разныя мѣста и между прочимъ въ Сибирь»; казаки просили перевести ихъ на Донъ.

По справкѣ оказалось, что еще въ 1792 году Атаману Иловайскому былъ данъ Высочайшій указъ о нарядѣ на Кавказскую линію 3000 семей казаковъ: казаки противились и собирали «сомнительные круги и сходища, за что яко нарушители порядка по приговору правительства наказаны плетьми и послѣ того по указу Военной Коллегіи, въ страхъ другимъ и къ воздержанію отъ подобныхъ продерзостей, сосланы въ Сибирь на поселеніе». Государь это донесеніе «слушать изволилъ, при чемъ оное возвращено».

Среди законоположеній, примѣнявшихся въ военныхъ судахъ, мало-по-малу пріобрѣтаютъ значеніе уставы, изданные въ царствованіе Павла. Уставъ о полевой пѣхотной службѣ и наставленіе о кавалерійской службѣ. Въ сентенціяхъ военныхъ судовъ довольно часто можно встрѣтить указанія на тѣ или другія уголовныя постановленія вышеуказанныхъ уставовъ, какъ напр., объ исполненіи наказаній, объ обязанностяхъ офицеровъ

и нижнихъ чиновъ, объ исключеніи изъ службы военнослужащихъ, совершившихъ «подлости» и т. п.

Исключеніе («выключка») офицеровъ изъ службы очень часто предшествовало отданію подъ судъ; эта мѣра примѣнялась административнымъ порядкомъ по Высочайшему повелѣнію.

Въ конфирмаціи Государя часто проглядываетъ желаніе соразмѣрить мѣру отвѣтственности со всѣми субъективными и объективными оттѣнками виновности преданныхъ суду лицъ. Государь часто указываетъ основанія, послужившія къ избранію данной мѣры наказанія. Но при недостаткѣ карательныхъ средствъ индивидуализація наказаній удается очень рѣдко и, несмотря на различныя по тяжести дѣянія виновниковъ, они подвергаются одинаковымъ наказаніямъ.

Укажемъ напр. на конфирмаціи Государя по дѣлу подполковника Степанова. Степановъ, «какъ уже неоднократно бывшій подъ судомъ», по конфирмаціи Павла былъ отставленъ отъ службы соучастникъ его, маіоръ Яхонтовъ, точно также былъ отставленъ отъ службы, по уже вслѣдствіе «своей неблагонадежности».

Въ разсматриваемую эпоху особеннымъ вліяніемъ на судьбу подсудимыхъ пользовались обстоятельства, увеличивающія и уменьшающія вину. Ими пользовались не только высшіе начальники, утверждавшіе приговоръ, но даже военные суды, которые позволяли себѣ (но только при наличности уменьшающихъ обстоятельствъ) указывать иногда на необходимость замѣны наказанія, указаннаго въ законѣ, или даже совершенной его отмѣны.

Императоръ Павелъ полагалъ свои конфирмаціи не только по судимымъ и слѣдственнымъ дѣламъ, но и по жалобамъ. Жалобы эти представлялись Государю въ формѣ жалобныхъ пунктовъ и отвѣтныхъ объясненій. Такова напр. жалоба маіора Вестенрика на шефа полка — генерала Кнорринга. Такія жалобы часто служили единственнымъ основаніемъ для карательной резолюціи по отношенію къ жалобщику или отвѣтчику.

Въ 1797 году интереснымъ представляется дѣло полковника Спѣшнева по жалобѣ вдовствующей Царицы Карталинской и Кахетинской. Жалоба заключалась въ томъ, что Спѣшневъ, командуя «бывшимъ въ Грузіи россійскихъ войскъ отрядомъ, далъ своей командѣ волю насильствовать и чинить разныя наглости и обиды, по всѣмъ деревнямъ немилосердно разорять и грабить, даже до того, что у князей, дворянъ и у купцовъ отнимали, что имъ ни попадалось, въ противномъ же случаѣ оныхъ били и другія причиняли обиды, отнимали у проѣзжающихъ по дорогѣ все, что бы ни случилось, посылаемымъ же къ нему Спѣшневу отъ Царскаго Дома при письмахъ обиженнымъ, не только удовлетворенія дѣлано было, но были поруганы и на письма царскія не отвѣтствовалъ;

что офицеры, посланные для собиранія провіанта, по непорядочному и распутному своему поведенію, чинили разныя обиды, а самъ Сѣшневъ пьянствовалъ, упрекалъ Принца Теймураза несправедливостью и обѣщался чиновнику Мепурову дать въ спину 500 лозоновъ; что Сѣшневъ съ командою въ Мухранской степи ловилъ всѣхъ проѣзжающихъ и чинилъ мученіе, говоря, что будто бы Царь Его подсылалъ проѣзжающихъ для подговора солдатъ къ побѣгу: опредѣленному отъ Царевича Вахтанга для принятія Россійскаго войска и оказанія оному услугъ во время слѣдованія въ дупетъ Начальникомъ Глахѣ Бабановичу Челяеву, доставившему для войска 9.000 пудовъ сухарей, онъ Сѣшневъ объявилъ, что повелѣно Челяева и Царевича Вахтанга со всею ихъ фамиліею, взявъ подъ арестъ, везти въ Россію, а потому поставилъ около дома Челяева и Царевича Вахтанга караулъ, а присланнаго къ нему чиновника Мурванова поставилъ голымъ подъ пушки со связанными руками и держалъ въ такомъ положеніи съ вечера до утра и только на другой день по отрезвленіи освободилъ всѣхъ: что Священника Захарія, ѣхавшаго съ Дарами для причастія больнаго и двухъ человѣкъ, везшихъ для войска провіантъ, взялъ подъ караулъ и черезъ сутки отпустилъ священника и крестьянъ, у которыхъ отобралъ деньги; что казаки ограбили князя Андроникова, бывшаго со своими людьми на охотѣ, а послѣ этого связали ему руки, привели въ Тифлисъ, отдали его подъ судъ, сами оправдались, а онъ оставленъ безъ всякаго рѣшенія и т. д. Комиссія военнаго суда признала, что Полковникъ Сѣшневъ обиды Грузинскому Царству не сдѣлалъ, кромѣ слѣдующихъ обстоятельствъ: что отдалъ чиновника Мепурова подъ присмотръ, задержалъ князя Андроникова и арестовалъ дворянина Мурванова и священника Захарія, но «все сіе учинилъ онъ для сбереженія ввѣреннаго ему за границею отряда и на удержаніе воинскихъ чиновъ отъ побѣговъ, для отысканія и поимки оныхъ другого средства не было и побѣги умножились такъ, что и по выходѣ войскъ изъ Грузіи осталось въ оной бѣглыхъ солдатъ не малое число». Генералъ-Аудиторъ, по разсмотрѣніи этого дѣла, виновнымъ Сѣшнева ни въ чемъ не нашелъ, но Императоръ Павелъ, «въ уваженіе къ Царскому Дому, въ сатисфакцію оному», повелѣлъ Сѣшнева исключить изъ службы.

1799 годъ.

Въ 1799 году императоръ Павелъ конфирмовалъ 191 дѣло о 300 подсудимыхъ.

На основаніи конфирмацій можно установить, что въ разсматриваемую эпоху офицеры могли быть подвергаемы строгому аресту на хлѣбъ и на воду. Въ конфирмаціи

по дѣлу капитана Булатова значится, что трое офицеровъ были посажены подъ арестъ на хлѣбъ и на воду срокомъ на одинъ мѣсяцъ.

По прежнему преобладающимъ видомъ воинскаго наказанія является отставленіе отъ службы съ лишеніемъ чиновъ или безъ такового, при чемъ, какъ и въ прежніе годы, Государь указываетъ основанія примѣненія такого наказанія: «какъ негоднаго, выключить изъ службы», «исключить изъ службы, какъ ненадежнаго», «исключить, какъ безпокойнаго».

Подъ словомъ «безпокойный», которое въ конфирмаціяхъ 1799 года повторяется очень часто, слѣдуетъ разумѣть такого военнослужащаго, который или слишкомъ придерживается буквы воинскихъ уставовъ и тѣмъ «препятствуетъ своему высшему начальству». или подаетъ слишкомъ часто различныя жалобы, или просто пьянствуетъ и производитъ безпорядки.

Подъ «негоднымъ» конфирмаціи разумѣютъ лицо, совершившее или особо тяжкое общее нарушеніе, или какую-либо «низость», несовмѣстную съ достоинствомъ офицера.

Терминъ «ненадежный» весьма трудно поддается опредѣленію: все зависитъ отъ усмотрѣнія конфирмующей власти, которая по-своему и истолковываетъ поведеніе даннаго военнослужащаго, совершившаго то или другое нарушеніе.

Слѣдуетъ отмѣтить одно выдающееся наказаніе, наложенное по конфирмаціи Государя на сотника Данилова «за небытіе въ теченіе 7-ми лѣтъ у причастія»: «послать Суздальской Епархіи въ Спасо-Ефимовъ монастырь, гдѣ и содержать безотлучно». Оригинально, что срокъ покаянія конфирмація не опредѣлила и тѣмъ самымъ ставила продолжительность его на усмотрѣніе духовныхъ властей.

Точно также интересно отмѣтить особый порядокъ примѣненія денежныхъ взысканій въ качествѣ вознагражденія казны за вредъ и убытки: такъ, напр., по дѣлу генералъ-маіора Игельстрома, который былъ командиромъ (шефомъ) кираспрекаго полка, было постановлено: за погорѣвшія вещи взыскать съ виновника генерала Игельстрома деньги, а «до выплаты суммы (4244 р. $37^2/_3$ и $^1/_8$ коп.). посадить его въ Рижскую крѣпость».

Однако, несмотря на то, что императоръ Павелъ въ своихъ конфирмаціяхъ былъ вполнѣ положителенъ, назначаемыя имъ наказанія зачастую отмѣнялись или замѣнялись особою конфирмаціею. Такъ, напримѣръ, по одному дѣлу Государь, постановляя конфирмацію: арестовать на мѣсяцъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ слѣдующее: «сообщить эту конфирмацію, куда слѣдуетъ, для исполненія во всей ея силѣ, но послѣ отправки со слѣдующей же почтою сообщить вторично, что Государь Всемилостивѣйше уменьшаетъ заслуженное виновными наказаніе на двѣ недѣли». Отмѣтимъ, что на докладѣ значится болѣе

строгая конфирмація, о замѣнѣ же наказанія сообщается генералъ-аудитору черезъ Неплюева, начальника Канцеляріи Государя.

Въ 1798 году Государь какъ-будто недоволенъ дѣятельностью Генералъ-Аудиторіата. Помимо частыхъ выговоровъ и упрековъ въ незнаніи военной службы, обращеннымъ по адресу Аудиторіата, имп. Павелъ положительно заявляетъ, что «аудиторіатъ бредитъ». Такая нелестная конфирмація состоялась по дѣлу подполк. Игнатьева, который комиссіей военнаго суда былъ освобожденъ отъ наказанія, съ чѣмъ согласился и Ген.-Аудиторіатъ. Государь повелѣлъ виновнаго исключить изъ службы, какъ безпокойнаго человѣка.

Иногда конфирмаціи оправдываютъ образъ дѣйствій подсудимыхъ, которые совершали преступленія, заботясь объ охранѣ казеннаго интереса или находясь въ обстоятельствахъ, устраняющихъ вмѣняемость. Такъ, напримѣръ, по дѣлу подпоручика Врангеля Государь конфирмуетъ: «Врангелю сказать спасибо» и др.

Иногда Государь, желая прекратить дѣло или не находя въ дѣяніи признаковъ преступленія, пишетъ «дѣло пустое» или «дѣло сіе разряда прежнихъ временъ и не принадложить до меня».

Неопредѣленность конфирмацій—естественное и обычное явленіе того времени: очень часто Государь отмѣчаетъ: «посадить на три мѣсяца», но не указываетъ мѣста заключенія. Имѣется полное основаніе предполагать заключеніе въ крѣпость, такъ какъ въ конфирмаціяхъ того времени maximum ареста для офицеровъ опредѣляется въ одинъ мѣсяцъ, наконецъ и по характеру и тяжести преступленій, о которыхъ говорятъ конфирмаціи, можно заключить то же самое.

Краткія резолюціи Государя, которыя раньше дѣлались на самомъ докладѣ, съ теченіемъ времени увеличиваются въ объемѣ, вслѣдствіе чего нерѣдко можно встрѣтить довольно пространныя конфирмаціи, приложенныя къ дѣлу на отдѣльныхъ листкахъ.

Въ разсматриваемое время отправленіе военной юстиціи усложняется: Государь иногда остается недовольнымъ произведеннымъ судами или слѣдствіемъ и возвращаетъ дѣла безъ конфирмаціи для дополненія.

Дѣла рисуютъ низкій умственный уровень начальниковъ и подчиненныхъ, взаимное недовѣріе другъ къ другу, развитіе въ офицерской средѣ доносовъ, отсутствіе нравственныхъ правилъ, жестокое обращеніе съ подчиненными.

Въ 1799 году Генералъ-Аудиторіатъ по-прежнему не самостоятеленъ въ своихъ мнѣніяхъ и постоянно ссылается и соглашается съ мнѣніемъ старшаго изъ конфирмовавшихъ приговоръ начальниковъ или передаетъ дѣло на Высочайшее усмотрѣніе.

Просматривая параллельно конфирмаціи по военно-судимъ дѣламъ и Высочайшіе приказы, можно выставить положеніе, что отправленіе судебной и административной вла-

стей конкуррируютъ между собою и послѣдняя пользуется преимущественнымъ значеніемъ; оригинально, что родъ наказаній, упоминаемыхъ въ приказахъ и конфирмаціяхъ, тождественъ — исключеніе изъ службы.

1800—1801 г.г.

Въ теченіе 1800 и 1801 г. (до 12 марта) доклады, представляемые Генералъ-Аудиторіатомъ, непомѣрно увеличиваются въ своемъ объемѣ: Государь принужденъ разсматривать очень пространныя выписки, повторяющія чуть ли не дословно всѣ показанія свидѣтелей и всѣ процессуальныя дѣйствія. Точно также, вмѣсто краткой выдержки изъ сентенціи, докладчики представляютъ Государю всѣ соображенія, послужившія комиссіи суда основаніемъ для данной сентенціи; мнѣнія Генералъ-Аудитора излагаются по формѣ точно также очень подробно.

1800 годъ въ исторіи военной юстиціи ознаменовывается вступленіемъ въ Генералъ-Аудиторіатъ новаго генералъ-аудитора, кн. Салагова.

Благодаря безконечной иной массѣ докладовъ изъ Генералъ-Аудитора, можно окончательно установить какъ роль новаго генералъ-аудитора, такъ и характеръ его судебной дѣятельности.

До 25-го февраля доклады подписываются только княземъ Шаховскимъ, при чемъ въ заключеніе доклада стоитъ обычная формула: «Генералъ-аудиторъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ».

25-го февраля 1800 г. къ Государю поступаетъ первый докладъ, подписанный двумя генералъ-аудиторами, при чемъ подпись князя Салагова стоитъ ниже подписи кн. Шаховского. Въ заключеніи доклада уже значится: «генералъ-аудиторы согласны»... съ такою-то частью приговора и т. д.

Въ теченіе времени съ 25-го февраля до 18 марта 1800 года подъ докладами имѣются подписи обоихъ генералъ аудиторовъ и между ними царитъ полное единодушіе и совершенное согласіе: ни разу имъ не пришлось высказать неодинаковыхъ мнѣній. Однако, даже и въ этотъ незначительный промежутокъ времени генералъ-аудиторы въ своихъ мнѣніяхъ становятся болѣе самостоятельными, позволяютъ себѣ не соглашаться съ конфирмаціями высшихъ начальниковъ и провозглашать о необходимости увеличенія или уменьшенія наказанія, принимая во вниманіе тѣ или другія обстоятельства.

По всей вѣроятности, дѣятельность обоихъ генералъ-аудиторовъ становится болѣе удачною: Государь ни разу не объявилъ выговора, что, при предшествующихъ нареканіяхъ на высшее военное судилище, невольно поражаетъ при разсмотрѣніи конфирмацій за 1800—01 годы.

19 марта 1800 года Государю представляется докладъ за подписью только одного князя Салагова и съ формулою: «генералъ-аудиторъ мнѣніемъ полагаетъ»...

Съ этого момента начинается самостоятельная дѣятельность кн. Салагова, благодаря ухода въ отставку кн. Шалаховскаго.

Государь все чаще и чаще соглашается съ мнѣніями ген.-аудитора: «согласенъ», «рѣшить по отмѣткѣ генералъ-аудитора», «быть посему»—пестрѣютъ на каждомъ почти докладѣ.

Объясняется ли это личными способностями кн. Салагова или, быть можетъ, опытомъ Генералъ-Аудиторіата за предшествующіе годы, сказать трудно. но указываемый фактъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и бросается въ глаза.

За время съ 1 января 1800 по 12 марта 1801 г. Государю было представлено 345 дѣлъ; опредѣлить въ точности число подсудимыхъ—не представляется возможнымъ, такъ какъ военно-судныя дѣла въ большинствѣ являются изслѣдованіемъ даннаго событія, при чемъ виновные указываются или комиссіей военнаго суда, или Генералъ-Аудиторомъ, или. наконецъ, наказаніе падаетъ на лицо, по выбору и усмотрѣнію Высочайшей власти. конфирмующей приговоръ.

Въ конфирмаціяхъ Государь становится особенно рѣшительнымъ: «вздоръ»: «онъ не дворянинъ, то и нечего лишать, а прогнать сквозь строй». «отставить, какъ вздорнаго человѣка», «наказать кнутомъ» и т. д.

Въ разсматриваемый періодъ конфирмаціи часто служатъ источникомъ военнаго права: такъ, напр., давая конфирмацію по какому-либо случаю и указывая въ ней порядокъ производства дѣлъ. Государь тѣмъ самымъ создавалъ прецедентъ, который и служилъ какъ бы закономъ: суды и генералъ-аудиторіатъ уже руководствуются этой конфирмаціей, какъ закономъ.

Такъ, напримѣръ, по дѣлу поручика Нуджевскаго. «оказавшагося... виновнымъ въ противузаконномъ произведеніи надъ передержателями воровскихъ вещей дѣла» (въ нижнемъ земскомъ судѣ), Государь указываетъ: «какъ сей Нуджевскій поступилъ изъ такового званія людей, изъ коего офицерами быть не слѣдуетъ (не дворянинъ), то, выключа его изъ сего званія, отослать къ гражданскому суду».

Изъ процессуальныхъ дѣйствій, которыя возлагались конфирмаціями на Генералъ-Аудиторіатъ, слѣдуетъ отмѣтить интересное съ юридической точки зрѣнія уничтоженіе вещей, добытыхъ преступнымъ дѣяніемъ, или подложныхъ бумагъ. фальшивыхъ ассигнацій и т. п.

Послѣдняя конфирмація имп. Павла относится къ 9 марта 1801 года.

III.

Конфирмаціи наслѣдника великаго князя Александра Павловича [1]).

10 Января 1797 г.

Господину Генералъ-Фельдмаршалу и Кавалеру Графу Салтыкову.

На представленіи отъ военнаго полевыхъ полковъ кригсрехта ко мнѣ на конфирмацію распредѣлилъ ихъ, однихъ, по единымъ отъ команды отлучкамъ безъ наказанія, замѣняя имъ время аресту, а другихъ, наказавъ шпицъ рутенгомъ, въ полки дивизіи мнѣ ввѣренной, дабы чрезъ оное избѣжать затрудненія при пересылкѣ, а послѣднихъ по сдѣлашымъ или уже многимъ шалостямъ нужно отправить въ дальныя гарнизоны; которыхъ я и предписалъ отослать къ Вашему Сіятельству; и обо всѣхъ опыхъ прилагаю при семъ списокъ, изъ котораго, усмотря все оное, прикажите дать повелѣніе о выключкѣ изъ прежнихъ командъ, помѣщенныхъ въ мою дивизію. которые мною уже и въ показанные полки отосланы. Января 9 дня 1797 года.

АЛЕКСАНДРЪ.

Списокъ.

Какихъ командъ прежде были.	Кто имяны.	Конфирмація.	Куда назначаются.
Нарвскаго пѣхотнаго полка Капитана Деландера деньщикъ. .	Григорій Естифѣевъ.	Безъ наказанія.	Въ Гарнизонной полкъ Генерала Чернышева.
Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка рядовой . . .	Иванъ Безродной.	Безъ наказанія.	Въ гарнизонной полкъ Генерала Чернышева.
Отданный въ Москвѣ въ казенной палатѣ рекрутъ	Саломонъ Югаповъ.	Прогнатъ каждой сквозь баталіонъ шпицъ рутенгъ по одному разу.	
Тобольскаго пѣхотнаго полка рядовой . . .	Александръ Гурьевъ.		
Екатеринославскаго Гренадерскаго полка гренадеръ	Ефимъ Мельниковъ.	Безъ наказанія.	Въ полкъ Генерала Архарова.

[1]) Выписано изъ дѣлъ Москов. Отд. Общ. Архива Главнаго Штаба, Опись 200, Св. 45, дѣло № 43.

Какихъ командъ прежде были.	Кто именны.	Конфирмація.	Куда назначаются.
Отданный въ Московской Казенной палатѣ рекрутъ	Іоганъ Никифоровъ.	Безъ наказанія.	Въ полкъ Генерала Архарова.
Рязанскаго пѣхотнаго полка рядовой . . .	Иванъ Рогожинъ.	тоже.	тоже.
Отданный въ Тверской казенной палатѣ и отправленный въ партіи съ Маіоромъ Критскимъ	Иванъ Козьминъ.	тоже.	тоже.
Прежде бывшей Гвардіи Семеновскаго полка рядовой.	Константинъ Федоровъ.	Безъ наказанія.	тоже.
Выборгскаго пѣхотнаго полка рядовой . . .	Илья Астафьевъ.	тоже.	Въ Кексгольмской мушкатерской полкъ.
Олонецкаго Егерскаго баталіона егерь . . .	Іоганъ Касперъ Болемъ.	Прогнать шпицъ рутенгъ сквозь баталіонъ одинъ разъ.	Отослать въ дальніе гарнизоны.
Штата Московской управы благочинія 3 части фурмащикъ. .	Прокофій Козловъ.	Во уваженіе старости лѣтъ отъ наказанія освобождаются.	Отослать въ дальныя гарнизоны.
Симбирскаго гарнизона рядовой	Кирило Орловъ.		
	Итого 13 человѣкъ.		

Подписалъ Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ *Аракчеевъ*.

1 Февраля 1797 г.

Господину Генералъ-Фельдмаршалу и Кавалеру Графу Салтыкову.

По содержанію сходенъ съ предшествующимъ.

Списокъ.

Какихъ прежде командъ были.	Кто именны.	За какое преступленіе.	Какая резолюція и куда опредѣлена.
	Бывшемъ воинскомъ полевыхъ полковъ Кригсрехтѣ:		
Таврическаго Гренадерскаго полка Сержантъ.	Иванъ Калачовъ.	За даваніе подъ видомъ яду дворовому человѣку порошковъ, и въ знаніи про намѣреніе тѣмъ человѣкомъ опоить помѣщика своего.	Разжалованъ въ рядовыя и отосланъ въ военную Коллегію для опредѣленія въ дальныя гарнизоны.
Архангельскаго Гарнизоннаго Генералъ-Маіора и Кавалера Болотникова полка рядовой	Егоръ Михайловъ.	За побѣгъ.	Дано 50 лозоновъ и опредѣленъ въ гарнизонной Генералъ-Лейтенанта Вязмитинова полкъ.
Нижегородскаго мушкатерскаго полка рядовой.	Василій Екимовъ.	За побѣгъ.	Безъ наказанія опредѣленъ въ полкъ Генерала отъ Инфантеріи Архарова.

Какихъ прежде командъ были.	Кто именны.	За какое преступленіе.	Какая резолюція и куда опредѣлены.
Выключенной Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка капралъ . . .	Фадей Григорьевъ.	За сочиненіе фальшивыхъ атестатовъ пашпортовъ и векселей.	Прогнанъ шпицрутенгъ сквозь тысячу человѣкъ два раза, разжалованъ въ рядовыя, и опредѣленъ въ полкъ Генерала отъ Инфантеріи Архарова.
Отставной изъ Псковскаго пѣхотнаго полка рядовой	Ефремъ Федоровъ.	За пьянство.	Безъ наказанія опредѣленъ въ гарнизонной Генералъ-Лейтенанта Вязмитинова полка.
	При Гвардейскомъ артиллерійскомъ баталіонѣ.		
Присланные Государственной военной Коллегіей изъ Генералъ Аудиторской Экспедиціи рекруты.	Петръ Ворцомъ.	За побѣгъ.	Опредѣлены въ полкъ Генерала отъ Инфантеріи Архарова, первой безъ наказанія, а послѣднему дано 50 лозоновъ.
	и		
	Михаилъ Еремѣевъ.	За побѣгъ.	
	При Кексгольмскомъ полку.		
Присланные Государственной военной Коллегіи изъ Генералъ Аудиторской Экспедиціи рекруты.	Яковъ Югановъ.	За побѣгъ.	Опредѣлены безъ наказанія въ полкъ Генерала отъ Инфантеріи Архарова.
	и		
	Никифоръ Ивановъ.	За побѣгъ.	

Какихъ прежде командъ были.	Кто именны.	Конфирмація.	Какая резолюція и куда определены.
	При Гарнизонномъ Генералъ - Лейтенанта Вязмитинова полку.		
Бывшаго С.-Петербургскаго 1 баталіона профосъ	Іоганнъ Іогановъ.	За побѣгъ и утрату казенныхъ вещей.	Дано 50 лозоновъ и отосланъ въ военную коллегію для опредѣленія въ дальныя гарнизоны профосомъ.
Бывшаго С.-Петербургскаго 2 баталіона рядовой	Григорій Сосновъ.	За побѣгъ и утрату казенныхъ вещей.	Дано 50 лозоновъ, а за утрату казенныхъ вещей вычитать велѣно изъ жалованья и опредѣленъ въ полкъ Генералъ - Лейтенанта Вязмитинова.

Подлинный подписалъ Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ *Аракчеевъ*.

---

10 февраля 1797 г.

Господину Генералъ-Фельдмаршалу и Кавалеру Графу Салтыкову.

По представленнымъ ко мнѣ дѣламъ изъ бывшаго отъ полевыхъ полковъ кригсрехта, о бывшемъ Екатеринскаго Егерскаго корпуса 1 го баталіона Маіора Парчевскаго деньщикѣ Ильѣ Ивановѣ, и изъ учрежденной при ордонансъ-гаузѣ коммисіи воинскаго суда, Лейбъ Гусарскаго полка, Поручика Вѣтошкина, деньщикѣ же Николаѣ Потаповѣ и рекрутахъ, присланныхъ Государственной военной коллегіи отъ экзекуторскихъ дѣлъ, Леонѣ Кадушевичѣ, Василіи Павловѣ, и отданномъ въ Тверской Казенной палатѣ, Яковѣ Шуровѣ, приказалъ я Иванова за побѣгъ и кражу шпицрутенгомъ сквозь баталіонъ одинъ разъ. Шурова за кражу-жъ и побѣгъ прогнать шпицрутенгомъ же сквозь баталіонъ два раза. деньщику-же Потапову дать 25 лозоновъ палками, рекрута-жъ Кадушевича безъ нака-

занія. И опредѣлилъ въ полки: и изъ оныхъ Потапова, Иванова и Павлова къ Генералу-отъ-инфантеріи и Кавалеру Архарову, а Шурова и Кадушевича Генералу-Лейтенанту и Кавалеру Вязмитинову рядовымъ, о выключкѣ жъ деньщиковъ Потапова и Иванова изъ прежнихъ командъ прикажите Ваше Сіятельство дать повелѣніе, которые мною уже въ показанные полки и отосланы. Февраля 10 дня 1797 г. АЛЕКСАНДРЪ.

По представленному ко мнѣ изъ учрежденной при ордонансъ-гаузѣ коммисіи Воинскаго суда слѣдственному дѣлу о бывшемъ въ С.-Петербургскомъ 4-мъ баталіонѣ, профосѣ Кириллѣ Мѣшалкинѣ въ учиненной имъ отлучкѣ, приказалъ я прогнать шпицрутеномъ сквозь баталіонъ два раза, и по наказаніи для опредѣленія въ дальныя гранизоны отослать въ Государственную военную коллегію, которой уже изъ прежней команды выключенъ, а Вашему Сіятельству симъ даю знать. Февраля 10 дня 1797 г. АЛЕКСАНДРЪ.

По представленному ко мнѣ изъ учрежденной при ордонансъ-гаузѣ коммисіи воинскаго суда слѣдственному дѣлу, Лейбъ-Гренадерскаго полку, о рядовомъ Даніилѣ Архиповѣ, въ пьянствѣ и грабежѣ; приказалъ я прогнать шпицъ-рутенгомъ сквозь комплектный баталіонъ одинъ разъ, и по наказаніи написавъ въ профосы, для опредѣленія въ дальныя гарнизоны отослать въ Государственную военную коллегію, которой уже изъ помянутаго полку выключенъ, о чемъ Вашему Сіятельству симъ и даю знать. Февраля 17 дня 1797 года. АЛЕКСАНДРЪ.

Кексгольмскаго мушкатерскаго полка унтеръ-офицеръ Кирило Кашбаровъ за дурное поведеніе и не прилежность въ службѣ, по представленію Шефа разжалованъ въ рядовые. О чемъ Вашему Сіятельству симъ и даю знать. Февраля 19 дня 1797 года. На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Высочества. АЛЕКСАНДРЪ.

Опредѣленный прошлаго 795 года января 24 дня, Правительствующимъ Сенатомъ, въ Вышневолоцкую контору водяныхъ комуникацій въ чертежные ученики Александръ Бахтуринъ, сего Февраля 19 дня Его Императорскимъ Величествомъ произведенъ въ Аудиторы, которой и помѣщенъ по представленію Генерала-отъ-инфантеріи и Кавалера Архарова въ его полкъ на имѣющуюся ваканцію, почему и предписано отъ меня ему, Архарову, онаго Бахтурина на сей чинъ привесть къ присягѣ и, учинивъ надлежащее за повышеніе, за патентъ и прочее взысканіе, въ полкъ оным званіемъ въ унтеръ штабъ причислить, о чемъ Вашему Сіятельству симъ и даю знать. Февраля 20 дня 1797 года.

АЛЕКСАНДРЪ.

IV.

Рескриптъ Императора Александра I-го.

Объ обращеніи съ солдатами [1]).

1804.

Господину генералъ-лейтенанту, брестской и украинской инспекціи по кавалеріи, инспектору Боуру. Доходитъ до свѣдѣнія моего, что во многихъ полкахъ при обученіи солдатъ и рекруть экзерциціи наказываютъ ихъ съ такой строгостью, какую употреблять должно съ случаѣ важныхъ только преступленій. Метода сія, бывъ столько же вредна для службы, сколько противна здравому разсудку, введена конечно, или отъ непонятія, въ чемъ состоять должна воинская строгость, или же отъ природной нѣкоторыхъ наклонности къ жестокостямъ. Первое непростительно никакому офицеру, а послѣдняя, обнаруживая дурныя свойства души, уничтожаетъ въ немъ самое достоинство человѣка. Неоспоримо, что строгость въ войскѣ отнюдь ослабляема быть не должна и взысканіе за проступки дѣлать надлежитъ неупустительно; но съ преступленіями, подвергающими виновнаго строгому наказанію, нельзя смѣшивать погрѣшностей, происходящихъ по неумышленности или отъ непривычки еще къ тому, о чемъ погрѣшающій не имѣлъ прежде никакого понятія. Преступленія моральныя, какъ запрещаемыя всѣми законами: грабежъ, воровство, обманъ и проч., такъ, въ особенности, нетерпимыя въ службѣ воинской: неповиновеніе командиру, оплошность, стоя на карауль, небреженіе ружья своего и амуниціи, отлучка безъ позволенія, трусость противъ непріятеля и тому подобныя, требуютъ неотложнаго взысканія, сужденія по воинскимъ артикуламъ и неизбѣжнаго наказанія. Но ошибки въ ружейныхъ пріемахъ, въ маршированіи, въ словахъ, когда рапортуетъ или является вѣстовымъ, особливо же въ новопринятомъ солдатѣ, требуютъ больше

---

[1]) Русская Старина, 1872 г., т. VI.

неусыпности офицера и способности его къ ученію, нежели строгости. Она въ семъ случаѣ не только не вмѣстна, но вредна для службы и для самыхъ успѣховъ въ доведеніи обучаемыхъ до надлежащаго познанія; ибо кромѣ того, что чрезъ частныя безразсудныя наказанія лишается солдатъ здоровья и крѣпости, толико нужныхъ ему для понесенія трудовъ военныхъ, несогласно съ разумомъ, чтобы онъ, выходя на ученье, имѣлъ въ намѣреніи своемъ ошибаться съ умысла; напротивъ того, ежеминутное ожиданіе палочныхъ ударовъ, а особливо въ человѣкѣ торопливомъ, разстроиваетъ вниманіе его, и при всемъ напряженіи силъ исполнить наилучшимъ образомъ командуемое, ошибается онъ на всякомъ шагу и при всякомъ словѣ. Движимъ будучи чувствованіями сострадапія къ сему толико заслуживающему о себѣ попеченія классу людей и желая, чтобы какъ высшіе, такъ и другіе офицеры при обученіи солдатъ должностямъ ихъ и экзерциціи, давали себѣ больше труда ко вразумленію ихъ въ томъ прилежнымъ и частымъ растолкованіемъ, и тѣмъ, а не побоями, гдѣ безъ нихъ обойтиться можно, доводя ихъ до совершенной исправности, отличали сами себя успѣхами и пріобрѣтеніемъ похвалы и достойной справедливости. Я рекомендую вамъ возымѣть объ ономъ рачительное попеченіе и сообщить съ сего копіи господамъ шефамъ полковъ вверенныхъ вамъ инспекцій, на тотъ конецъ, чтобы они не предписаніями и не отдачею въ приказахъ, а внушеніями, при случаяхъ приличныхъ, эскадронпымъ командирамъ и собственнымъ своимъ надзоромъ старались дать желаемое на сей предметъ вліяніе. Впрочемъ, сіе мое повелѣніе сохранить имъ, какъ и вамъ, въ одномъ только своемъ свѣдѣніи. Въ С.-Петербургѣ, іюля 12-го дня 1804 г.

Александръ.

V.

Правила, коими руководствоваться для пріуготовленія въ канцеляріи 5 Правительствующаго Сената Департамента, Канцелярскимъ служителямъ къ должности Аудиторской 1809 г.

1.

Число пріуготовляющихся неограничено.

2.

Принимать изъ всякаго состоянія людей съ атестатами о ихъ поведеніи, и чтобъ знали правильно писать и читать, чинами не выше Губернскаго Секретаря и не ниже подканцеляриста и при самомъ принятіи ихъ, приводя къ присягѣ, употреблять къ назначенному занятію.

3.

Занятіе ихъ будетъ подъ наблюденіемъ Секретарей: сочинять изъ дѣла записки и послѣ обѣда два раза въ недѣлю собираться въ канцеляріи Сената и заниматься подъ наблюденіемъ особаго чиновника чтеніемъ приличныхъ законовъ къ должности, къ коей они пріуготовляются.

4.

Ежемѣсячно дѣлать испытаніе чрезъ Оберъ-Секретарей, при Оберъ-Прокурорѣ, о ихъ успѣхахъ; буде кто, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, никакого успѣха не покажетъ, то изъ числа учениковъ выключать, равно и тѣхъ, кои неявятся къ чтенію два раза сряду и не имѣя на то никакихъ законныхъ причинъ.

5.

По прошествіи трехъ мѣсяцевъ Оберъ-Прокуроръ имѣетъ представлять Министру о успѣхахъ приготовляемыхъ чиновниковъ, и отличившіеся получаютъ по усмотрѣнію Министра денежное награжденіе.

6.

Кои окажутся способными для исправленія аудиторской должности, представлены будутъ отъ Оберъ-Прокурора Министру, къ выпуску съ награжденіемъ чина.

7.

Не воспрещается тѣмъ, кои имѣютъ мѣсто и чувствуютъ себя способными къ отправленію Аудиторской должности, съ позволенія своихъ начальствъ, не покидая занимаемыя ими мѣста, просить испытанія вмѣстѣ съ прочими, и буде найдутся способными, будутъ представлены Министру на основаніи 6 пункта.

8.

Способному чиновнику для отправленія Аудиторской должности предполагается знать хорошо сдѣлать изъ дѣла записку, порядокъ Военнаго Суда и частію законы уголовные.

9.

Къ мѣсячному испытанію каждой пріуготовляющій себя къ Аудиторской должности обязанъ представить отъ Секретаря, у коего онъ находится, одобреніе, сколько въ теченіе мѣсяца сочинилъ изъ дѣлъ выписокъ и изъ какихъ именно. Къ выпискамъ симъ долженъ онъ подобрать приличные по обстоятельствамъ дѣла законы, и располагать ихъ такимъ образомъ, чтобы по повѣркѣ съ дѣломъ Секретаремъ, годна была она и для доклада Правит. Сенату.—А сіе и послужитъ доказательствомъ въ дѣятельности и успѣхахъ приготовляющихся къ сказанному предмету.

(Сенат. Арх., Дѣла Мин. Юст., 1809 г.).

VI.

Докладъ по дѣлу о полковникѣ Вуичѣ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Отъ Генералъ-Аудиторіата

Докладъ.

Марта 4-го дня 1812 года

Высочайше велѣно освободить отъ суда и опредѣлить въ 19 егерскій полкъ.

По суду, произведенному надъ вышедшимъ изъ плѣна отъ Шведовъ, бывшимъ 25 Егерскаго полка Шефомъ Полковникомъ Вуичемъ 1-мъ, сужденномъ по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію за то, что онъ въ минувшую компанію, находясь съ отрядомъ войскъ на Аландскихъ островахъ, отдался въ плѣнъ; во всеподданнѣйше подносимомъ отъ Генералъ-Аудиторіата 811 года Апрѣля 18-го докладѣ изъясняемо было, что оный Полковникъ Вуичъ по даннымъ ему предписаніямъ занялъ Аландскія острова со 2-го числа Апрѣля прошедшаго 808 года, при чемъ отъ Главнокомандовавшаго Финляндскою арміею Генерала отъ Инфантеріи Графа Буксгевдена между прочаго велѣно: покудова ледъ еще не разрушился стараться ему Вуичу сколько возможно болѣе собрать лодокъ при всѣхъ проливахъ между островами на пути къ городу Або, такъ чтобы когда потребуется надобность, можно было свободно отряду его переправиться: отрядъ же сей при Полковникѣ Вуичѣ состоялъ изъ одного баталіона 25 Егерскаго полка и 22 казаковъ войска Донского полка Подполковника Лащилина 1-го, имѣя продовольствія по 1-е число Мая и по распоряженію бывшаго Шефа Гродненскаго Гусарскаго полка Генералъ-Маіора Шепелева, который уже уволенъ отъ службы, изъ онаго отряда 22 казака находились Свиты Вашего Императорскаго Величества по квартирмейстерской части при Маіорѣ Нейдгартѣ, да подъ его же командою расположены на большомъ острову при одномъ Штабъ-офицерѣ: Оберъ-офицеровъ 6, унтеръ-офицеровъ 8, музыкантовъ 2, егерей 120 человѣкъ, съ такимъ оному Нейдгарту повелѣніемъ, что коль скоро непріятель къ островамъ приближаться будетъ, то

соединиться ему съ Полковникомъ Вунчемъ на островѣ Кумлингѣ, на коемъ Вунчъ остановленъ по повелѣнію помянутого жъ Генералъ-Маіора Шепелева съ двумя Штабъ-офицерами, 17 Оберъ-офицерами, 12 музыкантами, 503-мъ рядовыми и 22 нестроевыми чинами. При такомъ положеніи отряда, по поводу донесенія опаго жъ Шепелева, что остановится удерживать Аландскія острова по вскрытіи воды не возможно, получилъ онъ, Вунчъ, предписанія 18 и 26 чиселъ Апрѣля, чтобы оставить острова и занять мѣста по данной диспозиціи; вслѣдствіе чего онъ Вунчъ, какъ ледъ съ 19 числа Апрѣля былъ уже слабъ, велѣлъ въ собранныхъ судахъ и лодкахъ исправить разныя случившіяся чрезъ зиму поврежденія: но между тѣмъ 24 числа Апрѣля бывшимъ на островѣ Эверлясъ пикетомъ примѣчены въ морѣ три большія парусныя и болѣе 50 мелкихъ судовъ, которые Маіоромъ Нейдгартомъ признаны непріятельскими, и потому онъ Нейдгартъ возвращался къ отряду при Феризундѣ: однако взбунтовавшимися въ то же самое время вооруженными жителями, онъ Нейдгартъ на пути, равно и вся команда подъ начальствомъ его бывшая, при всемъ сопротивленіи сдѣланы плѣнными. 25 числа около острововъ, занимаемыхъ Полковникомъ Вунчемъ, на всѣхъ мѣстахъ ледъ разрушился, а 26 показались и тамъ оныя жъ непріятельскія суда, въ какое время получено имъ Вунчемъ и вторичное предписаніе объ отступленіи; и онъ Вунчъ отправилъ впередъ одного Штабъ-офицера, одного оберъ-офицера, трехъ унтеръ-офицеровъ, 44 человѣкъ егерей и нестроевыхъ чиновъ на островъ Брендо [1]), а 27 числа, когда ледъ на морѣ сдѣлался рѣже, и число непріятельскихъ лодокъ умножалось, то Вунчъ, не имѣя никакого извѣстія о положеніи отряда Маіора Нейдгарта, рѣшился сѣсть на суда, бывшія подъ его Вунча распоряженіемъ, но при исполненіи видѣлъ совершенное свое незнаніе въ управленіи руля, парусовъ и движеній въ морѣ, находясь на опомъ, какъ и самъ объясняетъ, въ первый разъ въ своей жизни, равно и отъ подчиненныхъ видѣлъ совершенное незнаніе, безпорядокъ и неминуемую свою потерю; непріятель же, надзирая всѣ его предпріятія, на всѣхъ пунктахъ подвинулся впередъ, дабы уничтожить сіе намѣреніе. Попытаясь на лодкахъ приблизиться къ берегу и выйти на островъ, но будучи въ разныхъ мѣстахъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, не могъ предпріятія своего исполнить и удалился отъ выстрѣла, а онъ Вунчъ, не находя ничего болѣе, кромѣ защищать себя на островѣ, за исключеніемъ 17 больныхъ, коихъ такое число утверждаетъ подъ присягою и лѣкарь Статковскій, также тѣхъ командъ, кои расположены были на островахъ Брендо, Вартцало и въ деревнѣ Гельзингѣ, изъ оставшейся при немъ команды: Штабъ-офицера одного, оберъ-офицеровъ 12, унтеръ-офицеровъ 33, музыкантовъ 12 и рядовыхъ 318 человѣкъ, учредилъ пикеты изъ сорока и болѣе человѣкъ на тѣхъ пунктахъ, гдѣ могъ ожидать атаки и десанта, а съ двумя ротами былъ въ

---

[1]) Сія команда, не дошедши до Брендо, на другой день сильнымъ льдомъ принесена на пустой островъ, и Шведами-жъ взята въ плѣнъ.

центрѣ острова и усиливалъ тѣ мѣста, на которыя непріятель болѣе стремился, но 28 числа пополуночи въ 12 часовъ непріятель, умножившійся болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, приближась къ острову, очищалъ берегъ картечными и пушечными выстрѣлами, и сдѣлалъ въ трехъ мѣстахъ высадку съ артиллеріею при каждомъ мѣстѣ по три орудія и такимъ образомъ атаковалъ его въ одно время на всѣхъ пунктахъ. Толпы изъ вооруженнаго взбунтованнаго народа подъ начальствомъ морскихъ офицеровъ, слѣдуя за пушками и въ великомъ числѣ, стремились смѣло, однако-жъ егери, несмотря ни на чрезмѣрное число непріятеля, ни на пальбу пушекъ, дрались храбро до четырехъ часовъ пополудни, и, наконецъ, будучи сильно атакованы, отступали въ безпорядкѣ; хотя жъ Подполковникъ Чистяковъ бросился впередъ, ободрялъ егерей и собиралъ разстроенныхъ, но непріятель, наступая смѣло и не давая времени для устройства, почти въ одно время ворвался въ деревню, въ которой еще продолжалось нѣкоторое время сраженіе; напослѣдокъ, не имѣя при себѣ орудій и, когда у рядовыхъ не стало патроновъ, коихъ на каждомъ состояло положенное число по сорока [2]), къ тому-жъ раненыхъ, какъ и лѣкарь Статковскій подъ присягою увѣряетъ, было уже 63 человѣка, и по несоразмѣрному числу непріятеля, отъ котораго должно было имѣть въ разныхъ мѣстахъ пикеты, изъ коихъ нѣкоторые на отдаленныхъ пунктахъ острова отрѣзаны, непріятель преодолѣлъ отраженіе, и тогда онъ Вунчъ съ прочими сдѣлались плѣнными. О каковомъ захваченіи нашего отряда и Генералъ-маіоръ Шепелевъ, донося Генералъ-Маіору Сазонову, изъяснялъ, что непріятель, будучи въ превосходной силѣ, мелкою флотиліею, вооруженною орудіями, зашелъ моремъ въ тылъ къ острову Кумлинго, гдѣ Полковникъ Вунчъ, какъ жители деревни Гельзинга утверждаютъ, двое сутокъ упорствовалъ и удерживалъ сей островъ, но какъ непріятелю извѣстно было, что къ сторонѣ Гельзинга ледъ еще не очистился, то, видя невозможность къ ретирадѣ Вунча на лодкахъ, кои имъ были приготовлены, обошелъ сей островъ, производя безпрерывно выстрѣлы изъ пушекъ, многихъ побилъ и, наконецъ, высадилъ десантъ, чего Вунчъ по обширности мѣстоположенія удержать не могъ. И онъ Шепелевъ, какъ самовидецъ всѣхъ острововъ, свидѣтельствуетъ ту невозможность, которая по случаю прерванія коммуникаціи льдомъ, воспрепятствовала ретироваться.

---

[2]) Изъ числа бывшихъ въ отрядѣ Полковника Вунча оберъ-офицеровъ 6 человѣкъ показали, что 28 числа Апрѣля, продолжая съ непріятелемъ сраженіе, рядовые выстрѣляли всѣ свои патроны, состоявшія на каждомъ по 30. А изъ рапорта Генералъ-Маіора Шепелева къ Генералъ-Маіору Сазонову отъ 9 мая видно, что при отрядѣ Вунча состояло и четыре патронныхъ ящика, по Вунчъ, утверждая о полномъ количествѣ патроновъ бывшихъ у рядовыхъ объясняетъ, что конечно тѣ офицеры исключаютъ патроны выстрѣленные 27 и показываютъ только о тѣхъ, сколько было на каждомъ егерѣ 28 числа, а что ящики находились при баталіонѣ, сіе согласно съ положеніемъ дѣла, ибо баталіонъ расположенъ былъ отъ Гельзинга до Экеро, между коимъ пространствомъ занимался и островъ Брендо, и на ономъ ящики оставлены по словесному приказанію помянутаго Шепелева за худостію льда, и такъ какъ онъ Вунчъ по увѣренію Начальства не будетъ оставаться на островахъ, то не основательно бы было забирать съ собою на дальнѣйшіе пункты патронные ящики по ломкому пути.

Подсудимый Полковникъ Вунчъ въ службѣ съ 777 года, въ нынѣшнемъ чинѣ съ 803 года, Сербскаго Шляхетства, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей 44 лѣтъ, въ походахъ и многократныхъ сраженіяхъ находился, причемъ раненъ въ правую ногу на вылетъ пулею, а въ правую руку получилъ отъ картечи сильную контузію. За отличія въ сраженіяхъ имѣетъ ордена: Св. Георгія 3, Св. Анны 2 класса, Св. Владиміра 3-й степени и за Измаильскій штурмъ золотой знакъ съ надписью «за отмѣнную храбрость», въ штрафахъ не бывалъ и къ повышенію аттестованъ достойнымъ.

Военный Судъ въ Сентенціи заключалъ: 1-е, что Полковникъ Вунчъ съ отрядомъ своимъ, состоявшимъ изъ Штабъ-офицеровъ трехъ. оберъ офицеровъ двадцати трехъ, унтеръ-офицеровъ пятидесяти трехъ, музыкантовъ четырнадцати, рядовыхъ шестисотъ двадцати трехъ. Казачьяго Подполковника Лощилина полка двадцати двухъ казаковъ, занималъ острова, большими разстояніями воды одинъ отъ другого отдѣленные, не могъ удачно удержать мѣста, будучи атакованъ превосходнымъ числомъ непріятеля на разныхъ пунктахъ и не имѣя у себя артиллеріи. 2-е, цѣль его отправленія, какъ изъ дѣла видно, относилась не къ удержанію острововъ, ибо и тогдашнее начальство полагало, что удерживать ихъ невозможно. 3-е. судя по большимъ плесамъ между острововъ, Вунчъ не былъ въ возможности сдѣлать благополучную ретираду. потому что задніе заливы были уже заняты непріятельскими военными судами. Подсудимый, находясь безъ орудій на лодкахъ, какія имъ только у Аландскихъ жителей были отобраны. и безъ людей, умѣющихъ управлять ими, при атакѣ его военными судами на морѣ, не могъ бы сдѣлать ни малѣйшей обороны, кромѣ того, какъ или сдаться, или отъ пострѣла его лодокъ пушечными зарядами, потонуть со всѣми людьми въ морѣ. не причиня ни малѣйшаго вреда непріятелю, и 4-е, сикурса же онъ не могъ имѣть въ виду потому, что онаго не было назначено, да и не было никакой въ то время нашей флотиліи; почему Коммиссія военнаго суда. на основаніи воинскаго устава 123 артикула 3 и 4 пунктовъ, находя сіи причины достаточными къ извиненію подсудимаго Полковника Вунча противу того, за что онъ преданъ сужденію, **виновнымъ его не находила.** Мнѣніями полагали:

Командиръ 21 дивизіи Генералъ-Маіоръ Демидовъ. согласно съ Сентенціею военнаго суда; а Генералъ-Лейтенантъ Штейнгель. описывая въ подробности обстоятельства сего дѣла. изъясняетъ. что изъ всѣхъ оныхъ Генералъ-Аудиторіатъ усмотритъ. каково было положеніе Полковника Вунча. Въ разнорѣчивыхъ показаніяхъ о патронахъ и патронныхъ ящикахъ, хотя онъ и сдѣлалъ правдоподобныя поясненія, но они не удостовѣрены, и онъ Штейнгель не полагалъ въ томъ надобности 1-е: потому, что если бы Вунчъ по посланному къ нему повелѣнію о ретирадѣ съ острововъ, могъ оную выполнить, то ящики сіи не что иное бы произвели, какъ затрудненіе, а можетъ быть и остановку въ отступленіи, и 2-е потому, что ежели бы имѣлъ ихъ при защищеніи себя, то можетъ быть держался бы день или два больше, и потомъ потеряя болѣе людей убитыми, все бы принужденнымъ нашелъ себя сдаться

превосходству сихъ непріятеля, ибо провіанта имѣлъ по 1-е только мая, сикурса же никакъ и ожидать не могъ, поелику Аландскіе острова съ того самаго времени находились занимаемыми Шведскими войсками чрезъ все то лѣто и осень до слѣдующей зимы; слѣдовательно, оба сіи обстоятельства не улучшили бы отряду сему ни ретираду, ни защищеніе. И за симъ онъ Генералъ-Лейтенантъ Штейнгель, принявъ за удостовѣреніе въ защищеніи себя Вунчемъ на островѣ Кумлинго до послѣдней и самой крайней невозможности, свидѣтельство Штабъ- и Оберъ-офицеровъ и рапортъ Генералъ-Маіора Шепелева, гдѣ онъ описываетъ положеніе того отряда и атаки на него непріятельской, и притомъ долговременная и похвальная служба подсудимаго доказываютъ, что онъ употреблялъ всѣ средства къ отвращенію своего несчастія, но не могъ по всей справедливости его превозмочь, а потому и онъ, Штейнгель, соглашаясь съ заключенною Сентенціею и мнѣніемъ Генералъ-Маіора Демидова, предавалъ на разсмотрѣніе. Генералъ-Аудиторіатъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, находя тогда приговоръ военнаго суда и мнѣніе Генералъ-Лейтенанта Штейнгеля согласнымъ съ законами и обстоятельствами, по суду открывшимися, по коимъ подсудимый Полковникъ Вунчъ признанъ невиновнымъ въ отдачѣ себя съ отрядомъ войска въ плѣнъ, полагалъ его Вунча отъ Суда освободить. Но Военный Министръ Іюня отъ 7-го числа объявилъ: что Ваше Императорское Величество по выслушаніи онаго доклада замѣтить изволили: что учрежденная надъ нимъ Вунчемъ Коммиссія военнаго Суда при производствѣ своемъ не имѣла у себя въ предметѣ донести по дипломатической части отъ Тайнаго Совѣтника Аланеуса писанной къ Государственному Канцлеру Нашему Графу Румянцову, которая даетъ дѣлу сему совсѣмъ другой видъ; а потому Высочайше повелѣть соизволили обратить упоминаемый докладъ и вмѣстѣ съ онымъ препроводить означенную депешу на тотъ конецъ, чтобы Коммиссія военнаго Суда, производившая дѣло надъ Полковникомъ Вунчемъ, разсмотрѣла описываемыя въ сихъ бумагахъ обстоятельства, и сдѣлавъ по онымъ заключеніе свое, представила потомъ въ Генералъ-Аудиторіатъ, а сей, по доставленіи онаго заключенія, обязанъ будетъ сдѣлать соображеніе съ существомъ дѣла, и поднести тогда вновь докладъ на Высочайшую конфирмацію съ изложеніемъ мнѣнія своего; причемъ Военный Министръ приложилъ упоминаемую депешу на французскомъ языкѣ съ краткою выпискою изъ оной на русскомъ, которые и препровождены были въ учрежденную надъ Полковникомъ Вунчемъ Коммиссію военнаго Суда.

Въ оной же депешѣ и выпискѣ, сверхъ происшествій, случившихся съ прочими отрядами, обстоятельства, касающіяся до подсудимаго Вунча, находившагося на островѣ Кумлингѣ значится слѣдующее: Лейтенантъ Канфельманъ въ 1 рапортѣ своемъ отъ 9 мая 808 года писалъ, что, получа достаточныя свѣдѣнія о силахъ и положеніи непріятеля, а притомъ перехвативъ повелѣніе Россійскаго Начальника въ Кумлингъ, чтобы Аландскому отряду немедленно ретироваться, отправился онъ Канфельманъ съ дивизіею его въ Кум-

лингъ, дабы воспрепятствовать отступленію непріятеля въ Финляндію; и такъ какъ непріятельскія войска, находящіяся въ Кумлингѣ, простирались до 660 человѣкъ и не могли оставить сей островъ по причинѣ льду, то Канфельманъ послалъ къ нимъ Парламентера, чтобы уговорить ихъ сдаться, на что получилъ отъ Полковника Вунча отвѣтъ, притомъ же рапортѣ приложенный подъ № 1 съ предложеніемъ перемирія на 8 дней, на которое и онъ Канфельманъ согласился, потому что силы его были слабѣе русскихъ, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы въ продолженіи сего времени никто изъ нихъ не могъ оставить островъ. на сіе получилъ отвѣтствіе отъ помянутаго жъ Вунча приложенное подъ № 2 [1]), а потому отправленъ отъ него Канфельмана Лейтенантъ Кронштедъ на баркасѣ № 11-й пробиваться съ помощью мужиковъ сквозь ледъ къ сѣверному берегу Кумлинга, дабы воспрепятствовать непріятелю переходъ въ Финляндію: самъ же въ виду Россіянъ завладѣлъ большою яхтою и потопилъ нѣсколько судовъ. А во 2 рапортѣ отъ 13 мая Лейтенантъ же Канфельманъ, донося, что онъ собралъ жителей Аландскихъ острововъ около 150 человѣкъ, и упомнивая о заключенномъ съ непріятелемъ перемиріи на недѣлю съ вышеупомянутымъ условіемъ, чтобы никто не оставилъ острова Кумлинга и жители не потерпѣли бы никакого притѣсненія. писалъ, что, получивъ извѣстіе о находящихся въ готовности пяти судахъ съ войсками къ отправленію въ Брендо и что непріятель грабилъ Кумлингскихъ жителей, кои принуждены съ женами и дѣтьми искать у него спасенія, и почитая сіе разрывомъ заключеннаго перемирія, онъ приказалъ Лейтенанту Кронштеду, командовавшему баркасомъ № 11, пробиваться сквозь ледъ и взять три большія мужичьи судна. дабы воспрепятствовать переѣзду въ Брендо, а къ непріятелю послалъ Парламентера для представленія о несправедливомъ его поступкѣ. самъ же, приближаясь съ своимъ Канонерскимъ баркасомъ, отправилъ другого Парламентера, дабы увѣдомить непріятеля о своихъ силахъ и уговорить его къ сдачѣ, но на то получилъ отказъ; а потому 9 числа. сдѣлавъ нужныя распоряженія къ нападенію, и взявъ съ Баркаса пять двухъ фунтовыхъ фалконетовъ, пошелъ на непріятеля съ жителями Аланда, и пополудни въ половинѣ 3 часа началась пальба, и сраженіе продолжалось съ большимъ упорствомъ до четырехъ часовъ. а тамъ непріятель положилъ ружье и взяты въ плѣнъ: одинъ Полковникъ, одинъ Подполковникъ, одинъ Маіоръ, Оберъ-офицеровъ 17. унтеръ-офицеровъ 38, лѣкарь одинъ. цырюльниковъ три, барабанщиковъ 10 и 400 рядовыхъ. Съ Шведской стороны убитыхъ 2. раненыхъ 5, а непріятеля, сколько онъ Канфельманъ узнать могъ, потерялъ убитыми одного и раненыхъ восьми.

---

[1]) Въ отвѣтахъ Полковника Вунча, писанныхъ къ Начальнику Шведскихъ войскъ отъ 26 Апрѣля 808 года, значится, во-1, что онъ соглашается на первое ихъ предложеніе, чтобы оставить въ теченіи недѣли острова, не причиняя ни малѣйшаго вреда жителямъ оныхъ; а во-2, отказывалсь, онъ Вунчъ сдастся на капитуляцію, соглашался заключить перемиріе на 8 дней, съ тѣмъ, что если въ теченіи сего времени не оставитъ острововъ или не получитъ помощи, то предоставлялъ поступить съ собою по правамъ войны, на что и ожидалъ согласія.

Въ выпискѣ изъ Шведскихъ придворныхъ вѣдомостей 20 мая означено донесеніе приходскаго товарища Гуммеруса, въ коемъ между прочимъ сказано: что по полученному имъ Гуммерусомъ извѣстію, о прибытіи небольшой Шведской Эскадры въ Кумлингъ и о требуемой Начальникомъ оной помощи отъ тамошнихъ жителей, онъ Гуммерусъ отправился туда къ 10 числу съ 300 человѣкъ, и соединясь съ Лейтенантомъ Канфельманомъ начали нападеніе въ два часа пополудни. Русскіе аванпосты, поставленные за пригорками производили сильный огонь, на который ихъ люди и артиллерія отвѣчая равномѣрно, или впередъ, и послѣ упорнаго сраженія, продолжавшагося полтора часа, русскіе положили ружье и подняли бѣлый флагъ.

Противу сего Полковникъ Вунчъ показалъ, что учиненное ему 26 числа Апрѣля отъ Лейтенанта Канфельмана предложеніе о сдачѣ, онъ Вунчъ отвергнулъ, согласенъ былъ буде въ продолженіи одной недѣли не получитъ сикурса, безъ кровопролитія оставить острова, на что было онъ Канфельманъ соглашался, прибавя, дабы Вунчъ взбунтовавшимся жителямъ не дѣлалъ никакого притѣсненія, а не такъ, какъ онъ въ послѣднемъ рапортѣ своемъ доноситъ, что въ продолженіе недѣли не оставлять никому оные: другихъ же никакихъ конвенцій съ нимъ Канфельманомъ не заключалъ; а въ продолженіе того времени былъ отправленъ Маіоръ Басковъ съ тремя унтеръ-офицерами. 32 Егерями, Аудиторомъ и писарями на Брендо, въ слѣдъ же за нимъ Подпоручикъ Аристовъ съ 12 егерями съ приказаніемъ пробраться чрезъ ледъ, о чемъ и въ прежде поданныхъ отвѣтныхъ пунктахъ отъ него объяснено, и не имѣя надежды получить сикурса, ожидалъ минуты очищенія водъ отъ льда дабы оставить острова, но Канфельманъ, увидя или другими своими офицерами будучи наставленъ, что принятое имъ условіе для нихъ невыгодно, и узнавъ, что нѣсколько лодокъ отправлены съ солдатами, выдумалъ придирку, какъ будто не надлежало никому оставлять острова, и вскорѣ послѣ того прислалъ Чиновника объяснить ему Вунчу. что отправленіе на 5-ти судахъ войска противно сдѣланной конвенціи, и также будто бы отъ подчиненныхъ его дѣланы жителямъ обиды, почему онъ и не соглашается на перемиріе, а требовилъ вторично, дабы Вунчъ сдался, но онъ съ презрѣніемъ отвергнулъ такъ же, какъ и въ первый разъ, послѣ чего начались непріятельскія дѣйствія; притѣсненій же и грабительства жителямъ никогда дѣлано не было; а изъ выписки, приложенной при запросныхъ пунктахъ, съ соболѣзнованіемъ читалъ онъ Вунчъ несправедливыя донесенія Канфельмана, но къ облегченію чести его Вунча, несправедливость сія обнаружена несогласіемъ собственныхъ онаго Канфельмана донесеній; изъ сего Судъ и можетъ заключить о подлинности оныхъ.

Военный Судъ изъясняетъ, что онъ, разсмотрѣвъ отвѣты полковника Вунча, равно и депешу по дипломатической части Тайнаго Совѣтника Аллопеуса и сравнивая рапорты Лейтенанта Канфельмана и приходскаго товарища Гуммеруса съ показаніями Вунча и

прочихъ чиновъ, служившихъ тогда подъ его Начальствомъ, находитъ, что объясненія съ Русской и Шведской стороны совершенно сходны, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, а именно: 1-е Капфельманъ показываетъ, что по свѣдѣніямъ, имъ полученнымъ, состояло на Кумлингѣ 660 русскихъ нижнихъ чиновъ, что дѣйствительно происходило отъ ошибки, ибо при выступленіи Полковника Вунча по 31 марта къ Аландскимъ островамъ, его отрядъ состоялъ съ Кавалеріею 668 человѣкъ, изъ коего числа 120 егерей, 44 кавалериста, всего 164 отправлено на большой Аландъ, сверхъ того осталось достаточное прикрытіе при оставленныхъ на Брендо патронныхъ ящикахъ. 2-е Капфельманъ въ первомъ рапортѣ своемъ даетъ разумѣть, якобы заключилъ съ Полковникомъ Вунчемъ перемиріе на недѣлю съ тѣмъ однако жъ, чтобы никто изъ русскихъ войскъ не оставилъ Кумлинга и жители притѣсненій не претерпѣли, и во второмъ рапортѣ посылаетъ Парлементера съ объясненіемъ, что перемиріе нарушено потому, что уже пять судовъ готовы были къ отправленію войскъ на Брендо, и что въ ту ночь якобы русскіе грабили кумлингскихъ жителей. По первому пункту видно изъ отвѣтовъ Полковника Вунча № 1 и 2, представленныхъ самимъ Капфельманомъ, что онъ. Вунчъ, согласился на перемиріе на недѣлю только съ тѣмъ, чтобы оставить островъ безъ кровопролитія, не причиняя жителямъ никакого вреда, буде онъ въ теченіи сего времени не найдетъ случая отправится прежде, или помощи отъ своихъ не получитъ. послѣ чего можетъ Лейтенантъ Капфельманъ поступать съ нимъ Вунчемъ по правамъ войны, на что онъ будетъ ожидать отвѣта. но отвѣта не воспослѣдовало и никакого перемирія не заключено и видно, что сими переписками Шведскій Начальникъ искалъ обмануть своего непріятеля выигрышемъ времени и совершеннымъ взбунтованіемъ Аландскихъ жителей, потому какъ Капфельманъ объясняетъ въ то время, онъ приказалъ Лейтенанту Кронштеду съ помощію обывателей отрѣзать русскимъ войскамъ дорогу въ Финляндію: по второму, якобы въ ту ночь грабили жителей, которые съ женами и дѣтьми прибѣжище свое искали у Капфельмана, изъ всего дѣла равно и изъ депеши видно, что жители собрались подъ начальствомъ Капфельмана не для избѣжанія грабежа, но для нападенія на русскихъ, и натурально, что, ожидая кровопролитнаго происшествія, жонъ и дѣтей взяли съ собою, почему если случился въ то время какой либо безпорядокъ, то оный не можетъ относится къ несоблюденію дисциплины. ибо народъ взбунтующійся потеряетъ всѣ права законовъ: сверхъ того приходскій товарищъ Гуммерусъ въ своемъ донесеніи нигдѣ о грабежѣ не упоминаетъ. а если бы оный дѣйствительно случился, тогда бы онъ не упустилъ о семъ упомянуть. 3-е Капфельманъ показываетъ о пяти судахъ, заготовленныхъ для отправленія Россійскихъ войскъ на Брендо, что якобы тѣмъ нарушилось перемиріе, но сіе во второмъ пунктѣ доказано, что ни какое перемиріе заключено не было. почему сіе показаніе Шведскаго Начальника не справедливо; ибо по всѣмъ отвѣтамъ. отобраннымъ отъ подсудимаго Полковника Вунча и всѣхъ бывшихъ тогда при немъ

Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, значится, что отправленіе Маіора Баскова съ 32 Егерями на пяти лодкахъ, и потомъ одного оберъ-офицера и 12 Егерей, случилось прежде начала переговоровъ, то есть въ то время, какъ видна была вдали Шведская флотилія и признана за непріятельскую. 4-е Лейтенантъ Капфельмамъ, сколько могъ узнать, показываетъ потерю со Шведской стороны состоящихъ двухъ убитыхъ и пяти раненыхъ, а съ русской въ одномъ убитомъ и восьми раненыхъ: Полковникъ Вунчъ и прочіе въ плѣнъ взяты съ нимъ офицеры не могли о томъ дать отчета, по той причинѣ, что въ ту минуту какъ взяты, отдѣлены были отъ нижнихъ чиновъ, по опаго полку бывшій тогда лѣкарь Статковскій подъ присягою объявилъ, что послѣ сраженія, по взятіи въ плѣнъ, перевязывалъ онъ трудно и легко раненыхъ 63 человѣка.—Лейтенантъ Капфельманъ во второмъ рапортѣ своемъ прописываетъ. что наконецъ онъ. отдавъ команду баркаса, пошелъ самъ съ пятью пушками своими на непріятеля, и сраженіе продолжалось съ великимъ жаромъ отъ половины 3 часа по полудни до 4 часовъ, то есть одного съ половиною часа, послѣ чего непріятель положилъ ружье и сдался; приходскій товарищъ Гуммерусъ такъ же въ рапортѣ своемъ прописываетъ, что послѣ упорнаго сопротивленія, продолжавшагося полтора часа, россійскій отрядъ положилъ ружья и выставилъ бѣлый флагъ. Изъ сихъ обѣихъ донесеній видно. что выданное Капфельманомъ число раненыхъ Россійскихъ воинскихъ чиновъ. и то по слухамъ. не заслуживаетъ довѣренности; напротивъ того, показаніе подъ присягою лѣкаря Статковскаго никакому сомнѣнію не подвержено, ибо невѣроятно. чтобъ сверхъ прежнихъ стычекъ, въ продолженіи полутора часа послѣ упорнаго сраженія съ пушками, потеря русскихъ войскъ столь мала, какъ значится въ донесеніи Лейтенанта Капфельмана. А потому военный Судъ все вышеписанное представляетъ на разсмотрѣніе высшаго Начальства, что при внезапномъ покушеніи Шведовъ на Аландскія острова, а именно на Кумлинъ. оставались Полковнику Вунчу два способа: первый—ретироваться чрезъ Вредо въ Гельзинъ, или отразить непріятеля вооруженною силою: и первый изъ сихъ способовъ сопряженъ былъ съ невозможностію по поводу неумѣнія нижнихъ чиновъ грести, управлять рулемъ и парусами и тогдашняго состоянія моря, покрытаго плывущимъ льдомъ, который вдругъ собирался въ кучи, представлялъ непреодолимое препятствіе, что можно ожидать было изъ примѣра Маіора Баскова; что-жъ касается до отраженія непріятеля вооруженнаго силою, то Полковникъ Вунчъ не могъ противиться десанту на Кумлинѣ Аландскихъ жителей подъ предводительствомъ Лейтенанта Капфельмана. который очищалъ берегъ артилеріею своею въ таковой дистанціи, отъ коей отрядъ Россійскій, не имѣвъ при себѣ орудіевъ, непріятелю вредить не могъ, послѣ же десанта съ артиллеріею собравшихся Аландскихъ толповъ, по увѣщанію приходскаго товарища Гуммеруса, отрядъ Полковника Вунча имѣлъ также не выгоду въ разстрѣляніи въ продолженіи полутора часа всѣхъ своихъ патроновъ: онъ могъ бы конечно продолжать кровопролитіе, но безъ всякой пользы; въ числѣ

главныхъ причинъ сего несчастія, Коммиссія полагаетъ возвращеніе ружей обывателямъ Аландскимъ, по повелѣнію Генералъ отъ Инфантеріи Графа Буксгевдена, отъ чего духъ взбунтовавшихся Аландцовъ усилился; [1]) почему Коммиссія и не находитъ чтобы депеша имѣла вліяніе къ обвиненію Полковника Вунча, то совершенно и согласно съ прежде учиненнымъ объ немъ, Вунчѣ, приговоромъ.

Презусами по сему дѣлу были: при заключеніи первой Сентенціи Генералъ-Маіоръ Чоглоковъ; а при дополненіи — Артиллеріи Генералъ-Маіоръ Бельгардъ, о подсудимомъ же Полковникѣ Вунчѣ въ Сентенціи объяснено, что онъ находится въ городѣ Або не арестованнымъ.

Представившій сіе дѣло въ Генералъ-Аудиторіатъ Генералъ-Лейтенантъ Штейнгель пишетъ: какъ первая Коммиссія не нашла ни въ чемъ виновнымъ Полковника Вунча, да и нынѣшняя по разсмотрѣніи упоминаемой депеши согласилась съ тѣмъ же приговоромъ то и онъ Генералъ-Лейтенантъ подтверждаетъ прежнее его по сему дѣлу мнѣніе. Генералъ-Аудиторіатъ, сообразивъ упоминаемую депешу съ существомъ прежде произведеннаго о подсудимомъ Полковникѣ Вунчѣ дѣла, находитъ, что невозможность въ отступленіи ему Вунчу съ отрядомъ изъ Аландскихъ острововъ тогда, когда уже имѣлъ онъ и предписаніе о семъ, такъ же упорное сопротивленіе при случаѣ нападенія на него съ Шведской стороны на островѣ Кумлингѣ, и превосходство непріятеля въ людяхъ и орудіяхъ, видны и изъ самой оной депеши, ибо 1-е командовавшій Шведскими войсками Лейтенантъ Капфельманъ говоритъ, что наши войска, находившіяся въ Кумлингѣ не могли оставить сей островъ по причинѣ льду, а чтобы и болѣе воспрепятствовать переходу ихъ въ Финляндію, то отъ него Капфельмана посланъ былъ Лейтенантъ Кронштедъ къ сѣверному берегу Кумлинга на Баркасѣ съ тремя большими мужичьими судами, да и кромѣ сихъ препятствій, невозможность въ переправѣ тогда чрезъ море, доказалъ самый опытъ отправленныхъ Вунчемъ впередъ судовъ съ командою подъ начальствомъ Маіора Баскова, которые не могли дойти до острова Брендо, прибиты льдомъ къ другому мѣсту и взяты шведами. 2-е что при нападеніи съ Шведской стороны на отрядъ Вунча, сраженіе продолжалось полтора часа съ большимъ упорствомъ, сіе согласно показываютъ какъ Лейтенантъ Капфельманъ, такъ и дѣйствовавшій соединенно съ нимъ приходскій товарищъ Гуммерусъ, объясняя, что при семъ нападеніи были со стороны ихъ употреблены къ дѣйствію и артиллерійскія орудія, каковыхъ Полковникъ Вунчъ, какъ изъ произведеннаго надъ нимъ суда открылось, при отрядѣ своемъ не имѣя, тогда уже сдался, когда рядовые выстрѣляли всѣ патроны, которыхъ и

---

[1]) По дѣлу видно, что Генералъ-Маіору Шепелеву предписано было отъ 1-го апрѣля 808 г., чтобъ у жителей не отбирали тѣ ружья, которые они имѣютъ для охоты, исключая казенныхъ орудій; и оный Шепелевъ отъ 6 апрѣля Генералу отъ Инфантеріи Князю Багратіону доносилъ, что отобранныя отъ жителей ружья велѣлъ онъ возвратить имъ.

въ добычѣ упомянутый Капфельманомъ доносившій о числѣ плѣнныхъ и о припасахъ взятыхъ съ ними, не показывать, то и симъ подтверждается, сколько упорное сопротивленіе нашего отряда, столько же и истощеніе всѣхъ возможныхъ средствъ къ дальнѣйшей оборонѣ и отраженію непріятеля; а хотя въ донесеніи Лейтенанта Капфельмана показано съ нашей стороны убитыми одинъ и раненыхъ восемь человѣкъ, но какъ изъ онаго-жъ донесенія его видно, что онъ о сей потерѣ писалъ по однимъ только слухамъ, а находившійся при отрядѣ Вунча лекарь Статковскій подъ присягою засвидѣтельствовалъ, что раненыхъ было 63 человѣка, то при семъ засвидѣтельствованіи Чиновника, не подвергающагося отвѣтственности за воинскія дѣйствія, и не можно полагаться на донесенія непріятельскаго Начальника, тѣмъ паче, что онъ писалъ, какъ и самъ упоминаетъ, сколько могъ узнать, не говоря утвердительно, чтобы такое число убитыхъ и раненыхъ было по общимъ и удостовѣреннымъ свѣдѣніямъ. 3-е Капфельманъ въ своихъ самыхъ донесеніяхъ о числѣ находившихся въ Кумлингѣ нашихъ войскъ написалъ различно, ибо въ первомъ означилъ число оныхъ до 660 человѣкъ, а во второмъ убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ всѣхъ чиновъ 181. то самая сія разность въ донесеніяхъ не только доказываетъ невѣрность оныхъ о числѣ бывшихъ на Кумлингѣ нашихъ войскъ, но и подкрѣпляетъ показаніе Вунча подъ присягою, засвидѣтельствованное Подполковникомъ Чистяковымъ, что за исключеніемъ 17 больныхъ, равно и тѣхъ командъ, кои расположены были на островахъ Бредло, Вартцало и проч., отрядъ Вунча на островѣ Кумлингѣ оставался всего изъ 376 человѣкъ, въ числѣ коихъ было рядовыхъ 318, да и тѣ находились не въ одномъ мѣстѣ, но частію на разныхъ пикетахъ, о дѣйствительности коихъ упоминается и въ донесеніи приходскаго товарища Гуммеруса; о превосходномъ же числѣ людей со стороны Шведской при нападеніи на нашъ отрядъ въ Кумлингѣ, изъ самыхъ донесеній Капфельмана и Гуммеруса явствуетъ, что при нихъ было однихъ жителей Аландскихъ острововъ до 750 человѣкъ, кромѣ находившихся войскъ въ эскадрѣ Капфельмана, а сіе превосходство силъ, подкрѣпленное артиллерійскими орудіями, число раненыхъ съ нашей стороны, признанная самимъ Начальствомъ невозможность держаться на острову и не только затруднительная, но даже и невозможная ретирада, должны были понудить Полковника Вунча, неимѣвшаго надежды на сикуръ, для спасенія остальныхъ людей отъ неизбѣжной и безплодной для отечества погибели, отдаться непріятелю въ плѣнъ, *и чего ему въ вину, не нарушая строгой справедливости, Генералъ-Аудиторіатъ поставлять не можетъ.*

Но за всѣмъ тѣмъ, какъ при нынѣшнемъ дополненіи открылись такія обстоятельства, которыя по прежде произведенному суду подсудимыхъ Вунчемъ не были подробно объяснены и именно: что онъ, Вунчъ, въ тотъ же самый день, въ который прибылъ непріятель къ острову Кумлингу, на предложеніе Начальника ихъ, безъ совѣта предписаннаго воинскимъ Уставомъ главы 50 въ пунктѣ 5, самъ собою давать отвѣты, изъявляя согласіе къ

заключенію перемирія и предоставляя поступить съ собою по правамъ войны тогда, когда не получитъ помощи, чѣмъ самымъ сколько открылъ онъ, Вунчъ, предъ непріятелемъ нужду свою въ помощи, столько и поспѣшностію въ отвѣтахъ поступилъ неблагоразумно и оплошно, за что по воинскому 28 артикулу и подлежалъ бы быть отставленъ отъ службы; но во уваженіи, что оную продолжалъ онъ, Вунчъ, 30 лѣтъ съ немалыми отличіями, какъ сіе подтверждается всемилостивѣйшими пожалованіями ему трехъ орденовъ и особеннаго знака за отмѣнную храбрость, а притомъ бытія въ походахъ и многократныхъ сраженіяхъ, въ коихъ получилъ онъ рану и контузію, да и при послѣднемъ на него нападеніи непріятеля, къ отраженію онаго были употреблены всѣ возможныя средства, которыя превосходство непріятеля людьми и орудіями преодолѣло; не благоугодно ли будетъ Всевысочайше повелѣть вмѣнить ему, Вунчу, въ наказаніе бытность подъ судомъ, подъ коимъ онъ состоитъ уже третій годъ. Впрочемъ, всеподданнѣйше предаетъ на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благосоизволеніе. Января 4 дня 1812 года.

VII.

СПИСОКЪ ЛИЦЪ [1],

стоявшихъ во главѣ военно-судебнаго управленія

Генералъ-аудиторы XVIII ст.

1.

Иванъ Васильевичъ Кикинъ.

Управлялъ дѣлами Военной Канцеляріи въ Москвѣ съ 1712 по 1716 г.

Помощникъ Генералъ-Плениипотенціара-Кригсъ-Комиссара кн. Долгорукова въ Военной Канцеляріи съ 1716 г. (апрѣля) по 1718 г.

Вызванъ въ Москву въ 1718 г. по розыскному дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ.

Назначенъ воеводою въ Астрахань въ 1722 г.

Уволенъ изъ Астрахани въ С.-Петербургъ въ 1724 г.

2.

Ѳеодоръ Центаровии (Центаровій или Центаровъ).

1726—1752 г.

Происходитъ изъ чеховъ.

Назначенъ генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ при Военной Коллегіи 11 іюля 1719 г.

Назначенъ генералъ-аудиторомъ при Военной Коллегіи 11 іюля 1726 г., съ полученіемъ «ранга подполковничья».

Участвуетъ въ составленіи проекта Воинскаго Устава и въ засѣданіяхъ воинской комиссіи въ С.-Петербургѣ въ 1730 году.

---

[1]) Составленъ на основаніи опредѣленій Военной Коллегіи, Дѣлъ изъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба, списковъ Генералитету и книги г. Розенгейма.

Находясь на службѣ въ Военной Коллегіи въ должности генералъ-аудитора, служилъ также и въ Правительствующемъ Сенатѣ по Лифляндскимъ и Эстляндскимъ дѣламъ.

Уволенъ отъ службы въ отставку за дряхлостью и старостью, съ награжденіемъ бригадирскимъ рангомъ 29 апрѣля 1752 г.

3.

Василій Чистюшинъ.

1752—1756 г.

Состоялъ на службѣ въ Военной Коллегіи.

Назначенъ на должность генералъ-аудиторъ-лейтенанта при Военной Коллегіи съ полученіемъ ранга майорскаго 4 апрѣля 1747 г.

Назначенъ на должность генералъ-аудитора съ награжденіемъ подполковничьимъ рангомъ 29 апрѣля 1752 г.

Въ теченіе 1754—1755 г. въ спискахъ генералитету Чистюшинъ значится «за генералъ-аудитора», но обязанностей не несетъ.

Получаетъ чинъ военнаго совѣтника 19 января 1756 г.

Обязанности генералъ-аудитора за 1754—1755 г. исполняетъ Михайла Макаровъ, служба котораго такова:

Оберъ-аудиторъ при Военной Коллегіи 1744 г- (?)

Назначенъ генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ въ рангѣ майора 20 апрѣля 1752 г.

Пожалованъ въ коллежскіе совѣтники съ назначеніемъ къ другимъ дѣламъ.

4.

Матвѣй Дмитріевъ-Мамоновъ.

1757—1761 г.

Поступилъ въ Военную Коллегію изъ капитановъ арміи и назначенъ на должность генералъ-аудиторъ-лейтенанта въ рангѣ майорскомъ 12 января 1756 г.

Произведенъ въ подполковники въ октябрѣ 1756 г.

Назначенъ на должность генера-аудитора 2 февраля (?) 1757 г.

За болѣзнью уволенъ отъ должности генералъ-аудирора, съ назначеніемъ на службу въ Дворцовую Канцелярію 8-го января 1761 г.

При немъ состоялъ генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ знаменитый Александръ Васильевичъ Суворовъ (съ 28 октября по 4 декабря 1756 г.).

5.

Илья Плюсковъ.

1761—1763 г.

Оберъ-аудиторомъ съ 1752 года.

Назначенъ въ генералъ-аудиторы съ награжденіемъ подполковничьимъ рангомъ 8 января 1761 г.

Уволенъ отъ должности генералъ-аудитора, съ награжденіемъ чиномъ полковника и съ назначеніемъ на службу въ С.-Петербургскій гарнизонъ 22 іюля 1763 г.

6.

Ларіонъ Украинцевъ.

1763—1777 г.

Назначенъ на должность генералъ-аудиторъ-лейтенанта въ 1660 г.

Назначенъ въ генералъ-аудиторскую экспедицію 9 іюня 1773 г.

Пожалованъ рангомъ бригадира 22 сентября 1777 г.

Назначенъ на должность помощника правителя Тульскаго намѣстничества 15-го ноября 1777 года.

7.

Егоръ Наумовъ.

1778—1781 г.

Вступилъ въ должность генералъ-аудитора (которая съ уходомъ Украинцева въ теченіе года оставалась незанятою; исполнялъ генералъ-аудиторскія обязанности—генералъ-аудиторъ-лейтенантъ Евстигней Ивановъ) —25 октября 1778 г. изъ коллежскихъ совѣтниковъ.

Переименованъ въ полковники по арміи—тогда же.

Пожалованъ рангомъ бригадира и назначенъ контролеромъ въ С.-Петербургскій банкъ для вымѣна государственныхъ ассигнацій 10 марта 1781 г.

8.

Захаръ Корнѣевъ.

1781—1782 г.

«Произведенъ» въ генералъ-аудиторы Военной Коллегіи изъ премьеръ-маіоровъ С.-Петербургскаго Драгунскаго полка 10 марта 1781 г.

Уволенъ отъ службы по прошенію за болѣзнью, съ награжденіемъ чиномъ полковника 23 марта 1782 г.

9.

Василій Волковъ.

1782—1788 г.

Назначенъ на должность генералъ-аудиторъ-лейтенанта при Военной Коллегіи 8 мая 1778 г.

По опредѣленію Военной Коллегіи произведенъ въ генералъ-аудиторы оной, состоя въ чинѣ военнаго совѣтника 28 апрѣля 1782 г.

По прошенію за болѣзнью уволенъ отъ должности генералъ-аудитора, съ награжденіемъ чиномъ бригадира и съ назначеніемъ оберъ-комендантомъ въ городъ Сѣнно 29 января 1788 г.

10.

Алексѣй Кобылинскій.

1788—1797 г.

Назначенъ на должность оберъ-аудитора въ Военную Коллегію 16 февраля 1786 г.

Опредѣленіемъ Военной Коллегіи назначенъ генералъ-аудиторомъ въ чинъ подполковника 31 января 1788 г.

Произведенъ за отличіе въ Военные Совѣтники 22 ноября 1793 г.

Назначенъ контролеромъ Счетной Экспедиціи, исполняя обязанности генералъ-аудитора при Военной Коллегіи 31 января 1797 г.

11.

Князь Иванъ Андреевичъ Шаховской.

1797—1800 г.

Назначенъ управляющимъ Генералъ-Аудиторствомъ изъ членовъ Военной Коллегіи, въ чинъ генералъ-лейтенанта, 9 января 1797 г.

Назначенъ предсѣдателемъ Генералъ-Аудиторіата 21 января 1797 г.

Произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи въ 1799 г.

По именному Его Величества указу, данному Военной Коллегіи 18 марта 1800 г., за старостью былъ отставленъ отъ службы, съ исключеніемъ изъ общаго армейскаго генералитета.

Генералъ-аудиторы XIX ст.

12.

Генералъ-лейтенантъ князь **Семенъ Ивановичъ Салаговъ.**

1800—1812 г.

Происходитъ изъ грузинскихъ князей.

Въ службѣ состоялъ:

Прапорщикомъ 21 августа 1771 г.

Сержантомъ 1 сентября 1771 г.

Полковымъ адъютантомъ въ Сѣвскомъ пѣхотномъ полку 24 ноября 1774 г.

Полковымъ квартермистромъ 7 марта 1778 г.

Переименованъ въ поручики въ бывшемъ Черниговскомъ легко-конномъ полку 1 августа 1784 г.

Оберъ-аудиторомъ 24 сентября 1784 г.

Флигель-адъютантомъ 23 января 1786 г.

Генералъ-адъютантомъ чина премьеръ-маіорскаго въ бывшемъ штабѣ полнаго генерала 23 августа 1787 г.

Подполковникомъ 22 іюня 1789 г., съ оставленіемъ при главнокомандовавшемъ армією на Кавказской линіи,

Оберъ-кригсъ-коммиссаромъ въ комиссаріатскомъ штатѣ 28 іюня 1791 г.

Переименованъ въ полковники 28 іюня 1792 г. и опредѣленъ въ Сумской легко-конный (что нынѣ Гусарскій) полкъ.

Генералъ-маіоромъ 16 іюля 1797 г. и опредѣленъ шефомъ въ Смоленскій драгунскій полкъ.

Уволенъ отъ службы 22 апрѣля 1798 г.

Принятъ въ службу 9 сентября 1798 г. и опредѣленъ полковымъ командиромъ Л.-Гвардіи въ Гусарскій полкъ.

Уволенъ отъ службы съ мундиромъ 12 января 1800 г.

Принятъ въ службу 19 февраля 1800 г. съ назначеніемъ генералъ-аудиторомъ.

Произведенъ въ III-ій классъ 15 іюля 1800 г. и тогда же назначенъ сенаторомъ съ оставленіемъ при прежней должности.

Переименованъ въ генералъ-лейтенанты 16 апрѣля 1801 г.

Назначенъ президентомъ Генералъ-Аудиторіата 8 сентября 1805 г.

Назначенъ въ совѣтъ военнаго министерства непремѣннымъ членомъ 12 апрѣля 1812 г.

Скончался 4 февраля 1820 г.

Всего въ службѣ, за исключеніемъ времени бытности въ отставкѣ, находился 48 лѣтъ и 1 день.

Въ офицерскихъ чинахъ—45 лѣтъ, 2 мѣсяца и 10 дней.

Въ чинѣ генералъ-лейтенанта 19 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 19 дней.

Въ отставкѣ былъ 5 мѣсяцевъ и 22 дня.

Отъ роду имѣлъ 66 лѣтъ.

Въ штрафахъ и домовомъ отпуску не бывалъ.

Въ походахъ и въ сраженіяхъ былъ:

въ 1772 году до рѣки Дуная,

въ 1773 году подъ городомъ Силистрою и Гирсовымъ,

въ 1774 году при Шумлѣ,

въ 1783, 1784 и 1787 гг. въ Польшѣ, и

въ 1788 г. при осадѣ города Хотина.

За отличіе по службѣ награжденъ:

Орденами Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра 2 степени,

Св. Анны 1 класса съ алмазами и Св. Іоанна Іерусалимскаго командорственнымъ.

Сверхъ того:

объявлены ему Монаршія благоволенія,

пожаловано въ Слободско-Украинской губерніи 399 душъ, мужеска пола крестьянъ въ 1801 г.

Получалъ жалованья:

окладного по чину	2160 руб.,
денщичьихъ и раціоновъ	619 руб.,
по званію непремѣннаго члена совѣта военнаго министерства столовыхъ денегъ	4000 руб.
Всего	6779 руб.

Оглавленіе

Историческаго Очерка Главнаго Военно-Суднаго Управленія.

Введеніе.

ГЛАВА I. До-Петровскій періодъ. 1
ГЛАВА II. Царствованіе Петра Великаго 26
ГЛАВА III. Эпоха преемниковъ Петра Великаго 131
ГЛАВА IV. Царствованіе Имп. Павла I. 154

Царствованіе Александра I.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ 169
ГЛАВА I. Эпоха до учрежденія министерствъ 171
ГЛАВА II. Эпоха до 27 января 1812 г. 179

Приложенія

Н. Самокишъ..

ВОЕННО-ТЮРЕМНАЯ ЧАСТЬ.

СТОЛѢТІЕ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА

1802 = 1902

XII

Книга II.

Часть I.

ВОЕННО-ТЮРЕМНАЯ ЧАСТЬ.

СОСТАВИЛЪ

Н. И. Фалѣевъ.

5 2
-2-2-1

СТОЛѢТІЕ
ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА
1802-1902

Военно-Тюремная Часть.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Книга II.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОРЪ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ **Д. А. Скалонъ.**

СОСТАВИЛЪ КАПИТАНЪ **Н. И. Фалѣевъ.**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРА **І. А. Шендзиковскаго.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

ЭКЗЕМПЛЯРЪ
ДЛЯ ВѢЧНАГО ХРАНЕНІЯ

№.....

Образецъ бумаги, на которой напечатанъ настоящій экземпляръ, былъ изслѣдованъ въ Испытательной Станціи Техническаго Комитета Главнаго Интендантскаго Управленія и при этомъ получены слѣдующіе результаты:

	Доставленный при № 364 образецъ бумаги, на которой напечатанъ настоящій экземпляръ.	Нормальныя условія типографской бумаги для вѣчнаго храненія.	
		Для документовъ и изданій, подлежащихъ вѣчному храненію.	Для документовъ и изданій, подлежащихъ болѣе или менѣе долгому храненію.
Составъ бумаги.	чистое тряпье.	чистое тряпье.	тряпье съ примѣсью древесной целлюлозы, допускаемой безъ ограниченія количества, но не должно быть древесной массы.
Разрывная длина.	4663 метр.	3000 метр.	3000 метр.
Растяжимость.	3,1[illegible]%	2,5%	2,5%
Количество золы.	0,44%	не болѣе 10%	не болѣе 15%
Сопротивленіе излому или гибкость (на машинѣ).	343 обор.	50 обор.	50 обор.
Проклейка бумаги.	хорошая.		—

Бумага, доставленная при № 364, по изслѣдованіи оказалась чисто-тряпичная, и всѣ ея качества (разрывъ, растяженіе, количество золы и пр.) даютъ право признать ее вполнѣ пригодною для вѣчнаго храненія.

Извлеченіе изъ отношенія Техническаго Комитета Главнаго Интендантскаго Управленія отъ 17 августа 1902 года, № 1823.

ПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА
ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 2000 ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ,
ИЗЪ КОИХЪ
200—ДЛЯ ВѢЧНАГО ХРАНЕНІЯ
ПЕЧАТЬ ТЕКСТА И КЛИШЕ ТИПОГРАФІИ
ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
СПБ. В. ПОДЪЯЧЕСКАЯ, 39.
1902.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Московскій періодъ.

ВЪ НАШЕМЪ законодательствѣ ранѣе другихъ формъ лишенія свободы появляется ссылка.

ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНІЯ ССЫЛКИ ВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ.

Юридически она практикуется, какъ наказаніе, уже во второй половинѣ XVI столѣтія — именно въ дополнительномъ указѣ 1582 года къ судебнику встрѣчается указаніе на ссылку, какъ на послѣдствіе примѣненія къ виновному торговой казни [1]). Такимъ образомъ, ссылка являлась не самостоятельною карательною мѣрою [2]). Законодатель, устанавливая этотъ карательный придатокъ къ тѣлесному наказанію, стремился къ извлеченію изъ преступника возможно большей пользы для государства; поэтому и первая ссылка носитъ чисто-утилитарный характеръ: виновные въ крамолѣ дѣти боярскія и вообще люди, ложно

---

[1]) Фойницкій, Ученіе о наказаніи, стр. 260.
[2]) Акты историческіе, I, № 54, пун. XX.

жалующіеся или затѣвающіе ложные извѣты на судъ, признавались порочными, вредными для общества, а потому имъ было предписано высылать изъ центра на окраины—«въ украинные города Сѣвскъ, Курскъ и иные».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая создать изъ преступниковъ особое единеніе, полезное для государства, законодатель предписывалъ вербовать изъ сосланныхъ казаковъ и обязывать ихъ военною службою на границахъ государства.

ЦѢЛИ ССЫЛКИ.

Послѣднее обстоятельство представляется очень важнымъ; въ самомъ дѣлѣ, высылая преступниковъ изъ центра, правительство преслѣдовало цѣли охраны общества отъ правонарушителей, стремилось къ достиженію задачъ внутренняго благоустройства. Но этого мало—поселяя порочныхъ членовъ общества на границахъ государства, правительство, съ одной стороны, до извѣстной степени оберегало внѣшнюю безопасность, а съ другой—создавало тѣмъ самымъ сильное карательное средство для самихъ преступниковъ, такъ какъ въ разсматриваемую эпоху югъ Россіи представлялся мѣстомъ небезопаснымъ отъ вражескихъ нападеній, и жизнь ссыльныхъ отнюдь не могла считаться привлекательною для безпорочнаго населенія.

Затѣмъ вплоть до изданія Соборнаго Уложенія наше уголовное законодательство совершенно умалчиваетъ о ссылкѣ, уложеніе же смотритъ на ссылку, какъ на карательный придатокъ, а не на самостоятельное наказаніе [1]).

ФАКТИЧЕСКОЕ ПРИМѢНЕНІЕ ССЫЛКИ.

Таковы законодательныя данныя, касающіяся ссылки. Но, обращаясь къ фактическому изслѣдованію вопроса, приходится придти къ убѣжденію, что ссылка, какъ мѣра административная, появилась значительно раньше своего признанія въ законодательствѣ.

Въ XVI столѣтіи у московскихъ государей проявляется стремленіе извлекать пользу изъ военноплѣнныхъ путемъ ссылки ихъ въ восточныя окраины. Главнымъ пунктомъ служили Астрахань и Сибирь. Ссыльнымъ иноземцамъ—литовскіе люди, нѣмцы, черкассы и др. [2])—предоставляется право вступать на службу и получать жалованье: при переходѣ ихъ въ православіе, они получаютъ льготы, становятся въ положеніе начальниковъ и т. д. Вслѣдъ за военноплѣнными ссылка распространяется и на преступниковъ. Въ уложеніи мы встрѣчаемъ уже 11 случаевъ примѣненія этой мѣры.

---

[1]) Фойницкій, цит. соч., стр. 261.

[2]) Въ Астрахани въ XVII ст. было много ссыльныхъ индѣйцевъ. Дополн. къ Акт. Ист., VII, 55.

Не перечисляя этихъ случаевъ, укажемъ лишь, что въ 1679 году ссылка была распространена на военнослужащихъ за чисто-воинское преступное дѣяніе—побѣгъ со службы: въ грамотѣ Чердынскому воеводѣ предписывается бѣглецовъ ссылать въ Сибирь [1]). Подобное законодательное опредѣленіе встрѣчается позднѣе: въ 1696 году ссылка назначается стрѣльцамъ за побѣгъ со службы изъ подъ-Азова [2]), а въ 1697 году—рейтарамъ и солдатамъ за неявку на службу [3]). Наконецъ, въ 1699 году за стрѣльбу изъ ружей, не вызываемую необходимостью, во второй разъ въ городѣ Москвѣ—ссылка примѣнялась, уже какъ самостоятельная карательная мѣра [4]).

Однако, ограничиваться законодательными памятниками для выясненія объема ссылки не представляется возможнымъ. Зачастую въ Московскомъ государствѣ ссылка примѣнялась за такія преступныя дѣянія, которыя были обложены другими наказаніями. Въ этихъ случаяхъ судебная власть не могла удовлетвориться наказаніемъ по закону и осуществляла такое наказаніе, которое болѣе всего соотвѣтствовало обстоятельствамъ даннаго случая. Такъ было, напримѣръ, въ 1661 году, когда ссылка примѣнена была къ солдатамъ, сопротивлявшимся при выемкѣ корчемнаго питья [5]); кромѣ того, она назначалась «полковымъ воеводамъ за ихъ службы» [6]) (т. е. служебныя нарушенія).

Наконецъ, необходимо отмѣтить ссылку какъ мѣру предупредительнаго или полицейскаго свойства. Не будучи въ состояніи выяснить виновность даннаго лица въ томъ или другомъ преступленіи (обыкновенно, политическомъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ страшась будущихъ дѣйствій подозрѣваемаго, правительство послѣ розыска отправляло обвиняемаго въ ссылку, выбирая при этомъ наиболѣе отдаленныя отъ центра мѣстности. Такъ было, напримѣръ, съ полковникомъ Гадяцкимъ, который, по свидѣтельству Желябужскаго [7]), «пытанъ въ государственномъ дѣлѣ... съ пытки онъ ни въчемъ не винился, очистился кровью и сосланъ въ ссылку».

---

[1]) Акты Истор., т. V, стр. 56.
[2]) П. С. З., № 1552.
[3]) Дополн. Ак. Ист., т. XII., стр. 389.
[4]) П. С. З., № 1693; Сергѣевскій, Наказаніе въ русск. правѣ XVII вѣка, стр. 222.
[5]) Gordon, Tagebuch des Generals Gordon, I, стр. 294—295; Сергѣевскій, стр. 224.
[6]) Котошихинъ, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 43.
[7]) Записки русскихъ людей, СПБ., 1841 г., стр. 12.

Таковы предѣлы примѣненія ссылки, которыя, надо замѣтить, не отличались достаточною опредѣленностью.

ФОРМЫ ССЫЛКИ.

Формы примѣненія ссылки отличались большимъ разнообразіемъ. Законодатель въ теченіе второй половины XVII столѣтія пытается отыскать такіе виды ссылки, которыя болѣе всего способствовали бы извлеченію изъ преступника большихъ выгодъ. Ради этого, съ одной стороны, расширяется объемъ территорій для ссыльныхъ, съ другой — правительство заботится о лучшей организаціи ссыльнаго населенія.

Вслѣдствіе этого грозная система карательныхъ мѣръ Соборнаго Уложенія, не скупившагося на изувѣчивавшія и болѣзненныя наказанія, мало-по-малу смягчается примѣненіемъ ссылки. Иностранецъ Reutenfels, побывавшій въ Россіи въ 1680 году, справедливо замѣчаетъ, что ссылка вытѣснила собою прежнія казни, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась мѣрою, имѣющею за собою полезное общественное значеніе. «Теперь весьма значительная часть преступниковъ», говоритъ онъ [1]), «ссылается въ Сибирь... тамъ они живутъ, предназначенные или для военной службы... или для земледѣлія и, въ случаѣ помилованія, возвращаются оттуда большею частью богаче прежняго».

ССЫЛКА ДЛЯ ВОЕННО-СЛУЖАЩИХЪ.

Съ точки зрѣнія воинскаго наказанія лишеніемъ свободы, ссылка московскаго періода очень немногимъ отличалась отъ ссылки общегражданской. Не касаясь видовъ ссылки и ея организаціи, слѣдуетъ остановиться на разсмотрѣніи ссылки, примѣнявшейся исключительно къ лицамъ, обязаннымъ военною службою.

Въ этомъ отношеніи важно отмѣтить цѣлый рядъ грамотъ къ воеводамъ, относящимся ко второй половинѣ XVII столѣтія. Въ этихъ документахъ постоянно сквозитъ одна и та же мысль: преступникъ, послѣ назначенія наказанія, не исключается изъ службы; наоборотъ, при отбытіи наказанія онъ продолжаетъ числиться на службѣ и нести обязанности, лежавшія на немъ до совершенія преступленія.

Грамоты положительно заявляютъ: «по Великаго Государя указу ссыльныхъ людей посылаютъ съ Москвы въ ссылку въ Сибирь, въ которомъ городѣ и въ какомъ чину кому въ Сибири быть велѣно» [2]),

---

[1]) Reutenfels, De rebus Moscoviticis, стр. 147.
[2]) Доп. Акт. Ист., т. VI, стр. 324.

или: «указали мы, Великій Государь, быти имъ (ссыльнымъ) въ указанныхъ мѣстѣхъ и въ чинѣхъ, гдѣ кому въ которомъ городѣ и въ какой службѣ... быть указано»[1]).

Но, оставляя ссыльнаго въ прежнихъ юридическихъ отношеніяхъ къ арміи, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ считало необходимымъ внести въ ссылку карательный элементъ чисто-служебнаго характера; впрочемъ, это положеніе въ цѣломъ примѣнялось исключительно къ лицамъ, занимавшимъ высшее служебное положеніе: сосланные понижались по службѣ, подвергались «разжалованію»[2]). Такъ, напр., гетманъ Демьянъ Многогрѣшный былъ сосланъ въ 1673 году на службу въ простые казаки.

Военно-служащіе, приговоренные къ ссылкѣ, высылались въ различные города—преимущественно сибирскіе и окраинные. Въ указѣ, сопровождавшемъ ссылаемаго, обыкновенно обозначалось его преступленіе, мѣсто ссылки, родъ его службы и «чинъ», понимая подъ послѣднимъ названіе его должностного или служебнаго положенія; въ томъ же указѣ значилось: «сослать въ службу, въ какую кто годится».

ВЕРСТАНІЕ ВЪ СЛУЖБУ.

Въ мѣстахъ ссылки сосланные въ службу фактически приверстывались: въ дѣти боярскія, въ дворяне, въ стрѣльцы, въ казаки. Родъ службы въ ссылкѣ соотвѣтствовалъ, главнымъ образомъ, прежнему общественному положенію виновнаго и только отчасти —важности вины. Котошихинъ вполнѣ подтверждаетъ это, говоря, что «изъ Приказовъ Казанскаго и Сибирскаго ссылаются на вѣчное житье, всякаго чину люди, за вины, а тѣхъ ссылочныхъ людей, въ тамошнихъ городѣхъ верстаютъ въ службы, смотря по человѣку»...[3]).

Наконецъ, имѣется очень важное указаніе иностранца Олеарія[4]), относящееся къ 1663 году, который утверждаетъ, что стрѣльцы и солдаты снова занимали солдатское мѣсто—Soldatenstelle — и получали хорошее пропитаніе и годичное жалованье.

Приверстывать ссыльнаго въ другіе чины или оклады строго воспрещалось, и если воеводы сибирскіе позволяли себѣ иногда нѣкото-

---

[1]) Акты Ист., т. IV, стр. 460.
[2]) Сергѣевскій, Наказаніе, стр. 238.
[3]) Котошихинъ, указ. соч., стр. 73.
[4]) Olearius, Ausführliche Beschreibung, стр. 223; Schleswig, 1663.

рыя упущенія въ этомъ отношеніи, то подвергались строгимъ выговорамъ изъ Москвы [1]).

Довольствіе ссыльныхъ и жалованье едва ли отличались отъ обыкновенныхъ нормъ; только изрѣдка въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ дѣлались исключенія: какъ, напр., сосланные въ 1675 г. въ Великій Устюгъ 32 человѣка самарскихъ и саратовскихъ стрѣльцовъ получили хлѣбное жалованье наравнѣ съ устюжскими стрѣльцами, а денежное—на 1 рубль менѣе [2]).

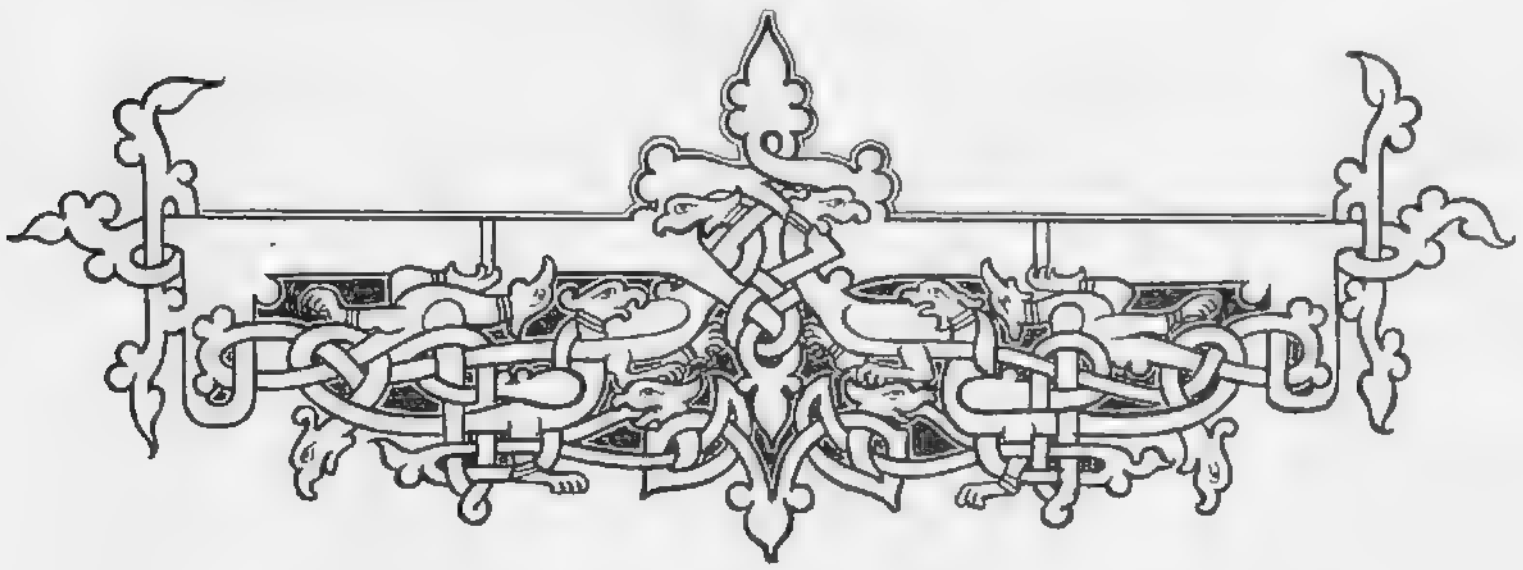
Этими немногими данными исчерпывается все, извѣстное намъ о ссылкѣ для военно-служащихъ въ Московскій періодъ.

ВЫВОДЫ. Все изложенное приводитъ къ убѣжденію, что

1) преимущественнымъ значеніемъ въ теченіе Московскаго періода пользовалась ссылка, которая поглощала собою всѣ другія формы лишенія свободы;

2) законодательная регламентація ссылки отличалась крайнею неопредѣленностью;

3) ссылка имѣла задачею: устранить преступника изъ общества, поселить его на окраинахъ государства и создать изъ сосланныхъ единицу полезное для интересовъ государства.



Н. Самокишъ.

---

[1]) П. С. З. 562, Акт. Ист. т. IV, № 190.
[2]) Доп. Акт. Ист., т. X., стр. 56.

ГЛАВА II.

Петербургскій періодъ.

I.

Царствованіе Петра Великаго.

Формы ссылки.

ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ ССЫЛКѢ.

КЪ КОНЦУ XVII столѣтія, вмѣстѣ съ ускореніемъ хода государственной и общественной жизни, ссылка получаетъ нѣсколько иную постановку. Преступникъ, по воззрѣніямъ того времени, долженъ былъ давать государству **какъ можно больше матеріальной пользы**. А такъ какъ продолжать старую Московскую ссылку въ прежнихъ условіяхъ представлялось мало цѣлесообразнымъ въ виду удивительно быстраго роста сухопутныхъ и главное — морскихъ силъ, а также и увеличивающихся повсюду вооруженій и снаряженій,—то естественно является мысль утилизировать преступника, какъ силу.

Бѣдность рабочихъ рукъ, широкіе планы работъ по возведенію укрѣпленій, построекъ и т. п. и наконецъ колонизаторская пропаганда въ восточныхъ областяхъ Россіи — все это, вмѣстѣ взятое, по необходимости вносить много новаго въ устройство и форму ссылки.

Правительство, по-прежнему, верстаетъ сосланныхъ на службу. Но эта служба представляетъ собою уже подневольный, обязательный трудъ, трудъ каторжный: внесеніе въ ссылку этого послѣдняго элемента совершенно измѣнило ея физіономію, не внося въ существо ея какихъ-либо новыхъ началъ.

ПРОЕКТЪ ВИНІУСА.

Измѣненіе формы ссылки произошло путемъ административныхъ распоряженій. Еще въ 1668 году Андрей Виніусъ подалъ въ Посольскій приказъ проектъ организаціи работъ на каторгахъ [1]). Несмотря на то, что слово «каторга» было уже извѣстно въ Россіи [2]), тѣмъ не менѣе Виніусъ пояснилъ въ своемъ проектѣ, что «каторга»—есть гребное судно: устройство такихъ каторгъ, по мнѣнію составителя проекта, удобнѣе всего было произвести на Хвалынскомъ морѣ, такъ какъ, кромѣ многочисленныхъ услугъ по охраненію внѣшней безопасности Руси, онѣ могли извѣстнымъ образомъ содѣйствовать морской торговлѣ и тѣмъ поднять благосостояніе государства. Съ точки зрѣнія карательной, каторга, какъ писалъ Виніусъ, являлась средствомъ цѣлесообразнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. «Всякихъ воровъ — пишетъ онъ — и басурманскихъ полоняниковъ мочно на каторги сажать для гребли на цѣпяхъ, чтобъ не разбѣжались и зла не учинили; и чѣмъ такимъ ворамъ и полоняникамъ, которыхъ по тюрьмамъ бываетъ много, хлѣбъ тутѣ давать, и они бъ на каторгахъ хлѣбъ зарабатывали, а иныхъ воровъ, по дѣлу смотря, мочно посадити на 5 и 6 лѣтъ и болши, а иныхъ, которые достойни смерти, и на вѣкъ по обычаю иныхъ государствъ».

Проектъ Виніуса не получилъ осуществленія, однако мысль, лежавшая въ основѣ его, была вѣрна. Каторга была тою же «ссылкою», но съ болѣе цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ рабочихъ силъ, получаемыхъ отъ преступниковъ.

Можно положительно утверждать, что эта мысль существовала и раньше у московскихъ государей, и только не представлялось случая

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. V, № 70.

[2]) Грамота Воронежск. воеводѣ 1645 г., см. Воронежск. Памятники, 2, LXVII, стр. 72; а также Сергѣевскій, стр. 18.

или возможности ея осуществить: ссылка на службу была также утилизаціей силъ преступника и мѣрою безопасности; эти же свойства были вполнѣ присущи и каторгѣ.

ПУНКТЫ КАТОРГИ

Ссылка на каторгу впервые была примѣнена въ 1699 году, когда повелѣно было: Веневскаго земскаго старосту и другихъ посадскихъ людей «положить на плаху и, отъ плахи поднявъ, бить вмѣсто смерти кнутомъ безъ попады и послать въ ссылку въ Азовъ съ женами и дѣтьми, и быть имъ на каторгахъ въ работѣ»[1]). Такимъ образомъ, старая ссылка, по содержанію, не измѣнилась, но карательное ея значеніе получило иную постановку.

Затѣмъ слово «каторга» встрѣчается уже въ Уложеніи Шереметева и въ Воинскомъ Артикулѣ такимъ образомъ закрѣпляется въ законодательствѣ.

Петербургскій періодъ ссылки характеризуется именно введеніемъ «ссылки на каторгу». Гдѣ нужно было извлечь изъ преступника всю даваемую имъ пользу, тамъ и образовывались пункты каторжной работы.

Первоначально такими пунктами служили Азовъ и Троицкой. Въ документахъ, относящихся къ 1701 году, имѣется указаніе, что преступники «ссылались» въ эти города на «вѣчное житье» и на «каторгу» съ ихъ семействами. Отсюда видно, что правительство, вводя новый видъ ссылки, вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывалось отъ ссылки старой, ссылки на вѣчное житье съ приверстываніемъ на службу[2]). Но названіе «вѣчное житье» вовсе не соотвѣтствовало содержанію самого наказанія, и нерѣдко ссылаемые вѣчно получали освобожденіе по истеченіи большаго или меньшаго времени[3]). Такимъ образомъ, и это служитъ подтвержденіемъ тому, что старая ссылка продолжала свое существованіе на ряду со ссылкою реформированною.

Одновременно со ссылкою въ Азовъ и Троицкой появляется ссылка на Олонецкую верфь. Здѣсь ссылаемые или обязывались принудительною работою, или приверстывались на службу[4]).

Съ начала XVIII ст. число пунктовъ каторжныхъ работъ увели-

---

[1]) Полн. Собр. Закон., № 1722.
[2]) Арх. Морск. Мин., дѣла прик. В. Морскаго Флота, №22, 1701—1702 г.
[3]) Арх. М. М., прик. В. М. Ф., № 56, 1704 г., 3330
[4]) Арх. М. М., Дѣла Адм.-Сов., № 9, 1701 г., 17—83.

чивается ежегодно; къ указаннымъ выше присоединяются: Петербургъ, Кронштадтъ, Балтійскій портъ (Рогервикъ), Таганрогъ и др.

Иногда мѣста ссылки появлялись на короткое время, а затѣмъ ссыльные распредѣлялись по другимъ областямъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1727 году изъ Кронштадта было повелѣно прислать арестантовъ къ постройкѣ Галерной Гавани на Васильевскомъ Островѣ [1]); изъ Рогервика часто требовались люди въ другіе города и т. д.

Изъ другихъ памятниковъ разсматриваемой эпохи можно усмотрѣть, что преступники военнослужащіе с с ы л а л и с ь въ указанные города и «на п о с е л е н і е» [2]), но какова была ссылка этого рода—сказать трудно.

ВИДЫ ССЫЛКИ. Такимъ образомъ, въ началѣ XVIII ст. въ Россіи существовала ссылка: 1) въ к а т о р ж н ы я р а б о т ы, 2) на п о с е л е н і е и 3) на ж и т ь е, т. е. всѣ существующіе въ современномъ законодательствѣ виды. Но, при неопредѣленности терминологіи того времени, установить различіе этихъ видовъ не представляется возможнымъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ документахъ о ссылкѣ одного и того же лица термины «поселеніе», «житье» и «каторжныя работы» упоминаются, какъ нѣчто равнозначущее.

Однако, можно предполагать съ нѣкоторою долею вѣроятности, что, только при положительномъ указаніи на обязательность работы, ссылка была равнозначуща каторгѣ: въ остальныхъ случаяхъ осужденный могъ быть приверстываемъ на службу, или на пашню, или вообще поселяемъ.

ОРГАНИЗАЦІЯ РАБОТЪ. Каторжная работа производилась: на каторгахъ или галерахъ—судахъ особаго устройства, въ крѣпостяхъ, на дорогахъ, на рѣкахъ и т. п., словомъ тамъ, гдѣ въ данный моментъ была нужда въ рабочихъ рукахъ.

Сосланные носили различныя названія: каторжныхъ, галерниковъ, колодниковъ, арестантовъ, мастеровыхъ, рабочихъ, ссыльныхъ и т. д. На каторгѣ вмѣстѣ съ преступниками работали: свободные рабочіе, солдаты, военно-плѣнные и т. д.

На пополненіе каторжнаго населенія правительство посылало плѣнныхъ турокъ [3]), татаръ [4]) шведовъ [5]), поляковъ [6]), сюда же стекались и

---

[1]) Арх. М. М. Дѣла вице адмирала Змаевича, № 34, 1727 года.
[2]) А. М. М., Дѣла Прик. В. М. Флота, № 87, 1706.
[3]) А. М. М., Д. Адм.—Сов., № 9, 1701.
[4]) А. М. М., Дѣла Прик. В. М. Фл., № 22, 1701—1702.
[5]) А. М. М., Дѣла гр. Апраксина, № 51, 1712 г., 102.
[6]) А. М. М., ibid., 100.

несостоятельные должники[1]). Ссыльные могли забирать съ собою или просить о высылкѣ къ нимъ женъ и дѣтей[2]).

Такимъ образомъ, колонизаторское значеніе ссылки продолжаетъ чувствоваться и въ Петербургскій ея періодъ, наряду съ ея карательнымъ и полицейскимъ содержаніемъ.

ПРИМѢНЕНІЕ КАТОРГИ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію объема примѣненія каторги къ военнослужащимъ, слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ отношеніи полную неопредѣленность. Изъ документовъ, хранящихся въ Архивѣ Морского Министерства, видно, что на каторгу въ Азовъ и Таганрогъ въ 1703 году ссылались «люди разнаго званія и чина за взяточничество, недосмотръ за лѣсами, воровство и другія вины»[3]); въ 1704 году въ каторжную работу морского флота ссылались солдаты за кражу казенныхъ денегъ, матросы — за буйство и произнесеніе въ пьяномъ видѣ «государева слова»[4]); въ 1706 году — «преступники съ Олонецкой верфи въ каторгу на 10 лѣтъ за побѣгъ изъ службы»[5]); бѣглые солдаты, оставшіеся въ живыхъ, послѣ поимки и повѣшенія одного изъ четверыхъ[6]); плѣнные, за побѣгъ изъ Азова[7]) и т. д.

СРОКЪ КАТОРГИ.

Срокъ наказанія каторгою точно также отличался крайнею неопредѣленностью: каторга назначалась или до указа, или по указу[8]). Въ первомъ случаѣ срокъ наказанія могъ окончиться въ любой моментъ времени, при условіи полученія указа объ этомъ въ мѣстѣ ссылки, во второмъ—въ точно опредѣленный въ указѣ, сопровождавшемъ ссылаемаго, моментъ времени.

Но, помимо этой неопредѣленности, слѣдуетъ замѣтить, что однаковыя преступленія могли влечь за собою каторгу на разные сроки.

Такъ, напр., изъ донесенія въ Адмиралтействъ-Коллегію 1720 года видно, что за побѣгъ военнослужащіе находились въ каторгѣ на слѣдующіе

---

[1]) А. М. М., Указы Адм.-Кол. 6 (отд. III), 1722, 39.
[2]) А. М. М., Дѣла Прик. В. М. Фл., № 57, 105, лл. 350, 434, 503, 508—510, 584—586, 595.
[3]) Дѣла Пр. В. М. Фл., № 37.
[4]) Пр. В Мор. Флота. № 44.
[5]) Ibid., № 77.
[6]) Дѣла графа Апраксина, № 248.
[7]) Ibid. № 51.
[8]) Ibid.,№ 257, 1720 г.

сроки: за первый побѣгъ: 1 солдатъ—на 5 лѣтъ, 4 солдата—вѣчно; за второй побѣгъ и за третій также вѣчно [1]).

Изъ дѣлъ Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба видно слѣдующее:

I. «до указу» ссылались: «за похищеніе Его Царскаго Величества казны», «за обмѣну паруса съ Чухонской лодки», за побѣгъ, «за фальшивую подпись подъ руку генерала», за пріемъ завѣдомо краденаго. за «продажу мундира и за брошеніе государственнаго палаша»;

II. вѣчно: «за отрубленіе у руки своей двухъ перстовъ, хотя отбыть службы», за разбой, за побѣгъ и воровство, за «ложное сказываніе за собою Государева слова» и др.;

III. на 10 лѣтъ: за грабежъ, отрубленіе пальца, разбой, кражу, за побѣгъ и др.;

IV. на 5 лѣтъ: «за воровское пропускное письмо», за пріѣздъ къ капитану «въ неуказанные часы», за фальшивую подпись;

V. на 3 года: за побѣги, за сносъ государственныхъ денегъ.

Иногда каторга назначалась на 15 лѣтъ, на 2 года, на 1 годъ и даже въ такихъ дробныхъ числахъ, какъ, напримѣръ, 4 года 5 мѣсяцевъ и 12 дней.

Интересно отмѣтить, что на каторжную работу отсылались иногда и тѣ изъ недорослей, которые укрывались отъ службы или «не являлись на смотръ къ Его Величеству»; указы 1716 и 1717 г. повелѣваютъ отправить виновныхъ на каторгу «къ битью свай», а вмѣсто нихъ взять въ матросы ихъ крѣпостныхъ людей [2]).

Сосланные на каторгу въ теченіе срока наказанія могли быть свободно перемѣщаемы изъ одного пункта въ другой, въ зависимости отъ нужды государства въ рабочихъ рукахъ. Изъ центральныхъ мѣстностей колодники толпами отправлялись на сѣверъ въ Петербургъ, Рогервикъ или Котлинъ, гдѣ ихъ трудомъ можно было воспользоваться съ выгодою [3]); точно такое же перемѣщеніе замѣчается и въ тѣхъ мѣстахъ ссылки, гдѣ работы въ данный моментъ увеличивались или измѣнялись. Нерѣдко можно встрѣтить въ документахъ той эпохи предписаніе

---

[1]) Дѣла Воен. Кол., кн. № 2, л. 707.
[2]) А. М. М., Д. П. В. М. Ф., № 111.
[3]) А. М. М., Д. Адмир.-Кол., № 7, 1701 г.

въ родѣ слѣдующихъ[1]): «прислать артиллерійскаго ученика съ каторги на пушечный дворъ для работы и послать на пушечный дворъ, ради всякой артиллерійской работы, всѣхъ артиллерійскихъ служителей, осужденныхъ на каторгу въ вѣчную работу или на урочные годы».

Работы, производившіяся каторжными, отличались большимъ разнообразіемъ; тяжесть работъ не принималась во вниманіе: для правительства цѣннымъ былъ самый трудъ, независимо отъ его карательнаго значенія.

Эти данныя, въ связи съ другими, вполнѣ подтверждаютъ мысль, что и каторга была тѣмъ же московскимъ «приверстываніемъ» въ службу, «кто куда годится».

Содержаніе ссыльныхъ.

Содержаніе невольниковъ, посланныхъ на каторгу, установить положительно не представляется возможнымъ: дошедшія до насъ историческія данныя представляются довольно неполными и не могутъ дать сколько-нибудь ясной картины. Тѣмъ не менѣе, на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ морского министерства, можно установить слѣдующее.

УПРАВЛЕНІЕ КАТОРГОЮ.

Въ первые годы XVIII столѣтія управленіе каторгою и завѣдываніе невольниками непосредственно возлагалось на стольниковъ, которые обязаны были вести имъ учетъ, слѣдить за производствомъ ими работъ и довольствовать ихъ: вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣли дисциплинарную власть въ отношеніи ссыльныхъ, но установить предѣлы этой власти—не представляется возможнымъ.

Стольники являлись начальниками южныхъ каторгъ—въ Азовѣ, Таганрогѣ и др. городахъ; иногда каторжные переходили изъ вѣдомства одного стольника въ вѣдомство другого. Число каторжныхъ въ вѣдѣніи каждаго изъ нихъ опредѣлялось въ 1000 человѣкъ.

Управленіе сѣверными каторжными пунктами непосредственно лежало на обязанности приказа Адмиралтейскихъ дѣлъ [2]).

Сосланные на каторгу довольствовались денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ. Случай далъ намъ возможность установить формы и способы этого довольствія.

---

[1]) А. М. М., Указы Адм.-Коллегіи 2 (отд. 1), 1719.
[2]) А. М. М., Дѣла П. В. М. Фл., № 68, 1703 г., л. 167.

Въ 1721 году мануфактуръ-коллегія, имѣвшая въ своемъ распоряженіи на Екатерингофскомъ полотняномъ заводѣ нѣсколько невольницъ, обратилась въ Адмиралтействъ-Коллегію съ просьбою указать способы довольствія сосланныхъ. По этому поводу Адмиралтействъ-Коллегія писала слѣдующее:

«По справкѣ... каторжнымъ невольникамъ дается провіанта муки по 2 четверика, крупъ по малому четверику, соли по фунту человѣку на мѣсяцъ, и въ годъ муки по 3 четверти, крупъ по полдва четверика, соли по 12 фунтовъ каждому человѣку.

Мундира въ годъ: холста на рубашки и подкладочнаго по 12 (?), на порткі изъ хрящового по восемь аршинъ человѣку, голицъ по двѣ пары, варигъ по одной, упаковъ (?) по 3 пары человѣку въ два года, сукна сермяжнаго по 14 съ полу аршиномъ, да въ 3 года по шубѣ бараньей человѣку.

А денежнаго жалованья оным невольникамъ не бываетъ.» [1]).

Эти данныя носятъ мѣстный характеръ и не являются общимъ правиломъ, такъ какъ въ иныхъ мѣстахъ каторжные получали мундирное, кормовое и денежное содержаніе.

Такъ довольствовались сосланные.

Но, въ виду того, что каторга нерѣдко вмѣщала въ себѣ и подслѣдственныхъ арестантовъ [2]), а правительство не отпускало на нихъ содержаніе никакихъ средствъ, то ближайшіе управители каторгами нерѣдко входили по начальству съ просьбою указать имъ способы довольствія подслѣдственныхъ арестантовъ. Такъ напр. въ 1720 году лифляндскій генералъ-губернаторъ гр. Дуглассъ подалъ графу Апраксину записку слѣдующаго содержанія: [3]).

«...Многое число арестантовъ присылается и по дѣлу допрашиваются, такожъ и свидѣтели очищаются, а держатся долгое время за карауломъ и дневныя пищи не имѣютъ, а безъ указу на пропитаніе отпускать не смѣютъ, и Ваше Сіятельство на оныхъ провіантъ изъ магазейновъ отпускать повелите».

Гр. Апраксинъ положилъ слѣдующую резолюцію: «колодниковъ

---

[1]) А. М. М., Дѣла Адмиралтействъ-Коллегіи, № 20, 1725.

[2]) Содержащіеся на каторгѣ, подъ присмотромъ до суда и слѣдствія, занимались также работами, «дабы даромъ хлѣба не ѣли».

[3]) А. М. М., Дѣла гр. Апраксина. № 257, 1720 года, листъ 98, оборотъ.

сколько возможно долго не держать, и которые явятся чисты,—слобождать на вѣрныя поруки, а виноватымъ чинить казнь по суду, и доднесе будутъ подъ арестомъ, давать хлѣба по полтора фунта и на недѣлю четверть фунта соли и воды». Эта мѣра имѣетъ очень много общаго съ содержаніемъ каторжныхъ, откуда и была вѣроятно заимствована.

Иногда каторжные выходили изъ вѣдомства того или другого административнаго органа и поступали въ вѣдѣніе или губернскихъ властей, или мѣстнаго военнаго начальства. Ради подтвержденія этого приведемъ распоряженіе, отданное гр. Апраксинымъ оберъ-коменданту Фельдендингу [1]):

«Каторжныхъ невольниковъ, которые были въ вѣдомствѣ адмиралтейскомъ, изволите приказать, и взявъ у комиссара Турова именные списки, съ прописаніемъ именно, кто на сколько лѣтъ посланъ и сколько вѣчно и до указу, принять всѣхъ въ свою команду и содержать оныхъ въ такомъ порядкѣ, какъ содержаны были до сего времени, и провіантъ давать изъ генеральнаго магазина, а не изъ адмиралтейства, и вѣдомости подавать къ дачѣ хлѣбной послѣ гарнизона, и въ работу посылать, куда надлежитъ, съ вашего позволенія, а мундиръ по заручнымъ вѣдомостямъ будутъ давать по прежнему изъ адмиралтейства».

Такая дробность въ управленіи—естественное явленіе того времени, когда власти еще не были размежеваны надлежащимъ образомъ.

УСТРОЙСТВО КАТОРГЪ.

Устройство каторгъ отличалось многообразіемъ. Первыя каторги отбывались на особыхъ тюремныхъ дворахъ, впослѣдствіи получившихъ названіе каторжныхъ дворовъ (см. приложеніе «Описаніе тюремнаго двора»).

Каторжные помѣщались въ избахъ по нѣсколько человѣкъ, слѣдовательно по системѣ совмѣстнаго заключенія. Въ качествѣ предохранительныхъ мѣръ являлись караулы; каковъ былъ ихъ составъ, нельзя высказаться положительно, но что онъ былъ не великъ— явствуетъ изъ размѣра караульныхъ избъ.

Кандалы содержались или по числу каторжныхъ, или въ большемъ числѣ.

«Желѣза» служили мѣрою дисциплинарнаго взысканія или примѣнялись къ наиболѣе важнымъ изъ каторжныхъ.

«Долгія цепи» съ ошейниками служили для хожденія «въ миръ»; это

---

[1]) А. М. М., Дѣло гр. Апраксина, № 257, 1720 г.

подтверждаетъ, что подаяніе, какъ способъ довольствія тюремныхъ сидѣльцевъ, имѣло мѣсто даже и при реформѣ ссылки.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ.

Среди каторжныхъ встрѣчаются «чины»: капитанъ, казаки, стрѣльцы, солдаты. Это обстоятельство указываетъ, что сосланные и при отбытіи наказанія продолжали числиться прежними чинами.

Вопросъ о юридическомъ положеніи ссыльныхъ военнослужащихъ былъ разсмотрѣнъ г. Розенгеймомъ въ его трудѣ: «Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи до кончины Петра Великаго», причемъ авторъ, на основаніи ряда дѣлъ военной коллегіи, пришелъ къ слѣдующему.

«Есть основаніе думать, что ссылка на каторгу или на галеры не влекла за собой окончательнаго пораженія всѣхъ правъ не только состоянія, но и служебныхъ» [1]).

Съ своей стороны, мы укажемъ, что о какомъ-либо служебномъ правопораженіи при ссылкѣ не могло быть и рѣчи: ссылка, сама по себѣ взятая, будь-то каторга, поселеніе или житье, не влекла другого ограниченія, кромѣ свободы передвиженія и свободы труда, а служебныя праволіщенія имѣли своимъ основаніемъ нѣчто другое, какъ будетъ указано ниже.

Другое замѣчаніе того же автора представляется вѣрнымъ также только отчасти. Онъ говоритъ, что «осужденные въ каторгу или на галеры, по окончаніи сроковъ, возвращались въ войска и при томъ не только нижніе чины, но и офицеры тѣми же чинами, въ какихъ постигло ихъ осужденіе» [2]).

Въ этомъ отношеніи мы идемъ еще далѣе и положительно утверждаемъ, что военная служба была единственнымъ пунктомъ, куда стекались всѣ, освобожденные отъ работъ, разумѣется, если въ видахъ полицейскихъ, они не пересылались на поселеніе или житье въ Сибирь.

Такъ, напримѣръ, въ 1711 году было повелѣно пополнять полки рекрутами, старыми солдатами и освобожденными каторжниками [3]), въ томъ же году освобождаются отъ каторги невольники, находившіеся въ Азовскомъ краѣ, но не всѣ, а только тѣ изъ нихъ, которые до ссылки служили въ солдатскихъ полкахъ [4]).

Изъ этого видно, что въ наиболѣе критическіе моменты государствен-

---

[1]) Очеркъ, стр. 125.
[2]) Ibid., стр. 125.
[3]) Арх. М. М., Дѣла гр. Апраксина № 28.
[4]) Арх. М. М., ibid. № 26, л. 270—295.

ной жизни, при затруднительности наборовъ, правительство обращается къ преступному населенію—ссыльнымъ и только указываетъ имъ новую форму принудительной работы, производимой также въ интересахъ государственныхъ. Въ этомъ же явленіи снова подтверждается утилитарный взглядъ на ссылку, какъ на наказаніе, осуществляемое въ цѣляхъ государственной пользы.

Такія освобожденія отъ каторжныхъ работъ имѣли мѣсто въ теченіе всей первой половины XVIII столѣтія; не считаясь съ единичными случаями освобожденія, отмѣтимъ коллективное принятіе «по-прежнему въ службу» каторжныхъ, отбывшихъ урочные годы, въ 1724 году, причемъ публично битые кнутомъ были «прикрыты флагомъ» [1]).

Изъ длиннаго ряда дѣлъ такого характера укажемъ наиболѣе интересныя, причемъ замѣтимъ, что единичные случаи вторичнаго вступленія на службу послѣ отбытія наказанія совершались путемъ помилованія, такъ что иногда допускалось опредѣлять на службу, не выжидая протеченія урочныхъ лѣтъ.

Такъ, напр., въ 1720 году «были челомъ Его Царскому Величеству пѣхотнаго полку солдаты..., которые посланы на каторгу за то, что, будучи на работѣ у кирпичныхъ заводовъ, упустили изъ своего караула шведскаго невольника, и дабы ихъ съ каторги учинить слободныхъ, которое прошеніе прилагается при семъ. Извольте приказать оныхъ солдатъ, когда годъ минетъ, отъ каторжной работы слободить и опредѣлить попрежнему въ тѣ-жъ полки, въ которыхъ служили». Это предписаніе гр. Апраксинымъ было направлено къ генералъ-маіору Фельдендингу [2]).

Другое предписаніе къ комиссару Турову гласило: «поданную отъ васъ выписку о невольникѣ... разсмотрѣли, которую къ вамъ посылаю, и онаго невольника съ каторги свободите и отошлите къ генералъ-маіору и оберъ-коменданту Фельдендингу, понеже онаго повелѣно написать въ солдаты въ гарнизонные полки, и о томъ отъ насъ къ оному генералъ-маіору указъ посланъ» [3]).

Помилованіе такой формы распространялось также и на офицеровъ.

---

[1]) А. М. М., Дѣла Адмир.-Совѣта, № 32.
[2]) А. М. М., Дѣла гр. Апраксина, № 270, л. 237.
[3]) Ibid, л. 190.

Намъ удалось найти приказаніе отъ гр. Апраксина къ Девьеру, въ которомъ значилось:

...«присланъ къ намъ указъ изъ военной коллегіи, въ которомъ объявлено: прошедшаго декабря 31 числа 1719 года по именному Царскаго Величества указу велѣно финляндскаго корпуса Азовскаго пѣхотнаго полка подполковника Якова Островскаго да майора Василія Мартынова, которые въ прошломъ 1718 году ноября 20, по приговору на кригсрехтѣ за ихъ вины, сосланы были на каторгу на четыре года, съ каторги свобождены и быть имъ тѣми же чинами въ томъ финляндскомъ корпусѣ... Извольте освобожденнымъ учинить по Его Царскаго Величества указу».

Помилованіе и опредѣленіе на службу имѣло мѣсто и въ другихъ случаяхъ: напримѣръ, «для всемірной радости со шведскимъ королемъ вѣчнаго мира» и т. п.

На основаніи приведенныхъ данныхъ позволительно будетъ сдѣлать слѣдующія заключенія о ссылкѣ для военно-служащихъ.

ПРАВООГРАНИЧЕНІЯ ПРИ ССЫЛКѢ.

Ссылка не всегда и не для всѣхъ влекла за собою правоограничительные придатки, общаго или служебнаго характера. Ни въ одномъ изъ просмотрѣнныхъ нами документовъ не имѣется указаній на то, что правоограниченіе было необходимымъ послѣдствіемъ наказанія. А если это такъ, то и провоограниченія, поскольку ихъ слѣдовало примѣнять въ данномъ случаѣ, стояли въ зависимости отъ усмотрѣнія суда и свойства преступнаго дѣянія. Словомъ, правопораженія не были связаны съ самымъ наказаніемъ.

Военнослужащіе, отбывая ссылку въ той или иной формѣ, по справедливому замѣчанію г. Розенгейма, продолжали именоваться прежними чинами, но въ дѣйствительности они не пользовались преимуществами своего званія.

Въ самомъ дѣлѣ, солдаты, матросы, казаки, офицеры, живя на тюремномъ дворѣ, числились въ составѣ подневольнаго населенія, они были тѣми же каторжниками-невольниками. На существованіе какихъ-либо отдѣльныхъ помѣщеній на каторгѣ для военнослужащихъ нѣтъ и рѣчи. «Мундирное строеніе» поступаетъ для всѣхъ каторжанъ, независимо отъ ихъ прежняго служебнаго положенія. Довольствіе ссыльныхъ точно также одинаково для всѣхъ. И такимъ образомъ, на долю военнослужа-

цихъ—офицеровъ и нижнихъ чиновъ—остается лишь одно: возможность возвращенія ихъ на службу прежними чинами.

Однако, съ тѣмъ положеніемъ, что на каторгѣ военнослужащіе именовались своими чинами, приходится считаться. Въ этомъ отношеніи, какъ кажется, нельзя видѣть чего-либо самобытнаго, свидѣтельствующаго и о привилегіяхъ военнослужащихъ. Наоборотъ, именные списки людей «разнаго чину» на каторжныхъ дворахъ, упоминая прежнее положеніе сосланнаго, только констатировали этотъ фактъ, не придавая ему никакого значенія, какъ простую ссылку на происхожденіе виновнаго, и вмѣсто «изъ солдатъ» писалось просто «солдатъ» и т. д.

Этимъ заявленіемъ мы хотимъ лишь указать на возможность нивеллировки всѣхъ каторжанъ, въ чемъ и скрывалась одна изъ важныхъ причинъ карательной тягости ссылки.

Къ счастью, намъ удалось розыскать нѣсколько историческихъ данныхъ, могущихъ до извѣстной степени освѣтить этотъ наиболѣе интересный вопросъ ссылки для военнослужащихъ.

Изъ дѣлъ Адмиралтействъ-Коллегіи [1]) можно видѣть, напримѣръ, что «капитанъ... сосланъ былъ на каторгу вѣчно и ноздри у него пороты и въ прошломъ 721 году... по указу изъ Сената и по сенатской отмѣткѣ... съ каторги свобожденъ... и велѣно его для опредѣленія отослать по приговору Адмиралтействъ-Коллегіи. И отосланъ онъ съ прочими въ военную коллегію... для отправленія въ Сибирь».

Изъ приведеннаго документа можно усмотрѣть, что препятствіемъ для принятія сосланнаго вновь на службу могло явиться «поротіе ноздрей». Но это заключеніе, хотя и вѣрно, но до извѣстной степени и обобщающаго значенія имѣть не можетъ.

Изъ дѣлъ графа Апраксина [2]) вытекаетъ новое положеніе. «Присланъ къ намъ указъ изъ военной коллегіи — пишетъ Апраксинъ — и при томъ бывшаго Азовскаго полка прапорщикъ Бутримовъ, который въ оной коллегіи объявилъ о себѣ въ сказкѣ своей, якобы по кригсрехту, по которому посланъ онъ былъ въ каторжную работу, прапорщичьяго чина не лишенъ и чтобъ его тѣмъ чиномъ опредѣлить въ Фшлящскій корпусъ въ тотъ же полкъ, въ которомъ онъ прежде сего служилъ. На что отвѣтствую: по справкѣ

---

[1]) А. М. М., Д. Адм.-Кол., № 60, 1725 г.
[2]) А. М. М., Дѣла гр. Апраксина, № 257, 1720 г.

*

въ походной нашей морской военной канцеляріи, по кригсрехту, держанному надъ нимъ, въ сентенціи отъ всѣхъ персонъ, кои при томъ присутствовали, положено отнять чинъ и послать на каторгу на годъ, и за такимъ препятіемъ о посылкѣ его въ Финляндскій корпусъ къ опредѣленію прапорщикомъ, какъ вышеобъявленный указъ повелѣваетъ, учинить намъ не можно, чего ради онаго для подлиннаго о немъ рѣшенія я паки симъ посылаю»...

Отсюда явствуетъ, что если въ вышеприведенномъ дѣлѣ препятствіемъ для принятія вновь на службу служили поротыя ноздри, то во второмъ такое же значеніе имѣло отнятіе чина.

Какъ слѣдуетъ предполагать, юридическое положеніе сосланныхъ офицеровъ не совсѣмъ было ясно и для современныхъ дѣятелей, примѣнявшихъ на практикѣ — освященное обычаемъ или неизвѣстнымъ намъ закономъ — право. Что подобныя недоразумѣнія не были единичными, служитъ доказательствомъ появленіе въ 1721 году указа военной коллегіи, окончательно и прочно установившаго содержаніе праволичненій при каторгѣ.

Этотъ указъ представляется намъ настолько важнымъ, что мы рѣшаемся передать его дословно [1]).

...«Которые офицеры и рядовые по кригсрехтамъ и конфирмаціямъ подлежать будутъ тѣлесному наказанію и ссылкѣ на каторгу, и таковымъ чина наказаніе такое: которые приговорены будутъ на каторгу въ вѣчную работу съ наказаніемъ, тѣхъ бить кнутомъ, а которые урочные годы, тѣхъ гонять шпицрутенъ, а кнутомъ не бить, чего и по кригсрехтамъ ихъ не приговаривать для того, что, ежели по прошествіи урочныхъ лѣтъ оные свободятся, то за такимъ порокомъ, что были въ какихъ рукахъ, невозможно ихъ въ прежнюю употреблять службу».

Освобожденіе ссыльныхъ.

Моментъ освобожденія отъ каторжныхъ работъ и водвореніе ссыльныхъ точно также не лишены извѣстнаго интереса, почему мы и позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на немъ.

ПЕРЕСЫЛКА ОТБЫВШИХЪ НАКАЗАНІЕ.

По общему правилу, освобожденные отъ каторги были передаваемы начальству, приславшему ихъ къ работѣ. Но въ случаѣ помилованія каторжные непосредственно изъ мѣста ссылки, какъ изъ мѣста командировки, отправлялись въ части войскъ.

---

[1]) А. М. М., гр. Апраксина №198, 1721.

Иногда освобожденные отправлялись въ Сибирь: къ лицамъ этой категоріи относились всѣ, такъ или иначе лишенные права на занятіе вновь мѣстъ въ арміи.

Они направлялись или подъ карауломъ, или «на своемъ коштѣ» и подъ личною отвѣтственностью.

Порядокъ и способъ пересылки освобожденныхъ ясно рисуется изъ слѣдующаго документа:

«По выпискѣ отъ коллегіи освобожденнаго съ каторги... по силѣ сенатской резолюціи... послать въ ссылку въ Сибирь на вѣчное житье. И отправить его изъ Санктъ-Петербурга съ указомъ въ Москву за карауломъ Московской Адмиралтействъ-Конторы, съ солдаты, на ямской одной подводѣ, по дачѣ на ту подводу подорожной; за указные прогоны въ ямскую канцелярію послать промеморію, а о прогонныхъ деньгахъ къ полковнику и казначею Засѣцкому —указъ, а на проѣздъ въ пути выдать ему провіанта противъ каторжныхъ невольниковъ патурою на мѣсяцъ отъ Адмиралтействъ-Провіантъ-Конторы, а изъ Московской Адмиралтействъ-Конторы выдать ему на дорожный кормъ деньгами противъ прежепосланныхъ... колодниковъ на 5 мѣсяцевъ: по алтыну на день, записавъ въ расходъ съ росписки. И отправить его за карауломъ же, сухимъ или водянымъ путемъ, какъ способнѣе, до Нижняго и вслѣдъ его объявить вице-губернатору... А изъ Нижняго... отправить его за карауломъ же въ Казань и для отсылки въ Сибирь вслѣдъ его объявить губернатору... А въ Сибири о пріемѣ и опредѣленіи его... рапортовать въ командѣ» [1]).

Иногда пересылку освобожденныхъ въ Сибирь разрѣшалось производить безъ участія властей, какъ это видно изъ слѣдующаго:

«По указу... Адмиралтействъ-Коллегіи... солдату...: собрать тебѣ поручную запись по свобожденнымъ ...отъ вѣчной каторжной работы... Повелѣно послать въ ссылку въ Сибирь на вѣчное житье въ Тобольскъ съ добрыми поруками, въ томъ, что за тѣми поруками... явиться въ Тобольскъ обрѣтающемуся тамъ губернатору... А ежели онъ за тѣми поруками въ Сибирь не поѣдетъ и въ назначенный срокъ въ Тобольскъ не явится, и за то ему и порутчикову сво штрафитца, какимъ штрафомъ указомъ... повелѣно будетъ, а порутчиковъ его всѣхъ въ Сибирь или куда указомъ повелѣно будетъ, движимое и недвижимое ихъ имѣніе все взять на Его Вели-

[1]) А. М. М., Дѣла Адмир.-Кол., № 60, 1725, л. 408—409.

чество. И собравъ тѣхъ поручиковъ въ указной срокъ, для освидѣтельствованія тѣхъ подписавшихся по немъ, поруки объявить въ Адмиралтействъ-Коллегію» [1]).

Отвѣтственность поручителей измѣнялась, вѣроятно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ зависимости отъ свойствъ преступнаго дѣянія и степени благонадежлости освобожденнаго.

Такъ, напримѣръ, мы имѣемъ другой документъ, который указываетъ:

«... По прошенію свобожденнаго съ каторги ...послать въ Сибирь на вѣчное житье на ево коштъ, дать сроку... и въ томъ собрать по немъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ поручную запись, что ему въ Сибири стать и явиться тамошнему губернатору на объявленный срокъ неотложно. А ежели на означенный срокъ въ Сибири не явитца, а будетъ еще укрываться, то онъ лишенъ будетъ живота, а подписавшіеся по немъ порутчики сосланы будутъ въ каторжную работу вѣчно» [2]).

Разумѣется, трудно сказать, были ли эти указанія реальною угрозою или лишь платоническимъ воздѣйствіемъ: но изъ этого уже видно, что боязнь опасности со стороны освобожденнаго стала особенно сильно сознаваться государственною властью.

Такова была организація ссылки въ царствованіе Петра Великаго.

Мы остановились на ней подробно именно потому, что, съ одной стороны, эта организація являлась наиболѣе полною, съ другой—она просуществовала въ главныхъ своихъ чертахъ до начала XIX столѣтія.

Принципъ утилизаціи рабочей силы, получаемой отъ преступника, легъ въ основаніе ссылки и такъ прочно, что и въ послѣдующее время онъ занималъ главенствующее мѣсто въ системѣ военно-карательныхъ мѣръ, направлявшихся противъ свободы.

ВЫВОДЫ. Такимъ образомъ, на основаніи всего предшествующаго, мы можемъ придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Ссылка на каторгу могла быть назначаема вѣчно и на опредѣленный срокъ.

2) Въ томъ и другомъ случаѣ она могла соединяться съ извѣстными юридическими послѣдствіями.

---

[1]) А. М. М., Дѣла Адм. Кол., № 60, л. 116.
[2]) А. М. М., Дѣла Адм. Кол., № 60, 1725 года.

3) Содержаніе этихъ карательныхъ придатковъ касалось сферы пораженія правъ или «наказаній», т. е. пораженія тѣлесной неприкосновенности.

4) Пораженіе служебныхъ правъ являлось въ формѣ отнятія чина или чиновъ.

5) Тѣлесное наказаніе осуществлялось въ формѣ примѣненія кнута черезъ палача, или ката, или посредствомъ шпицрутеновъ, или посредствомъ примѣненія болѣзненныхъ членовредительныхъ придатковъ, какъ, напримѣръ, поротія ноздрей.

6) Лишеніе чиновъ, конечно, безусловно препятствовало виновному вновь вступить на службу прежнимъ чиномъ, но, вѣроятно, не устраняло возможности вступить въ армію рядовымъ.

7) Поротіе ноздрей, отнимавшее гражданскую и воинскую честь сосланнаго, лишало его правъ на прежнюю службу, и помилованіе не могло простираться дальше освобожденія отъ работъ.

8) Примѣненіе кнута налагало на военнослужащаго пятно позора, препятствовавшее занять ему прежнее служебное положеніе. Впрочемъ, въ крайнихъ случаяхъ, при нуждѣ въ устройствѣ арміи, допускалась фактически реабилитація въ формѣ «прикрытія флагомъ» (или знаменемъ—въ сухопутныхъ войскахъ) публично битыхъ.

9) Кнутомъ наказывались ссылаемые на вѣчную работу.

10) Каторга на урочные годы, если она не влекла за собою примѣненіе кнута или разжалованія, не отнимала у сосланнаго его правъ на вступленіе на службу.

11) Бывшіе военнослужащіе, лишенные права вступить въ службу, направлялись военною коллегіею въ Сибирь—на поселеніе или житье.

Въ такомъ видѣ рисуется ссылка для военнослужащихъ въ царствованіе Петра Великаго.

II.

Эпоха преемниковъ Петра Великаго.

Послѣдующія данныя, касающіяся ссылки въ XVIII столѣтіи, представляются крайне незначительными. Законодательныхъ постановленій почти не встрѣчается, и все ограничивается административными распоряженіями, замѣнявшими, дополнявшими и измѣнявшими данныя закона.

ПОМИЛОВАНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ.

Императрица Екатерина I, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, указываетъ:

«для поминовенія Его Императорскаго Величества и всего сиклита каторжныхъ невольниковъ, которые сосланы въ вѣчную работу, также которые безъ сужденія на каторгу... посланы и не посланы, тѣхъ всѣхъ неоумедля на каторгѣ и съ каторжныхъ работъ свободить и послать въ Сибирь въ украшскіе города, а кто посланъ и за какія вины присланъ и опредѣленъ быть въ каторжной работѣ... всѣмъ списокъ учиня въ Адмиралтействъ-Коллегіи и подать въ Правительствующій Сенатъ... а которые явятся въ домочныхъ деньгахъ, тѣхъ всѣхъ свободя... послѣ ни въ какомъ случаѣ не опредѣлять» [1]).

Кромѣ этого акта, мы не имѣемъ никакихъ другихъ, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть что-либо о ссылкѣ и ея примѣненіи.

Всѣ воинскія комиссіи, пересматривавшія военно-уголовное законодательство, не останавливались на переустройствѣ карательной системы вообще и лишенія свободы въ частности.

УКАЗЪ О ВСЕГДАШНЕЙ РАБОТѢ.

Знаменитый указъ Елизаветы объ отмѣнѣ смертной казни ввелъ новую форму лишенія свободы—всегдашнюю работу въ кандалахъ послѣ примѣненія кнута и клейменія.

Этотъ указъ, равно примѣнявшійся и къ общимъ, и къ воинскимъ преступленіямъ, влекъ за собою исключеніе военнослужащаго изъ арміи. Слѣдовательно, каторга, какъ замѣна смертной казни, безусловно исключала вмѣшательство военной власти въ организацію этого наказанія. Съ момента произнесенія приговора, осужденный лишался воинской чести и званія и, слѣдовательно, переставалъ интересовать собою армію.

---

[1]) А. М. М., Дѣла Кол.-Кол., № 60, 1725 г.

Что касается каторги на урочные годы, то осужденные къ таковой обыкновенно направлялись туда, гдѣ въ данный моментъ требовались рабочія руки; этими пунктами является крѣпость или вообще мѣста, гдѣ производились инженерныя работы.

РАБОТА ВЪ КРѢПОСТЯХЪ

Какъ утверждаетъ проф. Фойницкій, «въ крѣпостяхъ во второй половинѣ XVIII столѣтія работали, подъ руководствомъ инженернаго вѣдомства, люди самыхъ различныхъ категорій, какъ-то: артиллерійскіе служители, солдаты, сданные помѣщиками крестьяне, которые, въ случаѣ смерти, зачитались имъ за рекруть» и т. д.

Потребность въ рабочихъ была крайне настоятельною, и даже въ 1795 году генералъ-адъютантъ Князевъ писалъ генералъ-прокурору:

«ссылочные невольники для работъ вездѣ нужны, гдѣ только крѣпости инженернаго вѣдомства по границамъ находятся, паче потому, что во многихъ мѣстахъ вольнонаемныхъ людей ни за какія деньги отыскать невозможно, а гдѣ оные есть, то требуемые ими за работы деньги столь неумѣренны, что выходятъ изъ той соразмѣрности, въ каковой фортификаціонная сумма находится» [1]).

Принудительность работъ была принципомъ, на которомъ основано было устройство рабочихъ домовъ при Екатеринѣ II въ 1775 году.

Появившіеся «работные и смирительные домы» имѣли назначеніемъ вмѣщать въ себѣ лицъ не военнослужащихъ по приговорамъ общихъ судовъ. Преступники изъ военнослужащихъ попрежнему отправлялись въ крѣпостную работу, гдѣ они не выходили изъ вѣдѣнія военнаго начальства и продолжали нести службу въ интересахъ «фортификаціонныхъ», чистовоенныхъ.

Впослѣдствіи, уже въ царствованіе Императора Павла, эта мысль получаетъ полное осуществленіе въ указѣ 13 сентября 1797 г. Указъ разграничивалъ преступниковъ на три категоріи, причемъ осужденные къ каторгѣ, взамѣнъ смертной казни, подвергались наказанію кнутомъ и отправлялись на работы въ Нерчинскъ; приговоренные къ вѣчной ссылкѣ препровождались на Иркутскую суконнуюфаб рику, а осужденные къ заключенію въ работные и смирительные дома—направлялись къ крѣпостнымъ строеніямъ [2]).

---

[1]) Фойницкій, Ученіе о наказаніи, стр. 271.
[2]) П. С. З., № 18140.

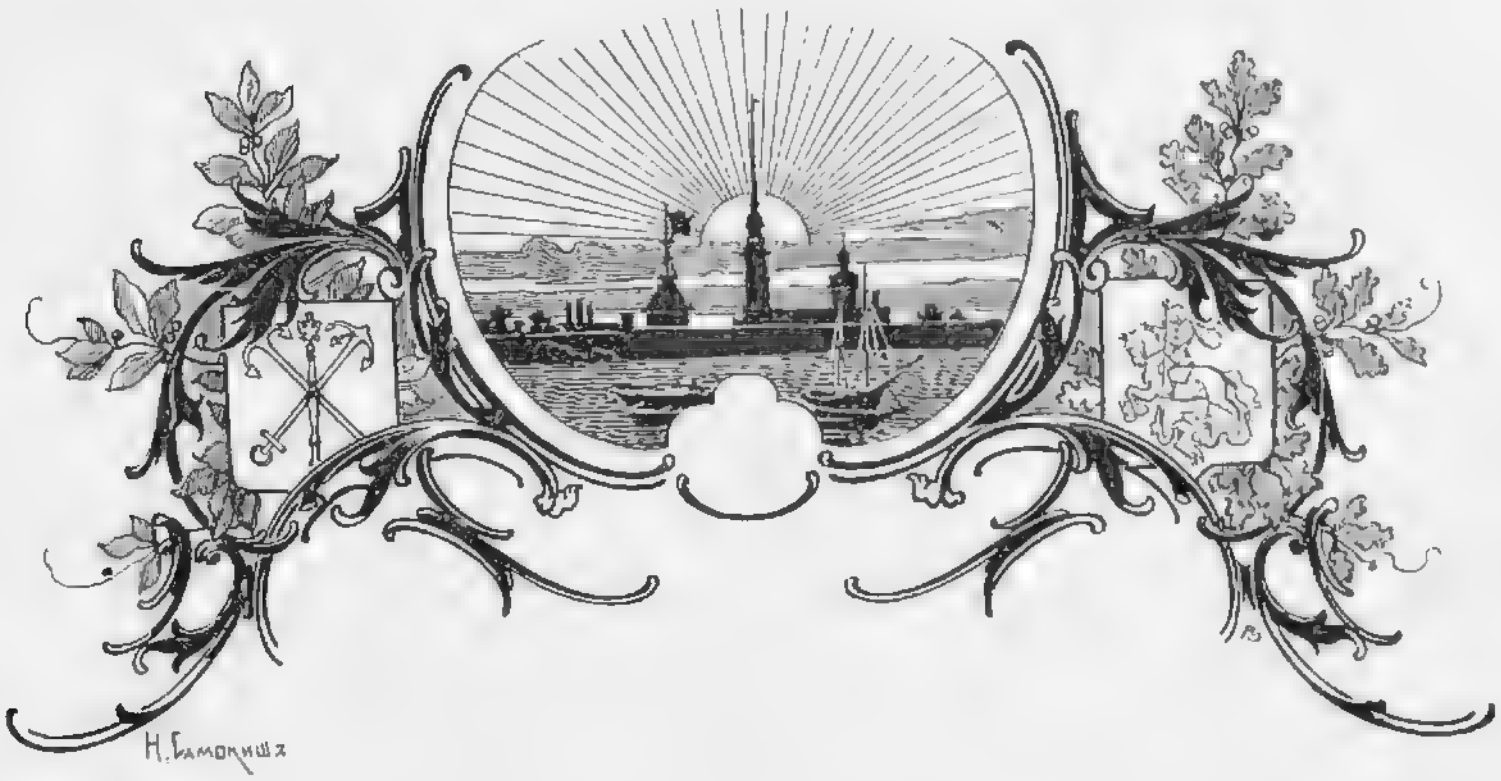
Вслѣдъ за этимъ въ 1798 г. сенатъ установилъ, что въ крѣпостныя работы должно было отправлять лицъ, осужденныхъ къ заключенію въ смирительныхъ домахъ на значительные сроки; при небольшомъ срокѣ осужденные отбывали наказаніе попрежнему въ работныхъ домахъ.

Такимъ образомъ, вся предшествующая законодательная и административная дѣятельность правительства къ устройству ссылки выразилась окончательно и получила извѣстную формулировку только въ эпоху императора Павла,

ВЫВОДЫ. На основаніи документовъ этой эпохи, относящихся исключительно къ военнослужащимъ, можно установить, что въ началѣ XIX столѣтія въ Россіи ссылка существовала въ слѣдующихъ формахъ:

ссылка на каторгу,
ссылка на поселеніе,
ссылка на житье
и ссылка въ крѣпость.

Такимъ образомъ, къ царствованію императора Александра I-го ссылка естественнымъ путемъ подраздѣлилась на самостоятельные виды, которые впослѣдствіи и получили законодательное освященіе сначала въ полевомъ уголовномъ уложеніи, а затѣмъ въ военно-уголовномъ уставѣ 1839 года.



ГЛАВА III.

Царствованіе Александра I.

ВОПРОСЪ о реформѣ ссылки для военнослужащихъ, особенно въ первые годы XIX столѣтія, едва ли могъ интересовать правительство занятое разсмотрѣніемъ длиннаго ряда вопросовъ, относящихся къ другой области управленія.

Поэтому, при вступленіи на престолъ императора Александра, не замѣчается какихъ-либо новыхъ движеній въ пользу реформы военно-тюремнаго дѣла. Наоборотъ, изъ конфирмацій Императора, относительно военно-судныхъ дѣлъ [1]), легко можно усмотрѣть, что принципы, завѣщанные предшествующимъ столѣтіемъ и въ особенности эпохою Павла, продолжаютъ существовать.

---

[1]) Гл. В.-Суд. Упр., Часть журнальная.

Отдача въ крѣпостныя работы для нижнихъ чиновъ и офицеровъ является преобладающимъ видомъ лишенія свободы. Правопоражающіе придатки къ наказанію хотя и встрѣчаются, но значительно рѣже.

Однако, ссылка реформировалась самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло правительства.

Мѣры, принимаемыя въ интересахъ государственной пользы, совершенно неожиданно измѣнили характеръ ссылки, какъ наказанія, организовали новыя мѣста отбытія наказанія и, такимъ образомъ, оказали значительное вліяніе на постановку военно-тюремнаго дѣла въ Россіи въ послѣдующую эпоху.

ВОЕННО-РАБОЧІЯ РОТЫ.

Эти мѣры, на первый взглядъ не имѣющія ничего общаго со ссылкою, состояли въ учрежденіи такъ называемыхъ военно-рабочихъ ротъ.

Въ 1807 году 25 ноября было Высочайше утверждено «Положеніе Министра Военныхъ Сухопутныхъ силъ о содержаніи поступающихъ въ крѣпости милиціонныхъ ратниковъ, употребляемыхъ къ производству строеній». [1])

Изданію этого положенія предшествовалъ указъ 27 сентября того же года [2]), которымъ повелѣно было тѣхъ милиціонныхъ ратниковъ, которые окажутся неспособными служить въ полкахъ, батальонахъ, губернскихъ ротахъ и мѣстныхъ войскихъ командахъ, распредѣлять по крѣпостямъ для производства въ нихъ работъ.

Эти ратники, по вступленіи въ крѣпости, получали названіе «военныхъ рабочихъ». Они состояли въ вѣдѣніи Инженернаго Департамента, получали за работу деньги, какъ нижніе чины въ полкахъ, и были подчинены Комендантамъ и Начальникамъ гарнизона.

Положеніе предписывало слѣдующее: «На попеченіе командировъ.... возлагается наблюдать, чтобы военные рабочіе употребляемы были инженернымъ вѣдомствомъ къ работамъ и строеніямъ точно такъ, какъ употребляются командируемые для сего изъ полковъ, не назначая имъ оныхъ превыше силъ и не возлагая такихъ тяжкихъ, какія исправляются ссыльными [3])».

---

[1]) П. С. З., № 22. 696.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, пунктъ 10.

Этотъ пунктъ положенія представляетъ собою значительную цѣнность для объясненія многихъ явленій въ организаціи ссылки для военно-служащихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вводя въ крѣпости непреступный элементъ, государство, съ одной стороны, утверждаетъ принципъ предшествующаго столѣтія для организаціи мѣстъ ссылки: нужда въ рабочихъ рукахъ, съ другой—посылаетъ ратниковъ въ тѣ же самые пункты, гдѣ сосредоточивается преступный элементъ общества. Кромѣ того, чтобы создать извѣстную границу между тѣми и другими относительно положенія и обязанностей, правительство предписываетъ считать ихъ нижними чинами, назначенными для производства менѣе тягостныхъ работъ.

Итакъ, крѣпость должна была заключать въ себѣ: преступниковъ—общихъ и военныхъ, несостоятельныхъ должниковъ, нижнихъ чиновъ и военныхъ рабочихъ.

Но дѣло этимъ далеко еще не завершилось: въ 1816 году 2-го мая издается Высочайше утвержденное положеніе объ учрежденіи въ Москвѣ, въ вѣдомствѣ Комиссіи Строеній, двухъ военно-рабочихъ батальоновъ [1]), въ томъ же году 20-го іюля утверждается журналъ комитета по устройству дорожной части объ устройствѣ рабочихъ бригадъ по государственнымъ дорогамъ [2]), и наконецъ въ 1818 году, 21-го августа, издается Положеніе о военно-рабочихъ ротахъ для Инженернаго Корпуса [3]).

Это послѣднее предписывало образовать 36 военно-рабочихъ ротъ [4]), вмѣсто имѣвшихся до этого времени въ вѣдѣніи Инженернаго Департамента мастеровыхъ, военно-рабочихъ и фурлейтъ. Рота составлялась изъ мастеровыхъ и рабочихъ. На укомплектованіе роть предназначались: всѣ состоявшіе къ тому времени мастеровые и военно-рабочіе; что касается ежегоднаго комплектованія убыли въ ротахъ, то оно производилось людьми саперныхъ и піонерныхъ батальоновъ, а также и тѣми изъ крѣпостныхъ арестантовъ, которые должны были удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) быть благонадежными въ поведеніи, 2) имѣть «нестарые годы» и 3) находиться въ крѣпости въ качествѣ арестанта, наказаннаго не по суду.

---

[1]) П. С. З. № 26. 252.
[2]) П. С. З. № 26. 361.
[3]) П. С. З. № 27. 491. Кромѣ того, см. П. С. З. №№ 22.879, 23.490, 23.506, 23.670, 24.032, 24.176, 26.730. 27.435 и 27.491.
[4]) Въ 1820 году 29 апрѣля образовано еще 2 роты при Тульскомъ оружейномъ заводѣ. П. С. З. № 28.262.

Послѣднее требованіе объясняется тѣмъ, что правительство, желая улучшить положеніе арестантовъ, отданныхъ въ крѣпости на основаніи дисциплинарнаго постановленія начальства (за побѣгъ въ первый разъ, пьянство, отлучки и т. д.), вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовало цѣли уголовной политики, заставляя заключеннаго «исправить свое поведеніе».

Положеніе совершенно умалчивало о характерѣ работъ для бывшихъ арестантовъ, изъ чего можно заключить, что они исполняли тѣ же работы, какъ и другіе нижніе чины, и ничѣмъ не отличались отъ нихъ по своему положенію.

Такимъ образомъ, положеніе 1818 года, уничтожая фактически прежнихъ военныхъ-рабочихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вносило извѣстную ясность въ порядокъ организаціи государственныхъ работъ.

Однако, нужда въ рабочихъ рукахъ продолжала ощущаться сильнѣе съ каждымъ днемъ. Въ виду этого правительство рѣшается нарушить положеніе 1818 года и, главнымъ образомъ, ограниченіе относительно военныхъ арестантовъ.

Мѣры, принятыя административною властью, получили законодательное утвержденіе уже въ царствованіе Императора Николая I-го, когда Высочайше было разрѣшено «на всегда» принимать такія мѣры, которыя клонились къ наилучшей организаціи военно-рабочихъ ротъ [1]).

Въ 20-хъ годахъ, вслѣдъ за изданіемъ Положенія, инспекторъ инженернаго корпуса въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ даетъ свое разрѣшеніе принимать на укомплектованіе военно-рабочихъ роть арестантовъ изъ крѣпостей, безъ ограниченія, указаннаго въ Положеніи, и между прочимъ изъ бродягъ, отданныхъ въ крѣпостную работу [2]).

Затѣмъ, съ усиленіемъ нужды въ рабочихъ и за неукомплектованіемъ рабочихъ роть, разрѣшается временно принимать въ роты бродягъ, находящихся въ работѣ менѣе года или о коихъ еще не имѣется дѣйствительныхъ справокъ объ ихъ личности; кромѣ того, принимались также и бродяги, объявившіе себя иностранными выходцами и т. д.

Наконецъ, правительство рѣшается дозволить пріемъ въ рабочія роты и такихъ лицъ, которыя имѣютъ возрастъ свыше 40 лѣтъ, но еще годны къ службѣ.

---

[1]) См. отношеніе Начальника Главнаго Штаба отъ 15 января 1828 года, № 475.

[2]) Тамъ же.

Кромѣ того—и это самое важное—на укомплектованіе ротъ было разрѣшено допускать и крѣпостныхъ арестантовъ, поступившихъ въ крѣпости, хотя бы и по суду, но на срочное время, а также и такихъ арестантовъ, которые были до этого болѣе трехъ разъ въ побѣгахъ и болѣе двухъ разъ наказаны шпицрутенами.

Отсюда уже недалеко было указать на рабочія роты, какъ на такой пунктъ, гдѣ должны сосредоточиваться преступники изъ военно-служащихъ, отбывшіе наказаніе ранѣе вступленія ихъ обратно въ части войскъ.

Не менѣе интереснымъ представляется и то обстоятельство, что назначеніе арестантовъ въ роты производилось по выбору командировъ инженерныхъ командъ или окружныхъ командировъ вмѣстѣ съ медицинскими чиновниками и комендантомъ.

Такимъ образомъ, была установлена связь между крѣпостными работами и рабочими ротами.

Вмѣстѣ съ этимъ по необходимости должно было подвергнуться измѣненіямъ и положеніе крѣпостныхъ арестантовъ. Въ самомъ дѣлѣ, смѣшеніе въ одномъ мѣстѣ военныхъ и общихъ арестантовъ не могло не отзываться дурно на положеніи военно-тюремнаго дѣла. Мнѣніе, что крѣпости въ первой четверти XIX столѣтія были школами разврата и преступленія, заслуживаетъ полнаго вѣроятія. Къ тому же необходимо имѣть въ виду, что военно-срочные арестанты не исключались изъ военнаго вѣдомства и, возвращаясь изъ крѣпостныхъ работъ, несли съ собою растлѣвающее вліяніе и въ части войскъ.

Такимъ образомъ, сама организація крѣпостныхъ работъ, въ которыхъ государство продолжало нуждаться, взывала къ необходимости своей реорганизаціи.

ПОЛОЖЕНІЕ О КРѢПОСТНЫХЪ АРЕСТАНТАХЪ.

Новое положеніе о крѣпостныхъ арестантахъ, по представленію генералъ-инспектора по инженерной части, было утверждено Императоромъ 3 іюня 1823 года [1]).

Это положеніе является первымъ законодательнымъ актомъ, установившимъ болѣе или менѣе цѣлесообразныя начала военно-тюремнаго дѣла въ Россіи. Въ виду этого мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Положеніе сначала образовываетъ арестантскія роты въ двухъ пунк-

---

[1]) См. Арх. Гл. В.-Суд. Упр. Дѣло о нижнихъ чинахъ изъ дворянъ, томъ 3.

тахъ: Динабургѣ и Бобруйскѣ, куда раньше стекалось обыкновенно наболѣе значительное количество арестантовъ.

Такимъ образомъ, создается всего 15 ротъ: семь изъ нихъ — въ Динабургѣ и восемь -въ Бобруйскѣ; эти роты получаютъ оффиціальное названіе «крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ».

Въ составъ каждой роты входили слѣдующіе чины: къ постоянному составу принадлежали: командующій ротою въ штабъ- или оберъ-офицерскомъ чинѣ и три младшихъ офицера, нижніе чины: 1 фельдфебель, 16 унтеръ-офицеровъ и 1 барабанщикъ. Перемѣнный составъ — арестанты — полагался по штату каждой роты въ числѣ 120 человѣкъ.

Постоянный составъ могъ быть увеличиваемъ: положеніе указывало что «въ случаѣ, если бы число арестантовъ потребовало умноженія унтеръ-офицеровъ, оные прикомандировываются изъ служащихъ или неслужащихъ инвалидовъ».

Изъ изложеннаго видно, что арестантскимъ ротамъ была придана совершенно военная организація, въ общихъ чертахъ сходная съ организаціей современныхъ строевыхъ ротъ въ пѣхотѣ.

Постоянные чины арестантскихъ ротъ получали отъ казны прежнее жалованье по ихъ окладамъ. Офицеры и нижніе чины носили мундиръ служащихъ инвалидовъ: имъ были присвоены трости, которыя они должны были носить во время отправленія службы. Какъ говорило Положеніе, офицеры «въ рукѣ имѣютъ тростниковую трость съ костяною головкою», фельдфебели также имѣютъ трость тростниковую, а унтеръ-офицеры - обыкновенную.

Арестанты были разсчитаны на отдѣленія, во главѣ которыхъ стояли унтеръ-офицеры. Отдѣленія составлялись изъ 8, 10 или 12-ти человѣкъ.

Подраздѣленіе на строевую секцію — «отдѣленіе» — преслѣдовало вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣли классификаціи заключенныхъ; «въ отдѣленіе подбирались люди равному приговору осужденію». Такимъ образомъ, составъ каждаго изъ отдѣленій могъ измѣняться, но въ предѣлахъ 8 — 12 человѣкъ; свыше этого числа отдѣленія не могли быть.

Осужденные въ военно-арестантскія роты къ крѣпостной работѣ на срокъ составляютъ первыя отдѣленія по старшинству, или первый разрядъ.

Второй разрядъ составляется изъ бродягъ или бѣглыхъ военнаго вѣдомства, «кои за справками остаются въ крѣпостныхъ арестантахъ».

Всѣ такъ называемые вѣчные арестанты [1]) поступали въ одну роту; число арестантовъ въ этой ротѣ не ограничивалось.

Арестанты этой категоріи дѣлились также на отдѣленія, но для классификаціи ихъ Положеніе выставляло другой критерій — знаніе мастерства; впрочемъ Положеніе заявляло также, что арестанты «дѣлятся по мастерствамъ, къ коимъ пріучены или пріучаются». Отсюда видно, что въ случаѣ незнанія какого-либо мастерства, вѣчный арестантъ могъ попасть «для пріученія» въ любое отдѣленіе. Въ ротахъ, благодаря этому, могло явиться нѣсколько отдѣленій, производившихъ одинаковыя работы.

Всѣ приговоренные къ срочному заключенію поступали въ другую роту и составляли отдѣленія, въ зависимости отъ свойствъ приговоровъ и знанія ремеслъ.

Что касается бродягъ, то таковые подраздѣлялись на столько ротъ, «сколько по числу придется»,—отъ 100 до 140 человѣкъ въ ротѣ.

Раздѣленіе бродягъ на отдѣленія зависѣло отъ двухъ причинъ: отъ числа лѣтъ и «подозрѣнія, на нихъ лежащаго». Послѣдній критерій не объясненъ Положеніемъ и мы затрудняемся сказать что-либо о немъ опредѣленное: однако можно предположить, что этотъ признакъ не игралъ существенной роли, такъ какъ онъ упоминается въ Положеніи какъ бы случайно.

По всей вѣроятности, Положеніе подразумѣвало подъ этимъ терминомъ дѣленіе бродягъ на такихъ, личность которыхъ еще не подтверждена справками, и такихъ, о которыхъ еще не сдѣлано надлежащихъ публикацій.

«Самые молодые арестанты»—моложе 30 лѣтъ—образовывали самостоятельную роту и дѣлились здѣсь на отдѣленія также по лѣтамъ.

РЕЖИМЪ.

Положеніе предписывало арестантовъ всѣхъ вообще отдѣленій и ротъ «подчинить строжайшей военной дисциплинѣ»; имъ не разрѣшалось носить никакой другой одежды, кромѣ выданной имъ по положенію; содержать арестантовъ предписывалось въ наилучшей чистотѣ; наблюдать, чтобы они были острижены, вымыты и выбриты, «какъ бы находились на службѣ».

Положеніе 1823 года, въ цѣляхъ охраны благочинія среди арестантовъ, требовало соблюденія цѣлаго ряда условій; такъ, напримѣръ, оно говорило: «къ какой бы работѣ ни были назначены арестанты, они не должны никогда выходить изъ тюрьмы и идти въ безпорядкѣ».

---

[1]) Сосланные безсрочно; см. ниже стр. 36.

Передъ выходомъ арестантовъ изъ тюрьмы барабанщикъ билъ въ ротѣ «сборъ».

По этому сигналу, арестанты выходили и строились въ своихъ отдѣленіяхъ по строевому уставу.

Послѣ этого производилась перекличка. По окончаніи ея арестантовъ вели на работы «въ полномъ порядкѣ», причемъ передъ каждымъ отдѣленіемъ шелъ унтеръ-офицеръ. Всѣ движенія «производились обыкновенными командными словами».

По окончаніи работъ, вторично били сборъ; арестанты строились прежнимъ порядкомъ, и съ соблюденіемъ вышеуказанныхъ условій возвращались въ тюрьму.

Исключая ротнаго командира, всѣ остальные офицеры постояннаго состава роты водили арестантовъ на работы поочередно.

Работы производились «цѣлый день», къ вечеру арестанты приводились въ тюрьму для наблюденія порядка и присмотра.

Изъ этого видно, что работы цѣлыми ротами лежали только на тѣхъ арестантахъ, которые не знали какого либо мастерства. Въ ротахъ же мастеровыхъ арестанты дробились на у ч а с т к и: за каждымъ изъ участковъ наблюдалъ унтеръ офицеръ; офицеръ обязанъ былъ «лично удостовѣряться», достаточно ли за ними присматриваютъ.

Въ помощь администраціи арестантскихъ ротъ отъ крѣпостного гарнизона назначался конвой, при чемъ на обязанность командира возлагалось наблюденіе за тѣмъ, чтобы «сей нарядъ былъ достаточнымъ для безопасности».

Во избѣжаніе возможности подкупа, Положеніе воспрещало арестантамъ имѣть на рукахъ какія-либо деньги и предписывало слѣдить, чтобы они не получали ихъ и со стороны.

Этими данными исчерпывается содержаніе Положенія въ отношеніи нижнихъ чиновъ.

Кромѣ того, оно содержало въ себѣ правила относительно офицеровъ, разжалованныхъ по суду. Здѣсь Положеніе устанавливало, во 1-хъ, что «лишенные чиновъ офицеры должны быть одѣты и содержимы безъ всякаго различія отъ прочихъ арестантовъ»; во 2-хъ, что они поступаютъ въ такія отдѣленія, «коимъ принадлежатъ по учиненному надъ ними приговору», т. е. въ зависимости отъ свойствъ совершеннаго ими нарушенія и назначеннаго имъ наказанія; въ 3-хъ, что разжалованные были лишены права и имѣть чернила, бумагу, перья, книги и т. п. Въ этомъ послѣднемъ уже

сказывается полицейская цѣль, опасеніе возможнаго нарушенія тюремнаго порядка. Наконецъ, Положеніе содержало въ себѣ и другое ограниченіе, которое, какъ кажется, относилось исключительно къ разжалованнымъ изъ офицеровъ арестантамъ: имъ воспрещалось давать «ножи и всякій инструментъ»... «когда починка ихъ платья или обуви требуетъ отпуска иголъ, шила и проч., то опое отпускается единственно для означеннаго употребленія и по миновапіи надобности тотчасъ же отбирается назадъ».

Изъ административныхъ постановленій Положенія укажемъ на слѣдующія:

Арестантскія роты состоятъ «въ полной зависимости» крѣпостного коменданта, который обязанъ былъ отвѣчать «за строгое наблюденіе правилъ, существующихъ на содержаніе и присмотръ за арестантами».

Одежда для арестантовъ получалась отъ коммиссаріата; комендантъ наблюдалъ за исправностью ея и за правильностью обмундированія по утвержденной формѣ; ротные командиры въ этомъ отношеніи являлись для него «настоящими помощниками».

Суммя на жалованье всѣхъ чиновъ роты отпускались въ распоряженіе ротныхъ командировъ; расходъ и употребленіе этой суммы возлагался на его отвѣтственность, подъ наблюденіемъ коменданта.

Въ качествѣ средствъ, могущихъ улучшить содержаніе заключенныхъ, Положеніе разрѣшало выставлять въ гарнизонной церкви кружку для подаяній, за печатью коменданта. Кружечный сборъ предназначался на улучшеніе пищи для арестантовъ, но за личнымъ присмотромъ самого коменданта.

«Наистрожайше» запрещалось назначать крѣпостныхъ арестантовъ на какія-либо другія работы, кромѣ крѣпостныхъ, а особенно «на исправленіе частныхъ или партикулярныхъ работъ и порученій».

За всякій безпорядокъ или отступленіе отъ инструкціи отвѣчалъ комендантъ и ротный командиръ.

Постоянный составъ роты заключалъ въ себѣ офицеровъ, выбранныхъ «со всевозможныхъ тщаніемъ» изъ корпуса внутренней стражи, и нижнихъ чиновъ изъ «служащихъ инвалидовъ отличнаго поведенія».

Таково было содержаніе Положенія.

Однако, вскорѣ послѣ его появленія,—хотя уже въ царствованіе Императора Николая I, издается новое правило, поясняющее и дополняю-

щее самое Положеніе: сущность новаго правила состоитъ въ слѣдующемъ [1]):

ВѢЧНЫЕ АРЕСТАНТЫ.

Такъ какъ главный контингентъ крѣпостныхъ арестантовъ составлялся изъ нижнихъ чиновъ, отданныхъ въ работы за прежніе побѣги для исправленія, при чемъ часто бывали случаи новыхъ побѣговъ изъ арестантскихъ ротъ, то, съ цѣлью пресѣченія такихъ случаевъ, начальникъ штаба инженерныхъ войскъ вошелъ съ представленіемъ, которое и было утверждено. Согласно этому было постановлено, что коменданты рѣшаютъ непосредственно и самостоятельно дѣла о побѣгахъ арестантовъ, причемъ они, послѣ тѣлеснаго наказанія виновныхъ, зачисляютъ ихъ въ разрядъ вѣчныхъ арестантовъ.

Изъ этого можно видѣть, что указанное правило было распространено на рабочія и арестантскія роты, такъ какъ къ лицамъ, бѣжавшимъ послѣ отбытія наказанія въ арестантскихъ ротахъ и нахожденія въ рабочихъ ротахъ, примѣнялось одно и то же правило.

Эти вѣчные арестанты содержались закованными и отправляли службу и работы также въ оковахъ.

Впослѣдствіи (въ томъ же 1830 году) было издано Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго въ разрядъ всегданныхъ арестантовъ съ закованіемъ было предписано отдавать и тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые, «будучи отправлены, по конфирмаціямъ начальства, въ крѣпостную работу на срокъ, прежде окончанія сихъ сроковъ, по особой милости Его Величества, были обращены на службу въ пѣхотные полки.., и не возчувствовавъ сей милости, вновь сдѣлаютъ побѣги».

Такимъ образомъ, Положеніе 1823 года является первою ступенью въ дѣлѣ цѣлесообразнаго устройства военно-тюремнаго заключенія. Само собою разумѣется, оно имѣло слишкомъ много отрицательныхъ сторонъ, чтобы оказать рѣшительное вліяніе на все послѣдующее законодательство, тѣмъ не менѣе значеніе его весьма важно и только со времени его изданія является возможность говорить о самостоятельномъ видѣ военно-тюремнаго заключенія.

Что касается заключенія для офицеровъ, то, какъ и въ предшествующую эпоху, оно не пользуется большимъ распространеніемъ: конфирмаціи

---

[1]) См. Отчетъ Генералъ-Аудиторіата, 1830 г.

Императора стремятся ввести для офицеровъ, какъ наиболѣе цѣлесообразную мѣру, лишеніе служебныхъ правъ.

ЛИШЕНІЕ СВОБОДЫ ДЛЯ ОФИЦЕРОВЪ.

Однако въ 20-хъ годахъ появляется не менѣе важное указаніе на различіе тюремнаго заключенія по его тяжести для офицеровъ: Высочайшее повелѣніе 1824 года [1]) (мѣсяцъ и число—неизвѣстны) раздѣляетъ лишеніе свободы въ крѣпости на 3 самостоятельныя группы: 1) содержаніе въ крѣпости, 2) содержаніе въ казематахъ и 3) содержаніе на гауптвахтѣ.

Первая форма примѣнялась къ разжалованнымъ офицерамъ, которые присуждались вмѣстѣ съ тѣмъ къ крѣпостнымъ работамъ.

Вторая форма напоминала собою заточеніе, указанное въ Полевомъ Уложеніи, при чемъ заключенный, не подвергаясь работамъ и не лишаясь чиновъ и званія, отбывалъ лишь въ заключеніи назначенный ему срокъ лишенія свободы.

Наконецъ, третья форма наказанія была наиболѣе употребительною, при чемъ заключеніе отбывалось при караульныхъ помѣщеніяхъ въ крѣпостяхъ и не влекло за собою никакихъ ограниченій по службѣ.

УСТАВЪ О ССЫЛЬНЫХЪ

Изъ другихъ мѣръ, принятыхъ въ эпоху Александра I-го, необходимо отмѣтить нѣкоторыя изъ правилъ, установленныхъ уставомъ о ссыльныхъ 1822 года.

Такъ, напримѣръ, уставъ стремился провести извѣстную границу среди каторжныхъ, ссылаемыхъ изъ общества и изъ арміи. Для этого онъ создавалъ особый разрядъ каторжныхъ: дорожныхъ рабочихъ, куда выбирались самые лучшіе, здоровые и крѣпкіе люди, «за неважныя» вины посланные на каторгу. Со вступленіемъ въ этотъ разрядъ работникъ переставалъ быть «на ряду съ прочими ссыльными» и имѣлъ значеніе нестроевого военнорабочаго, получая, по истеченіи 5-ти лѣтъ хорошаго поведенія и трудолюбивой жизни, право быть водвореннымъ въ званіи государственнаго крестьянина.

Наконецъ, по отношенію къ тѣмъ изъ военно-служащихъ, которые отправлялись въ каторгу безъ исключенія изъ военнаго вѣдомства, уставъ 1822 года предписывалъ направлять ихъ, по окончаніи срока каторги, къ военному начальству, которое и распоряжалось ими по своему усмотрѣнію.

Этими немногими данными исчерпывается все, имѣющее отношеніе къ военно-тюремной части въ царствованіе Александра I-го.

---

[1]) Отчетъ Аудиторіатскаго Департамента 1824 г.

ВЫВОДЫ.

Такимъ образомъ, подводя итоги всему вышесказанному, можно придти къ заключенію, что эпоха Александра I-го оказалась наиболѣе плодотворной въ дѣлѣ организаціи лишенія свободы, какъ воинскаго наказанія.

Съ одной стороны, законодатель указалъ на необходимость разграниченія видовъ лишенія свободы для офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Съ другой стороны, воинское лишеніе свободы рѣзко отдѣляется отъ общаго: крѣпостнымъ арестантамъ придается извѣстная организація, соотвѣтствующая строевой, работы производятся исключительно въ цѣляхъ военныхъ и сами арестанты, подчиняясь «строжайшей военной дисциплинѣ», должны стремиться къ «исправленію» своего поведенія.

Изъ этого видно, что вмѣстѣ съ реорганизаціей мѣстъ военнаго заключенія измѣнились и самыя цѣли наказанія: не отказываясь отъ пользы въ интересахъ публичныхъ, государство стремится и къ достиженію пользы частной, пользы самого преступника.

А это послѣднее явилось, въ свою очередь, однимъ изъ дѣятельныхъ факторовъ, обнаружившихъ себя въ послѣдующую эпоху.

Кромѣ всего этого, необходимо отмѣтить оставшійся по наслѣдству отъ предшествующаго столѣтія взглядъ на лишеніе свободы, какъ на наказаніе, поражавшее исключительно свободу и не уничтожавшее правъ наказаннаго,— взглядъ, который еще долго продолжалъ жить въ нашемъ военно-уголовномъ законодательствѣ и въ послѣдующее время.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Описаніе тюремнаго двора.

Въ виду того, что ни въ одномъ изъ изслѣдованій по исторіи уголовнаго права въ наше время не имѣется какихъ-либо болѣе или менѣе обстоятельныхъ указаній на устройство этихъ дворовъ, мы считаемъ нелишнимъ привести дословно одинъ изъ документовъ, относящійся къ 1702 году, когда въ Азовѣ, при производствѣ оффиціальнаго описанія города, было составлено наиболѣе подробное описаніе тюремнаго двора.

Вотъ этотъ документъ (Арх. М. М. Дѣла Пр. В. М. Флота, № 25, л. 1630—1635):

«По приказу Великаго Государя и по приказу думнаго дворянина и воеводы Степана Богдановича Логвинова съ товарищи, городничей Борисъ Лопухинъ тюремный дворъ въ длину и поперекъ и высоту мѣрилъ, а что по мѣрѣ явилось длинника и поперечника и высоты тюремному двору и что на тюремномъ дворѣ строеній и невольниковъ всякихъ чиновъ людей, и кандалъ, и желѣзъ, и каторжныхъ цепей, и то писано ниже сего.

Тюремный дворъ огороженъ острогомъ стоячимъ сосновымъ. Длинника ему 21 сажень съ полусаженей, поперечнику 16 сажень, высота три сажени.

На тюремномъ дворѣ калитка; у ней четыре кольца, желѣзныхъ двѣ цепи, желѣзныхъ восемь пробоевъ, у ней же замокъ висящей.

На тюремномъ дворѣ строенія изъ бударнаго лѣсу построены: 13 избъ ветхихъ.

Первая изба мѣрою длинника 2 сажени полтретей четверти, ширина 2 сажени 2 четверти безъ вершка.

Другая изба длинника 2 сажени три четверти; ширина—2 сажени полтретей четверти.

Третья изба длинника 2 сажени 6 вершковъ, поперечнику 2 сажени съ вершкомъ.

Четвертая изба длинника 2 сажени 6 четвертей съ вершкомъ, ширина тожъ.

Пятая изба длиннику 2 сажени 5 четвертей два вершка, ширина 2 сажени съ четвертью.

Шестая изба длиннику 2 сажени 6 вершковъ, ширина тожъ.

Седьмая изба длиннику 2 сажени три четверти, ширина 2 сажени 6 вершковъ.

Восьмая изба длиннику 2 сажени три четверти, ширина двѣ сажени два вершка.

Девятая изба длиннику 2 сажени 6 четвертей два вершка, ширина 2 сажени 2 четверти 2 вершка.

Десятая изба длиннику 2 сажени 2 четверти 2 вершка, ширина тожъ.

Одиннадцатая изба длиннику 2 сажени 5 четвертей 2 вершка, ширина 2 сажени 6 четвертей.

Двѣнадцатая изба длиннику 2 сажени и 10 четвертей съ вершкомъ, ширина 2 сажени 6 четвертей.

Тринадцатая изба длиннику 2 сажени 5 четвертей 2 вершка, ширина 2 сажени 6 четвертей безъ вершка.

Противъ тюремнаго двора караульныя избы: первая длиннику 2 сажени съ четвертью и вершкомъ, ширина 1 сажень три четверти; вторая—сажень 5 четвертей, ширина—сажень полторы четверти; третья—длиннику полторы сажени, ширина тожъ.

А тѣ вышеписанныя избы на тюремномъ дворѣ и караульни крыты камышомъ.

На тюремномъ дворѣ кандалъ худыхъ и добрыхъ 165 кандалъ; въ томъ числѣ ломашныхъ 37 кандалъ.

Ножныхъ желѣзъ худыхъ и добрыхъ съ замками 12 желѣзъ.

Двѣ чепи долгихъ, что въ миръ ходятъ, и съ ошейниками; у нихъ четыре замка висящихъ.

Имена тюремнаго двора невольниковъ всякихъ чиновъ людей, которые сидятъ на тюремномъ дворѣ: разныхъ чиновъ люди—98 человѣкъ: малолѣтнихъ стрѣльцовъ 8 человѣкъ, турковъ и татаръ—10, шведовъ—51; да присланъ изъ приказныя палаты черкесъ; да по дѣламъ которые сидятъ на тюремномъ дворѣ полковника Аоанасьева, конной службы капитанъ Аоанасій Смирновъ, рядовые казаки—8, стрѣлецъ—1, дворянинъ—1, стрѣлецъ—1, казакъ—1, казакъ—1, солдатъ—1, солдатъ—1, крестьянинъ—1, солдатъ—1, солдатъ—1, полковые капралы—2, малолѣтній каторжный—1, матросъ—1, солдатъ—4.

Да по записямъ, которые свобождены съ тюремнаго двора разныхъ чиновъ люди: 18 человѣкъ, малолѣтніе стрѣльцы—6 чел., шведы—13 человѣкъ».

II.

Петербургскій полицеймейстеръ Девьеръ по одному частному поводу написалъ графу Апраксину письмо, изъ котораго можно видѣть очень многое, относящееся и къ управленію, и къ быту арестантовъ того времени.

Въ письмѣ этомъ между прочимъ говорилось слѣдующее:

«Въ канцелярію полицеймейстерскихъ дѣлъ въ поданныхъ доношеніяхъ майора Рыкунова написано: на каторжный дворъ въ казармы каторжнымъ невольникамъ и шведскимъ арестантамъ для возки дровъ въ зимнее время давалось съ адмиралтейскаго конюшеннаго двора по 5 лошадей въ день. И прошедшаго 718 года января 28 дня въ письмѣ изъ Адмиралтейской канцеляріи за рукою ландрата Кушелева ко оному майору писано: повелѣно прислать въ Адмиралтейскую канцелярію вѣдѣніе, коликое число надобно на каторжномъ дворѣ шведскимъ арестантамъ въ казармы дровъ въ годъ? И того-жъ числа на оное письмо въ оную канцелярію отъ него отвѣтствовано:

На каторжный и арестантскій дворы надобно въ годъ дровъ: въ зимнее время октября съ 1-го апрѣля по 1-е число, итого на 6 мѣсяцевъ, по 22 сажени на мѣсяцъ, итого 132 сажени, да въ лѣтнее время въ больницы и для печенья хлѣбовъ противъ зимняго на 6 мѣсяцевъ третью часть—44 сажени, итого 176 саженей.

И противъ того и во отвѣтствованіе оныхъ дровъ и по се число на каторжной дворъ не отпущаютъ, также и лошадей противъ прежнихъ годовъ съ конюшеннаго адмиралтейскаго двора не отпущаютъ же, въ чемъ шведскіе арестанты и каторжные невольники имѣютъ не малую нужду, а наипаче въ больницахъ больные имѣютъ въ томъ отъ стужи, тягчал себѣ болѣзнь.

Такожде нынѣ при С.-Петербургскомъ Адмиралтействѣ на каторжномъ дворѣ каторжныхъ невольниковъ 517 человѣкъ и непрестанно изъ разныхъ канцелярій присылается вновь, а въ прошлыхъ годахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ присыловалось съ Москвы изъ разныхъ канцелярій въ каторжную работу по сту и полтораста и больше.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

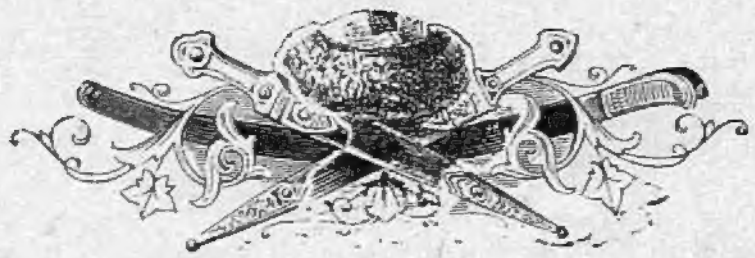
А нынѣ при каторжномъ дворѣ на лицо чепей съ кольцы и съ веретены только двадцать, и ежели противъ прежнихъ годовъ будетъ присылка съ Москвы и изъ другихъ канцелярій въ каторжную работу, толикое-жъ число невольниковъ и на оныхъ каторжныхъ чепей не достанетъ и вскорѣ взять будетъ негдѣ. Того ради дабы повелѣно сдѣлать на каторжной дворъ для сковки вновь присланныхъ невольниковъ 200 чепей съ кольцы и веретены, въ чемъ бы остановки не было и безъ работы люди напрасно не гуляли.

А на вышеописанномъ каторжномъ дворѣ ветхихъ 12 казармъ, въ которыхъ живутъ нынѣ каторжные невольники съ великою нуждою; въ томъ числѣ солдатскихъ караульныхъ казармъ двѣ и нынѣшнюю зиму въ оныхъ казармахъ каторжнымъ невольникамъ будетъ жить невозможно, понеже всѣ стоятъ на подпорахъ; потолки, и полы, и стѣны вонъ выпали и печи всѣ во время нынѣшнія осеннія большія воды размыло и испортило, о чемъ многократно подавано доношеніе, для того, что оныя казармы строены въ прошломъ 707 году на Васильевскомъ острову и оттуда снова перенесены въ 709 году, о чемъ Вашему Сіятельству напередъ его писано прошедшаго декабря 20-го дня 718 года, на которое по се число указу не имѣю.

Того ради прошу, дабы повелѣно было о вышепомянутомъ указъ учинить, понеже въ томъ есть каторжнымъ невольникамъ и шведскимъ арестантамъ, не токмо больнымъ, но и здоровымъ не малая нужда.

Арх. Мор. Мин., Дѣла гр. Апраксина, № 178, 1718, лл. 139—140.

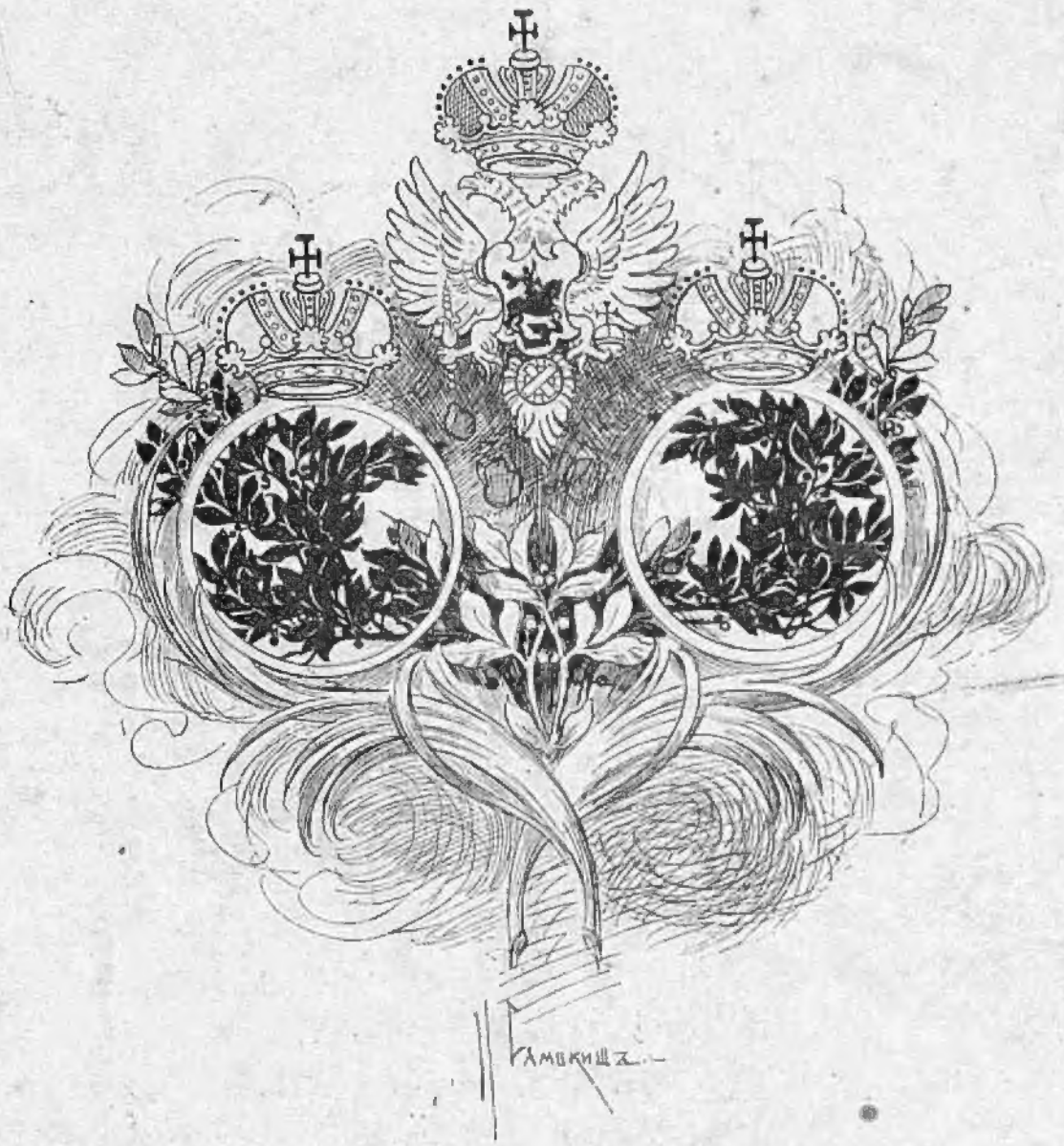
Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде



Оглавленіе

Историческаго Очерка Военно-Тюремной Части.

Введеніе.

ГЛАВА I. Московскій періодъ 1
ГЛАВА II. Петербургскій періодъ 7
ГЛАВА III. Царствованіе Имп. Александра I. 27

Приложенія.